

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 10 Февраля 1847 года.**

Ценсоръ *А. Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

МУРАВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1847.

Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЯ

МУРАВЬЕВА.

В И Д Ъ Н І Е.

Въ тотъ день, какъ солнцева горяща колесница,
Оставивъ область Льва, къ тебѣ, небесна Жница,
Стремится перейти въ прохладнѣйшій предѣлъ,
Какъ ратай точитъ серпъ и желтый класъ созрѣлъ,
Ужъ солнечны лучи вселенну освѣщали,
А надъ главой моей сны легкіе летали.
И вдругъ мнѣ видится прекрасная страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ прохладная весна:
Гдѣ извиваются между холмовъ долины,
И смотрятся въ водахъ высокихъ дровъ вершины.
Близъ роши зрѣлъ себя: лавровый лѣсъ то былъ,
Откуда старецъ мнѣ на-встрѣчу выходилъ,
Съ челомъ возвышеннымъ, съ горячими очами;
Въ рукѣ онъ свитокъ несъ. Свободными рѣчами

Съ симъ старцемъ я вступить дерзаю въ разговоръ:
«На сей священный холмъ взведи свой жадный
взоръ,»

Сказалъ онъ: «здѣсь живутъ тобою чтимы музы.
Доколѣ сопъ свои съ тебя не сниметъ узы,
Ты можешь въ тайное жилище ихъ войти.
Пойдемъ, мои слѣды потщися соблюсти.»

Съ благоговѣнїемъ я руки простираю
Ко старцу мудрому, и воздухъ осязаю.
«Ты видишь только тѣнь,» вѣщаетъ старецъ мнѣ:
«Со смертнымъ тѣломъ въ сей не можно жить
странѣ.»

И я былъ некогда во тлѣнномъ вашемъ свѣтѣ,
Царицы бодрья участвовалъ въ Совѣтѣ,
Ученьемъ услаждалъ труды гражданскихъ дѣлъ,
За то мнѣ былъ отвергтъ по смерти сей предѣлъ.
Ты мѣсть сихъ насладись видѣнїемъ мгновеннымъ.»
Вѣщая такъ, пришлн къ предѣламъ сокровеннымъ,
Въ которыхъ страпетвуютъ тмы счастливыхъ
тѣней,

Что мирнымъ славилсь согласьемъ въ жизни сей.
Тамъ перазлучные Тибулъ съ Анакреономъ,
Тамъ сладкій Эсокритъ бесѣдуетъ съ Вїономъ:
Тамъ Саѳу мнѣ Лонгинъ указывалъ рукой.
(Такъ именуется путеводитель мой.)

Какъ пчель шумящїй рой, погодою прельщенный,
Собравшись на лужекъ, цвѣтами испещренный,
Летаетъ, сладкою добычью отягченъ,
Такъ зрится въ рощахъ сихъ нѣнтовъ сонмъ
стѣсненъ.

Стезю тайною приближась, мы узрѣли

Великолѣпный храмъ. Коринтски капители
Высокій съ легкостью поддерживали кровъ.
Изображенія пітовъ межъ столбовъ
Служили красотой пространныхъ переходовъ.
Здѣсь, вождь мой говорилъ, пінты всѣхъ народовъ.
Всѣ современники, верховные умы,
И новыхъ съ древними не знаемъ распри мы.
Расиновъ образъ здѣсь зришь возлѣ Эврипида,
Съ Эхиломъ Шекеспиръ неправильнаго вида,
Истолкователь мой со мною Буало.
И Попа къ намъ въ союзъ безсмертье привело.
Тѣ, кои въ жизнь свою внушались Аполлономъ,
Всѣ удостоены симъ общимъ Пантеономъ:
И часто музы зрѣть приходятъ ихъ черты,
Сбирая для вѣнцовъ имъ свѣжіе цвѣты.
Бесѣдуя, вошли во внутренность мы храма,
Гдѣ разносилися куренья ѳиміама,
Который на огнѣ священномъ нимфа жгла
И лаврами руки богини обвила
Алтарь священный твой, даровъ податель Геній!
Четыре лика вокругъ со тьмой изображеній.
По правой сторонѣ твой ликъ былъ изваянъ,
Божественный пѣвецъ Ахеевъ, и Троянъ,
Мелесовъ сынъ, Гомеръ, сіяющъ красотою,
Не связанъ взоръ его тѣлесной слѣпотою.
Какъ пламень, сильный даръ и слово, какъ рѣка.
Въ подножіи его изъ адаманта дска,
Въ которой Ахиллесъ является съ раскату
И взоръ его побѣгъ влагаетъ сопостату.
Въ глубоку ночь Пріамъ приходитъ сокрушенъ
Ту руку лобызать, которой сынъ сраженъ.

Насупротивъ сего величественна лика
 Мароновъ ликъ стоитъ: почтенья полнъ велика.
 Онъ внемлетъ, кажется, Гомеровы уста.
 Одушевляетъ взоръ небесна красота.
 Сей вкусъ приличности, любезная стыдливость
 И Августовыхъ дней сіянье и учтивость.
 Внизу на дскѣ златой пылаетъ Иліонъ,
 Энеевъ зрѣтъ побѣгъ Дидона рушитъ сонъ,
 И тѣни сильныя, днесь тихи, послѣ громки,
 Анхизовъ слышатъ гласъ Энеевы потомки.
 Съ Гомеровою страны, на третіей чредѣ,
 Четыре лебедя, Олимпа посредѣ,
 Торжественную вверхъ вносили колесницу,
 Въ ней Пиндаръ превышалъ всходящую денницу.
 Когда героевъ онъ хвалами восхищалъ,
 Премудрости училъ, гордиться воспрещалъ.
 Противу Пиндара являлся Пиндаръ Россовъ,
 Краса отечества, бессмертный Ломоносовъ,
 Превыше облаковъ, скорѣй летящихъ стрѣлъ
 Со молніей въ когтяхъ, взвивался съ нимъ орелъ
 И лился гласъ рѣкой съ верховъ Рифейскихъ
 снѣжныхъ.
 Въ щитѣ представленъ Петръ среди стрѣльцовъ
 мятежныхъ,
 Въ поляхъ, моряхъ герой и первый изъ Царей.
 Видѣньемъ наслаждаясь чудесныхъ сихъ вещей,
 Мой слухъ ко пѣнью музъ, казалось, отверзался:
 Уже въ святилище вступить я покушался,
 Какъ вдругъ: «Остановись!» сказалъ мнѣ Аполлонъ,
 Сказалъ, и храмъ исчезъ, а съ нимъ и дивный сонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

(1773.)

Младые войны! сберитесь
На сродный вамъ военный гласъ,
И болѣ славою возгоритесь:
Не для другихъ пою, для васъ.
Для васъ я лиру восхищаю
И въ дерзкихъ мысляхъ обращаю
Петра Великаго дѣла.
Онъ міръ наполнилъ громкой славою.
Мужайтесь, зрите подъ Полтавою
Паренье Росскаго орла.

Ахъ! какъ мнѣ пѣть дѣла Петровы?
О нихъ я мало бы гремѣлъ,
Когда бъ мой гласъ былъ гласъ громовый
И грудь я мѣдяну имѣлъ,
Мнѣ скудны силы препинаютъ,
Но музы гласомъ ободряютъ,
Велятъ на лирѣ пѣть Петра.
Отецъ Россійскаго народа!
Прости, что дерзостна свобода
Къ вѣщанью дѣлъ Твоихъ скоро.

Царей со знаменемъ Россійскихъ
Се ново войско, новый флотъ;

Нева несеть до волнь Балтійскихъ
 Враговъ разметанный оплотъ;
 Надменный Ругодевъ трепещеть;
 И только мечъ Петровъ возблещеть —
 Пылають мстительны огни!
 Безъ пользы въ Россіе предѣлы
 Препоситъ Карлъ громовы стрѣлы; —
 Погасли предъ Петромъ они.

Петра мнилъ Карлъ Дванадесятый
 Навѣтомъ хитрымъ. одолѣть.
 Отринуть умысль предпріятый:
 Оцъ палъ, въ свою уловленъ сѣть.
 Напрасно льститъ Ему Мазепа:
 Уже пылаеть брань свирѣпа
 Передъ Полтавскою стѣной.
 Въ полки полки тамъ ударяють
 И мѣдны жерла огонь рыгають,
 Сокрылся въ дымѣ свѣтъ дневной.

Катятся смертоносны звуки
 По облаку багровой мглы,
 И Марсъ простеръ кровавы руки;
 Несутся паки съ Нимъ орлы.
 Зіяеть смерть, земля багрѣеть,
 Отсвѣтомъ небо пламенѣеть,
 И стономъ богатится адъ.
 Герой удары направляетъ,
 Побѣду къ Россамъ преклоняетъ
 Его величественный взглядъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

О, день, навѣки незабвенной,
Въ который гордый Готѣ упалъ!
Тверди, тверди во слухъ вселенной,
Что ковъ противныхъ Россамъ малъ;
Что жизнь и вольность тотъ положить,
Кто миръ священный востревожитъ
Твоихъ, Россія, тихихъ селъ;
Что крѣпокъ слою тоlikой,
Врага увидѣлъ Петръ Великой, —
И злобный врагъ оцѣпенѣлъ.

Кавказски холмы воскурились,
Стремится въ знойныхъ Петръ поляхъ.
Отъ слуха Персы устрашились
Въ Дербентскихъ жаждущихъ степяхъ,
Бѣлѣтъ Каспій подъ кормами;
Полки, водимые орлами,
Вошли въ желѣзныя врата.
Огромна тѣнь возникла Кира,
Когда другой владѣтель міра
Вступилъ въ знакомыя мѣста.

Пребудьте, славныя дѣянья!
Присутственны въ очахъ вождей,
И имъ отъ вашего сіянья
Своихъ доставьте часть лучей.
Герой! Ты днесъ творишь героевъ;
Зри, духъ Твой ихъ ведетъ средь боевъ,
Съ небесъ приинки на сыновъ:
Воззри на трудъ Екатерины,

Въ Архипелажскія пучины —
Гремитъ Твой флотъ среди валовъ.

Простеръ скиптродержавны руки
Монархъ къ претягостнымъ трудамъ,
И раздаются млатны звуки
По Зюйдерзейскимъ берегамъ.
Ты бѣ пѣть, Виргилій, устыдился,
Что флотъ Энеевъ превратился
Въ богинь, живущихъ подъ волной.
Твой Иды древомъ флотъ спасался;
Здѣсь Вѣнценосецъ не гнушался
Священной строить флотъ рукой.

Великъ былъ ПЕТРЪ на ратномъ полѣ,
Великъ былъ ПЕТРЪ въ морскихъ волнахъ:
Какъ царь, сѣдящій на престолѣ,
Иль какъ мудрецъ въ чужихъ странахъ.
Ему въ побѣдахъ славы мало;
Его понятие обнимало
Всѣ пужды царствъ, весь долгъ Царя.
Какъ Богъ, внушающій творенье,
Въ народъ Онъ свой вложилъ паренье,
Ко славѣ передъ нимъ паря.

О! какъ я счастливъ, что судилось
Гласить мнѣ воинамъ младымъ!
Что въ сердцѣ мнѣ давно твердилось,
Изрекъ я сверстникамъ моимъ.
Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дня желайте,

Какъ Павелъ съ нами загремитъ.
Онъ пойдетъ въ слѣдъ дѣламъ Петровымъ,
Когда велѣніемъ суровымъ
Война въ предѣлахъ закипитъ.

Пойдемъ и мы, какъ наши дѣды
На жатву славныхъ шли побѣдъ:
Предъ ними пали Персы, Шведы.
Падетъ предъ нами Персъ и Шведъ.
Не се ль съ путей своихъ склонились,
Въ предѣлахъ Росскихъ воскрутились,
Эвфратъ, и Ниль, и Эриданъ?
Востокъ и Западъ изумился:
Не паки ль съ Россомъ устремился,
Рекутъ, каратель Готскихъ странъ?

Э К Л О Г А .

(А. В. О. . . . ву.)

(1771 г.)

Пастушьи пренія впервые воспѣваю
И сельски божества со страхомъ призываю.
Помедли, Вологда, останови на часъ
Потокъ посѣшныхъ волнъ, чтобы свирѣли гласъ
Раздался, по твоимъ носясь струямъ прозрачнымъ,
И чтобъ живущія по рощамъ Нимфы злчнымъ,

Собравшія толпой ко берегу твоему,
 Внимали съ кротостью напѣву моему.
 Вы, юному пѣвцу, о Фавны, не мѣшайте
 И прочь съ Сатирами отсюда поспѣшайте,
 А ты, любитель рошь, владѣлецъ сихъ луговъ,
 Начальникъ и краса окрестныхъ пастуховъ,
 Будь юности моей совѣтникомъ и другомъ.
 Ты Музамъ жертвуешь и мудрости досугомъ.

Еще скрывалась тмой небесныя красы,
 Стада не сотрясли съ себя ночной росы,
 Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
 Искусны оба пѣть и въ пѣніи согласны,
 Съ горы высокой въ доль овечекъ повели
 На паству, гдѣ цвѣты весенни расцвѣли.
 Ужъ птички пробудясь, на вѣтвяхъ воспѣвали,
 И вѣтви, тихо ихъ качая, трепетали.
 Аврора бодрая оставила свой сонъ.
 Такъ Дафнисъ говорилъ, такъ послѣ Коридонъ:

ДАФНИСЪ.

Послушай, какъ вокругъ пѣвцовъ древесныхъ
хоры
 Соединились пѣть пришествіе Авроры.
 Почто и намъ молчать? Отверсть природы храмъ
 И дневный лучъ звѣзды играетъ на горамъ.
 Смотри, какъ ключъ здѣсь бьетъ, какъ далѣ въ
расширеньѣ
 Бѣжитъ изъ-подъ куста, гдѣ скрылъ свое рож-
денъе,
 Пріятность же потомъ на пользу премѣнявъ,

Стремится утолять струями жажду нивъ,
И въ рощу темную уходитъ прочь отселъ,
Журчаньемъ отвѣчать тоскливой Филомелъ.

КОРИДОНЪ.

Пой, Дафнисъ, между тѣмъ, какъ волъ оста-
вивъ лугъ,
По чернымъ глыбамъ нивъ влечетъ тяжелый плугъ,
Здѣсь близко скромная фіалка расцвѣтаетъ
И вѣтренный зефиръ надъ розою порхаетъ.
Чья лучше будетъ пѣснь, разсудитъ Палемонъ,
Свирѣли новыя испытывая тонъ.
Залогъ мой агнецъ сей, что стоя надъ волною,
Глядитъ на тѣнь свою, колеблему водою,
И ново небо зря и новые луга,
Желаетъ испытать раждающіе рога.

ДАФНИСЪ.

Изъ стада ничего закладывать не смѣю:
Я дома мачиху сердитую имѣю,
Которая овецъ считаетъ дважды въ день.
Вотъ чаша, коей край древесъ обходитъ сѣнь:
Подъ нею пастушекъ на травѣхъ протяженной
Оплакиваетъ гнѣвъ пастушки раздраженной.
На память Мелибей ее мнѣ подарилъ,
Когда со стадомъ прочь съ сей паствы уходилъ;
Не найдутъ ей хулы въ судѣ и самомъ строгомъ.
Ее, коль хочешь ты, даю своимъ залогомъ.

ПАЛЕМОНЪ.

Такъ пойте жъ, пастухи, сидя въ травѣ густой.
Теперь природа вся сіяетъ красотой,

Теперь цвѣтутъ древа, теперь весна золотая,
 Гласите, череду другъ съ другомъ соблюдая.
 Ты, Дафнисъ, зачинай, ты слѣдуй, Коридонъ:
 Таковъ обычай музъ, такъ любитъ Аполлонъ.

ДАФНИСЪ.

И ты былъ пастухомъ, Делійскій богъ прекрасной,
 И ты пастушкамъ въ слѣдъ стремишься мыслью стра-
 стной:

Любимымъ лавромъ я алтарь украшу твой,
 Коль равну пѣснь внушишь съ Дорисенной красой.

КОРИДОНЪ.

О ты, Паѳійскій богъ, ты, коимъ я страдаю!
 Къ внушенью твоему теперь я прибѣгаю.
 Я сердце въ даръ тебѣ, могущій, принесу,
 Когда поможешь пѣть Эглену красу.

ДАФНИСЪ.

Дориса сладостнѣй благоуханья розы,
 Бѣлѣ лиліи, и гибче юной лозы.
 И гнѣвъ и гнѣвительенъ, горя въ ея очахъ —
 Что жъ, если явится улыбка на устахъ?

КОРИДОНЪ.

Эглей тишиной дню майскому подобна,
 Невинна, какъ любовь, какъ агница, незлобна:
 Всѣ хитрости ея въ смиренной простотѣ;
 Мила собой — на что убранство красотѣ?

ДАФНИСЪ.

Недавно на лугу Дориса отдыхала.

Я къ ней приблизился, Дориса побѣжала:
Бѣжитъ; но на бѣгу ей хочется узнать,
Смотрю ли ей во слѣдъ, хочу ль ее догнать.

КОРИДОНЪ.

О, какъ со мной вчера Эглея говорила!
Ты, Нимфа горная, слова тѣ разносила,
И внемлющій Зефиръ красавицы словамъ
Ихъ на крилѣ своемъ переносилъ къ богамъ!

ДАФНИСЪ.

Здѣсь ясны воды бьютъ, усыпанъ лугъ цвѣтами,
Здѣсь пчель рои жужжатъ и холмъ покрытъ
стадами.

Дориса здѣсь живетъ: но прочь уйди она —
Луга завянутъ всѣ и замолчитъ волна.

КОРИДОНЪ.

Эглея съ паствы сей недавно отходила
Къ Эгону. Тягость лѣтъ Эгона удручила,
Онъ козъ своихъ пасетъ въ пустынѣ, на скалахъ;
Эглея подошла, — исчезъ пустыни страхъ.

ДАФНИСЪ.

Дориса каждый часъ является мнѣ новой,
Веселой, томною, лишь только бѣ не суровой!
Какъ зрѣлымъ дождь плодамъ, овечкамъ волчій
зѣвъ,
И мразы деревьямъ, такъ мнѣ Дорисинъ гнѣвъ.

КОРИДОНЪ.

Пока меня своимъ Эглея называетъ
И посохъ мой сама цвѣтами увиваетъ:

Не знаютъ овцы глазъ завистливыхъ вреда
И небо для меня безоблачно всегда.

ДАФНИСЪ.

Скажи, подъ кои ми то было небесами,
Что корабли неслись по сушѣ парусами
Съ вооруженными ко пристуну людьми?
Скажи миѣ, Коридонъ, и чашу ты возьми.

КОРИДОНЪ.

Ты, Дафнисъ, самъ скажи, гдѣ кротки, иѣжны
птицы,
Летающи впереди Падійской колесницы,
Огнь носятъ подъ крыломъ и сожигаютъ градъ?
Скажи миѣ: и тогда пусть будетъ твой закладъ.

ПАЛЕМОНЪ.

Не миѣ, о настухи, рѣшить межъ вами пренья.
Журчанья чистыхъ водъ пріятнѣй ваши пѣнья.
Прекрасно Дафниезъ пѣль, прекрасно Коридонъ;
Достоинъ агнца ты, достоинъ чаша онъ.
И счастливъ тотъ стократъ, кто часть имѣеть
вану.

Дай агнца Дафнису, дай Коридону чашу.
Ужъ солнце въ небесахъ высоко поднялось.
Вы пѣли, а межъ тѣмъ все стадо разошлось.

ЖРЕБІЙ ДЕКАРТОВЪ.

Декартъ, котораго премудрое сомнѣнье
Разрушило мечты, что разумъ сошлеталъ,

Отъ злобы убѣжать не могъ въ уединенье:
 Онъ въ хладномъ Сѣверѣ убѣжища искалъ.
 Но лишь воспринять былъ въ сообщество царицы,
 Желѣзной смерти сонъ сковалъ его зѣницы.

КЪ СЛАВНОМУ МОРЕХОДЦУ БЕРИНГУ.

Твой островъ ждалъ тебя, о, Берингъ! средь
 пучины,
 Когда ты раздѣлилъ двѣ Свѣта половины.
 Сердитый Океанъ шумитъ въ твоихъ ногахъ:
 Твоя огромна тѣнь ему наводитъ страхъ.

ИЗБРАНІЕ СТИХОТВОРЦА.

Природа склонности различныя вселяя,
 Одну имѣетъ цѣль, одинъ въ виду успѣхъ:
 По своему таланты раздѣляя,
 Пути разными ведетъ ко счастью всѣхъ.
 Гласъ трубный одному на брашномъ полѣ сроденъ,
 Побѣды шумной кликъ и побѣжденныхъ стоить;
 Другому сельскій кровъ и плугъ косою угодишь

И на берегу ручья невозмущенный сонъ.
 Я блескомъ обольщенъ прославившихся Россовъ;
 На лирѣ пробуждать хвалебный гласъ учусь,
 И за кормой твоей, отважный Ломоносовъ,
 Какъ малая ладья, въ свирѣпый Понтъ несусь.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Въ спокойствіи природы
 Луны пріятенъ свѣтъ,
 Когда молчатъ погоды
 И тучъ на небѣ вѣтъ.

Теперь утихли страсти,
 Движеніе людей:
 Душа одной лишь власти
 Покорствуетъ своей!

Прійди, въ сіи явленья
 Со мной перенесись,
 Эмили! Размышленья
 Мгновеньемъ насладись.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Прости, спокойный градъ, гдѣ дни мои молодые
 Подъ сѣнью родины сны красили златые!

Я твой мѣняю кровь на пышный Петрополь.
Но память мнѣ твою съ собой унести позволь,
Ахъ! память жизни сей, толь сладко проведенной
Съ нѣжнѣйшимъ изъ отцовъ, съ сестрою несра-
вненной.

Уже церквей твоихъ сокрылися главы,
О, Вологда! поля, лишеныя травы,
Являютъ сентября дыханіе сурово:
Но насъ повсюду ждетъ друзей свиданье ново.
Тебѣ обязанныхъ сердца, родитель мой!
И въ путешествіи сопутствуютъ съ тобой
Въ гостепріимный кровъ, кровъ сельскій пригла-
шаютъ

И старца сѣдины цвѣтами украшаютъ.
Затмила-было скорбь твои цвѣтущи дни,
Любезная сестра! но въ дружеской сѣни
Небесно здравіе съ тобою раземѣялось.
Пространство новое предъ нами разверзалось,
Гдѣ Угла быстрая приноситъ даръ Шекенѣ.
День цѣлый по ея неслись мы быстринѣ;
Тяжелы неводы влекутъ намъ рыболовы
И дымъ являетъ ихъ въ лѣсахъ таящисъ кровы.
Преходимъ, отъ валовъ теченье удаля,
Желѣзомъ Устюжскимъ усѣянны поля.
Ты принялъ насъ въ твоей сѣни благословенной,
Мужъ важный твердостью, родствомъ соединенной.
Ты, отъ волненія себя уединивъ,
Находишь счастье среди спокойныхъ нивъ.
Оттоль лежалъ нашъ путь по холмамъ каменистымъ,
Дающимъ въ нѣдрахъ ихъ озерамъ мѣсто чистымъ.
Сквозь темный сводъ лѣсовъ приходимъ въ тѣ мѣста,

Гдѣ льетъ полезный токъ величественна Мста.
Несчетной тмой судовъ ея покрыты брега,
Судовъ, къ Петрополю свои стремящихъ бѣги.
Тамъ къ брату своему въ объятія спѣшишь,
Родитель мой! и слезъ въ восторгѣ не щадишь.
О, старцы! вашего свиданія свидѣтель,
Въ двухъ образахъ я зрѣлъ едину добродѣтель.
Такъ два источника, въ началѣ раздѣлясь,
Странами дальними другъ отъ друга катясь,
Внезапу въ токъ едиць, щедротою судьбины,
Сливаются, журча и не страшась пучины.
Остатокъ нашего къ Петрополю пути
Хотимъ, покинувъ брегъ, водою перейти.
Несомы ладіей средь влажныхъ дороги,
Мы видимъ, Мста, твои шумящія пороги.
Преградою ихъ скаль съ пути раздражена,
Кишитъ и бьетъ твоя сердитая волна,
Но послѣ возвратясь къ естественному чию,
Тиха, являетъ намъ бреговъ своихъ картину,
Доколь распространивъ теченія свои,
Вливаетъ въ озеро прозрачныя струи,
Прекрасно озеро, близъ коего потоковъ,
День Труворовъ затмилъ въ полудни Сумароковъ.
Съ восторгомъ, Новгородъ! къ тебѣ кидаю взоръ,
И зрю Софїи храмъ и Ярославовъ дворъ.
Потомъ по той рѣкѣ, гдѣ древній Волхвъ являлся,
Гдѣ, Рурикъ, твоего жилища знакъ остался,
Дошли до ладожскихъ неистовыхъ валовъ;
Гдѣ тихій ходъ судамъ назначилъ духъ Петровъ,
И се рѣка Его, славна Его дѣлами,
Нева, предъ алчными открылася глазами,

И скоро вы сбылись, любимыя мечты, —
 Съ своими зданьями предсталъ, Петрополь, ты.
 Се ты, прекрасный садъ, Героемъ возвращенный,
 Се Марсовъ храмъ, се храмъ наукамъ посвященный.
 Здѣсь Ломоносовъ пѣлъ, Лосенковъ тамъ писалъ.
 Я славлю васъ, брега, къ которымъ днесъ при-
 сталъ!

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

*Къ Аѳонасью Матвѣевичу
 Брячанинову.*

—

Не слава, о, мой другъ! не шумъ оружіи бранныхъ,
 Жизнь сельская зоветъ согласія мои,
 Въ долинахъ, муравой цвѣтущею устланныхъ,
 Гдѣ Лухта льетъ тебѣ прозрачныя струи;
 Гдѣ ты изъ терема, куда ни кинешь взоры,
 Повсюду мирное свое владѣнье зришь.
 Тебѣ окружныя желтѣютъ жатвой горы,
 Поля, гдѣ шествуешь, присутствіемъ живишь.
 Тѣнятся вокругъ тебя прилежные селяне
 И Нимфы выютъ тебѣ вѣнки изъ васильковъ.
 Съ зарею возстаютъ восхода солнца ранѣ,
 Желѣзомъ вооружась блистающихъ серповъ.
 Ахъ! счастливы стократъ, свое колю счастье
 знаютъ!
 Трудятся, суетно свой умъ не бремня,

Гуляньемъ лѣтні дни иль пляской заключають
 И пѣсенки поють у зимняго огня.
 Что нужды, что зима — еще имъ лѣто длится,
 И счастье годовыхъ не вѣдаетъ времяць.
 Работы и забавъ единый кругъ катится,
 Забавы безъ угрызъ, здоровье безъ измѣнъ.
 Такіе дни текли вселенныя въ началѣ,
 Когда не вѣдали обмановъ, ни вражды:
 Никто не странствовалъ знакомой сѣни дагѣ,
 И всякъ воздѣлывалъ отечески бразды.
 Не заблуждалися смиренныя желанья
 Въ исканьѣ пагубныхъ сокровищъ и честей,
 И связи родственны и нѣжны воздыханья
 И нужда добрымъ быть спасали отъ страстей.
 Такъ, Брянчаниновъ, ты проводишь дни спокойны,
 Соединяя вкусъ съ любовью простоты:
 Изъ лиры своея изводишь гласы стройны
 И наслаждаешься хвалами красоты.

БОЛЕСЛАВЪ,

КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

Замолчала многихъ слава
 И героевъ и царей;
 Ты содержишь Болеслава,
 Польша, въ памяти своей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посреди верховной власти,
Вѣренъ дружбѣ и любви,
Сохранялъ онъ сильны страсти
Въ воскипающей крови.

Счастливъ, ежели бы брата
Не имѣлъ Збигнея онъ,
Что глазами сопостата
Волеславовъ видѣлъ тронъ.

Не давалъ онъ мщенью мѣста,
И виновнаго любя;
Но, Збигнеева невѣста!
Для чего опъ зрѣлъ тебя?

Какъ лѣсочка въ осѣненьѣ
Нѣжить лилю весна,
Такъ цвѣла въ уединеньѣ
Ты, Волминская Княжна!

Зрѣть, любить тебя Збигнею,
То мгновеніе одно.
Приступить ко Гименею
Было слово ужъ дано.

Раздались внезапно бубны,
Въ полѣ прахъ столбомъ стоитъ;
Коней ржанье, гласы трубы:
Рати бой! . . . Збигней бѣжитъ.

Въ градъ, какъ ангелъ покровитель,

Входитъ мощный Болеславъ,
Зритъ Княжну — и побѣдитель
Проситъ узъ, предъ ней упавъ.

И Збигнею обрученна,
Во слезахъ гласитъ княжна:
«Я навѣкъ съ нимъ разлученна,
«Но навѣкъ ему вѣрна!»

Два луны прошло теченья;
Полнъ любовныя тоски,
Царь забылъ свои раченья,
Позабылъ свои полки.

Между тѣмъ не безъ успѣховъ
Злобный духъ Збигнеевъ былъ,
Онъ съ огромной силой Чеховъ
Подъ Волшицъ градъ подступилъ.

Тщетно все: отъ Болеслава
Побѣжала Чеховъ тма,
Взять и вождь свирѣпа права;
Не снимаетъ онъ шлема.

Что же? Пльнника срѣтаетъ
Царь у ногъ Княжны своей;
Онъ въ злодѣя мечъ вонзаетъ,
Шлемъ валится: — то Збигней!

Гдѣ возьму я выраженья,
Скорбь убійцы описать?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Онъ безгласенъ, безъ движенья;
Онъ не знаетъ, что начать.

Обратилъ жестокосердый
Мечъ онъ къ сердцу своему:
Приближенныхъ сонмъ усердный
Воспротивился тому.

Свой оставивъ тронъ высокій,
И во рубищахъ простыхъ,
Ходитъ въ горести глубокой
По обителямъ святыхъ.

И предъ всѣми, кто бъ ни были,
Исповѣдуя свой грѣхъ,
Слезно просить, чтобъ молили
За него Владыку всѣхъ.

Должно думать, что спокойство
Наконецъ сошло съ Небесъ.
Ахъ! ни слава, ни геройство,
Не спасаютъ насъ отъ слезъ.

ФАРСАЛЬСКАЯ БИТВА.

Какое зрѣлище, самимъ собой сраженной,
Даешь ты, Римъ, землѣ тобою побѣжденной?

Издравле ты владѣть вселенною обыкъ,
 А днесъ сражаешься о выборѣ владыкъ!
 Куда стремишься ты, Асканіевъ потомокъ?
 И ты, Помпей, и ты, съ дней юныхъ славой
 громокъ!

Преградой бывшій вамъ, несчастный Крассъ упалъ:
 Сражайтесь, рокъ того мгновенья ожидалъ.

Давно кичлива страсть обоихъ сердце гложетъ.
 Сей высшаго терпѣть, тотъ равнаго не можетъ.

Въ Фарсальски прю свою преносите поля,
 Пускай рѣшатъ, кому подвергнется земля.

Полки побѣдами безчисленными дивны

Несутъ съ обѣихъ странъ орлы орламъ противны.

Съ обѣихъ также странъ, законамъ вопреки,

Предходятъ консульски съ сѣкирами пуки.

И тамъ, и здѣсь главы почтенныя Сената,

И тотъ же рати чинъ и брань безъ сопостата;

Друзья противъ друзей; родные съ двухъ сторонъ,

И боги съ Кесарской, съ Помпеевой Катонъ.

Ты, величайшая изъ фурій, адска сила,

Вражда, къ сраженью знакъ, свой страшный
 вопль пустила.

Отважны множествомъ, съ надменной похвальбой,

Взвилися всадники Помпеевы на бой.

Какъ вихрь крутящійся, который дубы клонитъ,

Мнятъ, тяжкій ихъ ударъ строй Кесаревъ по-
 гонитъ.

Но Кесарь повелѣлъ молчаніе своимъ,

И воинъ ждетъ къ себѣ ударовъ недвижимъ:

Дождавшись, копій лѣсъ противупоставляетъ,

Начально всадниковъ стремленье притупляетъ.

Кишитъ кровавый бой, жесточе родствомъ,
И горестнѣе смерть междоусобья зломъ.
Единой матери сыны ожесточенны,
Падутъ въ крови на прахъ, другъ другомъ по-
раженны,
Конь бодрый прободенъ свергается назадъ,
И имъ низринутый низходитъ всадникъ въ адъ.
Сей юношества блескъ, убранства, попеченья,
Чѣмъ Римски всадники искали отличенья,
Преображаются имъ въ пагубу самимъ.
Межъ тѣмъ, какъ Кесаремъ бывъ воинъ пред-
водимъ
Къ трудамъ, къ опасностямъ въ походахъ при-
ученный
И ранами въ бою однѣми отличенный,
Не знаетъ роскоши, ни нѣги, ни красы,
И прямо зритъ на смерть въ рѣшительны часы.
Предвидѣлъ Кесарь, гдѣ начаться должно бою
И твердь полковъ своихъ поставилъ онъ съ собою:
Испытанный въ войнахъ десятый легионъ,
Которымъ побѣдить еще желаетъ онъ.
Помпей, котораго прельщаетъ конныхъ сила,
Мнитъ, тмами окруживъ враговъ, ударитъ съ тыла.
Напрасный замыселъ! Все Кесарь упредилъ!
Неустрашимостью онъ множество сразилъ;
И рать Помпеева разстроясь побѣжала,
Но въ сердцѣ Кесаря побѣда скорбь вліяла:
Онъ мнитъ, что гибелью согражданъ сталъ великъ;
Онъ осуждающій вѣковъ внимаетъ кликъ.
Раздоръ возликовалъ надъ жертвой потребленной.
Фарсала Римлянамъ отмстила рокъ вселенной

И кровью ихъ потекъ смущенный Энипей.
 Межъ тѣмъ оставленный побѣдою Помпей,
 Едва зреть конницу бѣгущу и разбиту,
 Отчаясь, Небесамъ вручаетъ Римъ въ защиту,
 И обративъ коня, взади оставивъ бой,
 Безмолвенъ, пораженъ, бѣжитъ сквозь станъ
 пустой,
 Одинъ, и ничего съ собою не имѣя,
 Кромѣ минувшаго величія Помпея.
 Спѣшитъ къ Корнелии, чтобы въ очахъ ея
 Вкусить безславную кончину житія,
 Усѣкновенну быть невольникомъ презрѣннымъ,
 И на берегу морскомъ лежать непогребеннымъ.
 Свершился судъ боговъ: и рушилась собой
 Громада, бывшая вселенная главою.

Н О Ч Ь.

Къ пріятной тишинѣ влечется мысль моя:
 Медлительнѣй текутъ мгновенья бытія.
 Умолкли голоса; земля покрыта тьмою,
 И все ко сладкому склонилось покою.
 Прохлада на луга спокойныя сошла!
 Туманомъ ручеекъ шумящій облекла,
 И съ тихимъ вѣяньемъ, отъ усыпленной роши
 Помчалась въ хижинны за колесницей нощи,
 Какъ освѣжило намъ ся дыханье кровь!

Уединеніе, молчанье и любовь
 Владычествомъ своимъ объяли тихи сѣни
 И помагаютъ имъ согласны съ ними тѣни.
 Воображеніе, полеть свой отложивъ,
 Мечтаетъ тихость сценъ, со зноемъ опочивъ.
 Такъ солнце, утомясь, предъ западомъ блистаетъ,
 Пускаетъ кроткій лучъ и блескъ свой отметаеъ.
 Ахъ! чтобъ вечернихъ зрѣть пришествіе тѣней,
 Что можетъ лучше быть обширности полей?
 Пріятно мнѣ уйти изъ крововъ позлащенныхъ
 Въ пространство тихое лѣсовъ невозмущенныхъ.
 Оставивъ пышный градъ, гдѣ честолюбе бдитъ,
 Гдѣ скользокъ счастья путь, гдѣ ровъ цвѣтами
скрытъ.
 Здѣсь буду странствовать въ кустарникахъ цвѣ-
тущихъ,
 И слушать соловьевъ въ полночный часъ пою-
щихъ:
 Или облокочусь на мшистый камень сей,
 Что частью въ землю вросъ и частию надъ ней.
 Мнѣ сей цвѣтущій дернъ свое представитъ ложе.
 Журчанье ручейка, безперестанно тоже,
 Однообразіемъ своимъ приманитъ сонъ.
 Стопами тихими ко мнѣ пріидетъ онъ
 И распростретъ свои надъ утомленнымъ крылы,
 Живитель естества, лющій въ чувства силы.
 Не сходятъ ли уже съ сихъ топкихъ облаковъ
 Обманчивы мечты, толпы веселыхъ сновъ,
 Сопутники любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зѣницъ усталыхъ круги.

Носися съ плавностью, стыдливая луна:
 Я преселяюся въ туманну область сна.
 Уже языкъ тяжелъ и косень становится.
 Еще кидаю взоръ — и все бѣжить и тмится.

З Р Ъ Н І Е.

О, превосходное души творенье, око!
 Благословенно будь! Ты взносишься высоко
 Надъ тучи, коими одѣты небеса,
 Испытывать Творца несчетны чудеса.
 Ты холмовъ и долинь объемлешь окруженъе,
 Гдѣ, можетъ быть, мудрецъ живетъ въ уединенъѣ.
 Не кроется Сатурнъ въ небесной синевѣ
 И слабый червячекъ, ползущій по травѣ:
 Ты зришь въ огромности, ты зришь природу въ
 маломъ,
 Равно сіяюще премудрости началомъ.
 Изображая всѣ предметы по чредѣ,
 Вселенной живопись ты носишь на себѣ
 Со свѣтомъ сродственно, отверзтіе зѣнницы,
 Гдѣ персть напечатлѣнъ всеильныя десницы,
 Не утомляясь, лучи дневные пьеть,
 Сквозь тонки влажностей кристаллы ихъ несетъ,
 И на сплетенну сѣть изъ нервовъ низлагаетъ,
 Гдѣ, скрытый зритель, духъ вселенну созерцаетъ.

Отсюду онъ беретъ понятя о вещахъ
И нѣтъ того въ душѣ, что не было въ очахъ.

Но тѣмъ ли кончится весь долгъ и подвигъ
зрѣнья,
Что внѣшнія душѣ приносятъ впечатлѣнья?
О, нѣтъ, самой душѣ еще присвоено:
И чувства изъяснить ему поручено.
Во глубинѣ души сокрытыя движенья
Особья въ очахъ находятъ выраженья.
Хранящимъ иногда молчаніе устамъ,
Сказали очи все взирающимъ очамъ.
Языкъ, какъ молнія скоръ и силенъ безъ искус-
ства,
Свои передаетъ другимъ живыя чувства;
Полета быстротой, огонь души своей
Вспалаетъ онъ въ душахъ взирающихъ людей,
Какъ искра, бодрый взоръ пріемлется сердцами,
Все можетъ нѣжный глазъ, сіяющей слезами,
И радость и печаль, любовь, и гнѣвъ, и страхъ
Изображаетъ глазъ мгновенья на крылахъ.
Понятій нѣжные оттѣнки представляетъ,
Природной чистоты онъ ихъ не умаляетъ,
Души ближайшій другъ, въ согласьѣ тѣсномъ
съ ней
Персбѣгаетъ онъ безчисленность вещей
И, зря Всевышняго руки произведенья,
Восторженной души готовитъ наслажденья.

Коль многихъ радостей лишиться суждены
Тѣ, кои въ вѣчну ночь, живя, погружены!

Которыхъ тяжка скорбь зѣнцы погасила,
 Не зрятъ они лучей всходящаго свѣтила,
 Ни зелени луговъ, ни розы багреца,
 Ни, смертный, твоего високаго лица.
 Какая для тебя, Гомеръ, безмѣрна трата,
 Не зрѣтъ природы сей, чѣмъ мысль твоя объята;
 И ты, другой слѣпецъ, чувствительный Мильтоузъ!
 Еще несется твой сквозь вѣки жалкій стоузъ.

Но если зрѣнія толь тягостно лишенье,
 Какой небесный даръ внезапное прозрѣнье!
 Надежная рука искуснаго врача
 Орудіемъ плену со глаза совлача,
 Рожденному слѣпцу природы видъ даруетъ.
 Небесна благодать ему вспомоществуетъ.
 Таковъ былъ юноша, слѣпецъ во цвѣтѣ лѣтъ.
 Во градъ, гдѣ свои Тамиза волны летъ,
 Дарами юности и счастья пресъщепный,
 Онъ зрѣнья былъ лишенъ. Душѣ его прельщеннои
 Вотще душистые мечтаются цвѣты;
 Не можетъ славимой понять ихъ красоты.
 Онъ знаетъ прелести небесныя музыки
 И бьется сладкій гласъ — ея знакомы клки
 И рѣчь въ полголоса, дыханье уеть ея
 Даютъ ему вкушать всю цѣну бытія.
 Но солнце, но сіи небесъ лазурны своды
 Закрыто передъ нимъ позорище природы.
 Случилось, что одинъ изъ тщательныхъ мужей,
 Употребившихъ жизнь къ спасенію людей,
 Надъ нимъ цѣленія всю хитрость истощаетъ.
 Онъ зритъ: ужъ лучъ его небесный освѣщаетъ.

Уже онъ руку зрѣтъ (которую держалъ
 Покуда врачъ свое цѣленье совершалъ)
 Подруги своя возлюбленная руку.
 Приобрѣтаючи видѣнія науку,
 Уже онъ познаетъ станъ Бетси, и уста,
 И очи, гдѣ блеститъ умильна красота.
 Опъ видитъ и вмѣститъ толь много восхищенья
 Безсленъ духъ его. Полнъ нѣжнаго смущенья,
 Врачъ добрый (чтобъ его опять не ослѣпитъ)
 Слѣшитъ изъ храмины свѣтъ дневный исключитъ;
 Исчезло счастье съ возлюбленнымъ признакомъ.
 Но Бетси милая присутствіе и рѣчь
 Умѣли дни его ко счастью сберечь.
 Привычку дѣлая ко свѣту постепенно,
 Хранимъ любовію, прозрѣлъ онъ совершенно.

НЕСЧАСТІЕ.

Единымъ маніемъ вселенну управляетъ
 Источникъ правды, Богъ, всесильный, всеблагой;
 Но добрыхъ иногда несчастье оскорбляетъ
 И злобою своей корыствуется злой.
 Кто знаетъ, можетъ быть, въ рукахъ Твоихъ,
 Судѣтель!
 Несчастье способъ есть возвысить добродѣтель?

НЕИЗВѢСТНОСТЬ ЖИЗНИ.

—

Когда небесный сводъ обнимутъ мрачны ночи
 И томные глаза сокрою я на сонъ;
 Невольнымъ маніемъ предстанетъ передъ очю
 Мгновенье, въ кое я изъ свѣта выйду вонъ.
 Ужасный переходъ и смертнымъ непонятный!
 Трепещетъ естество, вообразивъ сей часъ,
 Необходимый часъ, безвѣстный, безвозвратный:
 Какъ вихрь, что убѣжавъ изъ сѣверной пещеры,
 Вскрутится и корабль въ пучину погрузитъ:
 Такъ смерть нечаянно разрушитъ наши мѣры
 И въ безопасности заснувшихъ поразитъ.
 Гоняясь пристально за радостью мгновенной,
 Отверзтой пропасти мы ходимъ на краю.
 Цвѣтъ розы не поблекъ со стебля срисовелной:
 Ужъ тотъ, кто рвалъ ее, зритъ бѣдственну ладью.
 На долгій жизни токъ отнюдь не полагайся,
 О, смертный! Вышнему надежды поручивъ
 И помня краткость дней, отъ гордости чуждайся
 Ты по землѣ пройдеши; тамъ будешь вѣчно жить.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

—

Сіянье внѣшнее отличій и честей
 Души тщеславной пища,

Благополучія не доставляютъ ей,
Коль нѣтъ внутри ея спокойствію жилища
Для добрыя, незлобивой души
Минуты счастья текутъ во всяко время;
Не внѣ, а въ насъ самихъ и бѣдъ и счастья сѣмя,
И дни прекрасныя лишь нами хороши.
Сіе отверстое пространство ясна неба,
Въ которомъ плаваютъ прѣзрачны облака,
Озлащены лучемъ вечерня Феба;
Сія кристальная и тихая рѣка,
Сии кустарники, ее что осѣняютъ,
И словомъ, всѣ черты и тонъ картины сей
Тогда лишь насъ плѣняютъ,
Когда мы счастье хранимъ въ душѣ своей.

БОГИНЬ НЕВЫ.

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И тѣнисты острова!

Ты съ морями сочетаешь
Бурны Росски озера,
И съ почтеньемъ обтекаешь
Прахъ Великаго Петра.

Въ нѣдрѣ моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Ихъ промчались струи.

Рѣки Гречески стыдятся,
Вспомнивая жребій свой,
Что теперь въ ихъ токѣ глядятся
Бостанжи съ Кизляръ-Агой.

Между тѣмъ, какъ рѣзвыхъ грацій
Повторяешь образъ ты,
Подвергая даши націй
Предъ стопами Красоты,

Отъ Тамизы и отъ Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя имъ сродна влага
Разстилагается подъ ней.

Я люблю твои купальни,
Гдѣ на Хлопныхъ красахъ
Одѣянье скромной спальни,
И амуры на часахъ.

Полонъ вечеръ твой прохлады:
Берегъ движется толпой,
Какъ волшебной серенады
Глазъ приносится волной.

Ты велишь сойти туманамъ:

Зыби кроетъ тонка тма;
И любовничьимъ обманамъ
Благосклонствуешь сама.

Въ часъ, какъ смертныхъ препроводишь,
Утомленныхъ счастьемъ ихъ,
Тонкимъ паромъ ты восходишь
На поверхность водъ своихъ.

Быстрой бѣгомъ колесницы
Ты не давишь гладкихъ водъ,
И сирены вокругъ царницы
Поспѣшаютъ въ хороводъ.

Въ явь богиню благосклонну
Зритъ восторженный пѣтъ,
Что проводить ночь безсонну,
Опершия на гранитъ.

ХРАМЪ МАРСОВЪ.

О вы, которыхъ долгъ природы
Зоветъ въ путь чести къ знаменамъ,
Дерзайте въ ваши нѣжны годы
Проникнуть въ страшный Марсовъ храмъ.
Не бойтесь, что герои пали

Въ пути, гдѣ съ гордостью ступали,
 Внесенны славою до небесъ:
 Они упали какъ герои
 У стѣнъ великолѣпной Трон:
 Такъ Гекторъ палъ и Ахиллесъ.

Погибнетъ жизнь одна средь бою;
 Не можетъ слава умирать.
 Простой невѣдомы толюю
 Стези учитесь выбирать.
 Презрѣвъ тропу простоародну,
 Имѣйте гордость благородну
 Топтать геройскою славою путь,
 Извѣстный воинъ судьбою,
 Ведущій къ храму стремниною,
 Откуда толь легко скользнуть.

Высокій храма верхъ восходитъ
 Блистающихъ къ предѣлу звѣздъ
 И основаніе приводитъ
 До безотрадныхъ, мрачныхъ мѣстъ.
 Врата Беллона обрегаетъ
 И ужасъ робкихъ отвергаетъ.
 Се слава! Вы стремитесь къ ней.
 Ея сіяньемъ освященны,
 Бегитесь рано бытъ прельщенны
 Слѣпой горячностью своей.

Идите тихо, постепенно.
 Въ преддверьѣ видите ли вы
 Сіе согласіе священо?
 То музъ небесныхъ главы.

Ищите ихъ въ обхожденья.
 Средь шуму стана, въ дѣнь сраженья
 Ихъ слышешъ вдохновенный гласъ.
 Опѣ впушали Ксенофона,
 И были подлѣ Сципіона,
 Когда пожаръ Ливійскій гасъ.

Уранія своимъ размѣромъ
 Морей, земель объемлетъ шаръ,
 И Калліона леть съ Гомеромъ
 Въ сердца младыя брани жаръ:
 Душею Ахиллеса полны,
 Въ Скамандровы бросаитесь волны;
 Но будьте жалостивѣе его.
 Герой безтрепетный Марона,
 По тщетной прѣ, изъ Иліона
 Отца спасаетъ своего.

Но болѣ трудъ недовершенный
 Внимайте Росскаго пѣвца,
 Какъ, истинной одной внушенный,
 Гласитъ отечества отца,
 Онежски горы преходяща,
 Ко граду войска предводяща,
 Гдѣ волны Ладожски шумятъ.
 Имъ Шереметевъ воспрещаетъ
 И краткость лѣствицъ не смущаетъ,
 Голицынъ всходитъ на раскатъ.

Не руша съ истиной союза
 Свидѣтельница древнихъ лѣтъ,

Исторіи тамъ важна муза
 Свои уроки раздаетъ.
 Мужей великихъ исчисляетъ
 И ихъ примѣромъ побуждаетъ
 Забыть себя для блага всѣхъ,
 Позорной роскоши чуждаться,
 Ударовъ счастья не бояться
 И Небу поручить успѣхъ.

Ко мнѣ Евтерпа прилетаетъ:
 Я внемлю трубъ военныхъ гласъ!
 Кипяща въ жилахъ кровь пылаетъ:
 Насталъ неустрашимыхъ часъ!
 Стремлюсь въ средину бранна спора,
 На бой предводитъ Терпсихора;
 Полигимнии гласъ въ полкахъ.
 И се священная Паллада
 Величіемъ священна взгляда
 Лжетъ благоговѣйный страхъ.

Одѣта бранною хламидой
 И, потрясая копіе
 Своею страшною Эгидой,
 Градовъ спасаетъ бытіе.
 Любимцами своими зрима,
 Противъ врага необорима,
 Даетъ въ часъ бою свой совѣтъ;
 Или межъ тѣмъ, какъ воишь дремлетъ
 Во мракѣ полководецъ внемлетъ
 Ея божественный полетъ.

Межъ тѣмъ предсталъ предъ наши взгляды
Сокровищъ Марсовыхъ соборъ.
Я зрю воинскіе снаряды:
Се страхъ враговъ и вашъ уборъ.
Мечи и копья, и шелома,
Орудья, кои мещутъ громы,
Погибель множества мужей!
На день кровопролитной брани
Сии металныя гортани
Застонутъ въ ярости своей.

Но вы сперва пріобучитесь
Сии громады управлять,
И послѣ ихъ не устрашитесь
Изъ рукъ противныхъ извергать.
Имѣть все свою науку:
И огонь, производитель звуку,
Вдали сражаетъ чугуномъ.
Со возгорѣвшимся пожаромъ
Грозитъ гибельнымъ ударомъ
Изъ мѣдныхъ жерлъ летящій громъ.

Преддверіе прошедши храма,
Во внутренній войдешь чертогъ,
Гдѣ сердца мужественна, пряма,
Не отвергаетъ брани богъ.
Какимъ объемлюсь восхищеньемъ?
Се неизвѣстнымъ мановеньемъ
Разверзлась храма глубина:
Здѣсь слава, подвиговъ свидѣтель,

Увѣнчиваетъ добродѣтель.
Героевъ храма полна.

Не смертныхъ персты пачертали
Сип велики чудеса:
Искусство въ томъ истощевали
Рукой держащи небеса.
Встаютъ покрыты стѣны прахомъ
И, мштся, подвигаютъ страхомъ
Еще геройскія сердца.
Я гибель зрю домовъ и храмовъ:
Богини съи и съиъ Пріамовъ,
Плаютъ злобой ихъ лица.

Бѣгутъ полки, падутъ преграды,
Звучатъ трубы, мечи блестятъ.
На Марафонѣ Милтіады
Пошли на сильныхъ сопостатъ.
Со Θεμισтокломъ Аристиды
Дѣлитъ вражда, дѣлитъ обида;
Дружить отечества любовь.
Эмишондъ съ стрѣлою въ рапѣ,
Внимаетъ, что бѣгутъ Спартаце,
И съ духомъ изливаетъ кровь.

Не се ли Римскихъ стѣпъ зиждитель
Близъ той рѣки, гдѣ брошепъ былъ,
Тебѣ, Юпитеръ-покровитель,
Онъ храмъ и добычъ посвятилъ!
Предъ счастьемъ горда Аннибала
Громада Рима исчезала

Но ты, сынъ Рима, Сципіонъ!
Помней побѣдами вѣнчался,
Но слухъ о Кесарѣ промчался —
Онъ кшულъ градъ безъ обороцъ.

Но здѣсь предъ взорами затмитесь,
О, древни міра чудеса!
Къ побѣдамъ Росскимъ устремитесь
Мои плѣнени очеса.
Побѣды, конхъ не забудутъ,
Доколь на тверди звѣзды будутъ,
И зданье міра не падеть.
Греми военною трубою
И двигни нашею судьбою,
О, муза! удивленнѣй свѣтъ.

Предъ Цареградскими стѣнами
На Грековъ Игорь двигнулъ рать.
Олегъ по сушѣ ладіями
Снѣшитъ коварныхъ мочь попрасть.
Спасался Болгаръ съ Печенѣгомъ
Отъ Святослава скорымъ бѣгомъ
И царь Цимисхій Юангъ.
Гремѣлъ Владиміръ за Дунаемъ
И колебалъ окрестнымъ краемъ,
Премногихъ побѣдитель странъ.

О, князь! почто свою державу
Ты раздѣлилъ своимъ сынамъ?
Я зрю убійць, раздоръ, отраву
По сопротивничьимъ полкамъ.

И ты Ордынцамъ покорилась,
 Во узахъ варваровъ томилась
 И вся краса твоя затмилась,
 О, Русь! о, славная страна!
 Но Александръ и въ самомъ бѣдствѣ
 Разсѣялъ страхъ въ твоёмъ сосѣдствѣ
 Священна Невская волна!

Донскойъ Димитрій на Мамаю
 На берегахъ Непрядвы шель;
 Ордынску мочь нескореная,
 Онъ Россійскій утвердилъ престолъ.
 Куда, Чета тезоименна,
 Меня влечете утомленна,
 Вѣнчанны славою дѣдъ и внукъ?
 Вы язвы царства затворили,
 Вы грозный сѣверъ покорили;
 На западъ Вашъ бранный звукъ!

Престолъ въ междоусобьѣ царской
 Крѣпятъ геройскою рукою
 Два мужа, Мининъ и Пожарскій,
 И ты, ихъ общникъ, Трубецкой.
 Кто былъ бы Алексѣя болѣ
 На тронѣ и на ратномъ полѣ,
 Когда бы Петръ не превзошелъ?
 Какой языкъ Его прославить?
 И само время насъ оставитъ
 Во изочтеньи славныхъ дѣлъ.

Отъ сильнаго Петрова духа

Родится цовый рядъ вѣковъ.
Исполнилась вселенна слуха
Вождей Россійскихъ и полковъ.
Глаза сомкнувъ, Петровы други
Оставили свои заслуги
Преемникамъ, достойнымъ ихъ.
Сіяетъ Мишихъ, какъ Евгеній,
И входитъ Ласси безъ сраженій,
Въ средшу, Крымъ! полей твоихъ.

Среди торжественнаго клика
Какой ввезану вождь возсталъ,
Изъ рукъ который Фридерика
Двѣ краты лавры исторгалъ?
То важный образъ Салтыкова,
Котораго рука готова
Твой громъ бросать, Елисаветъ!
Се Чернышевъ изъ Россовъ плѣну
Приводитъ помощь имъ въ замѣну
Семи трудами полныхъ лѣтъ.

Вождей тамъ вижу ополченье!
Румянцевъ рати сей главой!
Лунѣ навелъ онъ помраченье
И на Дунаѣ сталъ пятой.
За нимъ какіе исполины
Съ Эгидою Екатерины,
На Турокъ вержутъ тучи стрѣль?
Готовитъ Панинъ стѣнъ проломы;
Репнинъ, Каменскій бранны громаы;
Суворовъ, быстротой орелъ.

Дѣла гѣвъ Росскихъ полубоговъ,
 Радѣю меньше Марса гѣтъ!
 Вѣщаль Петра средь сихъ чертоговъ,
 Мгѣ болѣй не о комъ гремѣтъ.
 Уже въ очахъ моихъ все тмится;
 Но чистыхъ музъ соборъ стремится,
 Велитъ начатый трудъ скопчать.
 «Тебѣ ль не впятъ сему велѣнью?
 «Иль миши, по своему хотѣнью
 «Ты можешь сей трубой звучать?»

Я музъ прельщенья утрашился:
 Уже послушенъ волѣ ихъ,
 И наки къ ширѣ устремился,
 Богишь велѣніемъ моихъ.
 А вы, грядущіе со мною,
 Готовьтесь смѣлою ногою
 Со мной въ святилище вступить.
 Врата на петляхъ заскрыпѣли:
 Что, чувства въ насъ освирѣпѣли?
 Иль Марса хочетъ грудь вмѣтить?

Се оиъ! вы взоры уклоните.
 Густой обьиметь очи мракъ,
 Когда ихъ дерзко устремите
 На Бога брашей грозный зракъ.
 Его любимцы при престолѣ,
 Подобно такъ, какъ въ ратномъ полѣ,
 Сидятъ съ владыкою своимъ.
 Изъ первыхъ Храбрость засѣдаетъ:

Ее *Искусство* сопровождаетъ,
И быть нельзя въ разлукѣ имъ.

Въ рукахъ имѣя жезлъ начальства,
Сидитъ со строгимъ взоромъ *Власть*,
И *Твердость духа*, врагъ начальства,
Душъ слабыхъ страхъ, героевъ часть.
Тамъ *Силу* зрю *Воображенья*:
Ея мгновенныя внушенья
Спасенье войскамъ, честь вождямъ.
Уста спираетъ *Тайна* перстомъ,
И въ будущемъ всегда отверстомъ
Читаетъ *Прозорливость* тамъ.

Великодушіе прощаетъ
Враговъ своихъ среди побѣдъ,
И *Трудъ* покоя не вмѣщаетъ,
И всюду идетъ *Марсу* въ слѣдъ.
Взирая любозытнымъ окомъ,
Сидитъ въ молчаніи глубокомъ,
За ними *Опытъ* многихъ лѣтъ;
Благоразумье, *Добродѣтель*,
И *Честь*, дѣяній всѣхъ свидѣтель;
Се *Марсовъ*, юноши! совѣтъ.

Прошли мы бога громкихъ боевъ
Теперь святилище и храмъ,
Стремясь въ обители героевъ
По мрачнымъ безднамъ и буграмъ.
А вамъ, богини сладка нѣжня!
За ваши кроткія внушенья

Да будетъ вѣкъ моя хвала.
 Вы взоръ мой свѣтомъ озарили
 И робкій возрастъ мой учили,
 Какъ пѣть геройскія дѣла.

ОБЪ УЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

(Письмо къ В. В. Ханыкову.)

Съ какою ревностью бѣжимъ мы зрѣть картины
 На коихъ плавный скатъ простертыя долины
 Иль изобильный токъ глубокия рѣки,
 Живописала кисть художничьи руки!
 Отъемля красокъ блескъ и вымысла свободу,
 Мы чувствуемъ еще, что любимъ мы природу.
 Мы склонны похвалы художнику давать,
 Который въ лоно къ ней насъ хочетъ призывать.
 Что можетъ насъ вовлечь пріятнѣй въ восхищенье,
 Какъ сладкихъ перемѣнъ природы ощущенье,
 Безмолвіе ночей, полудня тяжкій зной
 И премѣненіе погоды съ тишиной!
 Но страсти зрѣлище природы взволновали,
 Отъяли свѣтлость душъ и грады основали.
 Возмнили прерывъ съ природою творить:
 Труднѣйшіе пути ко счастью отворить.
 Умножили себѣ мы средства наслажденья;

Но горестей толпы имъ вмѣсто спровожденья.
 Забавы мы нашли; но, ахъ! въ скуделахъ мукъ.
 Въ чертогахъ скорбь живетъ и входитъ въ сѣнь
 наукъ.

Сей трудъ, къ которому насъ скука обращаетъ,
 Сей трудъ, веселымъ быть жизнь цѣлу поглотитъ.

Какія могутъ насъ препятства удивить,
 Чтобы вельможи взоръ незаный уловить,
 Или сдѣлаться толпы кумиромъ и игрушкой,
 Или, томая дни, богатый стать полужкой?

Неумолимая межъ тѣмъ приходитъ смерть
 Различія, людьми поставленная, стерть
 За гробъ сокровища, ни честь не провождаютъ,
 Но душу вѣчности тамъ нѣдра ожидаютъ,
 А здѣсь почтенье потомковъ нѣ хула.

Пристрастие замолчить, возопіютъ дѣла.
 Однако жизнию не будетъ тотъ терзаться,
 Чье сердце радости удобно отверзаться:

Небесной радости, что есть той образецъ,
 Которую имѣлъ, творя міры, Творецъ,
 Кто дарованія не погашаетъ лѣтнью

И чувствуетъ, что онъ влечется къ размышленью.
 Счастливъ съ избыткомъ онъ, когда Софін свѣтъ
 Во таинственный мракъ природы призоветъ!

И къ чтенью естества великой книги зрѣя,
 Въ писаньяхъ учится Бюффона и Линнея! . . .

Но чтобы строкъ моихъ суровость умягчить,
 Хочу ихъ басенной чертою заключить.

Во древности герой, вливая свѣтъ въ народы
 Едва изшедшій изъ дикія природы,

Отправилъ нѣсколько изъ юношей своихъ

Во грады Гречески, занять искусства ихъ:
 Во Спарту множество и одного въ Аѳины.
 Сей прожилъ тамъ за срокъ назначенной годины,
 И такъ онъ, возвратясь, царю отчетъ свой далъ:
 Въ Аѳинахъ, государь, я сладко ѣлъ и спалъ;
 И мню, что было бы чему тамъ удивиться,
 Когда бы я себя принудилъ потрудиться.
 Пространство города такова обозрѣть,
 Ихъ стогны посѣщать, ихъ зданія смотрѣть,
 Казалось, что себя безъ пользы тамъ состарю.
 Такому трудъ, какъ ты, пріятель государю;
 А мнѣ на свѣтѣ семь пріятнѣе всего,
 Насытись отдыхать, не дѣлавъ ничего.
 Ихъ нравовъ, ихъ наукъ узнать я не труждался,
 Я вина ихъ вкушалъ, плодовъ ихъ наслаждался,
 И чтобы словъ моихъ никто не разорилъ,
 Кромѣ, что самъ съ собой, ни съ кѣмъ не говорилъ.
 И мы въ Аѳинахъ всѣ: и столько жъ о причинахъ
 Мы знаемъ всѣхъ вещей, какъ этотъ объ Аѳинахъ.

—

Р О Щ А.

—

Дашь ли свободный мнѣ входъ подъ тихо ко-
 леблющимся тѣни?
 Роща! . . . святыни твоей стихотворецъ нарушить
 не можетъ.

Прочь злодѣйство отсель! да ввѣкъ неповищаго
кровью
Древніе корни сѣи обагрены безъ мести не бу-
дутъ!
Да не почиеть здѣсь ввѣкъ преломившій тем-
ныя узы,
Блѣдный, несущій злодѣйства написаны въ обра-
зѣ смутномъ!
Дай же въ лонѣ своемъ убѣжище мыслящей
Музѣ.
Скрой въ себѣ ты ее въ ошья полны чувствій
мгновенья,
Въ конъ съ небесъ дарованье снисходитъ и ду-
шу колеблетъ,
Здѣсь я буду впередъ тобою наслаждаться и мы-
слить;
Въ темной прохладѣ сей бодрствовать буду я въ
утреннюю стражу,
Зритель безмолвный прекрасныхъ явленій сель-
скія жизни
Взоромъ внимательнымъ буду шаги провождать
земледѣльца.
Мѣсяцъ спускается ниже и кажется падаетъ съ
неба.
Свѣтъ проливается въ воздухъ: волны востока
зардѣлись
Ахъ! я видѣлъ мгновенье, когда появилась ден-
ница;
Прелестями юной безсмертной чувства мои обно-
влены:

Тихая свѣтлостъ объемлетъ мою умиленную
душу,

Такъ какъ прозрачное облако, въ коемъ покоит-
ся солнце,

Только омывшись въ волнахъ Но какая вне-
запная сила

Вдругъ вливается въ жилы и ихъ трепетать за-
ставляетъ?

Кажется, вѣтви бесѣдуютъ: кажется, дѣкая влага
Воздухъ собой прошкаетъ и землю покоящуюсь
будитъ,

Землю, котора дремала, тѣнью своей покровенна:
Се содрогается чистой росой окропленна и веѣми
Сродными ей ощутилось тѣлами ея пробужденье.
Спящи дыханья проспушевъ: се дня рожденье
младаго.

Зрите въ небесныхъ долинахъ шествіе солнца съ
востока;

Шествіе, жизнь въ природу вливающе; имъ до-
вершилась

Міра картина. Такъ оживляются души народовъ,
Если помазанникъ Вѣчнаго, если имъ любимый
Царь на среду ихъ исходитъ величествомъ крот-
кимъ одѣягъ.

Зрите лицо его чисто, безоблачно; взоръ жи-
вленный

Радостью міра. Счастливъ сего дня, счастливъ
ты, ратай!

Цѣлымъ тебѣ я свѣтлымъ сей день предвѣщаю.
Мнѣ солнце

Такъ открываетъ. Кто солнце назвать осмѣлитъ-
ся лживымъ?

Бейте крылами, Зефиры, и зной умѣряйте бѣньемъ,
Чтобъ не тягчиль онъ нагбенныхъ раменъ земле-
дѣльца надъ плугомъ,
Чтобы къ горящимъ ланитамъ прохладнѣе онъ
прикасался.

ПИСЬМО КЪ ТЕОНУ.

(1781 г.)

Въ изнеможеніи томящейся души
Вообразиться мнѣ, Теона, ты спѣши,
И сердце, коего ты голосъ разумѣла,
Которое тебѣ всегда послушнымъ зрѣло,
Присутствіемъ своимъ потщися озарить:
Терпи, что я съ тобой днесъ буду говорить.
Бывало я, стиховъ шестатель неоскудныхъ,
Свободно странствовалъ въ стезяхъ и самыхъ
трудныхъ,
И смертныхъ къ сладостной неволѣ приманя,
Я самъ заставить могъ, чтобъ слушали меня.
Теперь, о милая, себя тѣмъ забавляю,
Что будто мышлю я, когда стихи слагаю.
Сыѣдается все то, что памяти ввѣряю,

И все утративъ, я и слезы потерялъ;
 Но въ тратѣ сей меня, что болѣе терзаетъ,
 Прекрасный образъ твой изъ сердца нечезаетъ,
 Понятій, склонностей и чувствій стражъ твоихъ,
 Изъ сердца моего я зрѣлъ бѣгущихъ ихъ.
 Ахъ! съ добродѣтелью они лишь обитаютъ.
 Но съ добродѣтелью и Музы отлетаютъ!
 Другъ, отъ кого она сокрылась въ облака,
 И Россіада тѣмъ безъ живописи дска.
 Θεона! твоего молю я возвращенья!
 Отдай, отдай, молю, мнѣ силу ощущенья
 И въ памяти моей возобнови черты,
 Въ которыхъ, въ лучши дни, являлася мнѣ ты.
 Довольно ль, что ко мнѣ ты нѣжность ощущаешь,
 Коль счастья чувствовать ты мнѣ не сообщасшь?
 Порочный человѣкъ! Какая часть моя?
 Вздыханія мои суть дикн такъ какъ я.
 Сильнѣйшее во мнѣ рождающесь понятье
 Едва ль въ душѣ твоей есть чувствія начатье.
 Люблю: но мнѣ любовь не восхищенье чувствъ.
 Не тронуть прехожу творенія искусствъ:
 И сожалѣніе во мнѣ не столько живо,
 Что славы попроще оставилъ я лѣнливо.
 Нравоученіе, коль есть во мнѣ оно,
 Всего небеснаго мнѣ зрится лишено,
 Не столько для того, что едѣлася я злобенъ;
 Но умъ къ прекрасному сталъ менѣе способенъ.
 Надежда, вѣрный другъ несчастливыхъ людей,
 Съ презрѣньемъ хижины преходитъ прагъ моей.
 Но дружба, по родство, какъ ты ихъ ощущаешь
 Безцѣпны нѣжности, ты кой освящаешь,

Не отвращаются несчастнаго онѣ.
 Пристрастія свои присвоила ты мнѣ.
 Въ отсутствіи со мной, заемлешься ты мною;
 Ты мыслишь о Цевѣ надъ Волжскою долиною;
 И съ нѣжнымъ цѣлый день родителемъ дѣля,
 Заботами любви духъ отчій веселя,
 Не забываешь ты отсутственнаго брата,
 Желаетъ каждой день его къ себѣ возврата;
 И въ нѣжныхъ дышущихъ душой твоей листахъ
 Ты пишешь мнѣ мой долгъ: о, другъ! въ твоихъ
 устахъ
 Всѣ добродѣтели спасительной уроки!
 Прийди: и не дерзнуть приблизиться пороки.

КЪ ХЕМНИЦЕРУ.

Спокойствія пловецъ желаетъ бурю видя,
 Желаетъ и Герой, войну возненавидя,
 Спокойствіе вкушитъ.
 Но смутны души ихъ того желаютъ ложно,
 Чего ни серебромъ, ни златомъ невозможно
 Цмъ, Хемницеръ! кушитъ.
 Мучитель убѣжать не можетъ отъ тревоги,
 Ни въ восходяще ко облакамъ чертоги,
 Ни въ Алциноевъ садъ:

И цѣлая толпа рабовъ его смущенныхъ
Неможетъ отразить вокругъ крововъ позлащенныхъ
Летающихъ досадъ.

Съ нимъ горькая тоска бесѣдуетъ всечасно
И что пріятно всѣмъ, ему лишь то ужасно,
И дружество и сонъ.

И совѣсть желчь лѣтъ во снѣдъ его любезну:
Онь ярость, въ чапѣ пьетъ и видитъ тамо бездну,
Гдѣ видимъ мы лишь тронъ.

Веселый сонъ селянъ смыкаетъ очи томны,
И вноситъ на крылахъ въ ихъ дома не огромны
Ласкающіи мечты;

Спокойна ихъ душа подобіемъ природы,
И лучше дещь одинъ весеннія погоды
Всей міра суеты.

Блаженъ, кто, лишь зарей поутру пробуждаемъ,
И въ сѣни собственной Зефиромъ прохлаждаемъ,
Всходяще солнце зреть!

О, кто меня въ страну восхититъ вождельбнну,
Гдѣ на руку главу склонилъ бы утомленну,
Въ древесной сѣни скрыть!

Примите вы меня тогда, сладчайши Музы!
И дайте существа проникнуть мнѣ союзы
Природы вѣчну связь:

Какою склонностью міры одушевлены
Къ горящимъ солнцамъ ихъ согласно устремлены,
Колеблется, катясь.

Я тихо буду пѣть у сей волны священной;
 Ты будешь спроводать на лирѣ позлащенной
 Гласъ пѣнья моего;
 И пусть придетъ мой часъ: ты здѣсь меня споконшь,
 И, можетъ быть, еще слезами удостоишь
 Прахъ друга свсего.

Когда жъ со Львовымъ вы пойдете мимо оба,
 И заколеблются цвѣты на дернѣ гроба,
 Изливъ сладчайшій духъ;
 Я заклинаю васъ: постоитъ! не бѣгите!
 И въ тихомъ трепетѣ обнявшася, скажите:
 «Здѣсь спитъ нашъ вѣрный другъ!»

КЪ ѲЕОНѢ.

Внимая вѣтровъ грозны споры,
 Съ крутыхъ Балтійскихъ береговъ
 Къ тебѣ я обращаю взоры,
 Сестра, предметъ моихъ стиховъ,
 Предметъ нѣжнѣйшаго союза,
 Природы драгоценный даръ!
 Ты будь моя въ отсутствѣ Муза,
 Явись, какъ легкій утромъ паръ,
 Взносящійся отъ Невскихъ токовъ,

Подъ сводъ небесный, голубой,
 И сладостныхъ своихъ уроковъ
 Меня въ семь замкѣ удостой,
 Въ семь замкѣ, или просто мызѣ,
 Межъ Ревельскихъ и Нарвскихъ стѣнъ,
 Гдѣ я, послѣдую Элизѣ,
 Семей почтенной угощенъ.
 Межъ тѣмъ, какъ сна лѣнны маки
 Содержать въ плѣнѣ нашихъ дамъ,
 Черезъ долины, бусраки
 Мужчины ѣздятъ по лѣсамъ,
 Того часа во ожиданьѣ,
 Когда насъ къ чаю позовутъ:
 Я здѣсь одинъ, въ спокойномъ зданьѣ,
 Прелестныхъ нѣсколько минутъ
 Тебѣ и Музамъ посвящаю:
 Дорогу въ Питеръ нахожу;
 Тебя внезапно посѣщаю;
 Между подругъ твоихъ сижу:
 Межъ той, котору богъ любви
 Своимъ самъ именемъ крестилъ,
 И между той, которой брови
 Онъ важнымъ хладомъ вооружилъ;
 Благодарьямъ рюмы съ вами
 Дѣлю я быстрые часы,
 И тщуся изобразить словами
 Природы здѣшнія красы.
 Миѣ кажется, что я вѣщаю:
 Вообразите брегъ крутой,
 И море, гдѣ не видно краю;
 Надъ той нашъ замокъ высотой.

Но берегъ, унизаясь скатомъ,
Межъ насъ и моря стелеть дугъ,
Въ убранствѣ Флора здѣсь богатомъ
Съ Зефиромъ рѣзнется вокругъ.
Отважны парусы летаютъ
По синимъ, яростнымъ волнамъ,
Явятся мелкомъ, убѣгаютъ,
Стремясь къ дальнимъ берегамъ.
Вокругъ роскошныя природы
Плѣняетъ разностію видъ.
Долины, холмы, чисты воды,
Что просѣдаютъ сквозь гранитъ,
И съ горъ, шумя, бѣгутъ въ ущелья,
Несутъ форели и жемчугъ,
Эстонскимъ Нимфамъ ожерелья,
Причину зависти подругъ.
Вблизи свой верхъ возноситъ дерзкой,
Остатокъ древности сѣдой,
Старинной замокъ кавалерской;
Во стѣны плещетъ валъ морской.
Миѣ кажется, на нихъ взирая,
Выходитъ витязь съ корабля,
Что съ добычю изъ дальня края
Пришель въ Эстонскія поля;
За той рѣшеткой увядаетъ,
Съ чужихъ береговъ увезена,
Никѣмъ не слышима, вздыхаетъ,
Боярышня или Княжна.
Сихъ правовъ пѣтъ межъ нами болѣ,
Дверей желѣзныхъ, ни темницъ;
Не похищаемъ въ чистомъ полѣ,

Не запираемъ мы дѣвицъ.
У насъ онѣ во всей свободѣ.
И въ мызѣ барышень пять, шесть,
Которы самой новой модѣ
Собою могутъ сдѣлать честь.
И съ ними милая, живая
Вдова осьмнадцати годовъ,
Котора, скорбь позабывая,
Не думаетъ въ супружній ровъ,
Во слѣдъ за скучной Артемизой,
Влечить печальныя стоны;
Не отгоняетъ мрачной ризой
Эротовъ и забавъ толпы,
Но остроумными словами
Забавитъ наши вечера:
По струнамъ бѣгаетъ перстами,
Какъ занисные мастера;
Изъ Гиланда и Гагедорна
Стихи читаетъ наизусть;
Рѣзва, свободна, безиритворна,
Не знаетъ, что такое грусть.
Но что сказать вамъ о дорогѣ?
Какъ вихрь, хотя на почтовыхъ,
Мы очутились на порогѣ
Желанныхъ теремовъ своихъ,
Не думавши о наблюденьѣ
Земель и жителей и травъ:
Какъ будто въ тонкомъ сновидѣньѣ
Вереть болѣ двухъ-сотъ просекавъ.
Эстоновъ, Финновъ мы встрѣчали
Въ соломою крытыхъ шалашахъ,

Которы всѣ свои печали
Тонили въ чашахъ и ковшахъ.
Мы зрѣли Ямбургскіи палаты,
Близъ быстрой Лужскія волны,
Гдѣ овцы дань песуть косматы
Ткачей въ стучащіе станы.
Мы зрѣли древній градъ, носящій
Напечатлѣніе времени,
Съ хребтовъ Ивановскихъ висящій,
Соперникъ Ругодевскихъ стѣнъ:
Въ ногахъ его быстра, сурова,
Свергаясь съ каменной скалы,
Бѣжитъ шумя еще Нарова
Въ морскіе броситься валы;
Насупротивъ его раскаты
Искусствомъ новымъ созданы,
Петромъ и Русскою грудью взяты
И прежніи траты отмщены.
Но мы опять бы зрѣть желали
Великій городъ у Невы,
Гдѣ пребыванье основали
Искусства, Граціи и вы.

ЕПИСТОЛА

Къ Е. П. Ивану Петровичу Тургеневу.

1774.

—

Не тотъ еще, мой другъ, свободный челоѣкъ,
 Чтò преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ,
 Безъ пользы для другихъ, безъ плану и безъ дѣла,
 Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
 Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
 Подъ игомъ праздности стелющаго своей,
 Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣяннѣя желаетъ:
 Свѣтъ зримый всякій день его не забавляетъ.
 И между тѣмъ, какъ все въ движеньѣ вокругъ него,
 Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
 Напрасно бы жезломъ какой всецѣльной Фен
 Онъ видѣлъ все свои исполнены затѣи;
 Вновь тысящи бы онъ желаній соплеталъ
 И посреди воды былъ жаждень, какъ Танталъ.
 Того лишъ, кто владѣть умѣетъ самъ собою,
 Зову свободнымъ я. Не споритъ онъ съ судьбою,
 Но всюду слѣдуетъ призванію ея
 И знаетъ, живучи, всю цѣну житія.
 Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
 Раскаянъе они и скуки не приводятъ;
 Любовью истины, любовью красоты

Исполненъ духъ его, украшены мечты;
 Искусства, васъ къ себѣ онъ въиномощь призываетъ;
 Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ.
 Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ:
 Онъ свято чтить родства священныя союзы
 И, чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы.
 Внимательный супругъ и любящій отецъ,
 Онъ властью облеченъ по выбору сердець;
 Счастливъ, кто можетъ быть семейства благо-
 дѣтель,
 Что нужды, домъ тому, нль цѣлый міръ свидѣтель.
 Таковъ Эмили́й былъ равно достоинъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, нль какъ при Канцахъ
 палъ.

Конечно, жребій тѣхъ достоинъ удивленья,
 Что поприще честей прошли безъ умедленья:
 Служить Отечеству верховный душъ обѣтъ!
 Нашъ долгъ туда снѣшнть, куда оно зоветъ.
 Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ
 Миѣ должно уступить, уже ли буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждать?
 Миѣ только что служить, отчизнѣ награждать.
 Изъ трехъ-сотъ праздныхъ мѣстъ Спартаискаго
 Совѣта

Народъ ни на одно не избралъ Педарета:
 «Хвала богамъ,» сказалъ, «народа не виія,
 «Есть триста чловѣкъ достойнѣе меня.»
 Полезнымъ можно быть не бывши знаменитымъ:
 Срѣтаютъ ечастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
 Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,

Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ
 И въ позднююночь, подъ кровъ склоняся домашній,
 Столы обременялъ некупленными брашны:
 Онъ счастье въ хижинѣ, конечно, находилъ
 И пышныхъ богачей душой превосходилъ.
 И къ счастью можетъ ли способствовать богатство?
 Желанье собирать есть болѣе препятство,
 Чѣмъ способъ къ счастью. «Ахъ! еслибъ къ кучѣ той
 Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!»
 Вотъ собирателя одно воображенье.
 И расточителя не лучше положенье:
 Для роскоши его отверстая душа,
 Всечасно къ новому веселію спѣша,
 Отъ коей прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ
 И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
 Богатъ, кто, знаячи своимъ достаткомъ жить,
 Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить.
 И еловомъ, счастливы тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
 Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою схо-
 дець,
 Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
 Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
 Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури умирятъ
 И скуку житія ученьемъ украшаетъ.
 Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
 Въ училищѣ трудовъ дни пѣжны проводивъ,
 Пріятны старости готовишь воспоминанья.
 Съ тобою почерпнуть мы прежде тщились знанья:
 Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
 Гдѣ вѣючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,

Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристал-
 ловъ;
 Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шува-
 ловъ;
 Гдѣ, Ломоносова пріемля мирный звонъ,
 Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
 Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель Росска Слова
 И Шаденъ истину являетъ безъ покровъ:
 Тамъ дружбы еладостной услышали мы гласъ;
 Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

—

КЪ МУЗѢ.

—

Сокрылися навѣкъ мои прекрасны дни;
 За ними скрылися и смѣхи, и забавы,
 И вѣжныя мечты, и обѣщанья славы:
 Ты, Муза скромная, уронъ ихъ замѣни.
 Вѣрниѣ ихъ въ своихъ щедротахъ,
 Отдай мнѣ суеты ребячества; доставь
 Еще мнѣ счастье зрѣть старинны басни въявь
 И воздыхать еще о Нимфахъ и Эротахъ.
 Кому ты въ юности сопутницей была,
 Того и въ охлажденны лѣты,
 Когда суровый умъ даетъ свои совѣты,
 Ты маниемъ зовешь волшебнаго жезла

Въ страны роскошны и прелестны,
 Страны одной тебѣ извѣстны,
 Послушныя тебѣ гдѣ льются ручейки,
 Гдѣ сладостной твоей улыбкой
 Яснѣютъ небеса, гдѣ вѣютъ вѣтерки
 И вьется виноградъ съ своей лозою гибкой.

Но гдѣ равно, когда нахмуришь бровь
 Во основаніяхъ колеблется природа,

И меркнетъ свѣтъ и стынетъ кровь
 И потрясаются столпы небесна свода.
 О, милья мечты, которыхъ суета
 Имѣетъ болѣе цѣны и наслажденья
 Чѣмъ радости скупыхъ, честолюбивыхъ бдѣнья
 И свѣта шумнаго весь блескъ и пустота!
 Любимцамъ, Муза, ты Елизій сотворяешь
 И щедро сыплешь вокругъ сокровища весны!
 Куда ни прилетишь, тамъ счастье водворяешь,
 И украшаешь всѣ страны.

Покинувъ берега Іоніи роскошной,
 Отъ сѣни тайныя, гдѣ твой Горацій пѣлъ,
 Ты посѣщаешь днесъ край западный, полнощной
 И цовый для Харитъ Темпей ужъ тамъ расцвѣлъ,
 Гдѣ дики племена вели кровавы ссоры.
 Приступна всѣмъ равно и смертнымъ и странамъ,
 Ты усмирять спѣшишь свирѣпыя раздоры
 И благосклонствуешь враждебнымъ берегамъ.
 Дѣлясь межъ Галліи и между Албіона,
 Внушаешь Валеру и Лафонтену ты
 Неподражаемы черты,
 Которымъ нѣтъ ни правилъ, ни закона.
 Влагаешь чувство красоты

И въ рѣзвое дѣтя мечты
На берегахъ Авоиа:
И въ гордаго пѣвца,
Который убѣжалъ изъ хижины отца
Отъ влажныхъ береговъ Архангельскаго града,
Чтобъ всюду слѣдовать, дщерь Неба, за тобой,
И лиру соглашать съ военною трубой.
Тобою внушена безсмертна «Россиада»;
Тобою «Душенька». Ты съ Бардомъ у Невы
Приносишь смертному даръ истинъ вдохновен-
ныхъ,
Иль водншь сладостно въ окрестностяхъ Москвы
За бѣдой Лизою всѣхъ чувствомъ одаренныхъ,
И мнѣ съ младенчества ты Феею была.

Но благосклоннѣе сначала
Ты утро дней моихъ прилѣжнѣй посѣщала.
Почто жъ печальная распространилась мгла
И ясный полдень мой своей покрыва тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью?
Или я весь умру?

НАДГРОБНАЯ

ЕЛИСАВЕТЪ ЛЬВОВИЪ НАРЫШКИНОЙ,

скончавшейся Юля 1-го 1795 года.

—

Вчера красавица, сегодня Ангелъ свѣта,
Прахъ чистый, почивай легко, Елисавета.
Горда для радостей одинаго часа,
Ты только зрѣла ихъ, спѣша на небеса.
Не держитъ смерть тебя въ уединеньи строгомъ,
Жила съ невинностью — живешь конечно съ Богомъ.

П Р О З А.

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМЪСТІЯ.

*Хотѣлось мнѣ имѣть земли уголокъ
И садикъ, и вблизи прозрачный ручеекъ,
Льсогикъ сверхъ того: и лучше мнѣ и болѣ
Послалъ Небеса. Мнѣ хорошо въ сей долѣ,
И больше ни о чемъ не докучаю мнѣ,
Какъ только, чтобъ сей даръ оставилъ мнѣмъ.*

ГОРАЦІЙ.

№ 1.

Пятница, Августа 2, 1790 года.

*Млеко въ медомъ напоенны
Тучиютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ осѣщенны
Смѣются злачныя луга.*

Домоносовъ.

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, за тѣмъ что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка. Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неумоимо полосу свою и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятся и опускаютъ косы свои. Какой пріятный запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу трудолюби-

вымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: *Боги помочи, друзья!* они отвѣтствуютъ мнѣ: *спасибо, доброй баринъ!* Мой домикъ очень малъ и невидѣнъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ и поддерживаемыя столпами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь, весьма древняго строенія. Одинъ Князь, котораго не упомяну имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старыя дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою.

Подлѣ церкви живетъ Священникъ, старый и почтенія достойный человекъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, такъ какъ отецъ о дѣтяхъ; помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти cadaго запомнитъ рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, затѣмъ что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ. Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить счастье въ добро-

дѣтели и исполненіи должностей нашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясеневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня священникъ или человѣкъ, другой, пріятелей.

Я имѣю пріятелей, потому что безъ дружелюбія человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному, любить только самого себя, никому не быть полезну!... Нѣтъ, чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего — законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честью и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей; оно снисходитъ даже до изысканія мнѣ невинныхъ забавъ, — а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою отъ участія въ общихъ трудахъ; не раздѣлю ни бдѣній градоначальника, ни опасностей война, когда отечество благоволитъ пріобщить меня къ онымъ! Да удалится отъ меня такое чувство! Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля, болѣе нежели самого себя, и болѣе нежели ихъ, если возможно, мое отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго Грека, который вознесъ отечество свое на верхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думало его унижить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! Самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюсь въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я счастье, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединяюсь, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ его движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ; и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, кроющагося во глубинѣ сердца, краснѣюсь и пріемлю твердое памѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и доли. Дышу свѣжимъ воздухомъ при закатѣ солнечномъ, или развожу маленькій садикъ свой, и поливаю благоуханныя розы и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюсь на рѣзвѣ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній природы, цвѣ-

товъ, растеній, камней и стараюсь проникнуть силы и свойства ихъ.

Наконецъ, журчаніе источника и зыблющаяся тѣнь ивы, или тополя, приманиваютъ меня къ себѣ. Сажусь на раждающійся дернъ и читаю книгу полезную или пріятную: повѣсти прошедшихъ вѣковъ, или трогающія истинны правоучителей. Въ такомъ упражненіи находитъ на меня сонъ сладкій и непрерывный, до тѣхъ поръ, когда заря, озлативъ горы, возвѣститъ слѣдующее утро.

№ 2.

Пятница, 9 Августа 1790 года.

Раскаянье живетъ и — поздно иногда.

Сумароковъ.

Погода имѣетъ какое-то вліяніе надо мною. Влажный воздухъ, покрытое тучами небо, не отнимая внутренняго покоя души моей, производятъ во мнѣ нѣкоторую важность, склонность къ размышленію. Я вспоминаю отдаленныхъ друзей своихъ. Уединенъ, въ глубокой задумчивости, проливаю слезы сожалѣнія надъ тѣми, которыхъ смерть у меня похитила. Эмили! сокрылся отъ моихъ дружескихъ объятій! Въ странахъ неизмѣляемаго блаженства пріемлетъ онъ воздаяніе за жизнь, безпрестанно добродѣ-

тельную, за смерть, вкушенную за отечество. Графъ Благотворовъ, конечно, не вспомнитъ имени его, не предавшись всей своей чувствительности, хотя радостный миръ и возвращаетъ ему *Васильку*, здороваго и достойнаго всей его нѣжности. Я посвятилъ въ саду своемъ смиренный памятникъ *Эмилию*. Печальная стѣна кипарисовъ заключаетъ въ себѣ урну его и сіи слова, начертанныя на подножїи: «Памяти моего любезнаго *Эмилія*! Добрый сынъ, нѣжный другъ, ревностный гражданинъ, онъ увѣнчалъ добродѣтельную жизнь славною смертію за отечество.»

Въ такомъ положенїи былъ я третьяго дня поутру. Солнце показалось-было на минуту, и тотчасъ скрылось въ туманѣ, который поднялся вверхъ. Дождикъ пачиналъ накрапывать; однако я не потерялъ мужества. Завернувшись въ сюртукъ свой, сѣлъ на лошадь и пустился рысцою вдоль по дорогѣ. Движеніе возвратило мнѣ всю мою веселость. Иногда скакалъ я, сокрытый съ обѣихъ сторонъ волнующимися жатвами; иногда спускался въ глубокой оврагъ, гдѣ ручеекъ пробѣгалъ по камешкамъ. Здѣсь проѣзжалъ я деревню, тамъ усадьбы помещиковъ; индѣ, выѣзжая изъ лѣсу на лужокъ, видѣлъ я пасущееся стадо сосѣдственной деревни, и собаки пастуха преслѣдовали лошадь мою лаемъ. Занимаясь всѣмъ, что попадалось мнѣ на встрѣчу, нечувствительно очутился я на двадцатой верстѣ отъ дому. *Ладьино* было въ виду. Какъ не захватить въ ста-

ринному другу моему, капитанъ-командору Неслѣтову? Я далъ шпоры лошади — и въ четверть часа былъ уже у крыльца, и Неслѣтовъ бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ разверстыми объятями.

«Любезный другъ!» говорилъ онъ въ восхищеніи: «добро пожаловать! Вотъ такъ-то помнятъ друзей своихъ! Всегда мнѣ пріятно видѣть тебя; но никогда не могъ ты одолжить меня болѣе посѣщеніемъ своимъ.» Слезы катились изъ глазъ его.... «Сегодня память жены моей. Въ сей день несчастная Софія, тому три года назадъ, оставила ненорочную жизнь, которую запальчивость мужа ея въ первомъ цвѣтѣ прекратила.»

Капитанъ обвиняетъ себя смертію жены своей, затѣмъ что въ самомъ дѣлѣ оскорбилъ ее однажды въ большомъ обществѣ несправедливою укоризною, хотя и слабое сложеніе Софіи само собою не обѣщало ей долгой жизни. Воображеніе ея было поражено симъ уничиженіемъ. Чувствительно жизнь ея угасала. Ни какія старанія, ни слезы, ни раскаянія командора не могли исцѣлить сокрушеннаго ея сердца. Съ тѣхъ поръ и капитанъ болѣе мучится, нежели живетъ. Не довѣряя безпрестанно горячности своей, онъ лишилъ себя послѣдней отрады — видѣть своихъ дѣтей. Онъ даетъ имъ воспитаніе въ отсутствіи, подъ присмотромъ благоразумнаго друга.

Такимъ образомъ, имѣя лучшее сердце въ свѣтѣ, онъ всегда въ опасности огорчить друзей и ближнихъ, затѣмъ что не имѣетъ власти

противиться первымъ движеніямъ. Можетъ быть, вмѣлъ бы онъ теперь мѣсто между нашими храбрыми адмиралами, ежели бы нетерпѣливость также не заставила его покинуть службу. Будучи на морѣ, обидѣлъ онъ всыльчивостію лейтенанта корабля своего; но опаматовавшись черезъ минуту, при собраніи всего экипажа просилъ у него прощенія. Сей поступокъ произвелъ разные толки, и нетерпѣливый Песлѣтовъ захотѣлъ лучше отказаться отъ блестящихъ видовъ службы, нежели снести взоръ неудовольствія своихъ начальниковъ.

И теперь самая склонность лѣтъ его и горестные опыты не могутъ совершенно преодолѣть крутости его нрава. Человѣкъ, который въ спокойные часы свои наполненъ горячайшаго доброжелательства ко всемъ людямъ, во гнѣвѣ доходитъ до неистовства. Самая бездѣлица выводитъ его изъ самого себя. Но ни что не можетъ быть некрепнѣе и горестнѣе его раскаянія. Онъ въ состояніи унизить себя предъ послѣднимъ человѣкомъ и все отдать, чтобы удовлетворить обиженнаго. Зная то, домашніе пользуются этою слабостію и нарочно попадаются ему во время изступленія его, увѣренные, что щедрость его превзойдетъ несравненно оскорбленіе.

Остатокъ дня проводили мы въ пріятныхъ разговорахъ. Въ уединеніи своемъ не можетъ онъ еще позабыть своей службы. Сердце его востыщается славою отечества, и онъ сердится

на себя, что не имѣлъ счастья сражаться на Ревельской рейдѣ или въ заливѣ Выборгскомъ.

У него множество заведеній: больница, училище, деревенскія рукодѣля. Благочестіе его занимается теперь строгіемъ церкви. Крестьяне окружаютъ его не такъ, какъ господина, но какъ отца и благодѣтеля. Онъ заставляетъ прощать себѣ несовершенства шѣжнымъ своимъ благоволеніемъ къ человечеству.

Я проводилъ день съ удовольствіемъ, ночевалъ и на другой день, послѣ завтрака, въ прекраснѣйшее утро, пріѣхалъ домой.

№ 3.

Пятница, 23 Августа 1790 года.

Напрасно море свирѣветъ:
Когда Всевышній не велитъ,
Бреговъ оно терзатъ не смѣетъ;
Одна песчинка ихъ дѣлитъ.

Херасковъ.

Иногда находятъ на меня такія минуты, что я погружаюсь совершенно въ воспоминаніе прошедшаго, и съ удовольствіемъ представляю себѣ явленія моего младенчества. Воображаю живо: мѣста, гдѣ я бѣгалъ, мои ребяческія игрушки, радости и печали, маловажныя и непостоянныя.

Особенно помню я одинъ разговоръ съ моимъ наставникомъ. Мнѣ кажется, что я теперь его вижу.

Это было лѣтомъ. Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пути своего, покоилось, за мгновение передъ закатомъ, на крайнихъ горахъ горизонта; а я прогуливался на крутомъ берегу Волги, съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, кроткимъ Илановымъ. Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не расцвѣла еще совершенно. Мы касались оба противоположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ; и часто, позабываясь, мнѣ въ видѣть въ немъ старшаго и благоразумнѣйшаго товарища.

Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: «Сынъ мой! (этимъ именемъ любви одолженъ я былъ нѣжности сердца его и послушанію моему) озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напоющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ благополучія? Чудеса природы не довольны ли для счастья человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы вкушаются только невиннымъ сердцемъ. Сохраняй тщательно непорочность сердца своего; будь кротокъ, праведенъ, благотворителемъ; поставляй себя всечасно въ при-

существомъ Вышняго Существа. Одно счастье — добродѣтель; одно несчастье — порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть творитъ и природу спокойною.»

Слова его глубоко проникли въ душу мою, и я повергся съ умиленіемъ въ объятія старца. Бугорокъ служилъ намъ мѣстомъ успокоенія. Свѣтъ вечерній исчезалъ подъ кровомъ ночи. Скоро стала повсюду единая тма и безмолвіе.

«Чувствительность твоя» продолжалъ наставникъ мой «есть хвала сердцу твоему и добродѣтели. Не взирай никогда хладнокровно на благодѣянія Божіи. Все, что окружаетъ тебя, ты самъ, твоя безсмертная душа, — все носитъ на себѣ священное впечатлѣніе Его могущества и благодати. Сія былинка, теперь толь свѣжая и которая завянетъ завтра, и сіе подъемлющееся свѣтло ночи — сребровидный мѣсяцъ, единымъ словомъ Его получили бытіе свое. Пройди взоромъ необъятныя пустыни неба: онѣ усѣяны солнцами, которыя другимъ мірамъ свѣтятъ. Другія земли привлекаются и тяготеютъ къ нимъ; и шаръ сей, на которомъ мыслящія существа проводятъ краткую жизнь, становится точкою въ чинѣ природы.

«Повинуясь первому побужденію, которое рука Всевышняго въ первое мгновеніе бытія сообщила имъ, огромныя тѣла небесныя, окруженныя шаромъ воздуха, колеблются на зыбяхъ эѳира. Планеты катятся въ предписанныхъ кругахъ. Исто-

никъ свѣта и жизни—горящее солнце, служитъ средоточіемъ для подчиненныхъ ему планетъ. Не премѣняя мѣста, обращается оно на оси своей.

«Исцѣнитель естества вознеся на крылахъ наблюденія и начисалъ чертежъ системы міра. Десять тысячъ поперечниковъ шара нашего отдаляютъ насъ отъ солнца. Всѣхъ ближе къ нему катится Меркурій. Видишь сіе блистающее свѣтило? это Венера. Она странствуетъ такъ же, какъ Земля, блистая заемнымъ свѣтомъ. Ниже ея шествуетъ Земля—прекрасная обитель *человѣка*. Служебная планета, Луна, ей сопутствуетъ, обращаясь кругомъ и освѣщая ночи ея. Четвертый кругъ описывается Марсомъ. Въ чрезвычайномъ отдаленіи, огромный Юпитеръ съ четырьмя Лунами совершаетъ длинный путь свой. Далѣе движется Сатурнъ. Отдаленіе солнца замѣняется ему изобиліемъ спутниковъ, отражающихъ слабѣющіе лучи солнца, и твердымъ кольцомъ, плавающимъ около его.

«Око астронома не постигнетъ всѣхъ міровъ; но сердце благодарное и незлобивое полагаетъ предѣлы любопытству благоговѣніемъ, и восхищается премудростію Божіею въ самое то время, когда признаетъ свое невѣдѣніе и слабость.»

Такъ говорилъ онъ, и взявъ меня за руку, повелъ въ споконную хижину. Уже наступало время сна. Рука въ руку обратилсъ мы споконно къ вратамъ сельскаго обитанія нашего.

№ 4.

Пятница, 13 Сентября 1790 года.

Представь, о, древность! мнѣ предъ очи
 Вселенныя спокойный вѣкъ:
 Тамъ въ сладкомъ мирѣ дни и ночи
 Препровождаетъ человекъ;
 Земля тамъ въ части не дѣлится;
 Тамъ вся природа веселится;
 Вьгуть оттоль вражда и гнѣвъ:
 Тамъ съ агнцемъ почиваетъ левъ.

Майковъ.

Къ намъ все извѣстія доходятъ поздно. Отдѣленные отъ города, мы составляемъ особый свѣтъ, гдѣ царствуетъ тишина, спокойствіе, уединеніе. Но какою радостію наполнилось наше предмѣстіе, когда раздалась желанная вѣсть мира! Толпятся на улицѣ, обнимаютъ другъ друга, поздравляютъ, окружаютъ счастливаго вѣстника. Каждый навѣдывается у него о братѣ, о другѣ, о сродникѣ. Я разспрашиваю объ Алетовѣ, и имѣю несравненное удовольствіе слышать, что онъ живъ, что къ достоинству храбрости присоединилъ онъ другое, любезнѣйшее — человеколюбіе. Онъ имѣлъ счастье быть употребленъ къ спасенію погибающихъ. Множество равныхъ ему людей, согражданъ, обязаны ему жизнию. Какое наслажденіе можетъ съ симъ сравниться! Сколько печалей должны быть загладены въ сердцѣ его симъ сладостнымъ воспо-

минаніемъ! Но восхищенія наши помрачаются иногда слезами прискорбія и сожалѣнія. Сердца проникаются состраданіемъ при воспоминаніи сихъ достойныхъ молодыхъ людей, которые, такъ какъ мой Эмилій, заплатили долгъ отечеству своею незлобивою и прекрасною жизнью. Несчастливые родители! вы не примете ихъ въ свои объятія; ваша сирая старость лишена опоры, сладостнаго утѣшенія. Иѣжные друзья будутъ вѣчно чувствовать въ сердцахъ своихъ праздно мѣсто, которое занимали столь пріятно сіи любви достойные юноши. Въ блестящихъ обществахъ столицы будутъ спрашивать другъ друга: гдѣ тѣ, которые недавно раздѣляли забавы наши и увеличивали ихъ своею живостію, откровенностію, знаніемъ свѣта? Строгій долгъ—любовь отечества, слава—присвоили себѣ жизнь ихъ и память.

Въ разговорахъ нашихъ слѣдуемъ мы постепенно за звучнымъ оружіемъ Россійскимъ на сушѣ, на морѣ. Съ благоговѣйною печалью представляемъ себѣ и въ самой смерти непоколебимое мужество героя Ангальта; удивляемся пламенному духу сего маршала, не выше шаго еще изъ первой юности, который, опоясавъ флагъ, бросается въ море, прося только увѣдомить отца его, что умираетъ достойнымъ его сыномъ. Другой, сынъ славнаго стихотворца, котораго стихи поставлены въ заглавіи листа сего, въ самомъ огнѣ сраженія устремляется на камень противъ непріятельской баттарей, и кричитъ сол-

датамъ: «Ребята, за мною! я ужъ на батарее!» и въ то же самое время ядро оцровергаетъ великодушную похвальбу его.

Мы начертываемъ въ воображеніи все походы, все станы Россійскаго воинства; и положенія Мемеля, Ковалы, Пумалазунда, Саватайноля намъ уже почти столько же извѣстны, какъ и мирныя хижины нашего предмѣстія.

Но мы не довольствуемся разговорами. Достойный пастырь нашъ ведетъ насъ къ жертвеннику Бога силъ и мира. Соединенные усердіемъ и доброжелательствомъ, мы изливаемъ горячайшія молитвы и благодаренія Всевышнему за успѣхи, которыми благословилъ Онъ оружіе Россійское. Досточтимый священникъ поучаетъ духовное стадо свое словомъ, пронсходящимъ отъ избытка сердца. Онъ не ищетъ краснорѣчія: убѣжденіе покоится на устахъ его. Такимъ образомъ любимый отецъ говоритъ среди послушныхъ дѣтей своихъ. Сѣдшы его, ясность взора, свидѣтельница спокойствія душевнаго, брада, нсходящая на грудь его, посохъ, на который опирается, — все возвѣщаетъ учителя народнаго, который стоитъ на краю вѣчности.

Проповѣдникъ мира хочетъ и праздновать его у себя. Все жители предмѣстія идутъ въ смиренный домъ его. Наши именитые граждане, отставной маіоръ Дремовъ, Перковъ ученый, застѣдатель Кармановъ, купецъ Кормиловъ и прочіе сосѣди наши считаютъ за удовольствіе быть угощаемы добродѣтельнымъ старцемъ. Не говорю

о себѣ, затѣмъ что я раздѣлялъ хозяйственныя попеченія священника.

Обѣдали на дворѣ, подъ тѣнью древняго дуба. Супруга священника, другая Бавкида, устала гостепріимный столъ простыми брашнами.

На память радости нашей, мы посадили молодую лѣторасль ивы. На коркѣ дерева начертали мы годъ и дець заключенія мира. Умилительное явленіе заключило нашъ праздникъ. Священникъ вывелъ посреди насъ малолѣтнее дитя, котораго отецъ (солдатъ Измайловскаго Полка), убитъ на войнѣ. Единогласно все собраніе наше взяло сироту въ особливое свое покровительство. Священникъ будетъ его учить и воспитывать. Мы другъ передъ другомъ ревновали обложить себя нѣкоторымъ числомъ денегъ, для составленія маленькаго имѣнія несчастному, думая, что благодареніе, угоднѣйшее Вышнему Существо, есть благодѣяніе челоуѣкамъ.

№ 5.

Пятница, 27 Сентября 1790 года.

Тотъ извергъ естества, кто ближнихъ ненавидитъ;
 Тотъ малъ, чтобъ честнымъ быть, кто только не обидитъ.
 По правдѣ челоуѣкъ, кто всѣмъ благотворитъ:
 Дыханія его немолчный есть свидѣтель
 Споспѣшна добродѣтель.
 Онъ живъ, коль всѣхъ живитъ.

Петровъ.

Принявъ участіе въ общей радости о заключеніи мира, я предался другому чувствованію

особенному, которое меня только касалось: я вспомнилъ Васиньку. Мнѣ извѣстно было изъ писемъ, въ который день его ожидаютъ. Никольское далеко отсюда; но удовольствіе видѣть любимыхъ людей въ счастіи уничтожило въ воображеніи моемъ разстояніе, которое раздѣляетъ предмѣстіе мое съ Никольскимъ. Я простился съ добродѣтельнымъ священникомъ и бросился въ кибитку. Каждое обращеніе колеса удовлетворяло моей нетерпѣливости. Біенія сердца моего угадывали приближеніе Никольскаго. Съ какимъ восхищеніемъ вѣхалъ я въ сію темную аллею, которая ведетъ къ воротамъ Никольскаго! Хотя осенній вѣтеръ похищалъ поблекшіе листья ея, но сладостное мгновеніе, въ которое графъ Благотворовъ и всѣ особы, составляющія семейство его, удостоивали меня своихъ объятій, превъшаетъ описаніе. Его любящее сердце возвышалось еще радостію родителя, которую вкушалъ онъ при возвращеніи сына своего изъ опасностей невредима и еще достойнѣйшаго важности его, нежели прежде. «Посмотри, говорилъ онъ «Васинька съ нами! Обойми его.» Слезы не позволяли говорить болѣе. Онъ стыдился ихъ и наслаждался ими.

Добросердечіе господина перешло, кажется, во всѣхъ его домашнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣетъ слугъ, ежели симъ именемъ означаются несчастные и равные намъ люди, которые прищуждаются бѣдностію состоянія своего исполнять безъ награжденія всѣ наши своевра-

вія. Онъ, кажется, окруженъ толпою внимательныхъ пріятелей, которыхъ покровительствуетъ. Не помнятъ въ домѣ, чтобъ онъ огорчилъ кого грубымъ словомъ, не для того, чтобъ не случилось никогда оплошности, — это невозможно; но онъ почитаетъ должностію своею исправить преступившаго съ тихостію, и думаетъ, что обезчеститъ самого себя, ежели въ домашнемъ своемъ унизитъ ругательствомъ достоинство человека. Часто отлагаетъ и самыя кроткія увѣщанія свои, затѣмъ что видитъ въ стыдѣ преступника величайшее наказаніе. Тотъ, который былъ удостоенъ его выговора, не промѣнялъ бы ни за что утѣшенія быть имъ наставлену. Столько тихость господина дѣлаетъ сердца служителей кроткими и чувствительными!

Все его домашніе наполнены истинной учтивости и доброжелательства. Ни какой бѣдный человекъ не былъ ими отверженъ съ презрѣніемъ. Видя ихъ поступки, иной бы принялъ ихъ за благородныхъ: отъ того, что графъ признаетъ одно благородство сердечное.

Говоря съ слугами своими, онъ никогда не забываетъ, что говоритъ съ людьми. Все его приказанія умягчены какою нибудь ласкою: «Потрудись, другъ мой; не тяжело ли тебѣ будетъ?» или что нибудь подобное. При исполненіи какого нибудь порученія, никогда не преминетъ хвалить за скорость и исправность.

«Они люди и несчастны (вотъ слова его): слѣдственно имѣютъ право на сожалѣніе наше. Но

они еще намъ служатъ: слѣдственно мы обязаны имъ благодарностію. Такъ, какъ и они, я могъ бы родиться слугою, и нечувствительный господинъ изнурялъ бы меня трудомъ и уничижалъ презрѣніемъ. Я очень счастливъ, что могу облегчать судьбу мнѣ подобныхъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, никто не разумѣетъ лучше его искусства дѣлать людей счастливыми. Все, что его окружаетъ, испытываетъ вліяніе добродушія его и привѣтливости, и заимствуетъ отъ него навѣкъ пріятности и снисхожденія: жена, дѣти, родственники, друзья, знакомые, подчиненные, самые служители, которыхъ онъ называетъ *своими несчастными друзьями*. По одному разговору узнаешь, что они пользовались обхожденіемъ графа Благотворова.

Въ его домѣ нѣтъ ни злословія, ни переговоровъ, ни подлыхъ происковъ. Какимъ бы образомъ злобный наушникъ осмѣлился приблизиться къ графу? Онъ ненавидитъ одни пороки и любитъ исправлять порочныхъ терпѣніемъ и благоразуміемъ. Его камердинеръ самый счастливѣйшій человекъ въ свѣтѣ. Онъ видитъ каждый день добродѣтельнѣйшаго человека, и каждый день становится добрѣе и просвѣщенѣе. Онъ читаетъ въ библіотекѣ графской, и я знаю, что онъ употребляетъ половину жалованья своего на содержаніе бѣдныхъ.

Послѣдній день, что я былъ въ Никольскомъ, прогуливались мы съ графомъ въ полѣ. Было поздно. Вдругъ видимъ, что хижина, отдаленная

отъ жилья, загорѣлась. «Поспѣшимъ, любезный другъ, на помощь; можетъ быть, человѣкъ въ опасности.» Мы первые прибѣжали на пожаръ. Крестьяне, сбѣжавшіеся изъ села, видѣли съ восхищеніемъ помѣщика своего, презирающаго собственную опасность, спасающаго дряхлую и больную женщину. Напрасно уговаривали они его. «Друзья мои! я человѣкъ, — и мнѣ пріятно служить человѣчеству.»

№ 6.

Пятница, 4 Октября 1790 года.

Внѣшній блескъ преходитъ такъ, какъ дымъ;
Но красота души свой образъ сохраняетъ,
Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.

Богдановичъ.

Возвращаясь изъ Никольскаго, я имѣлъ случай видѣть по дорогѣ людей разнаго состоянія и наблюдать ихъ вблизи. Какое движеніе одушевляетъ цѣлое общество! Земледѣльцы, разсѣянные по полямъ, наполняютъ житницы государства. Обозы съ товарами идутъ медлительно къ мѣсту назначенія своего. Сокровища стекаются въ города и питаютъ рукодѣлья и художества; между тѣмъ какъ правленіе, устремляя всѣ части къ пользѣ цѣлаго общества, даруетъ всѣмъ покровительство законовъ.

Сіе зрѣлище занимало меня пріятнымъ образомъ и уменьшало скуку путешествія. Я разговаривалъ съ селянами, и часто въ разговорахъ ихъ почерпалъ наставленія въ сельскомъ домо-строительствѣ, въ наблюденіи природы, съ которою они знакомѣе насъ. Вездѣ находилъ я бодрость духа, разсужденіе простое и здоровое, неутомимое трудолюбіе, — черты, которыя составляютъ, кажется, народное умоначертаніе.

Въ одной волости представилась мнѣ совсѣмъ иная картина: поля пренебреженныя, хижины земледѣльческія развалившіяся, вросшія въ землю, соломою крытыя; а на холму, подъ которымъ деревня, огромное зданіе помѣщика, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи. Но великолѣпіе соединялось съ худымъ вкусомъ: безъ плана, ни какой соразмѣрности въ частяхъ, украшенія тяжелыя, излишнія. Отъ недостатка издѣвеній и порядка, недоконченное строеніе начинало уже разваливаться. Я любопытствовалъ спросить объ имени помѣщика. Извозчикъ мой отвѣтствовалъ, что это князь Но я лучше не назову его, уважая тѣмъ славныхъ людей, отъ которыхъ онъ происходитъ.

Улицы селенія были столь худы, что, при самомъ въѣздѣ въ него, ось кибитки моей изломилась; и между тѣмъ, какъ я былъ въ величайшемъ затрудненіи, звуки роговъ и топотъ конскій извѣстили меня о возвращеніи помѣщика съ охоты. Я былъ приглашенъ имъ, не столько изъ гостепріимства, какъ изъ суетной надмев-

ности и желанія ослѣпить* проѣзжаго сіяніемъ пышности его.

Чертоги его испещрены повсюду золотомъ, и ни что не показывало болѣе малости души господина ихъ, какъ смѣшное великолѣпіе, которымъ онъ окружалъ себя. Ему казалось — и онъ не скрывалъ того, — что онъ совсѣмъ отмѣннаго общества отъ его подданныхъ. Несчастіе крестьянъ его не трогало; онъ думалъ, что они рождены для его презрѣнія. Но, вмѣсто того, собаки были предметомъ его вниманія и разговоровъ: одна охота могла приводить въ движеніе тяжелую его душу. Впрочемъ, угожденія чреву его, сонъ и грубыя шутки наполняютъ пустоту его времени. Неспособный къ обхожденію съ честными людьми, онъ живетъ съ презрительными шутами, и смѣется съ удовольствіемъ тому, что только заслуживаетъ сожалѣніе.

Обхожденіе его совсѣмъ противоположно тому, которымъ графъ Благотворовъ составляетъ услажденіе своихъ пріятелей: простонародныя предразсужденія, разговоръ черни, ни какой вѣжливости, ни какихъ знаній. Онъ утверждаетъ, что Владиміръ былъ современникъ Августовъ и что пушки были при осадѣ Трои. Ломоносовъ ему столько же извѣстенъ, какъ Конфуцій.

Сколь различнымъ образомъ препроводилъ я вечеръ на почлегѣ моемъ! Я присталъ къ почтенному земледѣльцу. Четыре сына, изъ которыхъ меньшому было за пятнадцать лѣтъ, окружали съ почтеніемъ добродѣтельнаго отца. По

бодрой старости его, я не повѣрилъ бы, что онъ переступилъ уже за сто лѣтъ жизни своей, если бы я осмѣлился и самъ въ себѣ подумать, что ложь можетъ быть на языкѣ его.

Поля, окружающія деревню, обработаны его рукою. Онъ первый поставилъ хижину, когда кругомъ еще было непроходимое болото и дремучій лѣсъ. Труды его благословлены изобиліемъ, а добродѣтель — потомствомъ. Его одно семейство составляетъ населеніе деревни.

По вечерамъ всѣ сходятся въ жилище праотца своего, утѣшать старость его зрѣніемъ рѣзвой юности и пользоваться мудростію его и опытностію. Женщины занимаются около огня домашними упражненіями въ кроткомъ молчаніи. Старикъ рассказываетъ или забавляетъ правнучатъ своихъ. И тогда два младенца, сыновья внуковъ его, сидѣли у него на колѣнахъ и играли сѣдницами его. Онъ вкушалъ радости, рѣдкимъ пзъ людей извѣстныя. Алексѣй, младшій внукъ его, возвратился въ тотъ день изъ похода. Въ мундирѣ, двѣ медали на груди, молодой чело-вѣкъ чувствовалъ несравненное удовольствіе быть похваляемому дѣдомъ своимъ. Старикъ самъ служилъ въ молодости. Онъ имѣлъ счастье видѣть и слышать Петра Перваго. Молчаніе царствовало вокругъ его, когда онъ выговаривалъ съ глубокимъ чувствованіемъ и съ слезами имя Великаго Государя. Память его, сохраняя залогъ свой, повторяла вѣрно всѣ приключенія молодости его, какъ бы дѣйствія вчерашнія. Такимъ

образомъ вѣкогда сама Исторія составилаь изъ преданій.

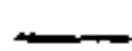
Гостепріимный съ важностію, онъ продолжалъ заниматься семействомъ своимъ. «Не прогнѣвайся на меня,» говорилъ онъ мнѣ: «я не видалъ давно Олешеньки, и мнѣ не долго его видѣть. Я желаю отъ всего моего сердца, чтобъ и ты дождался внучатъ своихъ, когда они съ войны придутъ. Я было-отдалъ его Государю: Богъ привелъ опять увидѣть.»

Меня поразила мысль, что въ тотъ же самый день простой крестьянинъ внушилъ въ меня почтеніе, когда я взиралъ съ презрѣніемъ на знатнаго, недостойнаго своей породы. Я почувствовалъ всю силу *личнаго достоинства*. Оно одно принадлежитъ чловѣку и возвышаетъ всякое состояніе.

№ 7.

Пятница, 11 Октября 1790 года.

Коль счастья съ должностію не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Княжнинъ.

Сколь истинно, что лишенія придаютъ новыя пріятности наслажденіямъ нашимъ! Послѣ отсутствія моего мнѣ кажется, что домъ мой еще украсился, хотя глубокая осень лишила садъ

мой и рошу лѣтняго ихъ убранства и заключила въ комнаты уединеннаго ихъ обладателя. Я доволенъ тѣмъ, что могу быть самъ съ собою. Ни какое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія. Чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели. Оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что, будучи поставленъ между добродѣтелю и несчастьемъ, выберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ счастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самого себя?

Какое удовольствіе ожидало меня на порогѣ дома моего! Усердіе домашнихъ, которыхъ каждое движеніе изъясняло радость о моемъ пріѣздѣ; одно зрѣніе покоевъ столь знакомыхъ, гдѣ я такъ давно счастливъ; книги, въ которыхъ учусь мыслить и чувствовать; рукописи, слабые опыты, въ которыхъ осмѣливаюсь перелагать древнихъ, или предаюсъ собственной мечтательности,—все вмѣстѣ дѣлало минуту возвращенія моего восхитительною. И послѣ того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣянїяхъ, въ многочудствѣ, далеко отъ домашнихъ боговъ своихъ; бѣгають отъ веселій къ весельямъ и изъ земли въ другую, между тѣмъ какъ оно вездѣ въ своемъ отечествѣ и ожидаетъ ихъ дома!

Меня занимаетъ пріятнымъ образомъ домашнее хозяйство. Есть люди, которымъ нужна моя помощь, совѣтъ, предстательство. Какое счастье отереть слезы невинно страждущаго, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ! Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя съ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ! Кто называетъ дружбу, называетъ добродѣтель. Меня ожидалъ въ горницѣ моей Алетовъ, возвратившійся изъ похода. Предчувствованія сердца его открыли ему время возвращенія моего. Наши сердечныя объятія, наше глубокое молчаніе изъявляли краснорѣчивѣйшимъ образомъ чувствованія, для которыхъ намъ не доставало словъ.

Мы не видали, какъ прошелъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ. Воспоминанія, чувствованія и мнѣнія прошедшаго времени снабжали насъ новыми размышленіями. Иногда мы были противнаго мнѣнія; но спорили безъ упрямства и уступали другъ другу безъ огорченія. Мы разгорячались только тогда, когда говорили о пользахъ челоуѣчества. Часто воспоминалъ Алетовъ какой нибудь прекрасный стихъ изъ Танкреда, или Меропы, и возглашалъ его съ восхищеніемъ.

Скоро прочіе друзья мои провѣдали мое прибытіе: каждый изъ нихъ спѣшилъ предупредить меня посѣщеніемъ. Пришелъ почтенный священникъ, добрый Дремовъ, Перковъ, Тучицъ. Было

полное собраніе передъ камнемъ. Мы завтракали, читали вѣдомости. Дремовъ разсказывалъ намъ успѣхи земледѣлія своего и сколько убралъ онъ хлѣба съ поля. Перковъ показывалъ выписки свои изъ Гиббона и Гиллеса.

Одного не доставало — Карманова. Всѣ отзывались, что не видали его давно. Должность судьи занимаетъ все время человѣка. И самое отдохновеніе его нарушается часто помышленіемъ о дѣлахъ общественныхъ. Отъ одного слова, которое произноситъ онъ, зависитъ спокойствіе или собственность гражданина. Какимъ угрызеніямъ подвергнетъ онъ жизнь свою, ежели приговоромъ, легко произнесеннымъ, осудитъ невиннаго, угнетаемаго стеченіемъ обстоятельствъ! Сколько такихъ случаевъ, гдѣ изысканіе истины сдѣлано труднымъ ябедою и ухищреніемъ! Иногда жалость, права знакомства, убѣжденія, просьбы соединяются на поколебаніе его мужества.

Первое, что я предпріялъ, какъ скоро оставили меня одного, было посѣщеніе моего пріятеля. Кармановъ встрѣтилъ меня съ тѣмъ добродушіемъ, которое ему свойственно. Разспросы о моемъ путешествіи. Но не смотря на спокойствіе, которое онъ старался принимать на себя, я видѣлъ заботу, сгѣдающую его сердце; она не могла быть долго тайною для моей дружбы. «Ты угадалъ, любезный другъ,» говорилъ онъ мнѣ: «я долженъ быть истолкователемъ строгости закона. Сильный человѣкъ желаетъ спасти виновнаго. Есть подлые люди, которые угро-

жають мнѣ всѣмъ его гнѣвомъ, ежели я не спасу его любимца.—Что жъ, мой другъ, какое ты возьмешь намѣреніе? — Оно взято. Никогда языкъ мой не произнесетъ того, что отвергаетъ совѣсть. Сильный человѣкъ долженъ мнѣ благодареніемъ за то, что я спасу святость законовъ отъ препятствій, которыя, въ заблужденіи своемъ, противопологалъ онъ исполненію ихъ. Но ежели, будучи раздраженъ твоимъ упорствомъ?.. — Я утѣшусь въ несчастіи одобреніемъ совѣсти.» Я летѣлъ въ его объятія: «Любезный другъ мой! ты возвращаешь мнѣ спокойствіе сею благородною твердостью. Злодѣйство — предпочитать жизнь свою чести; и какое можетъ быть счастье, когда оно въ противорѣчій съ добродѣтелью?»

№ 8.

Пятница, 18 Октября, 1790 года.

— — Любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Державинъ.

Мнѣ такъ хорошо сидѣть передъ моимъ каминомъ! Огражденъ отъ стужи твердыми стѣнами, одѣтъ мягкою волною агнцевъ, я наслаждаюсь произведеніями всѣхъ частей Свѣта. Сей напи-

токъ, услаждающій своею смачною солью, извлеченъ изъ плодовъ дерева, которое росло для меня въ Аравіи. Этотъ чай, котораго благоуханіе наполняетъ воздухъ, возвращенъ и собранъ промыслительною рукою Китайца. Еще болѣе: не выходя изъ горницы моей, узнаю происхожденіе цѣлой Европы. Мудрость древнихъ, изобрѣтенія новѣйшихъ,—все сіе сдѣлано вѣчнымъ и общимъ человѣческому роду посредствомъ искусства столь важнаго, сколь удивительнаго, которое умножаетъ въ одно мгновеніе списки сочиненія до безконечности. Я могу слышать настоящія слова добродѣтельнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ людей въ свѣтѣ, чрезъ безмѣрное разстояніе и тысячи лѣтъ, которыя раздѣляютъ меня съ ними. Гражданинъ Аѳинъ и Рима, я могу вмѣстѣ съ ними удивляться Софоклу и плескать Теренцію. Сіе же искусство, распространенное на живопись, собираетъ въ горницѣ моей превосходныя творенія художниковъ и восхитительныя положенія природы. Рѣзецъ Скородумова, или Вакера, подражаетъ кисти Ангелики Кауфманъ и Батенія. Одѣянія разныхъ народовъ, обряды, происшествія, зданія, крѣпости, сраженія, привлекаютъ мое вниманіе поочередно. Время, ускоряемое сими забавами разума, протекаетъ легко и пріятно, не оставляя мѣста скукѣ. Подъ кровомъ искусствъ общежитія, едва примѣчаю суровость погоды. Но, безъ вѣдома моего, сколько рукъ трудится въ самое сіе мгновеніе для доставленія мнѣ удобностей и пріятностей жизни! Земледѣлецъ, ру-

комесленникъ, промышленникъ, мореплаватель служатъ обществу трудами и часто опасностію своею.

Я разсуждалъ такимъ образомъ самъ съ собою. Кормиловъ въ двери, — купецъ, дѣлающій честь своему состоянію свѣдѣніями въ торговлѣ, неизмѣняемою честностію и трудолюбіемъ. Онъ имѣетъ дѣла почти во всѣхъ купеческихъ городахъ Европы. Исполненный общественной ревности, онъ поддерживаетъ имуществомъ своимъ предпріятія промышленниковъ, торгующихъ на островахъ Курильскихъ и Алеутскихъ.

По первыхъ учтивостяхъ съ обѣихъ сторонъ, онъ говоритъ: «Вотъ Англійскія книги, которыя я для васъ выписывалъ. Особенно пріятно мнѣ видѣть, между прочими, полезную книгу Адама Смита «О народномъ богатствѣ.» Читайте ее, чтобъ постигнуть важность торговл. Ею соединяются государства, наслаждаются искусства и нравы въ грубыхъ народахъ; природа обращается къ благополучію вселенной. Несправедливое предразсужденіе унижаетъ куечество передъ другими состояніями. Я не могу думать о себѣ съ пренебреженіемъ, когда повелѣнія мои исполняются въ Лондонѣ и когда я получаю донесенія отъ прикащика моего въ Учалашкѣ; когда вижу, что трудолюбіемъ моимъ и расчетомъ обращеніе денегъ въ государствѣ ускоряется; что я отверзаю новые пути вывозу естественныхъ произведеній моего отечества и возбуждаю промыслительность ремесленника.

Подлое корыстолюбіе не унижаетъ предпріятій моихъ. Моя прибыль соединена безирестанно съ пользами государства. Учреждаю такъ всё дѣла мои, что я въ состояніи удовлетворить каждому требованію при самомъ предъявленіи. Обманщикъ, который во зло употребляетъ довѣріе, недостойнъ почтеннаго имени купца. Одно слово мое на биржѣ должно стоять самой важнѣйшей письменной сдѣлкѣ. И какъ можетъ быть иначе? Безчестное дѣло предполагаетъ тѣсный разумъ. Купецъ, какого я понимаю, есть государственннй человѣкъ, который приуготовленъ тщательнымъ воспитаніемъ къ исполненію своего званія, и котораго всё дѣйствія управляются духомъ порядка и хозяйства.»

Какъ онъ говоритъ о должностяхъ купца, такъ исполняетъ ихъ; но умалчиваетъ о своей благотворительности. У него есть правило откладывать десятую часть прибыли: это называетъ онъ «имѣніемъ бѣдныхъ».

Наша бесѣда прервана разношикомъ писемъ. Кормиловъ пошелъ читать ихъ къ себѣ въ контору. Я получилъ слѣдующее письмо изъ Бернова отъ Ирищева, который поѣхалъ туда вышнее лѣто, пользоваться пріятностями деревенской жизни.

Берново, Октября 8-го.

«Теперь ты не имѣешь ни какой отговорки. Ты былъ въ Никольскомъ; надобно пріѣхать въ

Берново. Ты знаешь, что здѣсь живутъ самые снисходительные люди. Но спроси самъ у себя по совѣсти, можно ли удовольствоваться твоими извиненіями? Я люблю спокойствіе и глубокое уединеніе моего предмѣстія. Какъ оставить книги мои, упражненія, привычки? Надобно вооружиться мужествомъ. Мы такъ положили въ думѣ своей; этого перемѣнить не возможно. Ты долженъ съ нами провести зиму; ѣздить на морощу, или оставаться дома и рыться въ библіотекѣ. Мы воли не снимаемъ: Музы у насъ не въ изгнаніи. Въ доказательство прилагаемъ басенку:

«ИЗГНАНИЕ АПОЛЛОНА.

«На Феба нѣкогда прогнѣвался Зевесъ,
И отлучилъ его съ небесъ
На землю въ заточеніе.

Что дѣлать? сильному противиться нельзя.
Безъ спору Аполлонъ исполнилъ изреченіе.
Въ простаго пастуха себя преобразя,
Въ мгновеніе съ небесъ свое направилъ странство
Туда, гдѣ съ шумомъ бьетъ Пенеевъ быстрый
токъ.

Смирению платъе, посошокъ
И нѣсколько цвѣтовъ— вотъ все его убранство.
Адмету, доброму Тессалии царю,
Сей кроткій юноша услуги представляетъ
И скоро царскими стадами управляетъ;
Находитъ въ пастухахъ невѣжество и прю,

Сердцеъ ожесточенье,
О стадѣ пераченье,—

Какое общество защитнику искусствъ!
Несчастливъ Аполлонъ. Но сладостной еврѣлью
Онъ тщится ихъ привести къ невинному веселью.
Поетъ—и скоро ставъ владыкой грубыхъ чувствъ,
Влагаеть въ пастырейъ незнаемую душу,
Учтивость, дружество, пріятный разговоръ,
Желанье нравиться. Къ нему Дріады съ горъ
И Нимфы съ ручейковъ ебѣгаются на сушу.
Внезапу вокругъ себя большой онъ видитъ дворъ.

Небесны боги сами,

Одинъ по одному,

Съ верховъ Олимпа внизъ сходилися къ нему.

Соскучивъ обладать пустыми небесами,

Зевесъ изгнанника на небо возвратилъ.

Искусства укрощаютъ нравы.

Кто первый вымыслилъ для разума забавы,

Мнилъ только забавлять : онъ смертныхъ про-
свѣтилъ

И грубыхъ варваровъ въ людей преобратилъ.»

№ 9.

Пятница, 25 Октябрю 1790 года.

Въ насъ сердце для страстей, въ насъ разумъ для спокойства.

Николевъ.

Письмо Иринево дѣйствуетъ. Оно возбудило
во мнѣ цѣпь пріятныхъ воспоминаній. Все, что

имѣеть отношеніе къ первымъ лѣтамъ нашей жизни, наполняетъ сердце сладостными движеніями. Невинность возраста, новостъ прибрѣтаемыхъ знаній и чувствованій, первыя знакомства, но болѣе всего благодѣянія, которыми ободряли, поддерживали юность нашу, оставляютъ въ памяти картину столь восхитительную, что хотѣлъ бы, кажется, обратиться назадъ и взглянуть еще разъ, ежели можно, на ея смѣющіяся изображенія и нѣжныя краски.

Сколь счастливъ тотъ, кому благосклонное Небо сохранило древняго родителя, и кто много разъ можетъ праздновать день рожденія своего, приишкнувъ на перси добродѣтельнаго старца! Скажите вы, наслаждающіеся ласками нѣжной матери, какое чувствованіе можетъ быть для васъ сладостнѣе того, которое наполняетъ сердце ваше при ея объятіи? Берегите драгоценную ея чувствительность. Столько страховъ и попеченій колебали сердце ея въ младенчествѣ вашемъ, и теперь еще колеблютъ. Нить жизни ея сплетена неразлучно съ вашею. Она живетъ любовью вашею, желаніемъ вамъ счастія, успѣховъ, добродѣтелей. Сколь виновенъ долженъ быть сынъ, который можетъ опечалить сіе чувствительное сердце и позабыть на одно мгновеніе священный долгъ природы и благодарности!

Однако есть неблагодарные. Сердца жестокія, недостойныя имени чловѣчества, озлобляющія руку, которая ихъ питала! Природа производитъ ихъ во гнѣвѣ своемъ. Подобные сямъ страшнымъ

преобращеніямъ, которыя разоряютъ вселепную, землетрясеніямъ, потопамъ, они являются рѣдко, чтобъ ужасать примѣромъ своимъ человѣческой родъ, и оставляютъ по себѣ долговременное омерзене.

Что можетъ быть трогательнѣе положенія моего почтеннаго пріятеля, Дремова? Проведя жизнь свою въ изобиліи, видѣвъ кругомъ себя все семейство свое, исчезающее въ могилу, будучи одинъ въ мірѣ, онъ устремилъ всю нѣжность сердца своего на сирое и незнакомое дитя, оставленное родителями. Онъ былъ ему настоящій отецъ: радовался его успѣхамъ, радовался оставить послѣ себя счастливаго. Молодой Евфемонъ (такъ называлось дитя) подавалъ надежду награды съ избыткомъ попеченія воспитанія. Введенный рано въ общество, онъ привлекалъ всѣхъ взоры своею живостію, обращеніемъ и симъ блескомъ, который искусства и знанія придаютъ разуму благовоспитаннаго человѣка. Но обольщенный тщеславіемъ, юноша повѣрилъ внушеніямъ безразсудныхъ пріятелей. Скоро увѣщанія Дремова показались ему несправедливыми суровостями. Евфемонъ тѣмъ болѣе привязывался къ сіяющимъ бездѣлцамъ и бѣдственнымъ своенравіямъ, чѣмъ болѣе опорочивалъ ихъ Дремовъ. Наконецъ должно было дойти до строгости; и тогда несчастный Евфемонъ сдѣлался въ первый разъ виновнымъ. Въ изступленіи разума своего, онъ разорвалъ союзъ благодарности и дерзнулъ укорять воспитателя своего. Вообразите себѣ со-

крушеніе Дремова; я не имѣю для него выраженій. «Несчастнѣй!» вопіялъ онъ болѣзненнымъ голосомъ: «ты пронзася сердце мое, обращая противъ меня собственныя мои благодѣянія. Столько попеченій, столько трудовъ для произведенія неблагодарнаго! Твое жестокосердіе ужасаетъ меня. Кого пощадишь ты, когда дерзаешь проносить хулы на того, кто избавилъ жизнь твою отъ пагубы, кто даровалъ тебѣ болѣе нежели жизнь, кто сдѣлалъ тебѣ ее пріятною? Я не могу болѣе сносить твоего присутствія; оставь меня одного терзаться. Ты наносишь ударъ смерти сему нѣжному сердцу, которое только тѣмъ наслаждалось, чтобъ любить тебя. Я не знаю тебя болѣе. Ты мнѣ — ничто. Иди, ищи сообщества такихъ же неблагодарныхъ, какъ ты, и одного прошу: избавь меня навсегда несчастья тебя видѣть.»

Молодой человѣкъ вышелъ въ окаменѣніи ярости. Его видѣли бѣгущаго по улицѣ, изумленнаго. Но полчаса спустя, жалость и любовь изгнали справедливый гнѣвъ изъ сердца Дремова. Онъ разослалъ людей своихъ въ слѣдъ Евфемона; побѣждалъ самъ искать его. Безполезно. Его въ городѣ уже не было.

Дремовъ возвращается домой печаленъ и встревоженъ въ душѣ своей неизвѣстностію и сѣтованіемъ. Садится утомленный. Прибѣгаютъ служители. Всѣ стараются другъ передъ другомъ угожденіями своими смягчить печаль добраго господина. Всѣ суетятся кругомъ его, бѣгаютъ.

Кто приготовляетъ ужинъ, кто перестилаетъ постель. Между тѣмъ Дремовъ впадаетъ въ глубокое размышленіе: «Какъ! для меня одного столько людей беспокоится, нужно столько изживенія! А мой Евфемонъ, котораго молодости приличнѣе всѣ сіи удовольствія, изгнанъ моею суровостію, странствуетъ теперь безъ пристанища. Нѣтъ, я не буду пользоваться нѣгою покойной жизни, покуда изгнанникъ мой не возвратится въ сіи отеческія объятія. До тѣхъ поръ хочу себя наказывать за него всѣми лишеніями, работою, изнуреніемъ.» Въ самомъ дѣлѣ онъ распродалъ все: палаты, пожитки, украшенія, и поселился въ нашемъ предмѣстіи. Отказывая себѣ всякое удовольствіе, онъ воздѣлываетъ своими руками маленькое поле. Два года живетъ между нами и не можетъ удалить отъ сердца своего мысли о своемъ миломъ и неблагодарномъ воспитанникѣ. Самое преступленіе Евфемона приписываетъ винѣ своей: «Я не довольно исправлялъ сердце его,» говоритъ онъ. «Слова мои не имѣли волшебной прелести, которая дѣлаетъ добродѣтель легкою и порокъ невозможнымъ. Справедливо, чтобъ я за то наказывался.»

№ 10.

Пятница, 1 Ноября 1790 года.

Прямую цѣну уму даетъ благоправіе. Безъ него умный челоѣкъ чудовище. Умнаго челоѣка легко извинить можно, если онъ какого качества ума и не имѣетъ. Честный челоѣкъ долженъ быть совершенно честный челоѣкъ.

Фонз-Визинъ.

Въ какой благополучный часъ предпринялъ я путешествіе свое въ Берцово! Оно доставило мнѣ неоцѣненное удовольствіе приблизить другъ къ другу двѣ души благородныя и чувствительныя, окончить раскаяніе питомца и сиротство воспитателя. Я нашелъ Евфемона, несчастіемъ искушеннаго, и котораго теперь ни что не можетъ отвратить отъ добродѣтели, затѣмъ что онъ видѣлъ собственными глазами неизмѣримую бездну, въ которую повергалъ его порокъ. На краю ея остановился онъ съ трепетомъ, и слезы раскаянія очистили душу его и возвратили ей спокойствіе невинности. Я спѣшилъ овладѣть имъ. Для меня не трудно было воротиться назадъ, чтобъ повергнуть его въ объятія умиленнаго Дремова. Я наслаждался ихъ счастіемъ. Судите, каково было мое! Видѣть мудрость, прощающую заблужденіе; смиряющагося юношу, котораго добродѣтельный старецъ объятіями своими не до-

пускаетъ упасть къ ногамъ своимъ; слышать имя свое благословляемое ими: нѣтъ, я не знаю положенія умилительнѣйшаго! Счастливъ тотъ, кто можетъ укрѣпить священные союзы семейства, примирить несогласія ближнихъ и повсюду кругомъ себя разливать благоволеніе!

Между спокойными селянами препроводилъ Евфемонъ время своего заточенія. Здѣсь изгналъ онъ изъ мыслей сіяющія суеты, которыя омрачали его. Здѣсь научился отличать отъ самого себя постороннія достоинства, которыя случай ему доставилъ, — богатство, уваженіе, внѣшнее сіяніе. Два года послушный добродѣтельному оратаю, котораго семейство избралъ онъ себѣ убѣжищемъ; терпѣливый, прилежный, благодѣтельный, онъ казался ему Ангеломъ небеснымъ, для утѣшенія старости его ниспосланнымъ. Деревенскій воздухъ, труды земледѣлія, порядочная жизнь укрѣпили тѣло его и придали благообразному стану его нѣкоторый мужественный видъ. Но онъ пріобрѣлъ еще болѣе превосходства со стороны сердца въ школѣ несчастія и сельской жизни. Не было безразсудныхъ пріятелей, которые дѣлали бы ему добродѣтель смѣшною и потворствовали бы его слабостямъ. Окруженный равными, онъ долженъ былъ заслуживать дружбу cadaго. Почтеніе, которое ему оказывали послѣ, было его собственное, затѣмъ что состояніе его не было никому извѣстно. Одѣтый какъ прочіе селяне, онъ отличался отъ нихъ одною

пріятностію нрава, повиновеніемъ, любовію труда и добродѣтели.

Сіе-то самое отличіе было для меня стезею къ найденію Евфемона. Счастливый случай привелъ меня остановиться на первой станціи дороги моей въ Берново, точно въ хижинѣ земледѣльца, у котораго Евфемонъ скрывался. Присутствіе его, обращеніе, самая задумчивость, которая осѣняла лицо его, обратили на него все мое вниманіе. Но какое удивленіе возбудилъ во мнѣ разговоръ его! Первое слово, имъ произнесенное, открыло мнѣ состояніе его. Я боялся быть нескромнымъ и овладѣть тайною его по неволѣ, уважая несчастіе въ томъ, кого хотѣлось бы мнѣ любить какъ друга. Сердца наши соглашались втайнѣ. Едва знакомые, мы были уже искренни. Я назвалъ въ разговорѣ мѣсто отъѣзда моего: молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ. Съ видомъ виновнаго, который ждетъ осужденія, онъ сказалъ: «Позвольте спросить: не доходило ли нечаянно до слуха вашего почтеннаго имени Дремова? Небо сохраняетъ ли еще добродѣтельную жизнь его?» При сихъ словахъ, но болѣе при чувствованіи, которое на лицѣ изображалось, я угадалъ истину, произнесъ имя Евфемона, и слезы, покотившіяся изъ глазъ его, не оставили мѣста сомнѣнію. Кто изобразить восхищенія наши! Ихъ раздѣлили добродушные селяне. Хозяева, теряя въ немъ подщору свою, первые желаютъ видѣть того, котораго называли сыномъ своимъ, возстановленнаго въ прежнее

состояніе. Мнѣ надобно было употребить величайшія увѣренія, чтобъ ободрить робость Евфемона. Ему представилось преступленіе его въ мрачнѣйшемъ видѣ. «Какимъ образомъ,» говорилъ онъ: «неблагодарный осмѣлится предстать оскорбленному благодѣтелю? Мнѣ слышится еще въ глубинѣ сердца ужасное его изреченіе: Избавь меня несчастія видѣть себя!»

Я не смѣю описывать картины свиданія ихъ. Угрызенія воспитанника превзойдены чистою и спокойною радостію воспитателя. Казалось, что изъ двухъ, Дремовъ былъ виновный; что онъ, а не Евфемонъ возвращенъ въ домъ свой. О преступленіи ни слова. Великодушный умѣетъ болѣе нежели прощать: онъ и вину самую уничтожаетъ.

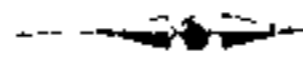
Можно ли съ лучшимъ принасомъ ѣхать въ дорогу? Счастіе моихъ пріятелей будетъ занимать меня до самаго Бернова. И зачѣмъ не далѣе? Ежели я сколько нибудь способствовалъ оному, то не даромъ жилъ въ предмѣстіи. Воспоминаніе добраго дѣла распространяется на цѣлую жизнь. Съ умиленіемъ оставляю друзей моихъ и низлагаю между ихъ качество «обитателя предмѣстія».

ЭМИЛЕВЫ ПИСЬМА.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Живучи въ Софіи, я имѣю обыкновеніе прогуливаться каждый день по Большой Московской Дорогѣ. Множество путешественниковъ разсеѣваетъ размышленія мои. Въ началѣ октября остатки прекраснѣйшаго лѣта еще были чувствительны. Я шелъ съ моими пріятелями подъ вѣтвями поблекшихъ березокъ. По бокамъ у меня были Виль Гоникомбъ и Дикъ Эйронсейдъ, граждане софійскіе. Вдругъ видимъ нѣчто бѣлое на дорогѣ, приближаемся — это былъ свитокъ рукописей и писемъ. Вдали карета въ шесть лошадей, запряженная по дорожному, скакала во весь опоръ. Можетъ быть, изъ ней былъ оброненъ сей свитокъ. Но какимъ удивленіемъ былъ я пораженъ, когда, развернувъ его, узналъ почеркъ любезнаго моего Эмилія, достойнаго должайшей жизни, и котораго потерю немногіе друзья оплакиваютъ! Жребій его совершенъ. Всечасное его желаніе было жить и умереть для пользы оте-

чества. И послѣдніе взоры его видѣли убѣгающаго непріятеля. Не трудно было мнѣ угадать, что письма сіи были писаны къ доброму Фларету. И что было свойственнѣе, какъ, предавъ ихъ тишенію, почтить между нами память нашего вѣжнаго друга?

Село Никольское, 18 мая.

Любезный другъ мой,

Вотъ другое письмо, что я пишу къ тебѣ отсюда. Какъ я здѣсь счастливъ! какая погода! какое прелестное мѣстоположеніе! Ты знаешь хозяевъ. Я не могу описать тебѣ всего вниманія ихъ, ласки, благородной учтивости. Ихъ одно общество могло бы сдѣлать и пустыню пріятною. Чего мы не дѣлаемъ? Прогуливаемся пѣшкомъ, верхомъ, на лодочкѣ. Любви достойныя дѣти ихъ, особливо Васенька, увеличиваютъ веселья наши своими невинными играми. Радостно смотрѣть, какъ они любятъ другъ друга. Малѣйшее огорченіе приключится одному — и всѣ опечалены. Зато, какъ ихъ любятъ окружающіе, домашніе! Но мы ли одни? Посторонніе, чужіе люди привлекаются ихъ вѣжливостью, тихостію, чистосердечіемъ.

Посуди по вчерашнему. День былъ прекрасный; по утру маленькій дождикъ, послѣ обѣда солнце, и воздухъ наполненъ благоуханіемъ! Мы собирались прогуливаться; видимъ вдали пыль, изъ которой показываются верховые. Они подъѣзжаютъ: молодой инженерный офицеръ, очень хорошаго вида, представляется хозяевамъ, проситъ позволенія остановиться въ селѣ съ своею командою. Онъ посланъ отъ дивизионнаго генерала для разбитія лагеря и нѣкоторыхъ полевыхъ укрѣпленій къ учебному смотру, въ верстѣ разстоянія отъ Никольскаго.

Не прошло получаса, какъ дѣти уже совершенно съ нимъ ознакомились. Г. Добросердовъ, такъ назывался офицеръ, показывалъ имъ всѣ подробности чертежа своего; выгоды и неудобности мѣстоположенія, какія высоты занимаетъ онъ редутами, гдѣ назначаетъ переправы, отводные караулы, и такъ далѣе. Въ другомъ тактическомъ планѣ изъяснялъ имъ всѣ движенія обѣихъ сторонъ, боевой порядокъ, на которомъ крыльѣ начнется нападеніе, откуда подкрѣплять будутъ уступающихъ и какимъ образомъ прикроется отступление побѣжденныхъ.

Этого мало: мы всѣ садимся на лошадей, и слѣдуемъ за офицеромъ на самое мѣсто трудовъ его. Вооружены кольями, заступами, между тѣмъ какъ офицеръ назначаетъ углы по астролябіи, мы продолжаемъ линіи, разбиваемъ укрѣпленія.

Дѣло шло такъ усердно и скоро, что мы уже могли подчивать гостя своего легкимъ ужиномъ

въ полуотдѣланномъ редутѣ на правомъ крылѣ арміи.

Завтра полки вступаютъ въ лагерь; и наше деревенское спокойствіе будетъ встревожено шумомъ военныхъ упражненій. Навсегда твой, и проч.

25 Мая, по утру.

Нѣсколько дней пропущено безъ писемъ: и дружба твоя, можетъ быть, возмущается моимъ молчаніемъ. Я не защищаю вины моей, и чтобъ избѣжать ее впередъ, посылаю тебѣ цѣлую дневную записку.

Я увѣдомлялъ тебя, что полки выступятъ въ лагерь 19 числа. И дѣйствительно, въ тотъ день они двинулись, боевымъ порядкомъ, въ двѣ линіи. Картина самая разительная, видѣть съ возвышеннаго мѣста нѣсколько полковъ пѣхотныхъ, конныхъ, шествующихъ величественно по пространной долинѣ. Нѣсколько колоннъ, разными дорогами дошедъ въ то же время на одну черту, развернулись на мѣстѣ избраннаго стана. Это было около осьми часовъ вечера. Последніе лучи солнца отбрасываемы были сіяющею чистою ружей. Развѣвались знамена; раздавался громъ барабановъ. Между тѣмъ отряды конницы, которые помѣщены были въ промежуткахъ колоннъ,

обращались направо и налево, и составляли крылья. Позади фронта явились палатки, поставленные фурыерами съ невѣроятною скоростію.

Въ 9 часовъ вечера.

Мы теперь только отъ зори. Лагерь расположенъ весьма выгодно на высотѣ, которая повѣлѣваетъ почти всею окрестностію. Чистота, опрятность, послушаніе въ солдатахъ; строжайшая подчиненность между офицерами. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ нихъ. Есть между ними весьма достойные, соединяющіе военныя качества со знаніемъ свѣта. Таковъ отлично Г. полковникъ Думовъ, который начальствуетъ особливою бригадою. Ты знаешь Осанова, и имя Славина не можетъ быть неизвѣстно.

Легко вообразить себѣ, что и дѣти были съ нами; но Васинька не былъ. Онъ выпросилъ позволеніе остаться дома, парочно для того, чтобъ испытать, можетъ ли отказать себѣ въ удовольствіи. Онъ былъ доволенъ своимъ мужествомъ и употребилъ это время на черченіе шестиугольника, укрѣпленнаго по первому построенію Г. Вобана. Съ нѣкотораго времени геометрія и фортификація начинаютъ ему нравиться почти столько же, какъ игрушки. Можно ожидать всего добраго отъ того, кто учится владѣть самимъ собою.

24 числа. Въ 5 часа по полудни.

У насъ обѣдали сегодня дежуръ-маіоръ Вельзоровъ и адъютантъ Алетовъ. Они намъ показывали письменное распоряженіе учебнаго смотра. Ввечеру высланъ будетъ отрядъ фуражировъ. Настоящее ученіе назначено къ 30 числу.

Я перерываю письмо мое, потому что подвозятъ линѣйку ѣхать въ лагерь. Прощай.

—

Надобно очень любить своихъ пріятелей, конечно не менѣ моего, чтобъ удосужиться разговаривать съ отсутственнымъ, посреди самаго блистательнаго праздника и между тѣмъ, какъ все кругомъ меня одушевляется весельемъ. Сегодня рожденіе Васишки. Ему исполнится однанадцать лѣтъ Но я открываю тебѣ тайну его. Онъ воображаетъ, что ему по крайней мѣрѣ пятнадцать.

Я не видалъ отрока, который бы его ранѣе сталъ чувствовать благопристойность поведенія. Столь нѣжно въ немъ чувствованіе честнаго и похвальнаго, столь сильно отвращеніе отъ постыднаго, что онъ не въ состояніи сдѣлать ничего предосудительнаго, хотя бы и увѣренъ былъ, что никто того не узнаетъ.

Смѣлъ и великодушенъ отъ природы, столько боится стыда и потерянія чести, что одинъ взоръ

неудовольствія, едва примѣтная холодность лишаютъ его веселости. Онъ не можетъ быть спокоенъ, пока не возвратитъ добраго о себѣ мнѣнія.

Еще примѣръ власти его надъ собою. Онъ очень любитъ персики. Сегодня подарили ему прекрасный, единственный, который достать могли. Сколько радости! На немъ основывалъ надежду своего завтрака. Мы шли къ развалинамъ маленькаго домка, въ полверстѣ отъ еса. Хотѣли тамъ расположиться. Не доходя, видимъ бѣднаго прохожаго, отдыхающаго. Сѣдые волосы, сѣдая борода. Онъ казался утомленъ и отъ дороги, и отъ несчастій. Слабымъ голосомъ просилъ милостыни. У насъ не случилось денегъ. Слезы навернулись на глазахъ у Васишки. Скорѣе слова, и прежде нежели мы одумались, персикъ былъ у старика. Слезы благодарности капались изъ оживленныхъ глазъ несчастнаго; благословенія, молитвы за здравіе юнаго благотворителя!

Васишка восхищенъ былъ, что потерялъ свой завтракъ. Возвращаясь, пріятная встрѣча. Сержантъ, присланный отъ Г. Думова, вручаетъ имяниннику двѣ книги въ богатомъ переплетѣ: «Мечтанія Маршала де-Саксъ» и «Опытъ Тактики Г. Гиберта».

У насъ будетъ и самъ Г. Думовъ и множество офицеровъ изъ лагеря. Мы даемъ обѣдъ, балъ, ужинъ. Добросердовъ гот. вить къ ночи маленькій фейерверкъ.

Вотъ и гости начинаютъ съѣзжаться. Прощай, мой другъ, я оставляю тебя, чтобъ итти въ гостиную.

Въ первомъ часу по полуночи.

Уставъ до чрезвычайности, прихожу съ бала, хочу продолжать письмо мое; и не въ состояніи. Глаза смыкаются сами. Вообрази себѣ, шесть англійскихъ сряду. Но я не могъ сравняться ни съ Осановымъ, ни съ Алетовымъ. Они такіе же неустрашимые танцовщики, какъ и офицеры. Соединяя любви достойныя дарованія съ основательными качествами, они должны быть совершенно счастливы, если чувствуютъ цѣну дружбы, столько же, какъ

твой вѣрный другъ

N. N.

Мая 29 дня.

Село Никольское.

29 мая, Берново.

Наконецъ, любезный другъ мой, по окончаніи путешествія, малотруднаго и пріятнаго, въ лучшее годовое время пріѣхалъ я въ Берново и наслаждаюсь всѣми удовольствіями деревенской жизни. Я нашелъ достойнаго пріятеля нашего, окруженнаго своею милою семьєю. Ты можешь вообразить радость нашего свиданія. Это было ве-

черомъ. Солнце на закатѣ оканчивало самый ясный весенній день. Удовольствіе, начертанное на лицахъ хозяина и домочадцевъ его, свидѣтельствовало, сколько сердца ихъ спокойны и благополучны исполненіемъ законовъ добродѣтели.

Въ минуту пріѣзда моего все семейство помѣщика занималось отправленіемъ деревенскаго праздника. Жители цѣлой деревни, отстоящей отъ села на полтретья версты, старый и малый, приходили порядочнымъ строемъ на дворъ господскій. Всѣ были въ лучшемъ праздничномъ убранствѣ. Юноши и отроки по два въ рядъ подносили помѣщицѣ вѣнки, сплетенные изъ васильковъ. Староста между тѣмъ представлялъ господину всѣхъ стариковъ деревни.

Послѣдовало радостное угощеніе. Столы были поставлены въ освѣщенной аллеѣ. Я спѣшилъ занять мѣсто мое между добрыми поселянами. Господа отличались однимъ снисхожденіемъ и доброжелательствомъ. Мы позабыли различіе состояній и помнили только, что мы люди. Мнѣ показалось, что вижу явленіе изъ «златаго вѣка», когда, подъ тѣнію дуба, какой нибудь патріархъ вкушалъ простыя яства посреди своего раждающагося семейства.

Пляски, хороводы заключили вечеръ. Я предался сладкому сну, наполненъ воспоминаніемъ всего того, что видѣлъ и чувствовалъ. И, сказать тебѣ правду (но ты не перескажи этого никому другому), веселье сіе понравилось мнѣ несравненно лучше нашихъ воксаловъ, гуляній, въ кото-

рыхъ съ такимъ трудомъ стараемся наслаждаться природою — и не можемъ.

Мѣстоположенія прекрасны. У насъ садъ, звѣринецъ, рощи. Я встаю очень рано. Каждый день странствую по полямъ верхомъ или пѣшкомъ, читаю, пишу. Завтракаемъ вмѣстѣ. Потомъ забавы, бесѣда, общественныя гулянья. Ты меня знаешь и чувствуешь, осталось ли что нибудь, чего бы не доставало къ моему благополучію. Я не могу сказать съ Виргиліемъ:

О! кто бы перенесъ

Меня во Гемскія прохладныя долины,

И мрачной тѣни вѣтвистыхъ древъ покрылъ!

Я все это здѣсь имѣю. Горница моя въ звѣринцѣ. Маленькая библіотека моя расположена на трехъ полочкахъ, прибитыхъ надъ письменнымъ моимъ столикомъ. Горшки цвѣтовъ, которые я самъ поливаю, затемняютъ мои окна. Нѣкоторое великолѣпіе украшаетъ мою хижицу. Маленькіе бюсты Жанъ-Жака Руссо и Соломона Геснера, которые я выпросилъ у хозяина, означаютъ убѣжище ихъ попечителя и любителя природы.

Здѣсь я наслаждаюсь разсматриваніемъ оной, размышленіемъ и чтеніемъ. Я сравниваю зрѣлище природы съ тѣми восхитительными списками оной, которые оставили намъ древніе. Гомеръ, Виргилій, Горацій препровождаютъ меня на возвышенный холмъ или въ пріятную долину, по которой сверкаетъ студеныи источникъ. Картины

пѣвцовъ восхищаютъ мое воображеніе. Я стараюсь разбирать красоты ихъ. Записываю примѣчанія мои. Осмѣливаюсь перелагать по-Русски мѣта, которыя болѣе поражаютъ меня. Угодно тебѣ видѣть мои опыты? Письма мои сообщать тебѣ всѣ мои упражненія. Но ты одолжишь меня, любезный другъ мой, принимая ихъ болѣе за внушенія моего сердца, нежели за произведенія остроумія. Безъ чиновъ, прощай и люби меня.

30 мая въ 10 часовъ утра, изъ лагеря
при урочищѣ Красный Боръ.

Извини, любезный другъ, беспорядокъ письма моего. Я пишу къ тебѣ съ марсова поля, изъ ставки общаго нашего знакомаго, Г. Осанова. Теперь только кончилось ученье; день становится жарокъ и усталость тѣла, кажется, распространяется и на мысль мою.

Нападающее войско приближалось пятью колоннами, и по знаку предводителя изъ передоваго отряда, построилось въ наклоненный боевой порядокъ. Правое крыло зашло въ бокъ противоположеннаго войска и опрокинувъ его, преслѣдовало конницею.

Съ какимъ согласіемъ дѣйствовали всѣ отряды! Конница тяжелая, легкая; пѣхота, охот-

ники, наконецъ всеѣ разныя оружія соединены въ одно тѣло, движущееся и страшное!

Люди умѣли привести въ совершенство искусство, ужасное и необходимое, защищать безопасность и славу отечества. Ахъ, если бы они были столько же удачны въ умноженіи счастія, просвѣщенія и добродѣтели! Воинъ можетъ быть достоинъ почтенія и заслужить безсмертную память днями убійства и разоренія. Гражданинъ, который служитъ отечеству, не разоряя, трудами рукъ своихъ, искусствомъ, совѣтомъ, разумомъ, можетъ быть каждый день полезенъ, и честь его не смѣшена ни съ какими сожалѣніями. Мы забавляемся движеніями полковъ. Зачѣмъ проходимъ безъ примѣчанія мимо трудовъ земледѣльца, проливающаго потъ надъ собственной полосою? Зачѣмъ не обращаемъ вниманія на сихъ простыхъ людей, которыхъ руки обрабатываютъ произведенія земли и приуготовляютъ ихъ торговлѣ и художествамъ?

Гражданинъ, достойный сего имени, который намѣренъ служить своему отечеству, долженъ возникнуть во всеѣ части общежитія и узнать нужды и пользы общества.

Мы дали себѣ слово, я и Васненька, въ первую прогулку идти на ниву добраго земледѣльца, быть свидѣтелями трудовъ его, неутомимости, добродушія. Мы возьмемъ съ собою *Виргиліевы Георгики*, и въ виду хижинъ и пастуховъ, при шумѣ падающаго источника, прочтемъ прелест-

ный эпизодъ второй книги о похвалахъ сельской жизни.

Прощай, мой другъ; я желаю тебѣ всякаго благополучія.

6 іюня, Шикольское.

Писать къ тебѣ, разговаривать съ тобою заочно — ты знаешь, что это сдѣлалось для меня нуждою. Случай представился; я не хочу пропустить его, не сказавъ тебѣ, сколько я люблю тебя и сколько бы желалъ тебя видѣть съ собою. Одно мѣстоположеніе, благораствореніе воздуха, сельскія забавы уже прекрасны; но что же скажешь о людяхъ, любезныхъ моему сердцу, которые все это дѣлаютъ несравненно прелестнѣе пріятностями разума и сердца?

Любви достойный хозяинъ мой графъ Благотворовъ (никогда имя не сходствовало болѣе со свойствомъ человека) полагаетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобъ дѣлать добро другимъ. Богатство, почести, знатность, кажется, получилъ онъ только для того, чтобъ быть полезнымъ большому числу людей. Оказывая благодѣянія, онъ первый ихъ позабываетъ. Умолчать добро, которое сдѣлалъ, для него самое величайшее удовольствіе.

Напримѣръ, мы никогда не слышали отъ него о старикѣ Васильковѣ, который двадцать лѣтъ живетъ въ его убѣжищѣ.

Вотъ какимъ случаемъ мы его узнали. Третьяго дня, исполняя намѣреніе наше посѣщать земледѣльцовъ, я и молодой мой товарищъ идемъ трошинками между пашень. Ручей, извивающійся въ долину, привлекаетъ насъ своимъ журчаніемъ и пріятными излучинами. Василька перескакиваетъ его, входитъ въ кустарники. Мы за нимъ, выходимъ на лужайку, видимъ: селянинъ глубокой старости и почтеннаго вида (это былъ Васильковъ), оставляетъ плугъ свой, чтобъ посѣштить къ намъ на встрѣчу, внѣ себя отъ радости, видя въ первый разъ сына благодѣтеля своего.

Надобно было войти въ хижины его. И онъ, и дряхлая жена его угощаютъ насъ другъ передъ другомъ.

Васильковъ былъ страдальцемъ добродѣтели. Низкой породы, но благороднаго сердца, изъ рядовыхъ солдатъ, дослужился онъ офицерства. Одинъ человекъ, знатный и несправедливый, принуждалъ его силою и обѣщаніями участвовать въ погубленіи невиннаго. Васильковъ отвергнулъ съ негодованіемъ и угрозы, и предложенія. Оклеветанъ, отброшенъ, лишенъ чести, скончалъ бы онъ жизнь свою въ бѣдствѣ и поношеніи, если бы прозорливое человеколюбіе графа Благотворова не спасло чести его оправданіемъ и не

доставило послѣднимъ днямъ его спокойнаго пропитанія.

Не пріятно ли тебѣ видѣть великодушіе, защищаемое благотворительностію? Прощай, мой другъ, будь здоровъ и люби меня.

3 іюня, Берново.

Прошедшіе восемь дней проводилъ я не столько въ Берповѣ, какъ подъ священными стѣнами Иліона. Никѣмъ не видимъ, подъ тѣнью дерева, читалъ я своего Гомера. Воображенію моему, обольщенному волшебствомъ кисти его, казалась вся природа кругомъ меня одушевленною: лѣса обитаемы Дріадами, чистыя струи безъ сомнѣнія льются изъ сосуда какого нибудь рѣчпаго бога, увѣнчаннаго камышемъ. Но болѣе всего сіи нравы героическихъ временъ, чувствованія сильныя, великодушныя, но неумягченныя просвѣщеніемъ, грубыя начала общежитія, которымъ творенія Гомеровы служатъ Исторіею, мечтаются мнѣ столь живо, какъ будто бы я самъ былъ гражданиномъ великолѣпныхъ Микинъ или богатаго Коринѳа и стоялъ между греческими ратниками, по рядамъ которыхъ величественно шествуетъ Агамемнонъ, очами и главою Юпитеру подобный. . . .

Какое множество дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое ознаменовано чертами сильными и ему только принадлежащими! Сколько героевъ, которыхъ всѣхъ помрачаетъ Ахиллесъ! Почти въ цѣлой поэмѣ оставивъ его безъ дѣйствія, показываетъ поочередно въ величайшемъ сіяніи Діомида, Аяксовъ, Менелая, Идоменея. Кажется, уже не можно идти далѣе героизму храбрости. Но Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ. Оружіе Ахиллеса, въ которомъ Патроклъ сражался, стало добычею побѣдителя. Трояне прогнали Грековъ до кораблей ихъ. Тогда Ахиллесъ является имъ съ раската, безъ оружія, въ простомъ одѣяніи. И сіе одно видѣніе повергаетъ назадъ утраченныхъ Троянъ. Сія величественная черта изображаетъ вмѣстѣ и Ахиллеса и Гомера.

Иліада производитъ въ душѣ читателя то же дѣйствіе, которое могло бы произвести представленіе самой трогательной драмы. Гомеръ не рассказываетъ; онъ, если смѣю сказать, восхищаетъ меня на мѣстѣ сраженія. Самыя невѣроятныя вещи становятся мнѣ ощутительными. На вершинахъ Иды, которой чело въ облакахъ сокрывается, возсѣдаетъ Зевесъ спокоенъ, недвижимъ; златые вѣсы въ рукахъ его, между тѣмъ какъ у подошвы горы слабые смертные, Греки и Трояне, устремляются къ предѣлу краткія жизни и наносятъ и пріемлютъ попеременно погибельныя раны.

Но, изображая неистовство сраженій, не позабывасть онъ трогать сердца другими страстями, болѣе любви достойными. Какою глубокою чувствительностію наполнена картина, въ которой Пріамъ уничиженъ, па колѣнахъ, лобзая руку свирѣпаго непріятели, испрашиваетъ у Ахиллеса тѣло несчастнаго и добродѣтельнаго сына своего, Гектора! Какое сладостное и тихое красно-рѣчіе истекаетъ изъ устъ Нестора? Чтò можетъ быть умилительнѣе прощаній Гектора и Андромахи! Какую прелесть влагаетъ Гомеръ въ тысячи мелкихъ подробностей, изъятыхъ изъ человѣческаго сердца! Двадцать столѣтій протекли по лицу земли, а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего столько же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ. Чему же удивляться, ежели древность имѣла въ такомъ уваженіи сего вѣчнаго стихотворца; ежели Виргилій, скромный Виргилій удовольствовалея только тѣмъ, чтобъ быть его подражателемъ?

Я радуюсь, будучи въ состояніи сказать тебѣ изъ глубины сердца моего, что чувствую всю прелесть письменъ. Я вижу въ нихъ приготовленіе къ мудрости. Опѣ доставляютъ въ самомъ уединеніи бесѣду, въ забавѣ наставленіе. Но ты скажешь мнѣ, зачѣмъ не выразить этого на языкѣ боговъ: «Науки юношей питаютъ,» и проч.

17 іюня, Берново.

Цѣлую недѣлю стояли здѣсь чрезвычайныя жары. Ни облачка на небѣ! Вся природа, кажется, изнемогла отъ зноя. Мы не были въ состояніи ни работать, ни думать. Добрые земледѣльцы начинали-было уже беспокоиться о жатвѣ. Но чистыя молитвы ихъ возносятся легко на небеса. Третьяго дня, какое зрѣлище! тучи грозныя, мрачныя, чреватыя дождемъ и громомъ, похитили у насъ свѣтъ солнца среди полудни. Угрюмое молчаніе распространилось повсюду. Люди, животныя сокрылись. Вездѣ странное уединеніе. Боязливое ожиданіе содержало всѣхъ въ сомнѣніи. Предшественникъ бури, вихрь пробѣжалъ по мрачному небу. Вдругъ грянулъ и раздася первый ударъ грома и блеснула молнія. Я старался овладѣть естественнымъ страхомъ, чтобъ удивляться величеству природы и послѣдовать за постепенными перемѣнами картины. Я не знаю, какимъ образомъ чувствованіе опасности граничитъ въ душѣ человека съ величественными понятіями. Тотчасъ картины Гомеровы невольнымъ образомъ наполнили воображеніе мое. Я повторялъ громко еи стихи, въ которыхъ онъ описываетъ боговъ, исходящихъ на сраженіе.

Ужасно возгремѣлъ отецъ боговъ и смертныхъ
Съ превыспреннихъ; Нептунъ неизмѣриму землю

И горъ высокіе верхи восколебалъ;
 Во основаніяхъ вострепетала Ида
 И съ нею градъ Троянъ и гречески суда!
 И царь тѣней, Плутонъ, ужася въ преисподней
 И съ трона воспрянулъ и возопилъ, страшася,
 Чтобы Нептунъ земли заклеповъ не расторгъ
 И взору не открылъ и смертныхъ и безсмертныхъ
 Его владычества печальна, безотраднѣ
 И ненавистнаго богамъ и челоуѣкамъ!

Между тѣмъ сильный дождь пролился и по-
 крылъ жаждущую землю. Казалось, хляби небес-
 ныя отворились, грома раздавались медленно,
 молнія каждое мгновеніе разсѣкала тучи и
 ослѣпляла зрѣніе сверканіемъ. Тма, глубокая тма,
 легла на землю, такая же, думаю, какая покрыла
 внезапно воинства греческое и троянское, когда
 раздраженный Аяксъ произнесъ сіе дерзновенное
 моленіе къ Зевесу:

Избавь, отецъ боговъ, избавь ты насъ отъ мглы!
 Расторгни мракъ очей! пошли дневный намъ свѣтъ!
 И, если губишь насъ, при свѣтѣ дай погибнуть!

Къ вечеру величественное зрѣлище уступило мѣ-
 сто пріятному. Истощенные облака исчезли. Воз-
 вратилось безмрачное небо и зной, дождемъ
 услажденный. Всѣ растенія съ бѣльшею живо-
 стію зеленѣли. Роскошное благоуханіе исполнило
 воздухъ. Толпами взвивались птицы. Яркими цвѣ-
 тами отразилась радуга на висящихъ въ воздухѣ

капелькахъ. Мнѣ показалось, что, по словамъ Гомера:

Посланица боговъ, имуща скорость вѣтра,

Ирида снисходитъ по ней, посланная съ Олимпа къ какому нибудь любви достойному смертному, можетъ быть, къ тебѣ, чтобъ возбудить отъ лѣности и припомнить, что у тебя есть пріятель въ деревнѣ, который нетерпѣливо ожидаетъ писемъ твоихъ.

26 іюня, Берново.

Я воображаю себѣ напередъ удивленіе твое. Ты всегда зналъ меня любителемъ писемей. Но ожидалъ ли ты когда нибудь увидѣть меня живописцемъ? . . . Живописцемъ? — Да, живописцемъ. Я занимаюсь теперь не менѣе, какъ срисовываніемъ головы съ Рафаэля. Съ палитрою на рукѣ, я одушевляю полотно кистью. Ты въ изумленіи: я не хочу имъ пользоваться! Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ гоститъ молодой чело-вѣкъ, питомецъ Академіи Художествъ, возвра-щающійся изъ путешествія своего въ Италію. Исполненный ревности къ своему искусству и пораженный еще свѣжимъ воспоминаніемъ без-смертныхъ картинъ Рафаэля, Корреджія, Тициа-

на, исчисляеть онъ съ жаромъ красоты ихъ, и мы раздѣляемъ восторгъ его. Не можно быть чувствительну къ пріятностямъ краснорѣчія и стихотворства и не отдавать достойнаго почтенія изящнымъ искусствамъ. Онѣ соединены сродственнымъ союзомъ между собою. Подражаніе природѣ служитъ всѣмъ имъ основаніемъ, и одни только способы ихъ различны. Живопись подражаетъ ей чертами, музыка звуками, стихотворство словомъ. Всѣ онѣ обращаются къ чувствованію и воображенію, всѣ доставляютъ увеселеніе чистое и возвышенное, достойное человека. Перголезова музыка такъ же внушаетъ торжественное благоговѣніе въ важныхъ его сочищеніяхъ, какъ заставляетъ смѣяться въ Служапкѣ Госпожѣ. Менѣе ли сильно волшебство живописи? Помнишь, съ какимъ удовольствіемъ насыщались мы зрѣніемъ картины Лосенкова. Въ его прощаніяхъ Гектора и Андромахи узнавали мы Гомера. Чело героя откровенное, руки, простертыя для пріятія младенца, мужество родителя, пріятнымъ образомъ противоположенное нѣжности и страхамъ матери. Видя однѣ черты только, мы угадывали чувствованія ихъ и слышали, кажется, разговоры. То же дѣлаетъ стихотворство. Послушай повѣствованіе Гомерово, и воображеніе твое представитъ себѣ живо лицо, взоры, станъ, тѣлодвиженія дѣйствователей.

14 іюля, Берново.

Какія хитрости! Описывая пышныя увеселенія столицы вашей и конечно увеличивая ихъ, ты хочешь повредить сравненіемъ моему милому Бернову. Пользуясь слабостію моею (зачѣмъ скрывать ее?), ты сообщаешь мнѣ подробную дневную записку вашихъ театральныхъ зрѣлищъ. Я примѣтилъ, съ какимъ удовольствіемъ оставался ты падъ безсмертными драмами Корнеля, Расина, Вольтера. Вамъ нарочно выбирали лучшія творенія ихъ, между тѣмъ какъ я, неизвѣстный сельскій житель, рассказывалъ ручейкамъ и рошамъ забытыя басни Гомеровы. Актеры ваши, нарочно для васъ, превосходили сами себя. Въ актрисѣ Мартенъ вы видѣли все величество трепещущей матери и оставленной царицы, когда Мерона восклицаетъ:

Нарбасъ нейдетъ: узрю ль я сына своего?

Или всю гордость Клитемнестры, когда возглашаетъ она стихи сін, исполненные яростнаго изступленія:

Священникъ, окружень свирѣпою толпою.

Взнесетъ на дочь мою свою злодѣйску руку!

Въ Цинцѣ казалось вамъ, что величественная тѣнь Корнеля узнавала Римлянъ своихъ и плевала Августу. Ни слова о Танкредѣ. Много

стоить мнѣ не быть увлечену восхищеніемъ вашимъ и не измѣнить моему твердому намѣренію вкушать въ уединеніи и въ объятіяхъ природы ея красоты, величественныя и простыя. Удаленный отъ суетнаго движенія общества, безъ честолюбія, безъ прихотей, здѣсь принадлежу я болѣе самъ себѣ; здѣсь нахожу я чувствительныя сердца, съ которыми могу раздѣлить спокойныя радости существованія — и не забываю тебя, любезный другъ мой. Свидѣтельства тому сн письма, которыя не сказываютъ тебѣ ничего новаго. Ты такъ давно знаешь, что я люблю благородное сердце твое и столько дарованій, которыя дѣлаютъ тебя любезнѣе, и не дѣлаютъ гордѣе! Ты простишь мнѣ привязанность мою къ сельской жизни, хотя для сихъ стиховъ Горациевыхъ:

Всѣ вупно суеты играютъ мной во градѣ.
 Въ неволѣ общества и въ скукѣ и въ досадѣ
 Проходитъ день, и я, вздыхая, говорю:
 Жилища сельскія! когда я васъ узрю?
 Когда позволено мнѣ будетъ небесами
 Иль чтеніемъ, иль сномъ и празными часами
 Заботы житія въ забвеніе погрузить
 И нивы своея произведеніемъ жить?
 О, пиршества боговъ! я вами не прельщаюсь,
 Коль въ хижинѣ моей съ друзьями пасыщаюсь.
 Вспомоществуемый усердіемъ слугъ моихъ.
 (И добрый господиъ не забываетъ ихъ).
 Не знаетъ ни какихъ чиновъ бесѣда наша
 И ходитъ вокругъ стола общественная чаша,
 Безъ принужденія и частыхъ переборъ.

Пріятный между тѣмъ заходитъ разговоръ,
Не о домахъ чужихъ и дачахъ подгородныхъ,
Но о предлежностяхъ гораздо превосходныхъ,
Которыхъ здравый толкъ со счастьемъ сопряженъ:
Извинѣ ли человекъ или собой блаженъ?
Что къ дружеству влечетъ, корысть иль совер-
шенство,
И что такое здѣсь верховное блаженство?

20 іюля, деревня *Малинники*.

Ты видишь изъ надписанія, любезный другъ мой, нѣкоторое извиненіе моего молчанія. Мы ѣздили, дѣлали маленькій кружокъ по уѣзду. Посѣщали старыя знакомства и пріобрѣтали новыя. Ты не можешь представить себѣ, что за удовольствіе путешествовать въ деревнѣ. Вездѣ картина благополучія. На поляхъ трудолюбіе, веселость земледѣльцевъ; въ усадьбахъ помѣщиковъ приличное изобиліе, добросердечіе, домо-строительство. Здѣсь наши достойные дворяне, посвятившіе молодость службѣ отечества и проливавшіе кровь свою подъ Франкфуртомъ или при Кагулѣ, находятъ старости своей заслуженное отдохновеніе.

Поводомъ путешествія было то, что графъ Благотворовъ, будучи предводителемъ дворян-

ства, созывалъ его въ собраніе, чтобы предло-
жить нѣкоторыя новыя учрежденія и совѣто-
ваться о пуждахъ общественныхъ.

Здѣсь прямо чувствуется достоинство граж-
даина. Нѣтъ упражненія важнѣе и приличнѣе
человѣку, какъ служить своему обществу, защи-
щать безсильнаго и участвовать въ благополучіи
цѣлою страши.

Теперь мы приближаемся опять къ Николь-
скому, отъ котораго Малинники не далѣе десяти
верстъ разстоянія. Малинники отъ того, что
здѣсь много малины и отменно вкусной. Остат-
ки маленькаго сада, развалины дворянскаго дома,
свидѣтельствуютъ прѣжнее пребываніе господъ
Былицкихъ, которымъ принадлежала сія дерев-
ня. Послѣдній рода ихъ былъ дальній свойствен-
никъ графа. Оставшись молодъ владѣтелемъ ве-
ликаго имѣнія, безъ воспитанія, окруженъ ра-
бами и ласкателями, онъ искалъ только собствен-
ныхъ своихъ удовольствій и находилъ одну скуку
и раскаяніе, затѣмъ что никому не былъ поле-
зенъ, не имѣлъ ни знаній, ни благородныхъ чув-
ствованій. Безъ дѣла, безъ должности, безъ дру-
зей, онъ былъ самъ себѣ въ тягость и умеръ
никѣмъ не сожалѣемъ.

Крестьяне были разорены поборами и худымъ
управленіемъ. Во владѣніе графа ожли они
снова. Помощь всякаго рода, расправа, пастав-
леніе, присмотръ, сдѣлали ихъ въ короткое вре-
мя изъ убогихъ и страждущихъ счастливѣйшими
земледѣльцами.

Кажется, что скоро сбудется съ ними то, чего желалъ Генрихъ IV, сей добрый король, «чтобъ каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ похлебкѣ.»

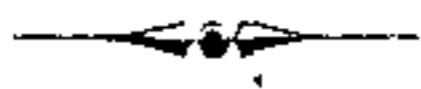
Какъ они это чувствуютъ! Надобно было видѣть прїѣздъ нашъ въ Малюшики. Всѣ бросаются къ каретѣ — женщины, старики, дѣти окружаютъ графа, обнимаютъ, проливаютъ слезы радости и благодарности.

Благотворительность не оставляетъ графа ни на минуту. Вчера Г. Закрышкинъ, бѣдный дворянинъ, приходитъ къ нему. Онъ долженъ графу за пустошь и луга, которые занимаетъ. Проситъ извиненія, что не можетъ заплатить всѣхъ денегъ вдругъ и представляетъ нѣсколько; но графъ перебиваетъ его: «Я знаю, что вы честный человекъ и не богаты,» вручаетъ ему крепость на землю и убѣждаетъ принять пенсію двухъ сотъ рублей на воспитаніе дѣтей.

Между тѣмъ Васишка примѣчаетъ все сіе въ молчаніи и въ маленькомъ сердцѣ своемъ пріемлетъ великодушное намѣреніе быть столько же благотворительнымъ. Мы съ нимъ не вовсе праздны. Садъ оставленъ совершенно въ распоряженіе чаше и мы его возобновляемъ: роємъ, садимъ, пересаживаемъ. Г. Засодимскій, писемоводитель графа по дѣламъ дворянской опеки, который учился въ университетѣ земледѣлію и ботаникѣ, указываетъ намъ, какимъ образомъ

разводить произрастенія, удобривать землю и обращаться съ цвѣтами.

Я есмь и проч.

31 іюля, Никольское.

Позволь миѣ попенять тебѣ. Одно письмо въ три недѣли! Сколько могло случиться съ тобою, бездѣлицъ конечно для другихъ, но для меня неоцѣненныхъ подробностей и которыхъ я не знаю! Для истиннаго друга нѣтъ ничего равнодушнаго. Я радовался, узнавъ, что тебѣ дали чинъ; вотъ справедливость, отданная достоинствамъ и дарованіямъ! Но я хочу еще принять участіе и въ маленькихъ досадахъ твоихъ, неудовольствіяхъ, печаляхъ... почему я знаю? Ты человекъ: и все, что съ человекомъ случиться можетъ, и тебѣ свойственно.

Мы нашли у себя въ Никольскомъ дорогаго гостя, Осанова, но страдающаго и въ опасности жизни. Неумѣренность въ пищѣ навлекла ему тяжкую болѣзнь. Безъ Думова, можетъ быть, не былъ бы онъ въ живыхъ. Нѣжныя попеченія друга его, болѣе еще нежели лекарства, возвратили ему жизнь.

Судя о чувствованіяхъ графа по своимъ собственнымъ, Думовъ перенесъ его изъ ставки въ

одинъ изъ домиковъ, которые въ саду построены.

Ему становилось легче, какъ мы пріѣхали. Вошли въ горницу его и были свидѣтелями почти самой той минуты, какъ онъ пришелъ въ себя и почувствовалъ отраду выздоровленія. Съ какимъ умиленіемъ, глазами, наполненными слезъ, взглянулъ онъ на своего неутомимаго попечителя! «Ты мнѣ жизнь даровалъ, я терялъ ее безъ тебя,» произнесъ онъ томнымъ голосомъ и хотѣлъ продолжать; но Думовъ, налагая молчаніе, изъ нѣжнаго опасенія къ слабости больного и, можетъ быть, не менѣе ради собственной своей кротости: «Выздоровливай только, сердечный другъ мой,» говоритъ ему, исполненный чувствительности, «вотъ все мое награжденіе!» И защищаясь отъ справедливыхъ похвалъ нашихъ: «Вы всѣ чувствовали дружбу,» продолжалъ онъ (при этомъ словѣ я вспомнилъ тебя), «и вы не удивитесь тому, что она внушить въ состояніи. Почтеніе, которое имѣешь къ человѣку доброму и благородному, усиленное нѣжностію, пріятною привычкою, сообщеніемъ удовольствій, печалей, составляетъ неразрывный союзъ. Но ежели вы узнаете, сколько, кромѣ сего чувствованія, обязанъ я благодарностію сему достойному другу, вы еще уменьшите удивленіе ваше.» Осановъ хотѣлъ воспротивиться повѣствованію. «Нѣтъ,» продолжалъ Думовъ, «признаніе благодаренія возвышаетъ меня въ глазахъ особъ сихъ. Мы были съ нимъ

третьяго года на Кавказѣ. Онъ былъ мой подполковникъ. Бдучи передъ полкомъ, отдался я непримѣтно — въ ущельиѣ. Свирѣпые наѣзники окружили меня. Лошадь подо мною убита. Я былъ обезоруженъ и въ рукахъ ихъ. Осановъ могъ спастись; но подвергая великодушно жизнь свою для избавленія моея, съ безпримѣрною храбростію и присутствіемъ духа нападаетъ на нихъ, сражается, между тѣмъ какъ колонна, удвоивъ шагъ, подходитъ — и мы одерживаемъ совершенную побѣду надъ толпою непріятелей.»

Что ты послѣ этого скажешь? Есть ли что нибудь сладостнѣе и священнѣе дружбы?

1 августа, Берново.

Прекрасное лѣто наше становится прохладнѣе и синева небесная чаще покрывается летающими облаками. Но вмѣсто того зрѣлище полей разверзаетъ сердце къ воститительнѣйшимъ чувствованіямъ. Сколь далеко простирается зрѣніе — повсюду холмы, долины покрываются желтою жатвою, которая иногда спокойна, недвижима, иногда, повинуюся дыханію вѣтра, волнуется, какъ пространное золотое море. Здѣсь-то источникъ богатства, которое обращается по жиламъ государства; отсюда получили рожденіе общество, законы, искусства. Здѣсь человекъ отказался отъ

печальной вольности дикаго состоянія и изъ варвара сдѣлаея земледѣльцемъ.

Здѣсь каждый годъ ему послушная земля
 Даруетъ нищи дань; а тамъ теллицъ мычанье
 И агницы скачущи и хладныхъ струй журчанье.
 Но что я дѣлаю, свой гласъ перемѣнивъ?
 Виргилію гласить безсмертну славу шивъ:
 Ему — онъ ясно зрѣлъ все прелести природы,
 Обезоруживать и къ селамъ влечь народы, —
 Ему — душа его, прекрасная, какъ слогъ,
 Не возмущалася отъ суетныхъ тревогъ
 И нѣжныя свои вздыханья посвящала
 Дидонной любви и смерти Евріала.

Въ самомъ дѣлѣ, не можно вообразить себѣ безъ особливаго почтенія творца столь величественнаго, каковъ Виргилій, исходящаго къ простымъ подробностямъ сельской жизни. Никогда земледѣліе не было возвеличено достойнѣйшимъ образомъ. Знатокъ, восхищаясь красотами Энеиды, предпочитаютъ ей Георгіки, въ разсужденіи чистоты и выбора выраженій. Виргилій, глава стихотворцевъ римскихъ, соединилъ въ себѣ Гомера, Гезіода и Феокрита, подражая попеременно безсмертнымъ ихъ твореніямъ.

Я завидую тебѣ, любезный другъ мой. Ты видѣлъ священную гробницу Виргилія, осѣненную вѣтвями лавра, который изъ ней произрастаетъ. Ты наслаждался симъ чистымъ небомъ Неаполя, еими зрѣлищами природы, роскошной и ужасной, прелестной въ самихъ ужасахъ. Ты посѣщалъ

сіи мирныя долины, виушающія пріятную задумчивость, которыя служили образцомъ Елисейскихъ Полей, и ты видѣлъ курящіеся острова сіи, гдѣ было нѣкогда шумное царство Эола.

Но меня утѣшаютъ творенія Виргиліевы. Блестательная кисть его повторила сію природу, и сдѣлала прекраснѣе. Философія вѣка его умягчила черты Гомеровы и трогательное человеколюбіе, нѣжныя пристрастія, просвѣщенное великодушіе замѣняютъ въ Энеидѣ свирѣпую храбрость Иліады. Повѣствованіе его безпрестанно напоено чувствительностію, и Расинъ часто переноситъ въ трагедію собственныя его выраженія. Кто умѣлъ избирать реченія благороднѣе, живописнѣе? Кто умѣлъ составлять ихъ сладостнѣе для слуха и воображенія? Не взирая на то, неудовольствованный собою творецъ осудилъ на сожженіе бессмертную поэму свою: завѣщаніе, къ счастью неисполненное Августомъ.

Сей императоръ, достойный такого стихотворца своею просвѣщенною любовію нисъмень, слушалъ чтеніе Энеиды, по мѣрѣ, какъ она была сочиаема. Какое изумленіе поразило Юнію, сестру его, когда, въ концѣ шестой книги, услышала она любимое имя сына своего, Маркелла, въ первой юности похищеннаго смертію! Анхисъ восклицаетъ къ Энею, снисшедшему въ Елисейскія Поля:

Не спрашивай, мой сынъ, о горестной сей тратѣ.
Покажетъ только рокъ и вмигъ его похититъ.

Чрезъ мѣру римскій родъ вамъ силенъ показался
 О, боги! если бы сей даръ остался вамъ!
 Какія вслѣдъ за нимъ стenanья устремятся!
 О, ты, о, Тиберинь, какой увидишь плачь,
 Какъ мимо новыя гробницы покатишься!
 Никто бъ изъ юношей отъ рода Иліонска
 Такъ Рима не вознесъ и Ромуловъ бы градъ
 Питомцомъ таковымъ вовѣкъ не похвалился.
 О, благочестіе, о, вѣрность древнихъ лѣтъ!
 Непобѣдимая десница на войнѣ!
 Никто бы съ нимъ не могъ безбѣдно въ бой вступить,
 Хотя бы на враговъ онъ пѣшіи подвизался,
 Хотя бы на конѣ онъ бурномъ прелеталъ.
 Ахъ! отрокъ жалостный! коль прейдешь жребій свой,
 Маркелль ты будешь. Ахъ! гдѣ свѣжія земли?
 Багряныя цвѣты ему разсыпю въ честь:
 Я душу отрока симъ даромъ успокою
 И тщетный долгъ свершу.

9 августа, Берново.

Переводить Виргилія!... Я никогда столько
 не чувствовалъ, что переносить красоты его не-
 искусною рукою есть истинное оскорбленіе вкуса.
 Списокъ стихотворца долженъ отражать въ себѣ
 сію живость красокъ, которою образецъ испол-
 ненъ. Что пользы въ робкомъ сохраненіи идей,
 ежели онѣ не производятъ того же чувствованія

ежели онъ также не обладаютъ душою, не приводятъ въ дѣйство сего насильственнаго волшебства, которое по изволенію восхищаетъ насъ радостію или поражаетъ ужасомъ и изумленіемъ? Надлежало бы, чтобъ переводчикъ стихотворца былъ въ состояніи самъ произвести красоты, которыя онъ перелагаетъ. Распну должно было переводить *Виргилія*. Сродственныя души ихъ сотворены были, чтобы разумѣть другъ друга. Тѣ же тихія склонности, чистота вкуса, безпрерывная изящность слога, то же искусство въ употребленіи чувствованія. Четвертая книга *Энеиды* имѣетъ всѣ достоинства прекраснѣйшей трагедіи; и *Дидона* не уступаетъ *Федръ*, къ составленію которой она способствовала. Отъ *Виргилія* завнесло быть *Гомеромъ* или *Софокломъ* *Рима*. Онъ предпочелъ первое; хотя извѣщаетъ насъ преданіе, что онъ писалъ и трагедію, погибшую въ сіи столѣтія варварства, которыя дѣлаютъ черту раздѣленія между древними и новыми. Съ собою унесъ онъ судьбу трагедіи римской. Никто изъ *Римлянъ* послѣ него не былъ въ состояніи идти по стопамъ *Софокла* и *Еврипида*.

Такимъ образомъ *Аѳины* остались въ неоспоримомъ владѣніи трагедіи. Съ невѣроятною скоростью сельское празднество *Тесписово*, въ которомъ грубые дѣйствователи, по собраніи винограда, воспѣвали хоромъ похвалы *Вакха*, достигло до стройнаго расположенія драмы. Огромныя позорища *Эсхиловы*, исполненныя волшебствеп-

наго духа, приведены въ настоящую мѣру величества чистымъ вкусомъ Софокла. *Жалость* и *ужасъ* одушевляютъ картины его повсюду. Что можетъ быть простѣе басни Филоктетовой? Какими сильными чертами изображено ужасное отдаленіе его отъ человѣческаго рода! Хоръ мореплавателей, приплывшихъ съ Неоптолемомъ и Улиссомъ, умиляется при зрѣніи пещеры его.

Въ трагедіяхъ Еврипидовыхъ менѣе благородства и правильности расположенія; но онъ торжествуетъ въ изображеніи страстей. Пльнныя Аѳиняне были спрашиваемы въ Сициліи: «не знаютъ ли они чего нибудь изъ трагедій Еврипидовыхъ?» и тѣ изъ нихъ освобождаемы были немедленно, которые могли удовольствоваться любопытствомъ побѣдителей своихъ.

15 августа, *Никольское.*

Какъ я сѣтую на себя за несправедливыя жалобы, которыми огорчилъ тебя! Полученіе писемъ твоихъ, замедлившихся въ дорогѣ, сколько съ одной стороны обрадовало, столько съ другой обременило меня стыдомъ и раскаяніемъ. Дружба, которая ввела меня въ вину сію, она должна мнѣ исходатайствовать и прощеніе.

Ты обязалъ меня чрезвычайно, любезный другъ мой, и содержаніемъ писемъ своихъ и врученіемъ

ихъ г. Полосовскому. Твой достойный другъ съ того же самаго времени и мой. Онъ всякой день у насъ. Графъ и графиня находятъ въ семъ молодомъ офицерѣ всѣ достоинства, которыя желаютъ видѣть пѣкогда въ Васиыкѣ: превосходное сердце, разумъ, украшенный познаніями, достоинства, заемлющія еще болѣе блеска отъ любви достойнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ Путешествіе въ чужіе края одно могло прибавить совершенства воспитанію его. Онъ въ полку у Г. Славина: и съ первой минуты почувствовали они другъ къ другу сіе взаимное почтеніе, которое соединяетъ облагороженныя души.

Славинъ можетъ служить образцомъ въ обхожденіи. Всѣ его поступки ознаменованы благоразуміемъ. Никогда нескромность, оскорбительное слово, или взоръ, не сдѣлали обращенія его неприятнымъ Но, отдавая принадлежащее уваженіе каждому, онъ не теряетъ подлыми угожденіями того почтенія, которымъ ему другіе обязаны. Правость разума его и сердца столь обще признашы, что всѣ охотно подвергаются суду его. Всѣ бы желали имѣть его другомъ; но онъ разборчивъ въ дружбѣ, и кого Славинъ почитаетъ, тотъ не можетъ быть посредственнаго достоинства.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ его качествъ — хладнокровіе. Среди ераженія, сказываютъ, такъ какъ въ обществѣ, онъ всегда равенъ, всегда властелинъ разума и чувствъ своихъ, всегда готовъ встрѣтить опасность и преодолѣть ее!

Такія дарованія природныя украсилъ онъ воспитаніемъ и ученіемъ. Онъ знакомъ со всѣми писателями древности. Я видѣлъ въ палаткѣ его Плутарха, Полибія, Ксенофонта. Подумай же, какъ ему пріятно будетъ найти въ Г. Полосовскомъ товарища и службы и сихъ удовольствій, происходящихъ отъ ученія и прекрасныхъ писемъ.

Мнѣ особливо нравится въ Полосовекомъ прилежность его къ ученію и желаніе знаній. Какимъ образомъ, думаешь ты, проводитъ онъ праздное время въ лагерь? Вчера еще засталъ я его въ ставкѣ переписывающаго уроки «Нравственной Философіи» славнаго Фергюссона, его учителя. При этомъ случаѣ рассказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ, привлеченный славою сего ученаго, ѣздилъ онъ нарочно въ Единбургъ, чтобъ воспользоваться разговоромъ и наставленіемъ свѣдущаго и добродѣтельнаго человѣка. Съ какимъ почтеніемъ, съ какою благодарностію говоритъ онъ о своемъ учителѣ!

Мы было очень пріятно разговорились и вечеръ былъ прекрасный, какъ вдругъ, совсѣмъ не кстати, пушка вышала зорю и фельдфебель явился къ Г. капитану съ рапортомъ: «Ваше благородіе, рота выведена на ротную улицу».

18 августа, Берново.

Примѣчаніе твое весьма осповательно, любезный другъ мой, когда ты спрашиваешь меня въ письмѣ своемъ, отъ чего происходятъ сіе страстное удивленіе, которое посвящаемъ мы древнимъ. Сіи рожденныя для славы имена Пиндара и Теокрита, Виргилія и Горація, однимъ произнесениемъ своимъ возбуждаютъ понятія величества и красоты. Не станемъ сомнѣваться: конечно, щедренные отъ Неба отміннымъ образованіемъ умственныхъ силъ и поставленные въ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ народнаго сіянія, они установили въ писаніяхъ своихъ образецъ вкуса. Когда Геродотъ читалъ исторію свою на Олимпійскихъ играхъ, тогда все несчетное множество греческихъ народовъ въ глубокомъ молчаніи упоевалось слушаніемъ, и громъ плесканій увѣнчалъ оное. Каждая изъ девяти книгъ его удостоена импрованія Музы; а юный Эукидидъ, въ числѣ слушателей, проливалъ слезы соревнованія и полагасть въ душѣ своей обѣщаніе раздѣлить нѣкогда съ Геродотомъ пальму Исторіи. По славномъ сопротивленіи Персамъ, Аѣны соединили въ нѣдрахъ своихъ всѣ роды славы, великолѣпіе художествъ, прелесть словесныхъ наукъ и возвышенные уроки Философіи. Эсхиль и Софокль мужественно сражались за отечество. Еврипидъ восходилъ на зрѣлище изъ училища Сократова. Ваятели и живописцы пользовались столько же совѣтами, какъ и покровительствомъ Перикла.

Сія слава Греціи медленно приуготовляла просвѣщеніе Рима. Когда завоеванія его сравнились съ предѣлами знаемаго міра, тогда общая вѣжливость нравовъ распространилась отъ Столповъ Геркулесовыхъ до потоковъ Евфрата. Суровость Римлянина исчезла при гармоніи стиховъ Вергилія, Тибулла, Горация и Овидія.

Разлитіе сѣверныхъ народовъ опровергло сіе величественное зданіе Римской Имперіи и исторгло сѣмена вкуса и письменъ. Цѣлыя столѣтія разорительное варварство ожесточало человѣчeskій родъ. Наконецъ сообщеніе съ Маврами и Крестовые походы воспламенили воображеніе Трубадуровъ. Счастливый разумъ Петрарка, воскресивъ духъ древнихъ письменъ, даровалъ стихотворство Итали, въ которой изъ остатковъ латинскаго языка составлялся новый, полный гибкости и гармоніи. Торжественныя пѣсни Дантovy уступили мѣсто игривымъ вымысламъ Аріоста.

Съ бѣльшимъ величествомъ послѣдователь его, сіяющій и несчастный Тассъ, умѣлъ поставить себя подлѣ Гомера и Вергилія своею эпическою поэмою, Освобожденный Іерусалимъ. Онъ перенялъ у Гомера искусство ознаменовывать отличными чертами толпу героевъ и вести къ одному концу множество привлекательныхъ приключеній. Твердое благоразуміе Годофреда, вождя христіанскаго воинства, противоположено коварности Аладина, султана Іерусалимскаго. Въ Ринальдѣ соединены всѣ прелести юности и всѣ восторги запальчивой храбрости. Тассъ восполь-

зовался сіяніемъ, которое предлагали ему рыцарскіе правы и древнія преданія, и вмѣсто Гомерова баснословія употребилъ вѣрованіе того времени въ волшебство. Можетъ быть, излишними чудесами наполнилъ поэму свою. Съ самаго начала говоритъ онъ Музѣ, которую призываетъ:

Ты знаешь: свѣтъ таковъ, въ немъ болѣ привлекаетъ
Согласіемъ своимъ прельщающій Парнассъ,
И въ самыя сердца слабѣйшія вникаетъ
Со сладостью стиховъ священный правды гласъ.
Такъ отроку даемъ, недугомъ сокрушенну,
Мы чашу съ врачевствомъ, но медомъ орошенну.
Полынно питіе обмануть отрокъ пьетъ
И возвращая жизнь обманомъ, возстаетъ.

19 августа, Никольское.

На сихъ дняхъ происходило у насъ явленіе, самое трогательное для тѣхъ, которые умѣютъ почитать добродѣтель: исполненіе правосудія, противу самого себя оказанное.

Наша прекрасные Малинники не принадлежатъ болѣе графу. Онъ самъ произнесъ рѣшеніе, которымъ отдалъ они во владѣніе остававшемуся въ неизвѣстности и убожествѣ Былицкому. Пренебреженъ гордымъ своимъ родственникомъ и отягощенъ многочисленнымъ семействомъ, бѣд-

пый дворянинъ сей снискивалъ пропитаніе въ потъ лица своего. Нечаянно услышалъ графъ имя его. Сего довольно было, чтобъ немедленно отыскать его, развѣдать происхожденіе, разсмотрѣть право его къ наслѣдству.

Всѣ наши законовѣдники утверждали, что, имѣя деревню по завѣщанію, графъ не обязанъ отдать ее въ поколѣніе. Но Благодетель сказалъ имъ, что ни какой положительной законъ не можетъ освободить его отъ приказаній совѣсти его; что не довольно быть праву въ глазахъ общества и закрывать себя подъ виѣщностію судебнаго порядка; надобно еще быть справедливу въ собственныхъ глазахъ своихъ: «и меня, продолжаетъ онъ, ничто не можетъ спасти отъ строгости судіи, котораго я имѣю въ самомъ себѣ. Не узнаютъ другіе, но я знать буду. Я потеряю почтеніе къ самому себѣ, я буду несчастливъ. И есть Существо всевѣдущее, всеблагое, Которое испытуетъ сокровенныя наши мысли и Которому ничто столько не угодно, какъ сердце правое и непо- рочное.»

Что ты чувствуешь, любезный другъ мой? Не восхищаешься ли симъ достойнымъ почтенія характеромъ, который соединяетъ въ толь высокой степени благотворительность и правосудіе, сіи два источника человѣческихъ добродѣтелей? По- забыть самого себя, пожертвовать своими собственными выгодами для исполненія справедливости, для удовольствія нравственнаго чувства, чрезъ которое различаемъ добро и зло въ на-

шихъ дѣйствіяхъ, естественно, безъ размышленія: есть ли что побудь сего величественнѣе?

Какъ описать тебѣ удивленіе, благодарность бѣднаго Былинскаго? Быть взяту отъ плуга къ наслажденію большаго имѣнія, безъ надежды, безъ исканія! И кѣмъ? Тѣмъ самымъ, котораго польза требовала не возвращать его никогда! . . . Но Благотворовъ неспособенъ помѣстить въ сердце своемъ подлаго корыстолюбія.

Въ препровожденіи уѣзнаго судьи Правдина, капитана-исправника Ульева и еще нѣсколькихъ дворянъ, привозитъ онъ Былинскаго въ Малинники, поручаетъ ихъ во владѣніе ему, и обращаясь къ міру крестьянъ, погруженныхъ въ глубокую печаль: «Друзья мои, говоритъ имъ, слезы ваши трогаютъ и награждаютъ меня вмѣстѣ. Но я не былъ бы достоинъ любви вашей, если бы минуту хотѣлъ воспользоваться несправедливостію. Я поручаю васъ господину не менѣе доброму; я за него ручаюсь. Онъ воспитанъ въ несчастіи: онъ знаетъ, чѣмъ обязаны счастливые къ безсильнымъ и бѣднымъ, что долгъ помѣщика состоитъ въ томъ, чтобъ быть благодѣтелемъ замедѣльцовъ. Исполняйте вы свой долгъ повиновенія и трудолюбія».

Присемъ вручаетъ Былинскому 30,000 рублей доходовъ, которые собралъ онъ съ Малинниковъ во время своего владѣнія; и какъ будто бы добродѣтели были заразительны, въ то же мгновеніе Былинской проситъ Г. Правдина внести ихъ отъ

имени графскаго въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Мнѣ становится Никольское часъ отъ часу дороже, не столько своими рощами и садами, какъ тѣмъ, что оно служитъ обителью добродѣтели. Одно твое присутствіе могло бы еще прибавить красоты сему мѣсту. По крайней мѣрѣ это чувство-

твоего усерднаго друга.

27 августа. Берново.

Между тѣмъ, какъ всѣ здѣсь занимаются жатвою, что, ты думаешь, я дѣлаю? У меня есть замѣченное мѣстечко, самое романическое. Нѣсколько старыхъ деревьевъ разбросано по полю живописнымъ образомъ. Мшистые корни ихъ служатъ миѣ упокоеніемъ, и Тассъ, или Мильтонъ, или оба вмѣстѣ, обществомъ. Неограниченный видъ полей, стада, жилища поселянъ и необъятное небо, сія свѣжесть и близость природы прибавляютъ нѣчто къ величественнымъ или пріятнымъ картинамъ, которыми занимаютъ меня поочередно сіи великіе стихотворцы.

Возрожденіе письменъ въ Италиі, сіяющій вѣкъ Медиссовъ, когда Петрарки учились по-гречески и Рафаэли вызывали искусство древнихъ изъ-подъ развалинъ земли, сія счастливая переменна

распространилась и за предѣлы Итали. Лопесь де Вега занималъ вниманіе Испанцовъ запутанными приключеніями своихъ комедій, и остроумный Сервантъ заслужилъ себѣ безсмертіе разрушеніемъ странствующаго рыцарства и сумасбродствами Донъ-Кихота. Подвиги Португальцовъ воспѣты подъ другимъ небомъ соотечественникомъ ихъ, Камозансомъ. Въ Англіи готическій языкъ Спенсеровъ обогащался пламенною фантазіею Шекспира и вдохновеніемъ Мильтона.

Вкусъ письменъ, устанавливаясь въ Англіи, занимствовалъ свойство земли. Смѣль, независимъ, болѣе разителенъ, нежели нѣженъ, онъ возносится на высоты и паритъ надъ стремнинами.

Вольный духъ Шекспировъ, которому природа служила вмѣсто ученія, произвелъ незагладимое впечатлѣніе надъ народнымъ вкусомъ. Греки, которыхъ онъ не зналъ, или зналъ только по дурнымъ переводамъ, не служили образцами драмъ его. Не наблюдено единство дѣйствія, времени, мѣста. Явленія безъ связи. Безпрестанное смѣшеніе подлаго съ величественнымъ. Невѣрное изображеніе древнихъ нравовъ. Но краснорѣчіе сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающіе обороты чувствованій и удивительное богатство описаній. Кажется, онъ входилъ попеременно въ душу Макбета, Лира (Lear), Рихарда. Къ сему способностямъ присоединилъ онъ искусство пользоваться національнымъ пристрастіемъ, представляя дѣйствительныя происшествія отечества своего въ историческихъ зрѣлищахъ.

Страна, славная остроуміемъ и учтивостію жителей своихъ, Франція, долѣе боролась съ недостаткомъ языка своего и медленнѣе достигала сіяющей эпохи письменъ своихъ. Языкъ, рожденный въ веселости и простотѣ обхожденія, сдѣлался благороднѣе въ согласіяхъ Мальгерба и несчетное множество драматическихъ писателей послужили только ступенями къ высотѣ, на которой явился Корнель, творецъ Французскаго театра. Онъ открылъ сей сіяющій вѣкъ Лудовика XIV-го, который не долженъ ни въ чемъ позавидовать предварившимъ его вѣкамъ просвѣщенія, Периклову, Августову и Медицисову.

Корнель создалъ трагедію несравненно сложнѣе греческой. Склоненъ естественно къ высокимъ чувствованіямъ, онъ поставилъ удивленіе на мѣсто жалости и ужаса. Ему пріятно было извлечь слезы великаго Конде словами: «будемъ друзья, Цинна!» Веѣ приключенія трагедіи выводилъ онъ изъ противоположенія чувствованій и характеровъ. Никто не умѣлъ болѣе утверждать и оспаривать то же умствованіе.

Но между тѣмъ какъ я забавляюсь, разсуждая о Корнелѣ, ты, любезный другъ, можетъ быть, восхищаешься Цинною, Родогуною или душою стараго Горація.

3 сентября, Берново.

Въ эту погоду, въ дождь, въ вѣтеръ, вообразите ли вы, изнѣженные обитатели города, что мы прїѣзжаемъ съ охоты? Сколько разсказовъ! Какіе подвиги, извѣстные только тѣмъ, которые ихъ сдѣлали!

Ввечеру другія упражненія. Между тѣмъ какъ хозяинъ занимаетъ гостей своихъ какою нибудь общественною игрою, два старшіе сына и я составляемъ особый комитетъ и раздробляемъ красоты Корнея и Расина. Напрасно стараюсь я слѣдовать восхищенію молодыхъ людей: я не нахожу въ себѣ болѣе сей возвышенной чувствительности, съ которою, двадцать лѣтъ назадъ, на берегахъ Сѣверной Двины читалъ въ первый разъ сихъ великихъ трагиковъ. Пораженъ отзывомъ похвалъ, которыя отъ того столѣтія перелетѣли, съ нетерпѣливостію спѣшилъ я раздѣлить удивленіе людей, чувствительныхъ къ прекрасному. Неутомимо проходилъ я сквозь всѣ перемѣны драмы и старался угадывать плесканія, которыми современники почтили драгоцѣпныя произведенія сихъ великихъ духовъ. Я восхищался романическими нравами Сиды и чертами Цинны, достойными Тацита. Ираклій поражалъ соплетеніемъ басни своей, и я любилъ видѣть изгнанника Серторія, воспріемлющаго на себя всю гордость Рима. Но ни что не можетъ изъяснить чувства, которое оставили во мнѣ Андромаха, Ифигенія, Федра! Сіе послѣднее твореніе обратило

на себя все грызеніе зависти и недостойный заговоръ противуноложилъ Прадона Расину. Великой челоѣкъ имѣлъ слабость оскорбится симъ посрамленіемъ вкуса и долгое молчаніе было славно прервано Аталіею, верховнымъ твореніемъ духа его, гдѣ великолѣпіе и выборъ выраженій возвышенъ великими движеніями и вышностію зрѣлища; гдѣ, выше самого себя, показалъ, что онъ могъ трогать души и не одними любовными чувствованіями. Возвративъ трагедію къ истинному установленію ея, онъ первый изъ новыхъ очистилъ ее отъ хладныхъ воздыханій, обезображивающихъ главное дѣйствіе, — порокъ, отъ котораго не былъ свободенъ Корнель. Богатый классическими красотами и вспомоществуемый совѣтами друга своего, Буало, Расинъ не только умѣлъ возбуждать страсти въ явленіи, но сдѣлался образцомъ языка. Онъ учинилъ постоянными понятія красоты, пристойности и выбора. Послѣ него не могли терпѣть посредственной трагедіи. И между тѣмъ какъ неровный слогъ Корнелевъ иногда соединялъ разительность выраженія съ величествомъ мысли, иногда распространялъ принужденное умствованіе въ падутомъ слогѣ; Расинъ, безпрестанно вѣренъ чистѣйшему вкусу, повсюду изображалъ прекрасную природу прекрасными стихами. Можетъ быть, чувствуется въ нихъ съ излишествомъ вліяніе учтивѣйшаго двора, при которомъ жилъ онъ: Ипполитъ и Ксифаресъ походятъ на молодыхъ придворныхъ Людовика XIV. Но, впрочемъ, характеры его не

имѣютъ ничего натянутого и несвойственнаго. Митридатъ и Агрипина изображены гордою кистью Корнеля. Но сей основатель театра не могъ бы сотворить Андромахи и Ифигеніи. Согласно съ пріятностію ихъ пола, онѣ не обезображиваются чуждою имъ величавостію. Рѣже высокія мысли, такъ какъ молніи, перерываютъ разговоръ; но болѣе достоинства разсѣяно въ цѣломъ. Что можетъ быть величественнѣе отвѣта Іоадова, когда усердный, но простодушный Абнеръ описываетъ Аталію, ищущую его погибели?

Кто волнь неистовство умѣетъ усмирить,
Тотъ можетъ также злыхъ навѣты разорить.
Со трепетомъ Его святой покорень волѣ,
Боюся Бога я — и нѣтъ боязни болѣ!

14 сентября, Берново.

Чего не дѣлаетъ любви достойный нашъ хозяинъ, чтобъ занять гостей своихъ всѣми возможными увеселеніями! Въ ближайшемъ отъ насъ городѣ еоставилось маленькое общество любителей, которые забавляются представленіемъ комедій. Сегодня — мы ни знаемъ, ни вѣдаемъ — видимъ дворъ нашъ, наполняющійся незнакомыми пріѣзжими. Большая горница, которая окнами въ садъ, становится театромъ. Простенькія кулисы

легкимъ оборотомъ представляютъ попеременно улицу и внутренность покоевъ. Актеры наши имѣютъ много ревности; мы весьма расположены къ снисхожденію. Мы напередъ согласились не требовать отъ нихъ дарованій Дмитревскаго или Черникова. Но долгое лишеніе сего удовольствія украситъ въ глазахъ нашихъ самое посредственное зрѣлище. Выборъ комедій мы имъ оставили; и теперь только объявляютъ они, что завтра дадутъ намъ Мизантропа и Скапиновы Обманы. Слѣдуетъ страннѣйшимъ совокупленіемъ двухъ комедій, столько различныхъ между собою, они доставятъ намъ случай удостовѣриться собственнымъ чувствованіемъ въ справедливости приговора, который пропзнесъ строгой Буало надъ другомъ своимъ Мольеромъ:

Въ обманахъ и мѣшкѣ презрѣннаго холопа
Не узнаю тебя, писатель Мизантропа!

Конечно, роды комедій различны и истинные знатоки будутъ цѣнить другимъ образомъ характерную комедію и шутовское игрище. Но ежели можно попрекословить законодателя вкуса (а Буало конечно заслуживаетъ сіе именованіе), Мольеръ довольно еще является и въ самомъ грубомъ своемъ игрищѣ, чтобъ узнать въ немъ рожденнаго живописца человѣческаго сердца. Смѣхъ, который возбуждаетъ онъ столь сильно, столь естественно, всегда мѣтитъ на какое нибудь заблужденіе разума и сердца. Острыя слова его рождаются сами собою изъ положенія. «Ты

ювелиръ, Г. Жосеъ, ну! ежели онъ пойдётъ до сіятельства,)» говоритъ самъ съ собою Г. Журденъ, который платитъ за каждый титулъ, прилагаемый ему отъ портнаго. Имѣя нужду нравиться публикѣ, еще мало чувствительный къ тонкимъ красотамъ искусства, ему надобно было примагнивать зрителей къ Мизантропу и Ученымъ Женщинамъ простонародною веселостію Принужденной Женитьбы и Лекаря по неволѣ. Но дарованіе его было признано съ самаго его появленія; и восклицаніе старика, который на представленіи «Смѣшныхъ Щеголихъ» закричалъ изъ партера: «продолжай, Мольеръ! это настоящая комедія», было предсказаніемъ и первымъ торжествомъ Мольеровой славы. И въ самомъ дѣлѣ, театръ не имѣлъ прежде него ни одной хорошей комедіи, кромѣ Корнелева Лжеца. Онъ первый сдѣлалъ театръ школою нравовъ. Послѣ него не было ни кому позволено быть смѣшнымъ безъ наказанія. Невѣжды-врачи, тщеславные вертопрахи, надутые ученостью неданты, гнусные лицемѣры узнали себя на театрѣ и принуждены были бросить личину свою, чтобы уйти отъ общаго посмѣянія. Комическая сила, которую не находили древніе въ Теренціи, впрочемъ, столь естественномъ живописцѣ нравовъ, препровождаетъ малѣйшія черты Мольеровы. Онъ выше Плавта въ Скупомъ и Амфитріонѣ! Творецъ Мизантропа и Тартюфа былъ безъ образца и послѣдователя. Буало находилъ Ренара весьма забавнымъ, но комическимъ одного Мольера. Детушъ достоинъ почтенія искусствомъ

и нравственною пользою; Дюфрени весель; — можетъ быть, одинъ Пиронъ въ нашемъ столѣтїи достигалъ до Мольеровой силы въ Метроманїи.

2 октября, Берново.

Итакъ, между тѣмъ, какъ я почитаю тебя у береговъ Невы, ты переносишься со скоростью вѣтра въ необъятную окружность древней столицы. И струи Волги не могли тебѣ напомнить Бернова! Ты поспѣшалъ не за разсѣянїями, а за нуждами друзей твоихъ. Развѣ ты выключаешь меня изъ числа ихъ? Или счастливые друзья уступаютъ преимущество? Я узнаю тебя въ этомъ и готовъ простить тебѣ въ разсужденїи причины.

Во другѣ истинномъ какое наслажденье!
 Выводитъ нужды онъ изъ сердца твоего;
 Предупреждаетъ униженье
 Открытїя самаго.
 Его смущаетъ сновидѣнье,
 Бездѣлка, ничего,
 Когда касается любимаго его.

Ты соглашаешься съ чувствованїями Лафонтена, котораго прелестная простота и неподражаемая естественность вкушаются тобою совершенно. Искусство и принужденїе неизвѣстны

любви достойному Басеннику. Онъ не знаетъ, что онъ нравится, или ежели нравится, какимъ тайнствомъ до того доходить. Онъ невиненъ во всѣхъ своихъ хитростяхъ. Природа сказала ему при рожденіи: «Сказывай басни,» и онъ сказываетъ. Знакомые не открывали въ немъ остроумія: онъ имѣлъ дарованіе. Какъ остроуміе мало передъ драгоцѣнною простотою, которая дышетъ въ произведеніяхъ лѣнивой Музы его! Анакреонъ Французовъ, онъ производитъ полное очарованіе надъ сердцами читателей, за тѣмъ что онъ имъ первый обмануть добродушно. Большее дѣтя во всю жизнь свою, онъ удивлялъ современниковъ своихъ простотою замысловъ и поступковъ жизни. Въ обществѣ друзей его, Расина, Буало, Мольера, его не называли иначе, какъ добрымъ человѣкомъ (*le bon homme*). Опытный судья дарованій, Мольеръ говорилъ имъ: «добрый человѣкъ пойдетъ далѣе насъ!» Его слава не соединена съ перемѣнами искусства и нравовъ, которые непостоянны: она почерпнута непосредственно въ самой природѣ. Онъ умѣетъ трогать насъ, заставляя говорить животныхъ. Онъ сходитъ, такъ сказать, къ равенству съ ними и пріемлетъ на себя столь живо ихъ чувствованія и пристрастія, что мы не примѣчаемъ заблужденія своего, приписывая имъ разумъ и слово, наши добродѣтели и пороки. Воображеніе представляетъ ему при самомъ безплодномъ содержаніи черты, столь живыя и пріятныя, что онѣ даютъ настоящее существованіе мѣсту явленія и лицу, которое вводится. Страсти

его не менѣе истины въ выраженіи, хотя заяцъ и кроликъ его герои. Что можетъ быть иѣжнѣе басни Двухъ Голубей? Какое чувствованіе владычествуетъ въ той, которой заключеніе привелъ я вначалѣ — Два друга, въ баснѣ Царь и Пастухъ, во множествѣ другихъ, соединяющихъ Философію съ стихотворствомъ подъ покрываломъ легковѣрія. Стихотворецъ не однихъ дѣтей, Лафонтенъ занимаетъ пріятнѣйшимъ образомъ опытность и знаніе свѣта. Онъ сообщилъ новыя прелести языку. Близокъ къ природѣ безъ суетныхъ желаній, онъ «жилъ безъ заботъ и умеръ безъ угрызений,» по его собственному выраженію.

Коль смѣлъ бы слово я прибавить изъясненья,
И сталъ бы здѣсь внушать любовь уединенья.
Оно даруетъ намъ отрады безъ суетъ,
Отрады чистыя, въ которыхъ скуки нѣтъ.
Обитель, къ коей я стремлюся отъ волненья!
Мѣста любимыя! когда придетъ сей день,
Что буду я вкушать прохладну вашу тѣнь?

Но это напоминаетъ мнѣ спокойную хижину мою, въ которой наслаждался я самъ собою и которую ты прежде меня увидишь ее — и друга нашего, счастливаго «Обитателя предмѣстія».

11 октября, Берново.

Сколько я тебѣ благодаренъ! Только что въ Москву пріѣхать, успѣть посмотрѣть мое любезное предметіе, тотчасъ писать ко мнѣ, писать прекрасное письмо на языкѣ и тономъ госпожи Севинье, усѣянное сими чертами, чувствованія и остроумія, которыя становятся вдвое живѣе, когда украшены рѣимою, и которыхъ таинство укралъ ты у Вольтера и Шолье.... Но я соединяю два имя, столь различныя! Между тѣмъ какъ роскошный обитатель храма остался парвымъ изъ нерадивыхъ стихотворцевъ, наследникъ Ниноны, очистившій остроуміе свое въ школѣ хорошаго вкуса — въ обхожденіи знатнѣйшихъ особъ своего времени, удивилъ ожиданіе общества великими твореніями, которыя поставили его подлѣ Корнеля и Расина. Величественъ, иногда возвышаетъ онъ глубокую мысль сіяніемъ выраженія, иногда послѣдуетъ своенравію Грацій.

Онъ въ отрочествѣ былъ угодникомъ Нинонѣ,
 Къ *Виргилію* въ двадцать лѣтъ въ сообщество спѣшилъ,
 Во зрѣломъ мужествѣ *Софокловъ* путь свершилъ:
 У старца богъ любви покоился на лонѣ.

Доратъ.

Сіи легкія, или убѣгающія стихотворенія (*pièces fugitives*), если можно занять сіе слово, не

стоили ему минуты размышленія. Первая мысль, которая представлялась уму его, принимала безъ принужденія извѣстныя формы и тонкая шутка становилась учтивымъ привѣтствіемъ. Дружескія посланія, сказочки, эпиграммы: все, чѣмъ забавлялся пѣвецъ Генриха IV, дышало свободою и не было обезображено слѣдами неблагодарнаго труда. Его образъ писанія сдѣлался образцомъ и отчаяніемъ послѣдователей. Множество молодыхъ благородныхъ людей присоединили дарованіе легкихъ стихотвореній къ своимъ титуламъ военнымъ и придворнымъ. Не считая Дората, который испытывалъ себя во всѣхъ родахъ и, можетъ быть, удалился отъ благородной простоты, бѣгая за остроуміемъ, Бернисъ, Нивернуа, Буфлеръ, Парни, стихотворцы легкіе и блестящіе, сорвали нѣсколько цвѣтовъ по стезямъ Фернейскаго старца. Но послѣдователи, которыми можетъ онъ похвалиться болѣе, Мармонтель (ты знаешь пристрастіе мое къ нему), Лагарпъ, продолжаютъ еще славу французской литературы. Какой благородный колоритъ сіяетъ въ твореніи Сень-Ламберта, который достоинъ былъ идти по стопамъ Томсона, воспѣвая, такъ какъ онъ, времена года! Онъ первый открылъ во Франціи поприще описательнаго стихотворства, дотолѣ удѣлъ Англичанъ и Нѣмцовъ. Еще живетъ сладостный прелагатель Георгикъ, пѣвецъ Садовъ, любви достойный Делиль. Какое сожалѣніе, что Томасъ не увѣнчиваетъ болѣе добродѣтели и заслуги краснорѣчіемъ, не посвящаетъ стихотвор-

ства правоученію! Болѣе сродствуя съ нѣжною душею Фенелона, нежели съ порывистою высокостію Боссюэта, онъ возбуждалъ гласъ ихъ, долго почившій, въ пользу гражданскихъ достоинствъ. Онъ воздавалъ благодарность потомства ревностному Сюлли, первому человѣку на второй степени, и платилъ позднюю дань удивленія сіяющему духу Декарта. Современникъ крайнорѣчивѣйшихъ смертныхъ, Ж. Ж. Руссо и Бюффона, онъ былъ достоинъ имѣть ихъ судьями. Онъ осмѣливался возвыситься до эпопей; и уже выборъ содержанія, счастливѣйшаго нежели содержаніе Генріады, открывалъ ему величественное поприще. Онъ похищалъ у Россійскихъ стихотворцовъ богатый предметъ отечественной славы, дѣянія Петра Великаго.... При семъ имени Генріады, чувствую, что я трогаю нѣжную струну. Ты хотѣлъ бы, чтобъ всѣ ее видѣли твоими глазами: благородную непрерывно, сообразованную съ просвѣщеніемъ времени, представляющую важную картину въ стихахъ, оставляющихъ долгое воспоминаіе! Кто споритъ съ тобою? Но всего остроумія недовольно, чтобъ приблизиться къ Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму и, можетъ быть, Потерянному Раю.

20 октября, Берново.

Благодарю тебя, мой любезный другъ, за письмо твое отъ 15 числа. Продолжай увѣдомлять меня объ успѣхахъ писменъ нашихъ. Ты знаешь, раздѣляю ли я ревностное желаніе твое, чтобъ прекрасный языкъ нашъ имѣлъ наконецъ своихъ классическихъ писателей, чтобъ мы не принуждены были удивляться однимъ только иностраннымъ умамъ. Шьмецкая литература немногимъ опередила рожденіе нашей. Галеръ, Гагедорнъ не старѣе Ломоносова. Но имъ послѣдовали съ удивительною скоростію, въ толпѣ менѣе отличныхъ писателей сіяющіе духи, Клопштокъ, Лессингъ, Геснеръ, Виландъ. Зачѣмъ у насъ пристрастіе къ прекраснымъ писменамъ не столько же дѣйствительно и не побуждаетъ молодыхъ чувствительныхъ людей къ заслуженію благодарности отечества? Мы менѣе прилѣпляемся къ ученію древнихъ и обольщены пріятностями чужаго языка, который сдѣлался языкомъ хорошаго общества; мы отчаяваемся напередъ достигнуть того же совершенства на своемъ собственномъ. И, можетъ быть, не безъ основанія. Духъ болѣе возвышается съ древними, и величественная простота ихъ удобнѣе примѣняется ко всѣмъ временамъ и народамъ, нежели изысканныя тонкости новыхъ, которыя владычествуютъ нѣкоторое время и исчезаютъ съ модою. . . . Но между тѣмъ, какъ я разсѣиваю себя нарочно еими критиче-

скими разбирательствами, нужда быть съ тобою говорить сердцу моему повелительнымъ образомъ. Прекрасныя письма твои не могутъ замѣнить твоего сообщества и заставляютъ только желать его усильнѣе. Мнѣ хочется подзвать къ себѣ моихъ любезныхъ хозяевъ и похитить у Бернова лучшее его украшеніе: такимъ образомъ соединить въ предмѣстїи своемъ все то, что я имѣю драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ. Воспоминаніе первыхъ дней дружбы нашей насильственно овладѣло душой моею. Помнишь ли, какъ оба, лѣтъ пятнадцать моложе, мы искали друга, побуждаемы прїятнѣйшимъ чувствованіемъ, сходствомъ вкусовъ, сею самою любовію и сѣменъ? Представленія Заиры, Альзиры, Магомета служили намъ мѣстами соединенія. Я услаждался, слушая тебя, возглашающаго цѣлыя рѣчи изъ Меропы, величественной трагедїи, въ которой сіяетъ простота греческаго вкуса со всемъ богатствомъ выраженія. Наши гулянья въ садахъ, уединенныя бесѣды протекали столь быстро, наполнены взаимнымъ сообщеніемъ нашихъ мыслей и чувствованіемъ о красотахъ верховныхъ твореній, которыя поражали необычайнымъ блескомъ новыя наши чувства. Ты снисходительно слушалъ, съ пристрастіемъ дружества, лепетаніе ученической музы моею. Гдѣ Болеславъ мой, въ котораго я желалъ перелить всѣ движенія Аделаиды дю Гескленъ? Столько чтеніе прекраснаго образца можетъ овладѣть воображеніемъ и невольнымъ образомъ увлекаетъ къ подражанію! Мы любили занимать-

ся веселыми явленіями Седеня или Мармонтеля, съ которыми Моцсиньи и Гретри соединили дарованія свои, или восхищались волшебными согласіями Панзіелла, когда, вспомошествоемъ духомъ Метастазія, вводилъ онъ Ахиллеса, повергающаго златую лиру, или Нитету, странствующую на берегахъ Нила. Прекрасное счастливое время, когда ты испытывалъ перелазать пѣсенки Метастазія, сего лебеда Авзоніи. Ему обязана Италія своими великими сочинителями музыки. Безъ него бы не было, можетъ быть, Пиччинія, Анфосси, Сальери, Сарти. Но Киво одушевляетъ Глука: Киво, который, не смотря на порицаніе Буалово, останется то же въ оперѣ, что Расинъ въ трагедіи.

ПИСЬМО ПОСЛѢДНЕЕ.

Никольское

Воображалъ ли я при отпускѣ послѣдняго письма моего, что такъ скоро оставлю Никольское? Пріятное происшествіе причиною нашего отъѣзда. Армейское производство вышло. Г. Славину досталось въ генераль-маіоры и по росписанію въ Сѣверную дивизію. Онъ беретъ Васишку въ адъютанты. Это первый походъ его. Ты вообразишь себѣ, что такъ скоро не оставляютъ пріятелей своихъ, особливо тѣхъ, которымъ думаешь

быть полезенъ. Я препровождаю молодого офицера. Хозяева мои имѣютъ благосклонность увѣрять меня, что они бы сами сдѣлали мнѣ предложеніе сіе, если бы не предупредило ихъ мое собственное чувствованіе. Насъ ѣдетъ много; господа Полосовской и Добросердовъ въ томъ числѣ. Ты можешь представить себѣ, стараемся ли мы воспользоваться свѣдѣніями и опытностію Г. Славина. Мы много читаемъ, много разговариваемъ о военномъ искусствѣ. Походы Тюрена, Люксамбурга, Маршала де Саксъ суть предметы нашего ученія; но болѣе всего отечественная Исторія. Мы не устаемъ слушать Г. Славина, когда онъ рассказываетъ намъ, съ картою на столѣ, подвиги Государя Петра Великаго, счастливыя дѣянія Мпниха, Лессія, Салтыкова, побѣды Румянцова, Нестора полководцевъ. Я самъ заимствую отъ общаго восторга, устремляюсь въ славное поприще военнаго состоянія. Что скажетъ нашъ кроткой Иринеевъ, когда увидитъ меня въ полномъ одѣяніи офицера, въ знакѣ, въ шарфѣ, съ саблею? Какихъ упрековъ ожидать я долженъ! Не послужатъ мнѣ къ защищенію славныя примѣры Леонида, умирающаго во исполненіе священныхъ приказаній отечества; Эпаминонда, котораго послѣдніе взоры видѣли убѣгающаго непріятели. Человѣколюбіе его никогда не примирится со славою. Но ты, мой любезный другъ, ты, который всегда воспламенялъ въ сердцѣ моемъ любовь къ отечеству, сію страсть великихъ душъ, ты увѣренъ, что какой рокъ меня

ни ожидаетъ, побѣдитель или мертвъ, я никогда не разстанусь съ честью. Ты увидишь меня по-лакедемонски: или со щитомъ, или на щитѣ. Меня восхищаетъ сіе великодушное желаніе цѣмцаго Барда, чувствительнаго Клейста, желаніе умереть славною смертію за отечество. И какъ могу я здѣсь чувствовать иначе, когда вижу родителя, нѣжную мать, отпускающихъ съ геройствомъ въ тѣ же самыя опасности любимаго ихъ сына, и когда сей молодой человекъ (я не смѣю назвать офицера Василькою), идетъ на войну со всею твердостью мужа? Прими мои нѣжнѣйшія прощанія. Твой образъ, запечатлѣнный въ душѣ моей, будетъ препровождать меня и на мѣсто сраженія.

P. S. Я посылаю тебѣ книги мои. Ты найдешь въ нихъ нѣкоторыя записки и цѣлую тетрадь сочиненій, — плодъ нашихъ чтеній и разговоровъ съ молодымъ графомъ. Еще разъ прощай. Будь здоровъ, будь счастливъ.

Т Е Т Р А Д Ъ

Д Л Я С О Ч И Н Е Н І Й.

(Начато въ Никольскомъ, 10 іюня.)

Заглавіе было написано, а мы еще не знали, какимъ образомъ приступить къ исполненію его. Никакая счастливая мысль не попадалась. Нельзя было положить вишы на перо или чернила. Все было въ лучшей исправности; не доставало только сочинителей. Мы это чувствовали, и болѣе приходили въ уныніе. Веселость, которая за полчаса назадъ одушевляла Васильку, готова была его оставить. Наконецъ я прерываю молчаніе. «Напишемъ, по крайней мѣрѣ, говорю я, это «самое состояніе нерѣшимости, которое насъ смучитъ, и мы едѣлаемъ начало нашимъ упражненіямъ въ сочиненіи. Начало, сказываютъ, половина дѣла. Но чтобъ повѣствованіе было живѣе, преобратимъ его въ разговоръ. Станемъ «писать рѣчи наши попеременно, вы подъ име-

«спемъ Васиньки, я подъ названіемъ друга вашего, «ежели вы мнѣ позволите.»

Васинька. Съ превеликой охотой, я очень радъ. Вы видите, что вы ужъ читаете отвѣтъ мой, а не слышите.

Другъ. Тѣмъ лучше. Мы сдѣлаемъ привычку писать. Нечувствительно слогъ нашъ образуется. Нѣтъ ничего полезнѣе упражненія. Начнемъ съ родовъ сочиненія самыхъ легкихъ, на примѣръ, со сказочекъ. Потомъ станемъ выходить со временемъ къ разговору, письму, разсужденію. Вы такъ часто рассказываете то, что видѣли или читали. Возьмите перо и дайте ему ходить по бумагѣ съ тою же свободою, съ которою говорите.

Васинька. Да, это великая разница. Я говорю какъ ни попало, почти не подумавъ: всѣ меня разумѣютъ. А прижимаясь за бумагу, чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ.

Другъ. Привычки. Она внушаетъ печувствительно охоту и довѣренность къ самому себѣ. Испытаемъ написать съ памяти такую повѣсть, которую мы недавно читали. Возьмемъ изъ Фенелона Приключенія Али-Беговы. Нѣкогда Аббасъ

Васинька. Постойте, это мое дѣло. Аббасъ, Софи Персидскій, объѣзжалъ области свои, ни кѣмъ не знаемъ. Молодой пастухъ ему понравился благоразуміемъ рѣчей своихъ еще болѣе, нежели пріятностью вида. Софи открылъ ему сагъ свой. Али-Бегъ! говоритъ ему (такъ пазы-

вался пастухъ) природа произвела тебя къ другому званію. Оставь поля свои, послѣдуй за мною: я поставлю тебя пастыремъ людей. Пастухъ послѣдовалъ. Онъ былъ нелицемѣрный другъ государя своего, всегда говорилъ ему правду и спасалъ народы отъ утѣсненія злыхъ. Но Аббасъ скончался. Молодому сыну его ласкатели оклеветали Али-Бега. «Онъ собралъ себѣ сокровища, говорили они, слезами сираго и вдовицы.» Воспаленъ гнѣвомъ, сынъ Аббасовъ идетъ самъ въ домъ Али-Беговъ, удостовѣриться своими глазами въ истинѣ доноса. Вездѣ находитъ умѣренность, простоту, сельскіе нравы. «Но вдали видны желѣзныя двери. За ними — шепчутъ клеветники — сохраняются сокровища Али-Беговы.» Растворяютъ двери. Что находятъ въ казнѣ его? Посохъ, свирѣль, платье, которое онъ пастухомъ носилъ. И Али-Бегъ обнимаетъ колѣна государя своего: — Не отнимай у меня сихъ сокровищъ: я съ ними былъ и опять могу быть счастливъ. Позволь мнѣ возвратиться въ деревню. — Приведенный въ умиленіе, государь отдалъ справедливость оклеветанной добродѣтели и грознымъ взоромъ изгналъ ласкателей навсегда

Другъ. Вы видите, что дѣло сдѣлано. Ежели это не самое лучшее повѣствованіе, то по крайней мѣрѣ, это «опытъ сочиненія».

ИЗБРАНІЕ ГЕРКУЛЕСА.

Геркулесъ приходилъ уже въ тотъ возрастъ, который называется возрастомъ разума. Наполненъ размышленія о выборѣ приличной жизни, шелъ онъ дорогою. Вдругъ она раздѣляется на двѣ стези. Двѣ женщины выше человѣческаго образа представляются ему и зовутъ его въ противоположныя стороны. Одна величественна съ простотою, благородна безъ гордости и называется Добродѣтель; другая исполнена томности и вѣги: Роскошь имя ея. «Юноша! послѣдуй за мною,» говоритъ она: «Здѣсь розами стезя усыпана, здѣсь чистые источники, сладкія яства, ненарушимый сонъ. Никогда жизнь твоя не будетъ подвержена опасностямъ.» Добродѣтель вѣщаетъ въ чреду свою: «Послѣдуй за мною. Опасности тебѣ не страшны будутъ. Ты преодолѣешь ихъ мужествомъ. Слава твоя будетъ безсмертна. Она будетъ справедлива, затѣмъ что ты посвятитъ жизнь свою пользѣ людей. Никогда раскаяніе не возмутитъ твоего спокойствія, затѣмъ что ты будешь исполнять свои должности.» Геркулесъ не сомнѣвался болѣе, и послѣдовалъ Добродѣтели.

НЕСОГЛАСІЕ ВОЖДЕЙ — ПАГУБА НАРОДОВЪ.

Осада Трои была первымъ предпріятіемъ соединенной Греціи. Двадцать царей послѣдовали Агамемнону. Знаменитѣйшіе изъ нихъ были: Діомидъ, Идомей, два Аякса, мудрый Улиссъ, древній Несторъ, — но всѣхъ превосходилъ храбростію Ахиллесъ. Троя упала подъ его побѣдоносными ударами. Бѣдственная сора останавливаетъ успѣхи Грековъ. Агамемнонъ обидѣлъ Ахиллеса. Съ тѣхъ поръ непримиримый Ахиллесъ отнимаетъ помощь свою отъ общаго ополченія. Превозмогаютъ Трояне. Гекторъ осаждаетъ прогнанныхъ Грековъ на корабляхъ ихъ. Греція погибала. Чувствительный Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, не можетъ взирать на погибающее отечество. Устремляется на Троянъ во брони Ахиллеса и единымъ явленіемъ симъ обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но Гекторъ поражаетъ его. Тогда потерю друга наказанный Ахиллесъ выходитъ изъ ослѣпленія гнѣва. Является — и все уступаетъ оружію его. Скоро величественные верхи Трои повергаются на землю. . . .

Читайте Гомера, юноши! читайте Гомера, воины!

БЛАГОРАЗУМІЕ, СОЕДИНЕННОЕ СЪ МУЖЕСТВОМЪ, ПРЕВОЗМОГАЕТЪ, РАНО ИЛИ ПОЗДНО, ВЕЛИЧАЙШІЯ ПРЕПЯТСТВІЯ.

Всѣ уже вожди греческіе, избѣгшіе гибели по испроверженіи Трои, возвратились въ свои дома. Мудрый Улиссъ одинъ не можетъ достигнуть любимой Итаки. Цѣлая десять лѣтъ вѣрная супруга его, Пенелопа, вздыхаетъ о возвращеніи его; между тѣмъ какъ гордые вельможи итакскіе расхищаютъ домъ ея и празднуютъ повседневно. Телемакъ, достойный сынъ героя, въ препровожденіи сокрытой Минервы, ищетъ повсюду слѣдовъ родителя. Улиссъ, лишенный помощи и товарищей, единою своею мудростію и мужествомъ преодолеваетъ свирѣпство нестоваго Полифема и Циклоновъ, волшебство Цирцеи, обольщенія Сиренъ, хитрости Каллисы, которая, останавливая его на острову своемъ въ безславной праздности, хотѣла заградить ему навсегда возвращеніе въ отечество; наконецъ доставленъ на берега Итаки благодѣяніемъ Алкиноя, царя Феакійскаго, объемеръ Телемака въ хижинѣ вѣрнаго пастыря своего Эвмея, посѣщаетъ дряхлаго отца своего Лаэрта, является Пенелопѣ, двору, народу. Умыслы вельможъ разсѣваются. Улиссъ сіяетъ величественнѣе претерпѣвшими несчастіями и трудами.

ОБЩЕЖИТЕЛЬНОСТЬ.

Сколь трогательно Софокль, сія пчела аттической, описываетъ несчастнаго Филоктета въ трагедіи сего имени! Оставленъ жестокосердыми Греками на необитаемомъ островѣ, одинъ, цѣлыя десять лѣтъ, во все продолженіе осады троянской, не слышитъ онъ человѣческаго гласа, не видитъ образа. Болѣзненнѣе для него сіе исключеніе изъ человѣческаго рода, нежели неисцѣльная язва ноги его, пожирающая тѣло. Онъ не имѣетъ друга, не имѣетъ товарища, который бы утѣшилъ его, пожалѣлъ о немъ по крайней мѣрѣ. Что можетъ быть сего несчастнѣе? Цѣлая жизнь его есть непрерывная продолжительная скука. Стрѣлы Геркулесовы, одинъ залогъ пагубный и драгоцѣнный безсмертнаго его друга, составляютъ все его общество, бесѣду, воспоминаніе. Онѣ служатъ ему единственнымъ орудіемъ защищенія и прощанія. Но съ охотою желалъ бы онъ лишиться и сего сокровища, только бы еще разъ увидѣть себя въ радостномъ обществѣ человѣка. Столь глубоко природа начертала въ сердцѣ человѣка желаніе общества! Лучъ надежды просіяваетъ ему. Однажды онъ влачитъ въ пещеру свою по окончаніи обыкновеннаго странствованія по острову. Напечатлѣніе слѣдовъ человѣческихъ на песку поражаетъ его. Вообразите, если можно, удивленіе

его, восхищеніе. Скоро срѣтаетъ Пирра, сына Ахиллеса. Плѣняется незлобіемъ, безхитрымъ видомъ юности. Повѣряетъ ему стрѣлы сіи, отъ которыхъ самъ естраждетъ и безъ коихъ Троя взята быть не можетъ. Сбирается ѣхать, не взирая на болѣзнь свою, и ласкается еще увидѣть сихъ неблагодарныхъ и любимыхъ Грековъ. Но Улиссъ противится. Нѣжное соболѣзнованіе Пиррово превозмогаетъ. Филоктетъ восходитъ въ корабль. Сердитыя и ему благопріятныя волны уносятъ его отъ Лемна и спасаютъ отъ несчастія одиночества.

АНХИСЪ И ЭНЕЙ.

(Разговоръ.)

Анхисъ. Какой новый герой представляется взору моему между тѣбями праведныхъ, болѣе похожъ на смертнаго, наслаждающагося еще лучами солнца, нежели на обитателя преисподней?... Что вижу я! это Эней, это любезный сынъ мой!

Эней. Прими сіи объятія, сіи радостныя слезы, нѣжный родитель.... Но ты, подобенъ облаку, подобенъ легкимъ вѣтрамъ, убѣгаешь изъ объятій моихъ.

Анхисъ. Ты обнимаешь неосязательную тѣнь. Вспомни, что здѣсь жилище счастливыхъ, гдѣ

погибающее тѣло не обременяетъ болѣе нашего духа. Мы наслаждаемся здѣсь чистою радостію за все добро, которое въ жизни дѣлали. Никакая скорбь до насъ не прикасается. Но ты какимъ образомъ и по какой причинѣ проникъ въ мѣста сіи, воспрещенныя смертнымъ?

Эней. Горящее желаніе еще разъ тебя увидѣть, еще удовольствовать сіи очи воззрѣніемъ на любимаго родителя

Анхисъ. Я узналъ нѣжность Энееву. Ты такъ же чувствовалъ, когда, среди пылающей Трои, сквозь толпу разъяренныхъ непріятелей, несъ на раменахъ своихъ меня, дряхлаго, лишеннаго зрѣнія старца и коего жизнь не была нужна болѣе погибшему отечеству.

Эней. Я исполнялъ сладчайшій долгъ природы. Ты посрамляешь меня, родитель, вспоминая дѣло столь естественное.

Анхисъ. Не въ моей силѣ истребить столь пріятное воспоминаніе. Боги, тронутые благочестіемъ твоимъ, готовятъ тебѣ и твоимъ потомкамъ сильное царство въ Италиі. Ты будешь основателемъ знаменитѣйшаго народа, которому суждено владычествовать вселенною: ты будешь прародителемъ героевъ. «Ни чѣмъ не можно болѣе снискать благоволеніе Вышняго Существа, какъ почтеніемъ и любовію къ родителямъ.

ВОЛЬНОСТЬ.

Священныя права челоуѣка: безопасность, собственность, замыкаются въ единомъ словѣ «вольность». Не было земли, болѣе благопріятствующей сему гражданскому чувствованію, какъ Греція. Тамъ все благородство состояло въ томъ, чтобъ быть вольнымъ. Но со временемъ пагубное честолюбіе вождей, безпокойство черни и роскошь изгнали вольность изъ сердець греческихъ. Римляне ее приняли. Побѣда сопровождала оружіе ихъ. Вострепетали въ чреду свою утѣснители Греціи. Фаланга, македонская пала подъ усиліемъ легионовъ. Великодушный побѣдитель, консуль Титъ Фламиній, предписываетъ законы Филиппу и расторгаетъ узы Греціи. Бѣольшая часть обитателей ея торжествовала тогда исомическія игры. Консуль поспѣшаетъ на среду ихъ. Велитъ провозгластителю возвѣстить всей Греціи отъ имени Римскаго народа вольность; каждому греческому обществу возвращается право жить подъ своими собственными законами; ни какая посторонняя власть не долженствуетъ утѣснять природную ихъ свободу. Изумленные Греки сомнѣваются мгновеніе въ истинѣ слышимаго, просятъ повторить провозглашеніе. Тогда, увѣренные въ счастіи своемъ, не полагаютъ предѣловъ восхищенію и благодарности. Повсюду слезы радости, восклицанія. Воздухъ восколебалъ-

ся воплемъ: птицы летѣвшія попадали въ среднюю собранія. Всѣ поздравляютъ, объемятъ другъ друга. За счастье почитается прикоснуться рукѣ избавителя. Излишество благодарности обременяетъ сердца ихъ.

Но счастье, столь желательное, было не долговѣчно. Честолюбивые Римляне были постоянны только въ единомъ намѣреніи своемъ покорить вселенную. Распространивъ предѣлы владычества своего, они потеряли собственную свою вольность. Маріи, Суллы и счастливый Цесарь испровергли республику. По мѣрѣ удаленія отъ вольности уничижалось имя Римское, доколѣ, совеѣмъ обезчещено развратностію нравовъ, подлостію, алчностію, не потерялось совершенно подъ разлитіемъ варварскихъ народовъ. Мраки невѣжества и рабства собрались надъ человѣческимъ родомъ съ непроницаемою густотою и позорище вольности, просвѣщенія, славы надолго ими сокрылось.

П Л Ъ Н Н И К И.

Римская Имперія была возобновлена только по имени Карломъ Великимъ. Римъ становился столицею страшной власти духовной, которая, пользуясь невѣжествомъ временъ, грозила покорить себѣ свѣтскую. Восточная Имперія давно пре-

клонялась къ своему паденію, угнетаема пороками правленія и усиліями народовъ воинственныхъ, безпрестанно изъ Сѣвера исходившихъ. Константинъ Порфирородный принесъ бесполезную любовь ученія на престоль, гдѣ надобны были твердость и дѣятельность. Славяне и Руссы являлись часто на ладьяхъ своихъ въ проливѣ Цареградскомъ. Все уступало суровому ихъ мужеству. Уже Оскольдъ нанесъ трепеть Константинополю, и Олегъ освятилъ право побѣды торжественнымъ положеніемъ мирныхъ договоровъ. Игорь движется бранію, и, не взирая на греческій огонь, пожирающій корабли его, двѣ краты опечаливаетъ войною прекрасныя страны Малой Азіи. Въ послѣдній изъ сихъ походовъ, два сына Θεодора Стратилата, Зиновъ и Парфеній, похищаются отъ объятій родителя. Отягчены оковами (жестокій обычай древней войны!), они послѣдуютъ за побѣдителями въ Кіевъ. Человѣколюбивая Ольга, супруга Игорева, которой просвѣщеніе оскорблялось дикостію тогдашнихъ нравовъ, предстательствуетъ за плѣнниковъ. Ихъ узы облегчаются. Они вкушаютъ нѣкоторый родъ вольности, ежели можетъ существовать вольность для того, кто отчужденъ отечества. Ихъ знанія, выгоды просвѣщеннаго человѣка, находятъ имъ покровителей. Добрыня, намѣстникъ новгородскій, беретъ ихъ съ собою. На берегахъ Ильменя возглашаютъ они, ни кѣмъ не разумѣемы, священныя пѣсни Гомеровы, звучные стихи Софокла и Еврипида и воспоминаютъ сладостное отече-

ство. Скоро наставляють они въ письменахъ греческихъ младаго сына Добрыни. Дружество соединяетъ сердце славянскаго юноши съ его несчастными друзьями. Онъ испрашиваетъ имъ у родителя дарованіе совершенной свободы. Съ позволенія Добрыни, отправляются все трое на корабль варяжскомъ въ путешествіе на Западъ. Дошлы въ земли Поруссовъ, проникають они во внутренность Германіи. Общежитіе тамъ едва начиналось и строились города. Отлагали безпокойство свое укрощенные Саксоны. Плодъ завоеваній Карла Великаго, правильнѣйшая система феодальнаго владѣнія установлялась; но вожди, посылаемые для защищенія границъ, нечувствительно отъ зависимости государей отпадали. Самый скиптръ Имперіи вышелъ изъ слабаго потомства Карла Великаго. Путешественники коснулись предѣловъ Франціи. Раздробленное между вельможами, государство сіе теряло свое сіяніе, подъ удрученіемъ невѣжества, суевѣрія, рабства. Тѣ же несчастія видѣли въ Италиі, нѣкогда славной и величественной! Искусства оставили ее вмѣстѣ съ вольностію. Наконецъ достигаютъ Константинополя. Θεодоръ имѣетъ счастье опять увидѣть сыновъ своихъ. Младой Добрыня находитъ въ Царѣградѣ мудрую Ольгу, просвѣтившуюся православіемъ. Присоединясь ко двору ея, возвращается въ Россію.

ОБЩЕСТВО ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Алманзоръ, сынъ Омаровъ, не препровождалъ юности своей такъ, какъ прочіе вельможи багдадскіе, въ исканіи веселій, всегда убѣгающихъ. Онъ не былъ рабомъ тщеславія и скуности. Но съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своихъ украшалъ разумъ просвѣщеніемъ и сердце пріуготовлялъ къ воепріятію всякой добродѣтели. Никогда обманъ не осквернилъ устъ его; никогда зависть и ненависть, страсти мрачныя и подлыя, не унизили души его. Онъ хотѣлъ научиться правамъ чело-вѣчества, посѣщая разныя страны и народы. Преходилъ безплодные камни Аравіи, благовонныя роши іеменскія и видѣлъ етоль близкія между собою бѣдность и счастіе жителей. На берегахъ Нила осматривалъ онъ пирамиды—величественныя и тщетныя памятники фараоновъ. При струяхъ Ганга разговаривалъ съ кроткими и мудрыми браминами. Обращался съ Персами и странствующими Монголами. Но ни что не остановило вниманія его толь пріятнымъ образомъ, какъ малое гражданство добрыхъ людей, которое населяло одну прекрасную долину на южной сторонѣ Кавказа. Ограждены горами отовсюду, они запретили входъ порокамъ, терзающимъ вселенную. Никогда вражда не возмущала ихъ спокойствія. Совѣтъ стариковъ управлялъ гражданствомъ. Молодые старались превзойти другъ друга въ

повиновеніи. Не было у нихъ радости болѣе, какъ сдѣлать что нибудь пріятное другому. Вся жизнь ихъ проходила во взаимныхъ услугахъ. Величайшее наказаніе было — стыдъ. Кто три раза уличенъ былъ въ худомъ дѣлѣ передъ совѣтомъ стариковъ, терялъ право гражданства и долженъ былъ безъ пощады быть изгнанъ изъ долины. Но сколь долго процвѣтало сіе гражданство, никто изъ добрыхъ людей (такъ назывались жители) не довелъ себя до третьяго уличенія. Алмазоръ хотѣлъ бы навсегда остаться въ сѣмь счастливомъ обществѣ, но верховныя повелѣнія калифа отзывали его обратно въ Багдадъ, гдѣ во всю жизнь свою исполнялъ онъ законы и дѣлалъ добро.

ОБЩЕЕ БЛАГОВОЛЕНІЕ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ РОДУ.

Духъ предпріимчивости и непросвѣщенное ревнованіе по закону, въ концѣ XI-го вѣка, распространили по большей части Европы суетный замысль избавить Обѣтованныя Земли отъ ига невѣрныхъ. По гласу восторженнаго проповѣдника Петра Пустынника, безпокойное дворянство, столь же храброе, сколь не знающее и напоенное предразсужденіями рыцарства, предводимое множествомъ князей, стекалось въ Клермонтъ, городъ Оверніи, украситься знаменіемъ

крестоваго витязя. Несчетное воинство, подъ начальствомъ Годофреда, переносится въ Азію и облегаєть священныя стѣны Солима. Каждый день осада стѣсняется. Христіанскіе рыцари испытываютъ мужество свое въ единоборствахъ съ сарацинскими, и суровый Аладинъ чувствуетъ, что выпадаетъ скиптръ изъ слабыхъ рукъ его.

Въ одну изъ вылазокъ, Танкредъ, витязь, оставившій плодородныя холмы Калабріи, увлекается своею запальчивостію. Одинъ посреди непріятелей, мечемъ открываетъ себѣ дорогу. Возвращается; но мрачная ночь, безлунная, непогодная, заблуждаетъ стопы его. Громы ударяютъ безпрестанно; молнія ослѣпляетъ очи! И повсюду представляется дикая пустыня, стремнины, свергающіеся съ горъ потоки. Трескъ переломляемыхъ вѣтромъ деревъ повторяется ужаснѣе по дубравѣ.

Танкредъ шествуетъ, утомленный, цѣлую ночь. И уже уныніе начинало вкрадываться въ безстрашное его сердце, какъ вдругъ показывается отрадный блескъ лампы. Онъ ускоряетъ ходъ свой и видитъ себя предъ вратами пещеры. Проситъ гостепріимства: пустынный глубокой старости и неизмѣняемаго спокойства срѣтаетъ его сими словами:

«Чего желаешь, странникъ? Въ сіе время ночи, въ оружіи! Ты, конечно, изъ числа сихъ западныхъ витязей, которые разоряютъ мое отечество. Но ты человекъ и имѣешь нужду въ моей помощи. Я счастливъ, что могу быть тебѣ полезенъ.

Танкредъ. Великодушный Мусульмаинъ! ты долженъ ненавидѣть во мнѣ непріятеля — и даешь мнѣ убѣжище! . . .

Пустынникъ. Сынъ мой! я не имѣю ни къ кому ненависти. Я живу здѣсь въ мирѣ со всѣми и съ собою. Человѣколюбіе есть самое лучшее служеніе Богу. Я могу заблуждаться въ моемъ понятіи о Вышнемъ Существовѣ; но не въ состояніи мучить моего подобнаго за то, что онъ другимъ образомъ думаетъ. Вы сами, когда нибудь сдѣлавшись просвѣщеніе, будете сожалѣть о бесполезномъ свирѣпствѣ вашемъ. Богъ есть общій Отецъ человѣковъ. Онъ не требуетъ отмщенія слабыхъ смертныхъ. Любить другъ друга — есть Его священная заповѣдь. Между тѣмъ войди въ пещеру мою, успокойся и почій.

ДОМАШНЕЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ.

Алваресъ увлеченъ былъ въ юности своей сіяющими мечтами честолюбія. По стопамъ Кортеса, исхитилъ онъ себя изъ стѣнъ любимой Валенціи, чтобъ устремляться за славою въ другой половинѣ Свѣта. Американцы, устрашенные молніею, которая повиновалась смертнымъ, отрекались отъ слабой своей вольности. Но Испанцы обезчестили подвиги свои варварствомъ. Ко-

рыстолюбіе, способствуемое лже святствомъ, разоряло сію землю, богатую и несчастную. Дерзали проповѣдывать незлобивымъ Индійцамъ съ мечемъ и пламенемъ Бога мира и кротости. Чувствительное сердце Алваресово было растерзано симъ оскорбленіемъ человѣческаго рода. Онъ не могъ болѣе оставаться въ обществѣ сихъ чудовищъ. Возвратясь въ нѣдро отечества, въ объятія родителя и нѣжной матери, онъ успокоилъ сердце свое сладостными чувствованіями дружбы и природы. Добродѣтельная супруга, дѣти, полныя надежды, довершили благополучіе его. Сельская хижина, рощица, пріятная долина не оставляли ему ничего желать болѣе. Музы посѣщали обитель его. Стройная цитара издавала подъ перстами его нѣбнющія согласія. На ней воспѣвалъ онъ незлобіе златого вѣка, когда равенство царствовало между человѣками, учрежденіе обществъ, земледѣліе, первое изъ искусствъ, и позорища опечаливающей брани.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, всѣ особы, составляющія семейство его, рука въ руку, послѣдовали по стезямъ Алвареса къ подошвѣ холма, на которомъ любилъ онъ забавляться бряцаніемъ цитары. Въ молчаніи притаились они за густою кустарника. Алваресь, препровождая себя цитарою, воспѣвалъ:

«Торжественно для души моеѣ приближеніе ноши! Низходятъ на мракахъ небесныхъ величественное созерцаніе, восторги, благоговѣніе. Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, раз-

верзающіе предъ челоуѣкомъ картину творенія! Восхищенный взоръ мой теряется въ необъятномъ пространствѣ небесномъ. Солнцы, которыми оно усѣяно, какая сила удерживаетъ васъ среди неизмѣримой бездны? Міры, катящіеся кругомъ ихъ, какая рука начертала вамъ круги сіи, которые вы безпрестанно описываете? Солнцы отвѣщаютъ сіяніемъ и міры возвышаютъ гласъ свой: Онъ сотворилъ насъ, Онъ сохраняетъ, Онъ господствуетъ единый, Который единъ благъ, единъ праведенъ, единъ всемогущъ, всегда существуетъ, вездѣ присутствуетъ и Который удостоиваетъ благоволенія Своего сердце чистое и добродѣтельное.... Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, разверзающіе предъ челоуѣкомъ картину творенія!...»

Алваресъ низходитъ съ холма, окончивъ пѣніе, когда любящая семья окружила его и каждый обнималъ попеременно восхищеннаго пѣснопѣвца.

ДРУЖЕСТВО ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Эдуардъ Вильсонъ былъ сынъ именитаго гражданина лондонскаго, который пріобрѣлъ себѣ чрезвычайныя сокровища успѣхомъ купеческихъ предпріятій своихъ въ Вестъ - Индіи, глубокими свѣдѣніями въ торговлѣ, но болѣе всего исправ-

ною честностію и общимъ довѣріемъ. Англія, возвеличенная славнымъ правленіемъ Елисаветы, приближалась къ сіянію своему. Всѣ пути государственнаго благополучія были отверсты. И вкусъ Англичанъ, просвѣщаемый твореніями Шекспира и Спенсера, избавлялся отъ порицанія варварства.

Но молодой Эдуардъ, котораго воспитаніе было опущено виновнымъ потворствомъ родителя, не старался сдѣлаться способнымъ къ дѣламъ гражданской жизни или украсить разумъ пріятностями письменъ. Дни его протекали въ различныхъ увеселеніяхъ. Зрѣлища, гулянья, конскія ристалища, общество молодыхъ людей, пріятныхъ и непостоянныхъ, поглощали все его время.

Были мгновенія, въ которыя, утомленъ весельями, обмануть въ исполненіи тысячи желаній, покушался онъ уединиться отъ шума суеты и жить съ самимъ собою; но разумъ его, непріученный мыслить, лишенный познаній и просвѣщенія, не могъ представить ему ничего пріятнаго, и скука повергала его стремительнѣе въ тѣ же самыя суеты, которыхъ пустоту онъ чувствовалъ.

Веселостямъ послѣдовали происки честолюбія. Надежды его исполнялись. Мгновеніе — почиталъ онъ себя почти вельможею. Ему мечталось, что онъ выше другихъ людей. Онъ имѣлъ ласкателей и враговъ. Но скоро научилъ его опытъ, что великій чинъ, безъ личныхъ достоинствъ,

дѣлаеть только презрительнымъ челоуѣка, который его не заслуживаетъ. Ошибки его умножались. Онъ былъ отброшенъ и забытъ. Сіе забвеніе спасало его отъ справедливаго гнѣва общества.

Между тѣмъ имѣніе его, безпрестанно уменьшаемое расточеніемъ, претерпѣло нечаянныя уроны. Эдуардъ почелъ себя счастливымъ, что должники его согласились принять малые остатки онаго въ удовлетвореніе ихъ требованій.

Тогда, утративъ всѣ внѣшніе дары счастья и не имѣя способовъ въ самомъ себѣ, Вильсонъ ничего не видѣлъ предъ собою, кромѣ отчаянія. Но случай доставилъ ему знакомство другаго несчастнаго, канцлера Бакона. Виновный градоначальникъ, вмѣстѣ украшеніе вѣка своего и философіи, сей великій челоуѣкъ принялъ его и утѣшилъ. Онъ просвѣтилъ его разумъ и ввелъ во святилище природы. Онъ научилъ его поставлять благополучіе не во *внѣшнихъ вещахъ*, которыя случай похитить можетъ, но въ тѣхъ, которыя отъ него независимы, въ *добродѣтели*, въ *украшеніи разума*, въ *знаніяхъ*. Вильсонъ почувствовалъ цѣну ученія и не жалѣлъ чести и сокровищъ: ихъ потерю пріобрѣлъ онъ *дружество великаго челоуѣка*. Онъ пребылъ неотлучно при *благодѣтелѣ* своемъ. Лишенъ общества его смертію, воздалъ ему послѣдній долгъ, и первый оплакивалъ *возобновителя философіи*.

ПРИМѢРЪ ГОСУДАРЯ.

Въ Парижѣ все обратилось видѣть Великаго Государя, просвѣтителя Россіи. Удивлялись великости духа его, проникательности, выраженію. Слѣдовали за нимъ въ академіи, на гулянья, въ зданіе увѣчныхъ воиновъ. Рассказывали малѣйшія дѣянія его, повторяли рѣчи. Маркизь д'Алегръ одинъ, удрученный немощами старости въ подгородной деревнѣ своей, жаловался бесполезно, что не имѣетъ болѣе той легкости, которою отличался онъ нѣкогда при сіяющемъ дворѣ Лудовика XIV. Нѣсколько молодыхъ людей, скромныхъ и благовоспитанныхъ, оживляли старость его веселостію лѣтъ своихъ. И дряхлый генераль удостоивалъ ихъ совѣтами, давалъ имъ наставленія вѣжливости и поведенія, рассказывалъ происшествія прошедшаго времени. «Обвиняйте меня пристрастіемъ, предразсужденіемъ, сколько хотите,» говорилъ онъ, обращаясь къ кавалеру Тервилю, «я буду безпрестанно сожалѣть о вѣкѣ сіянія и славы, котораго я видѣлъ теченіе и который все свое величіе заимствовалъ отъ души Лудовика XIV, затѣмъ, что примѣръ государя образуетъ цѣлый народъ. Вы видите тому живое доказательство въ побѣдителя Карла XII. Онъ возвышаетъ съ собою страну свою и шествуетъ большими стопами къ безсмертію, оставляя потомству попе-

ченіе о славѣ своей. Лудовикъ XIV, менѣе терпѣливый, любилъ наслаждаться и при жизни сіяніемъ, происходящимъ отъ великихъ дѣлъ. Онъ занялъ все пути къ славѣ: побѣды, искусства, просвѣщеніе, великолѣпіе. Счастіе, согласное съ желаніемъ его, окружило престолъ его великими людьми во всехъ родахъ. Я не могу вспомнить безъ восхищенія, что, будучи поставленъ между ими Провидѣніемъ, я наслаждался присутствіемъ ихъ, обращеніемъ. Я началъ службу подъ знаменами великаго Конде и Тюренна. Между начальниками и сослуживцами своими считаю Люксамбурга, Креки, Буфлера, Вандома, Катината, Вилара. Вобанъ устраивалъ осады наши во Фландріи. Возвращаясь изъ похода, находили мы при дворѣ и въ городѣ великолѣпнѣйшее зрѣлище искусствъ, общественной вѣжливости и вкуса. Возвышались зданія, раждалась торговля подъ покровительствомъ Колберта. Превосходныя творенія устанавливали красоту языка. Мы видѣли Расина и Буало, призванныхъ въ общество государя. Корнель при кончинѣ своей получалъ знаки благоволенія его. Мы слышали проповѣдающихъ Боссюэта, Флешьера, Массильона. Я чувствовалъ болѣе любви къ добродѣтели послѣ разговора съ Фенелономъ. Мольеръ читывалъ мнѣ явленія изъ своихъ комедій; Лафонтенъ — неподражаемыя басни. Госпожа Севинье удостоивала меня своею перепискою. Я видѣлъ Пуссеня, ле Сюера, ле Брюна въ часы работы ихъ; Пюжета и Жирардона съ рѣзцемъ въ рукѣ;

слышалъ , какъ при Люліевоѣ гармоніи становились еще сладостнѣе стихи Кинольтовы. Таково было столѣтіе, въ заглавіи котораго сіяетъ имя Лудовика XIV. Я не знаю, друзья мои, будетъ ли то, которое вы начинаете, столько же изобильно дарованіями и славою. Можетъ быть, молодой пріятель нашъ Аруеть, и самъ остатокъ великаго вѣка, поддержитъ сіяніе слѣдующаго. — Да вотъ и онъ кстати. Мы только о васъ говорили, Г. Аруеть. Не можно болѣе одолжать друзей своихъ, какъ вы. Но надобно держать свое слово. Вы намъ обѣщали сегодня вашу трагедію.»

Всѣ приблизились, составили кружокъ; и Аруеть, сѣвши подлѣ Маркиза, началъ чтеніе своего Эдипа.

НРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

Спокойствіе было нарушено въ Нѣмецкой Землѣ. Дщерь Кесарей сражалась за право на отеческое наслѣдіе и государь-философъ увѣнчивался первыми пальмами побѣды. Слава разносила повсюду имя и дѣла Фридриха Второго. Пораженъ ею, шестнадцатилѣтній юноша, графъ Рейхенбахъ, забываетъ отечество, родителя, пріятности изобильной и спокойной жизни для единственнаго удовольствія служить подъ знаменами Героя

Прусси́н. Омрачаемъ прелестію славы, въ трудахъ военной жизни, не слышитъ онъ, или старается не слышать гласа совѣсти, его обвиняющаго. Каждый день возсылая на небо горячія моленія о здоровіи древняго родителя и нѣжной матери, думаетъ, что уменьшаетъ каждый день вину свою и питается радостною надеждою получить нѣкогда ихъ прощеніе и быть приняту въ ихъ объятія, когда, насыщенный честію, достигнетъ онъ сіяющей чреды начальства и отличій храбрости. Начало его было ознаменовано успѣхами. Пожалованъ прапорщикомъ на мѣстѣ сраженія, онъ заслужилъ почтеніе и взоръ государя, — верховное воздаяніе военнаго чловѣка. Каждая битва служила ему степеню къ возвышенію. Онъ имѣлъ уже роту на Фридбергской. Болѣе нежели когда нибудь показалъ онъ здѣсь свою неустрашимость: повелѣвая отрядомъ храбрыхъ, онъ гнался за убѣгающею толпою непріятелей, взялъ множество плѣнниковъ, обезоружилъ самого предводительствовавшего ею офицера. Но между тѣмъ, какъ сей уклоняется отъ изнеможенія подъ тѣнь развѣсистаго дуба и Рейхенбахъ всматривается въ него пристально: какой ужасъ объемлетъ побѣдителя! Онъ узнаетъ двоюроднаго брата своего, Алберта. Сіе зрѣніе возбуждаетъ во глубинѣ сердца его усыпленное угрызеніе. Онъ не смѣетъ вопрошать его, сколько ни желаетъ. Но Албертъ изливаетъ на него всю горестъ упрековъ. «Несчастный!» восклицаетъ онъ, «родителей твоихъ уже нѣтъ въ

мірѣ. Твое позорное бѣгство ускорило ихъ старость. Я самъ желаю умереть, чтобъ не видѣть болѣе такого измѣнника, какъ ты.» Капитанъ остается безмолвенъ, недвижимъ и отъ излишества чувствительности, кажется, ничего не чувствуетъ. Онъ возвращаетъ чины свои и грамоты. Влечется въ милую и печальную Швабію, въ сей замокъ, въ которомъ безвинная юность его образовалась наставленіями и примѣрами добродѣтели. Долго недвижимъ, какъ пригвожденъ ко холодной доскѣ, покрывающей остатки родителей. Какая рука подастъ ему облегченіе? — Твоя, добродѣтельный Геллертъ, начертавшая утѣшенія прискорбнымъ. Книга становится другомъ несчастнаго. Она возбуждаетъ въ сердцѣ его сладкую надежду, очищаетъ раскаяніе и приуготовляетъ къ терпѣнію жизни. Благодѣтель поселянъ, Рейхенбахъ излагаетъ между ними кровавый мечъ и, вѣрещъ вліяніямъ нравственнаго чувства, находитъ утѣшеніе свое въ счастіи другихъ.

СОБОЛЪЗНОВАНИЕ КЪ СТРАЖДУЩИМЪ.

И Д И Л Л Я.

Сочиненіе Клейста, славнаго стихотворца нѣмецкаго.

«Будь здоровъ, Филантъ, будь здоровъ и счастливъ! Благословенъ сей день, что мнѣ тебя да-

русть. О, добрый старецъ! сколько давно тебя я не видалъ! Съ тѣхъ поръ и болѣе сѣдшой главу твою покрыва старость. Приди и отдохни подъ зыблющейся тѣнью. Приди, здѣсь виноградъ къ себѣ насъ призываетъ; тамъ сладкая смоковница! Вкуси отъ плодовъ: они уже созрѣли.»

Такъ говорилъ Цефисъ, когда Филитъ пришелъ въ его гостепріимную сѣнь. Потомъ они въ саду прогуливались оба. Убогий, скорбный старецъ вкусилъ спокойствіе подъ тѣнію древесной и воздалъ похвалу смоковницѣ и сладкому плоду ея.

«Сія смоковница,» сказалъ Цефисъ, «отнынѣ, о, Филитъ! пускай твоею будетъ. Виредь буду для тебя я укрывать ее, когда морозъ отягощаетъ землю. Виредь будетъ для тебя она здѣсь расцвѣтать и приносить сладкій плодъ.»

Однако же Филитъ не долго жилъ. . . . Ему смоковница плодовъ не приносила. И слезы лилъ надъ нимъ Цефисъ и самъ желалъ такъ бѣденъ умереть и такъ же честенъ, какъ Филитъ. Онъ предалъ трунъ его землѣ, подъ деревомъ его, и памятникъ соорудилъ, увѣнчанный кругомъ и розами, и томнымъ кипарисомъ.

Съ тѣхъ поръ, при мѣсячномъ сіяніи, онъ слышитъ иногда нѣкое движеніе въ корѣ древесной, и шопотъ сладостный отъ гроба проникаетъ, который, кажется, благодаритъ ему.

И каждый годъ ему приносятъ садъ его плоды и виноградъ въ великомъ изобиліи, затѣмъ что

Небеса всегда благословляютъ смиреніе и добродѣтель.

УСТАНОВЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ГРЕЦІИ.

Неласгами назывались первые обитатели Греціи. Но страна сія, послѣ столь славная вольностію, просвѣщеніемъ, добродѣтелями, тогда сообразовалась еще съ дикостію жителей. Дремучіе лѣса дѣлали горы ея неприступными; долины лежали, сокрыты подъ разлитіемъ водъ. Разносились рыканія свирѣлыхъ звѣрей и поражали ужасомъ разсѣянныхъ смертныхъ, которые во мракѣ пещеръ и на высотѣ деревьевъ искали убѣжища. Не было сообщенія между людьми: не было языка, который не можетъ существовать прежде общества. Тѣлодвиженія, грубые воши, исторженныя сіюю опасности, заступали мѣсто онаго. Каждый занятъ былъ единственно сохраненіемъ самого себя, сямъ первымъ закономъ естественнымъ. Защищаться отъ нанесенія обиды сіюю рукъ или спастись скоростію бѣгства были слѣдствіемъ онаго. Похищали другъ у друга скудную пищу, дикія прозябенія и жолудь древнихъ дубовъ. Самый огонь имъ не былъ извѣстенъ. Безъ намѣренія, безъ предвидѣнія, дикій человѣкъ утомлялся исканіемъ пищи и

провождаль остатокъ дня во снѣ и праздности. Мало по малу возвышался человѣческій родъ случайными откровеніями. При чистыхъ источникахъ сдѣлали люди первыя знакомства и дружества, установили языкъ, построили общественную сѣнь, изобрѣли грубыя оружія и сами звѣрямъ стали страшны. Съ тѣхъ поръ ловля сдѣлалась состояніемъ и страстью человѣка. На охотѣ встрѣчались разныя сообщества и оспаривали добычу другъ у друга. Оттуда непримиримыя брани, понятіе собственности, попеченіе о безопасности. Надобно было вступить во взаимныя обязательства общества. Сдѣлались извѣстны имена гражданина, вождя, судіи. Тогда благодѣтельные иностранцы принесли имъ недостающія искусства земледѣлія, ваянія металловъ, письменъ изъ земель, древнѣе просвѣщенныхъ: Кекропсъ и Данай изъ Египта, Кадмъ изъ Финикіи и Пелопсъ изъ Фригіи. Создались города и общество установилось.

ПУТЕШЕСТВІЕ АНАХАРСИСА.

Скиѳія славилась не одною храбростію и правдивостію своихъ народовъ. Она произвела Анахарсиса, который напелся достойнымъ бесѣдовать съ мудрецами Греціи. Оставивъ Тану, сельскій городъ при берегахъ Меотійскаго Озера.

посѣщалъ онъ сіяющія Аѳины, Коринѳъ, Элиду. Проницательный вѣзоръ его постигъ обязательства народнаго права; подъ священною стражею котораго сохраняются пользы народовъ.

Возвратясь въ отечество, уступаетъ онъ нескромному усердію пренести въ лоно его учрежденія Грековъ. Другъ Солоновъ хочетъ быть соперникомъ его. Предстаетъ предъ думою старѣйшинъ. «Сограждане!» говоритъ онъ, «я былъ внѣ отечества, имѣя его безпрестанно въ сердцѣ моемъ, желая что нибудь прибавить къ благополучію его. Кротость нравовъ, просвѣщеніе, повиновеніе законамъ составляютъ пріятности человѣческаго общества. Какъ частный человѣкъ обращается съ другимъ по основаніямъ справедливости, такъ собирательное тѣло народа долженствуетъ поступать съ другими народами, защищая безопасность, вольность, честь свою, и въ другихъ уважая чужія. Варваръ услаждается войною; просвѣщенный воюетъ только для того, чтобъ достигнуть постояннаго мира. Въ самомъ непріятелѣ своемъ почитаетъ онъ человѣка и уменьшаетъ, сколько можетъ, несчастія войны. Состояніе блаженства есть состояніе мира. Распространимъ его на неизмѣримыя долины Скиѳіи; составимъ священные союзы со сродственными племенами; пригласимъ къ тишинѣ, къ искусствамъ и земледѣлію обитателей Борисоена и Танаиса; отправимъ пословъ, посредниковъ мира; устанемъ общее судилище, въ которомъ бы

распри народовъ разбирались дружелюбно и устыдимся грабежа и хищенія.»

Онъ хотѣлъ продолжать болѣе, но шумъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію. Освирѣпѣли взоры Скиѳовъ и колчаны за спинами ихъ зазвенѣли.

Опечаленный, Анахарсисъ заключилъ истину въ сердцѣ своемъ и оставилъ времени начать и совершить великое дѣло просвѣщенія.

ОПЫТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ.

Въ баснословіи, которое часто скрываетъ общія и постоянныя истины подъ покровомъ вымышленныхъ приключеній, Прометей за то наказывается богами, что онъ даровалъ смертнымъ огонь, похищенный имъ съ неба, — огонь, прообразованіе и средство искусствъ. Боги приковали Прометея на острыхъ камняхъ вершинъ кавказскихъ, въ краю послѣднемъ, неприступномъ — и принустили къ сердцу его хищнаго врана, который пожираетъ безпрестанно возраждающуюся плоть его. Такого наказанія почли они достойнымъ челоѣколюбиваго хищника, который изобрѣтеніемъ искусствъ доставилъ челоѣкамъ преимущество боговъ — творить и повелѣвать природою. Сія остроумная похвала искусствамъ дѣлаетъ честь греческимъ разумамъ,

которые въ младенчествѣ искусствъ умѣли предвидѣть полное сіяніе совершенства ихъ. Пристрастное воображеніе ихъ возвышало къ чудесамъ первыя произведенія искусствъ. Такимъ образомъ стѣны оивскія созидались по звукамъ Амѳіоновой лиры. Самп боги, Нептунъ и Аполлонъ, строили твердыни троянскія, и другіе боги долженствовали ихъ разрушить введеніемъ сего огромнаго коня, который превъшалъ бойницы раскатовъ, и былъ конечно машина, устроенная для низпроверженія стѣнъ. Что бы сказали они, ежели бы, современники наши, были они свидѣтелями того, что производятъ каждый день искусства для пользы, защищенія или удовольствія нашего? Глубокое размышленіе, счастливый случай и божественная искра, которая вылетаетъ внезапно изъ персей преимущественныхъ геніевъ, распространяетъ до безконечности предѣлы искусствъ и увеличиваетъ силы человѣческаго рода. Послѣдованіе времени прибавляетъ безпрестанно къ изобрѣтенію, и то, что было прежде игрою любопытства, становится важнымъ и неодолимымъ способомъ. Дитя, забавляясь въ лавкѣ стекольщика составленіемъ стеколъ выпуклаго и вогнутаго, подало поводъ къ изобрѣтенію телескоповъ, которые простираютъ зрѣніе наше до предѣловъ творенія, и показываютъ намъ, сколь малую часть цѣлаго составляетъ то, что мы называемъ вселенною. Но когда знаніе и искусство захотятъ творить, какъ будто состязаясь съ судьбою и внезапностію, то

шаги ихъ, всегда вѣрные и исчисленные, достигаютъ отдаленной цѣли и составляютъ славу человѣческаго разума. Такимъ образомъ Архимедъ, творецъ механики, заключенный въ стѣнахъ Сиракузъ, осажденных Маркелломъ (который первый поколебалъ счастье Аннибала), Архимедъ издали останапливаетъ его искусствомъ своимъ : огромными зеркалами, художественно составленными, низводитъ огонь солнечный, направляетъ его на корабли римскіе и дѣлаетъ ихъ посреди моря жертвою пламени. Съ другой стороны, подымаетъ онъ орудіями и разсыпаетъ на воздухъ стѣнобитныя башни, которыя Маркелль подводитъ къ городу. Онъ имѣлъ неоспоримую славу, безъ оружія въ рукахъ, похищать побѣду у страшнаго войска и великаго полководца. Какъ сожалѣлъ Маркелль, когда узналъ, что, въ безпорядкѣ приступа и грабежа, Архимедъ, спокойный и углубленный въ рѣшеніе математической задачи, былъ убитъ недостойнымъ образомъ воинами, ворвавшимися въ его учебную храмину и раздраженными при видѣ челоуѣка, столь спокойнаго среди шума оружія и воплей побѣжденныхъ и побѣдителей! Случайное открытіе огнестрѣльнаго пороха перемѣнило образъ войны и осадъ, но не можетъ сдѣлать помощь наукъ и искусствъ бесполезною; оно присоединило къ нимъ тѣснѣе военное искусство, и окружило станъ воиновъ мастерскими художниковъ. Съ тѣхъ поръ безпрестанно движется молотъ, умягчающій металлы и даю-

цій имъ образы смертоносныхъ оружій: Химія, Металлургія, Механика, Физика служатъ общими силами военному искусству; Математика вообще и въ особенности искусство укрѣпляютъ мѣста и сродственное ему искусство метать въ желаемую цѣль тягости посредствомъ пороха, стали неразлучны съ состояніемъ война. Выборъ мѣстоположеній для становъ и для походовъ войска есть важная часть военнаго искусства, несравненно облегчаемая геометрическими познаніями. Посредствомъ ихъ, прозорливый путеводитель войска доставляетъ сторонѣ своей безцѣпную выгоду имѣть передъ глазами все пособія и затрудненія земли, на которой онъ располагаетъ его. Ученые глаза полководца видятъ тотчасъ на подробной картѣ земли ту точку, гдѣ онъ долженъ, гдѣ онъ можетъ остановить непріятеля и прекратить ему сносы къ возвращенію.

ПОЛЬЗА ЗАКОНОВЪ И МИРА.

Война есть насильственное состояніе государствъ. Настоящее благополучіе есть безопасность и спокойствіе гражданъ, изобиліе, трудолюбіе, благонравіе, законы.

Самое лучшее правленіе есть то, въ которомъ гражданинъ можетъ пользоваться всеми правами

и способностями человека, сколько ни вредятъ онѣ другимъ его согражданамъ. Сіе состояніе называется вольностью, и есть священное право всего человѣчества. Великіе люди между государями были исполнены почтенія къ оному. Тѣ, которые осмѣлились попірять его ногами, Тиберіи, Каллигулы, Нероны, бѣснующіеся изверги, суть гнушеніе вселенной. Напротивъ того, Титъ и Траянъ въ позднѣйшія времена будутъ называться любовію и услажденіемъ человѣческаго рода, затѣмъ что они посвятили себя на служеніе оному. Есть завоеватели между самыхъ варварскихъ ордъ; но просвѣщеніе, кротость нравовъ, законоположенія находятся только въ тѣхъ народахъ, которые болѣе приблизились къ совершенству. Римъ въ основаніи своемъ походилъ болѣе на станъ воиновъ; Нума Помпиль далъ ему сіяніе и безопасность города; укротилъ нравы свирѣпыхъ Римлянъ. Онъ возвысилъ души ихъ къ богопочитанію, заставилъ уважать человѣчество; пріучилъ къ сохраненію клятвы. Римляне его учрежденіями изъ хищниковъ сдѣлались настоящими гражданами, и гнушаясь жить разореніемъ и грабежемъ, познали честность и справедливость въ частныхъ и общественныхъ своихъ дѣяніяхъ. Съ тѣхъ поръ народъ Римскій почитался самымъ справедливымъ и богобоязненнымъ. Отложивъ страхи свои, окрестные народы принимали его судіею въ своихъ сосѣдственныхъ распряхъ. Римляне свято чтили на-

родное право *, и сіе увѣреніе много способствовало къ утвержденію ихъ владычества. Никогда Римъ не былъ подозрѣваемъ въ обманѣ. Столь сильное впечатлѣніе произвели надъ нимъ мудрыя учрежденія Нумы Помпилія! Проведя сорокъ лѣтъ жизни своей частнымъ человекомъ въ Сабинскомъ городѣ Куритахъ, исполняя всѣ добродѣтели, размышляя и поучаясь въ молчаніи священныхъ лѣсовъ, онъ былъ удивленъ призываніемъ его на престолъ Римскій. Зная бремя правленія, долго отрицался онъ отъ воспріятія онаго. Надобно было, чтобъ отецъ его и сродники убѣдили его не отклоняться верховнаго сана. Освятивъ возвышеніе свое священными обрядами, сооружаетъ онъ храмы, учреждаетъ первосвященниковъ, и не менѣе печется о царствѣ, какъ о сохраненіи мира. Созданный имъ храмъ Янусовъ его рукою затворяется. Уединяясь, по обыкновенію своему, въ прохладную рощу къ источнику Эгеріи, гдѣ, повѣствуютъ, являлась ему сія нимфа и поучала бесѣдою своею, полагалъ онъ мудрые законы, старался просвѣтить грубый разумъ Римлянъ ученіями музъ, наблюдалъ природу и теченіе свѣтилъ небесныхъ. Въ его царствованіе, казалось, сама добродѣтель управляла Римлянами и дѣлала ихъ добрѣе и счастливѣе.

* Въ началѣ Республики.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Часто случалось мнѣ разсуждать въ самомъ себѣ, можетъ ли гражданинъ уклониться отъ безпокойствія общественныхъ дѣлъ и, воспротививъ себѣ всякое честолюбіе, согласиться провести дни свои въ глубокой неизвѣстности и ненарушимомъ покоѣ, — состояніе, столько возвышаемое послѣдователями нѣкоторой древней философіи и которое иногда находитъ защищеніе свое въ глубинѣ человѣческаго сердца.

Мнѣ казалось всякій разъ, что сіе робкое удаленіе отъ трудовъ, опасностей и раздѣленія общаго бремени столько же противно самому началу обществъ, сколько уничижительно для человѣческой природы. Ибо если одинъ членъ общества почитаетъ дозволеннымъ себѣ отнятіе содѣйствія своего, то и всѣ члены, будучи столько же въ томъ оправданы, могутъ пресѣчь общіе труды свои — и узлы общества разрушатся.

Если же сей одинъ гражданинъ присвоитъ себѣ исключительное право покоиться, между тѣмъ какъ другіе въ потѣ лица своего жертвуютъ жизнью и здравіемъ для доставленія ему благоденствія: то онъ присоединяетъ къ несправедливости мрачнѣйшую неблагодарность. Онъ дѣлается тягостію общества, посреди котораго родился.

Съ другой стороны — спрашиваю — когда человекъ достигаетъ болѣе совершенства? Когда, окруженный трудными обстоятельствами, онъ умѣетъ исполнить высокія должности, принести великія жертвы и отрещаніемъ самого себя превзойти всѣ подвиги мужества. Какое сердце остается нечувствительно при обѣтѣ Деція, обрешаго себя за отечество! Съ какимъ благоговѣніемъ взираемъ мы на Регула, который возвращается на мученія, чтобъ избавить отечество отъ унижительныхъ законовъ! Въ ихъ страданіяхъ чувствовали они превосходное услажденіе, происходящее отъ внутренняго сознанія добродѣтельныхъ своихъ подвиговъ. Что бы прибавила къ счастію ихъ продолженная въ спокойствіи жизнь? Ахиллесъ желаетъ ее краткую, но славную. Такъ! природа не безъ пользы положила въ человекѣ желаніе славы. Сею дружною возбуждаются невѣдомыя способности, спящія во глубинѣ сердца. То, которое умерло для славы, умерло для добродѣтели.

Но, скажутъ, можетъ быть, честолюбіе ведетъ злодѣйства по стопамъ своимъ. Сила обагрятъ Римъ кровію; Кесарь порабощаетъ его. Лѣтописи Свѣта наполнены ужасными именами завоевателей, которые кровію и слезами народовъ хотѣли купить себѣ преходящій звукъ славы.

Отличимъ невинное побужденіе, которое природа цѣнитъ прелестью добродѣтелей, отъ исключительной любви къ самому себѣ, для которой честолюбцы преобращали толь часто цвѣ-

туція государства — въ пустыню. Всѣ сѣи разорители вселенной обманулись въ предметъ желаній своихъ, или не имѣли довольно великой и просвѣщенной души, чтобъ посвятить жизнь свою блаженству человеческого рода. Ежели не можно приблизиться смертнымъ къ самой безкорыстной добродѣтели: пускай благородныя души научатся справедливымъ образомъ удивляться подвигамъ, честь или пользу человечеству доставляющимъ; пускай посвятятъ они жизнь свою похвальнымъ трудамъ; пускай отъ самой младости боятся очарованій лѣности и пагубной роскоши. Праздность должна быть только отдохновеніемъ отъ трудовъ; никогда — состояніемъ жизни. Роскошь бездѣйственной жизни обращается въ несносную скуку, когда не достаетъ внутренняго свидѣтельства совѣсти — сладчайшей награды добродѣтели!

ДОБРОЕ ДИТЯ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗОЧКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Г. Тополовъ, небогатый дворянинъ.

Ванюшка, сынъ его, осьми лѣтъ.

Графъ Сіановъ, знатный человекъ.

Графиня, жена его.

Множество гуляющихъ.

Старикъ.

Разнощикъ съ игрушками.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ саду.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны ограду и входъ великолѣпнаго сада, улицу посреди и съ другой рядъ домовъ, соответствующихъ саду. Маленькій домъ, въ которомъ живетъ Г. Тополовъ, имѣетъ крыльцо на улицу. Двери растворяются и сходятъ по ступенькамъ Г. Тополовъ и Ванюшка.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА.

Г. Тополовъ. Сегодня я очень доволенъ тобою, Ванюшка: ты учишься, какъ доброму дитяти надобно. Учитель твой примѣтилъ твое вниманіе и прилежность. Ты сдѣлалъ мнѣ день сей весьма пріятнымъ. Въ награжденіе, я пойду съ тобою прогуливаться. Возьми трость свою и шляпу.

Ванюшка (*цѣлуя руку у отца*). Я внѣ себя отъ радости, что заслуживаю похвалы ваши. Подождите, я въ минуту буду.

Г. Тополовъ. Какое удовольствіе можетъ быть болѣе, какъ видѣть успѣхи милаго дитяти, умножающіе каждый день добродѣтели сердца его! . . . Подай мнѣ руку свою, пойдёмъ, душенька. Перейдемъ чрезъ улицу въ садъ: тамъ много прогуливаются. Веди себя благопристойно. И посторонніе люди любятъ дитя, которое ведетъ себя постоянно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА (*входятъ за рѣшетку. Множество гуляющихъ встрѣчаются*).

ВАНЮШКА. Ахъ, батюшка, пойдѣмъ, пойдѣмъ поскорѣе! Какія аллеи, деревья, а тамъ, вдали домики, бесѣдки! Какое множество людей! Какая погода!

Г. Тополовъ. Подумай же: если бы ты не сдѣлалъ сегодня должности своей, всѣ эти утѣхи тебя бы такъ не веселили. Самое большое удовольствіе человѣка это то, которое онъ въ сердцѣ своемъ чувствуетъ.

ВАНЮШКА. Навѣрно, папелъка. Мнѣ очень не хотѣлось сегодня выучить урокъ мой къ приходу учителя, но я перемогъ себя. Спасибо вамъ, папелъка, что вы меня заставили быть довольнымъ самимъ собою. Я даю себѣ слово всегда васъ слушаться, чего бы мнѣ ни стоило.

(Двое молодыхъ людей встрѣтятся, останавливаются другъ друга).

Одинъ (*изъ нихъ*). Здорово братъ, что ты дѣлаешь?

Другой (*гуляющій*). Я ничего не дѣлаю: мнѣ очень скучно.

Первый. И мнѣ также. Я нарочно оставилъ дѣло, чтобъискать здѣсь веселья, и не пахожу его.

ВАНЮШКА. Гемъ! гемъ! папелъка.

Г. Тополовъ. Ты слышишь, душа моя, изъ собственнаго ихъ признаиія, что тотъ убѣгаетъ счастья, кто убѣгаетъ труда, возложеннаго на насъ должностью. Для того-то надобно теперь учиться, чтобъ быть впередъ способну къ упражненію.

Ванюшка. Посмотрите, папенька: какой-то кавалеръ идетъ на встрѣчу. Какой сіяющей кафтанъ!

Г. Тополовъ. Тише, Ванюшка, будь благопристойнъ, кланяйся. Надобно сохранять почтеніе къ высшимъ. Это графъ Сіановъ, человѣкъ знатнѣйшей породы.

(Графъ Сіановъ проходитъ, не примѣчая учтивости г. Тополова и Ванюшки).

Ванюшка. Онъ знатенъ! и онъ не кланяется!... Вы поклонились ему такъ учтиво, а онъ прошелъ, будто не примѣтя, что ему кланяются.

Г. Тополовъ. Я не могу извинить его пороку. Ты чувствуешь самъ по себѣ, внушаетъ ли почтеніе гордость.

Ванюшка. Траянъ не такъ думалъ, а онъ былъ императоръ. Послушайте, папенька, что я читалъ объ немъ сегодня.

Г. Тополовъ. Расскажи, душенька, и ежели можешь, порядочно. Мнѣ очень мило что нибудь слушать о такомъ государѣ, каковъ Траянъ.

Ванюшка. Онъ ходилъ пѣшкомъ, папенька, какъ простой человѣкъ, и не требовалъ ни какихъ почестей. Онъ желалъ, чтобъ при немъ все спокойно исполняли дѣла свои. Ежели улица спра-

лась народомъ, онъ не посылалъ ликторовъ разгонять его. Онъ еще говаривалъ: «Я хочу такъ поступать съ другими, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ поступалъ со мною императоръ, ежели бы я былъ простой гражданинъ».

Г. Тополовъ. Спасибо за твою исторію: ты добрый мальчикъ. Я вижу, что ты употребляешь чтеніе свое въ пользу, когда ты замѣчаешь такія похвальныя дѣла. Недовольно читать; надобно, чтобъ добрыя дѣла восхищали сердце твое, чтобъ ты самъ хотѣлъ подражать имъ; чтобъ, напротивъ того, пороки наполняли сердце твое ужасомъ и омерзѣніемъ. Такимъ образомъ чтеніе будетъ служить тебѣ орудіемъ для пріобрѣтенія добродѣтели.

(Проходитъ общество барынь и господъ большаго свѣта).

Одна барыня. Какіе у васъ прекрасные цвѣты! какъ живые! Конечно, у Фривольши куплены; я угадала. Это безцѣнная торговка.

Судья. Я играю такъ несчастливо. . . .

Военный челоуѣкъ. Чтò вы скажете о моемъ жилетѣ?

Другая барыня *(взглянувъ на Ванюшку)*. Какое прекрасное дитя!

Г. Тополовъ. Ты покраснѣлъ, Ванюшка, что тебѣ сдѣлалось?

Ванюшка. Эта госпожа обо мнѣ говорила. . . . Мнѣ стыдно.

Г. Тополовъ. Сіе чувствоуваніе стыдливости драгоцѣнно. Оно сохранить въ сердцѣ твоемъ

всѣ добродѣтели. Тотъ, котораго нѣжность возмущается неосторожными похвалами, никогда не унижится подлою мыслію, безчестнымъ дѣломъ. Вирочемъ, нѣтъ ничего опаснѣе похвалъ: онѣ ослѣпляютъ благоразуміе наше. И есть между ними разность. Я хотѣлъ бы лучше, чтобъ о тебѣ сказали, что ты доброе дитя, нежели прекрасное. Красота есть даръ счастія, посторонній и переходящій; а добродѣтель — собственность сердца, которую ни что похитить не можетъ. . . . Поворотимся назадъ. (*Они возвращаются по той же аллеѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ, ВАНЮШКА, множество гуляющихъ взадъ и впередъ, которые кланяются, останавливаются, разговариваютъ между собою. РАЗНОЩИКЪ, съ корзиною, наполненною игрушекъ.

Разнощикъ. Хорошія игрушки! кому надобны игрушки? (*Останавливается противъ г. Тополова.*) Не изволите ли, баринъ, купить игрушекъ для дитяти? Посмотрите, какія богатая. Домики, кареты, куклы. . . .

Ванюшка. Ахъ, папенька, какія прекрасныя куклы! какой гренадеръ! какая шапка! Купите пожалуйста, купите мнѣ этого гренадера. -

Г. Тополовъ. Съ охотой, душенька. Надобно быть справедливу. За утѣхи, которыя ты мнѣ

приносишь, я долженъ думать о твоихъ, ежели онѣ невѣщны. . . . Другъ мой! чего стѣять эта кукла?

Разнощикъ. Пять рублей. Извольте, сударь, прекрасная кукла. Я не могу ничего уступить.

Г. Тополовъ. Немножко дорого. Однако (*оборачиваясь къ Ванюшкѣ*), когда тебѣ надобно, я ничего не жалѣю (*вынимаетъ кошелекъ*). Кстати случилось у меня ровно пять рублей.

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И СТАРИКЪ.

Старикъ. Милосердый господинъ! не оставьте подаишемъ вашимъ бѣднаго, увѣчнаго служиваго. Я служилъ въ первомъ гренадерскомъ полку и раненъ на Цорндорфской баталіи.

Ванюшка. Папенька, у васъ нѣтъ болѣе денегъ?

Г. Тополовъ. Ты видишь, душенька.

Ванюшка. Мнѣ очень хотѣлось куклы. Но удовольствіе помочь человѣку болѣе всякаго другаго. Папенька. . . .

Г. Тополовъ. Говори, въ твоей волѣ.

Ванюшка (*беретъ деньги у отца и даетъ старику.*) Вы мнѣ изволили ихъ пожаловать. — Прими, добрый старикъ. Ты не можешь сказать,

чтобъ твои жалобы нашли несострадательныя сердца.

Старикъ. Я принимаю подаяніе ваше даромъ Божиимъ.

Разнощикъ, *(котораго подзываетъ лакей)*. Тотчасъ *(отходя, говоритъ про себя.)* Что за дитя! это будетъ добрый человекъ.

(Старикъ въ глубокой чувствительности отходитъ въ другую сторону).

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА. *(Продолжаютъ гулять.)*

Г. Тополовъ. Слезы умиленія и радости дѣлаютъ меня счастливымъ вмѣстѣ съ симъ убогимъ старикомъ и тобою, милое дитя мое. Не перемѣнись никогда, не потеряй сей драгоценной сострадательности къ несчастнымъ.

Ванюшка. Они братья наши, паненъка. Развѣ можно оставить братьевъ своихъ въ нуждѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ, ВАНЮШКА, ГРАФИНЯ, ЛАКЕЙ.

Графиня. Простите мнѣ, государь мой, что я обезпокою васъ моимъ вопросомъ. Не видали ли вы мужа моего, графа Сіянова?

Г. Тополовъ. Онъ теперь только прошелъ и, конечно, ожидаетъ ваше сіятельство у кареты.

Графиня. Я буду просить васъ проводить меня къ нему. А между тѣмъ позвольте мнѣ имѣть удовольствіе подарить вашему любезному сыну куклу, которой ему такъ хотѣлось. Лакей, подай мнѣ куклу.

Г. Тополовъ. Ваша милость, ваше плѣняющее снисхожденіе обязываютъ насъ чрезвычайно
Ванюшка, благодари графиню.

(Ванюшка целуетъ руку у графини.)

Графиня. Простите мнѣ мое надѣяніе на вашу дружбу. Сидя подъ тѣнью аллеи, я была свидѣтельницею трогательнаго явленія сына вашего съ старикомъ. Я не могла въ череду мою воспротивиться чувствительности, которая овладѣла мною. Я люблю вашего Ванюшку, какъ собственнаго моего сына, какъ вы. Я скажу еще болѣе: я хочу отнять его у васъ. . . .

Ванюшка *(бросается къ отцу.)* Папенька! . . .
Ахъ! сударыня, вы конечно имѣли батюшку

Графиня. Успокойся, доброе дитя. Я не въ состояніи отнять у тебя величайшаго счастья жизни, каждый день наслаждаться любовью родителя. Но я богата и не имѣю дѣтей. Я хочу, чтобъ ты полюбилъ меня. Отъ матери не стыдно получать благодѣянія. Участвовать въ воснітаніи твоёмъ составитъ мое счастье. Графъ, мужъ мой, сочтетъ за удовольствіе пріуготовить

тебѣ дорогу въ Свѣтъ. . . . Вы, достойный его родитель, обрадуйте меня вашимъ согласіемъ.

Г. Тополовъ. Я безсиленъ выразить моего удивленія и благодарности. Дѣлайте все то, что внушитъ вамъ несравненное великодушіе ваше.

Графиня. Я довольна (*беретъ Ванюшку за руку.*) Теперь безъ чиновъ. Я увожу васъ къ себѣ на дачу. . . . А вотъ и графъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

(*Въ воротахъ сада. Графская карета подвезена.*)

Г. ТОПОЛОВЪ, ВАНЮШКА, ГРАФЪ СІЯНОВЪ, ГРАФИНЯ, два ЛАКЕЯ.

Графъ. Я васъ давно жду, графиня. . . . (*къ Г. Тополову.*) Имѣю честь кланяться.

Графиня. Поздравляй меня, любезный графъ. Я нашла *доброе дитя*, которое обѣщаетъ любить меня. Я представляю тебѣ гостей моихъ. Г. Тополовъ принялъ приглашеніе мое ѣхать къ намъ на дачу. Съ сихъ поръ, я надѣюсь, будетъ онъ нашимъ искреннимъ и домашнимъ, а милый его Ванюшка сыномъ моего выбора.

Графъ. Ты видишь меня въ восхищеніи отъ приключившейся тебѣ радости. Сердце твое будетъ упражнено пріятною чувствительностію. Что

касается до меня (*обращаясь къ г. Тополову*), вы найдёте во мнѣ почитателя достоинствъ. Графиня не полагаетъ ихъ ни въ комъ напрасно: и все то, что я объ васъ слышалъ. . . .

Г. Тополовъ. Милостивый государь, вы превышаете мои лестнѣйшія желанія. . . .

Графиня. Вы ознакомитесь дорогою. Пора ѣхать. (*Лакеямъ*) Посадите моего Ванюшку.

(Ванюшку сажаютъ, графиня посылдуетъ.)

Графъ. (*Прося въ карету г. Тополова*) Пожалуйте.

(Всѣ входятъ въ карету и лакей, запирая дверцы, спрашиваетъ у графа)

Куда приказать изволите?

Графъ. На дачу.

Лакей (*кучеру*) Ступай на дачу!

ОСКОЛЬДЪ,

ПОВѢСТЬ.

ОСКОЛЪДЪ,

ПОВѢСТЬ,

почерпнутая

ИЗЪ ОТРЫВКОВЪ ДРЕВНИХЪ ГОТЪСКИХЪ СКАЛЬДОВЪ.

Яростно дыханіе вѣтровъ, страшень видъ твой, русское море, и черныя волны со злобою умирають между сими острыми скалами, которыми усѣянъ заливъ отчаянія. Какого воителя, Варяга или Готѳа, приготовляешься поглотить гордое ополченіе? Какіе корабли гоцятъ сюда дѣвы — мстительницы, неутомимыя Валки? Тщетно куренія возсылають къ небесамъ подъ спокойнымъ кровомъ. Ахъ, дочь князей! безъ пользы приходишь ты каждое утро ко стану, гдѣ точется брачное одѣяніе твое. зри запекшіяся уста его; потемненны ланиты дыханіемъ Гелы, безжалостной богини. Духъ бранный витязя восходитъ въ чертоги Одина, гдѣ друзья его раздѣляютъ съ нимъ вѣчное пированіе. Пусть сладостныя пѣсни восторженнаго Скальда пришесуть утѣшеніе во грудь отчаянной дѣвы. Взоръ Скальдовъ прошицаеть столѣтія, и въ столѣтіяхъ гласъ ихъ не

умираеть. Духъ, обитающій хладныя пещеры и возвѣвающійся надъ стремнинами, духъ творенія и пѣсни! для кого велишь ты златымъ струнамъ арфы моеѣ наполнять воздухъ сладостнымъ стenanамъ? Великъ Артусъ, отецъ витязей на холмахъ Албіона, и знаменитъ бѣлокурый Варягъ, который похитилъ оружіемъ плодоносныя поля Нейстрии. Но духу моему болѣе благопріятствуетъ дерзостный подвигъ Оскольда. Изъ дома Сѣвера заманилъ онъ за собою сонмы ратниковъ кровожаждущихъ, убійственныхъ. Какъ орелъ низвергся онъ съ высоты небесъ на добычу, на величественный градъ царей, процвѣтавшій тысящи лѣтъ въ непроницаемой оградѣ, въ нѣдрахъ вѣчной весны, у подножія котораго два моря усмирняютъ свои ярящіяся волны. Несчастныя сокровища, неистижимыя художества, достойныя чертоговъ Одина, горящее злато, поражаютъ блескомъ очи непріученныхъ Варяговъ, когда они потрясаютъ страшное копье, окружая престолъ священнаго властителя Грековъ. Игры, удивительныя ристалища, занимаютъ ежедневно праздность безчисленнаго народа. Приходятъ на зрѣлище достойнѣе зрѣнія, любви достойныя Грекини, которыхъ голубыя отверзтыя очи, которыхъ черныя кудри, развѣвающіяся по высокому лону, лютъ сладость въ окружающій воздухъ. Счастливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаіе распространится на остальное теченіе дней его и облегчитъ ему бремя несправедливой старости. Но безсмертнымъ подо-

бенъ неустрашимый Варягъ, который по стопамъ Одиновымъ не убоился подвергнуться трудамъ, опасностямъ, смерти, чтобъ присвоить столько сокровищъ, столько наслажденій самому себѣ и племени своему. Пусть завистливый рокъ преторжетъ шествіе его среди прекраснаго подвига! Когда для всякаго смерть неизбежна, то для чего же оставаться въ презрительномъ мракѣ, и ждать старости безславной, неоживляемой ни какою хвалою?

Солнце погружалось въ синюю тучу предъ закатомъ своимъ. Утомленное долгимъ шествіемъ, войнство Оскольдово спускалось съ холмовъ медленно въ пространную долину; чистый источникъ украшалъ ее, не гордый въ началѣ своемъ расширяющійся теченіемъ и становящійся порывистою и бурною рѣкою. Борисоецъ имя сей рѣки славной, коей должно было принять въ нѣдро свое ладіи Оскольдовы. Удивленные Кривичи, обитатели исходницъ Борисоена, стѣсняются видѣть вождя и ратниковъ, которые отъ озеръ и скалъ финскихъ и отъ Великаго Новаграда предупреждены повсюду слухомъ прихода своего. Удивляются сіянію оружія и доблести мужей. Но никто не привлекаетъ столько вниманія, какъ русовласый Оскольдъ. На бодромъ конѣ, бѣломъ какъ снѣга скандинавскіе, далеко опредѣлъ онъ первые ряды являющагося войнства. Княжеская дружина, младые щитоносцы и княжичи, тѣсняются съ почтеніемъ кругомъ варяжскаго героя. Ульфонъ, котораго сѣдые власы покрываются же-

лѣзнымъ шлемомъ, Ульфонъ, пріавшій повелѣніе Оскольдово, устремляется по долину обширной, и копія, вонзенныя въ землю на несбѣятномъ пространствѣ, уже означаютъ становище, въ которомъ воинство насладится отдохновеніемъ ночи. Высокій шатеръ, раскинутый на возвышеніи, ожидаетъ Оскольда. Старѣйшины Кривичей, предводимые Сигурдомъ, котораго Рюрикъ далъ имъ управлять землею и защищать отъ сопостатовъ, приносятъ витязю дары и поздравленія народа своего. Величественно низходитъ онъ съ коня своего, котораго вѣрный Олай пріемлетъ за бразды звенящія. Со взоромъ, исполненнымъ дружелюбия, простираетъ онъ руку свою Сигурду и возвращаетъ привѣтствія старѣйшинамъ. Между тѣмъ звукъ бубновъ явственнѣе повторяется въ слухъ, облако праха разсыпается, и блистающее воинство открывается изумленнымъ очамъ. Первый Улфощъ открываетъ шествіе. Итъ вождя болѣе испытаннаго въ опасностяхъ бранныхъ, ни болѣе искуснаго къ исправленію внезапностей брани хитростію и размышленіемъ, какъ терпѣливый Ульфонъ. Низкой породы, не уваженный въ отечествѣ своемъ, онъ раздѣляетъ общество князей. Имя его далеко славится на Сѣверѣ и на берегахъ Британніи. Ему послѣдуютъ отборцые юноши, которые ищутъ случая ознаменовать руку свою отважными ударами: Сельмаръ, который вырвался изъ объятій иѣжной Сельмы, между тѣмъ какъ еще не увяли цвѣточныя цѣпи, коими золотая Лада соединила ихъ; Извѣтъ, который,

оставивъ сокровища отца своего и спокойную торговлю Новагорода, пустился во всѣдъ за славою по стезямъ Оскольда; Добрыня, которому отвѣты боговъ предсказываютъ сіяющее потомство, и ты обреченный року юноша, неукротимый Думба! и ты оставляешь священный холмъ, гдѣ юность твоя воспитана была подъ кровомъ бессмертныхъ! Не умягчаютъ тебя слезы родителя, дряхлаго, сираго, который предсказываетъ неминуемый рокъ твой подъ стѣнами Цареградскими. Множество другихъ устремляется съ нами на коняхъ рѣзвыхъ и безстрашныхъ. Какъ простые всадники, они развозятъ мгновенно приказы полководцевъ, и сами въ состояніи замѣнить ихъ и повелѣвать полками. Двѣ тысячи пращниковъ, въ легкомъ одѣяніи, изъ приморской Чуди послѣдуютъ сонму витязей. Крѣпки, какъ дикій камень ихъ родины, презираютъ они непогоды. Зимною на легкихъ доскахъ, прикрѣпленныхъ къ подошвѣ ногъ, прелетаютъ моря и пустыни, и внезапно нападаютъ на непріятеля. Ихъ князь, угрюмый Гіарнъ, оставилъ убѣжище Біорка, откуда воздымалъ онъ волхвованіями море и обуздывалъ вѣтры. За нами послѣдуетъ священный сонмъ Скальдовъ съ златыми арфами. Они возжигаютъ вдохновенными пѣснями мужество воиновъ въ часъ брани, описывая чертоги Одина, отверзтые храбрымъ, умирающимъ прекрасною смертію за отечество. Нетерпѣливый, добрый, отличается между ними юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли

почувствовалъ вдохновеніе Скальда; оставилъ еѣти и парусы, способы скуднаго пропитанія, оставилъ хижину отца своего, и воспѣлъ соотчичамъ своимъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и герояхъ. Десять тысячъ Варяговъ устремляются радостно на знакомый подвигъ. Прекрасный Гаральдъ, послѣдникъ Свериги, ими предводительствуетъ. Предпріимчивъ во брани и въ любви, обладаетъ онъ всѣми дарованіями; долго служилъ славѣ и заснулъ въ объятіяхъ роскоши. Счастлива красота, которой пѣсни его придавали новыя прелести! Плѣнительный взорами дѣвъ Новаграда, онъ позабылъ славное опредѣленіе свое въ самовольномъ изгнаніи, доколѣ блестящее предпріятіе Оскольдово не поразило сердца его стыдомъ и соревнованіемъ. Подъ нимъ повелѣваютъ мудрый Варемундъ, дерзкій Рулафъ, Стемидъ и кичливый Герцандъ. За Варягами является сильное поколѣніе, воспріявшее отъ славы именованіе свое. Великій Новградъ испустилъ изъ вратъ своихъ семь тысячъ ратниковъ. Крѣпость воинства, оскорбленный Вадимъ, который не можетъ забыть отчужденія своего отъ престола новаградскаго, угрюмый, безмолвный, снѣдасмый оскорбленною гордостію, предводительствуетъ частію тѣхъ, коихъ считалъ пѣкогда своими подданными. Одѣяніе простое и щитъ безъ знаменій не могутъ сокрыть въ немъ витязя, повелителя мужей. Онъ надѣется безсмертными дѣяніями замѣнить вѣнецъ княжескій, или, съ оружіемъ въ рукахъ, найти конецъ своихъ печалей въ гробѣ. Строгими оча-

ми взираетъ онъ на гордыхъ Новгородцевъ, проходя и уклоняясь передъ Осколдомъ, и взоры его изображаютъ, кажется, столько же упрямства, сколько строгости воинской. Но Оскольдъ умѣетъ уважать несчастіе въ героѣ. Ему поручилъ онъ особое начальство надъ всѣми славянскими полками. Пришедшіе отъ береговъ Невы, отъ жилищъ возлюбленнаго Рюрику, отъ возвышающихся стѣнъ Ладоги, повинуются Освяту, котораго мужественная юность воспитана при дворѣ великаго князя. Непоклонный Свидъ выводитъ пятьсотъ ратниковъ изъ области древней Руси, которой источники производятъ итательную соль. Любимецъ Синеусовъ, мягкосердечный Озаръ, воспламененный звукомъ славы, испрашиваетъ себѣ какъ милость начальствовать надъ юношами, исходящими отъ Бѣлаго Езера, отъ береговъ Шексны и Мологи, полей, усѣянныхъ желѣзомъ. Онъ надѣется еще увидѣть князя своего и разсказать свои гордые подвиги. Возвратясь, найдетъ онъ высокій холмъ, насыпанный надъ хладными остатками Синеуса. Труворъ былъ уже похищенъ во цвѣтъ лѣтъ его, и граждане Изборска принудили вѣрнаго друга юности его, любви достойнаго Валамира, оставить дикіе берега Чудскаго Озера, гдѣ италъ онъ глубокую свою задумчивость, и искалъ разсѣянія и славы въ подвигахъ бранныхъ, предводительствуя воинствомъ отъ потоковъ рѣки Великой. Свирѣпый Рогдай — неизвѣстно, Славянинъ или Волгаръ — долго ужасный для гостей богатыхъ, плавателей

волжскихъ, инынѣ товарищъ героевъ, ведетъ за собою немногочисленный полкъ воиновъ, испытанныхъ въ опасностяхъ и искусныхъ въ плаваніи. Челубей, исполинскаго вида, заключаетъ шествіе съ подвластнымъ ему племенемъ Мерн. Не послужила ему чрезвычайная сила, которая доставляла ему начальство въ дремучихъ лѣсахъ отчизны его, и греческая стрѣла остановила въ одно мгновеніе и гнѣвъ и біеніе безстрашнаго его сердца. Кто можетъ назвать имена безчисленнаго множества воиновъ, которые послѣдуютъ симъ храбымъ полководцамъ? Таковы тучи пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ зимы, оставляютъ крутые берега русскаго моря, не памятуя любви и прѣкрасныхъ дней, коими тамъ насладились онѣ лѣтомъ; удивленный путешественникъ забываетъ дорогу свою, на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости мразовъ и буйныхъ вѣтровъ. Уже по данному Оскольдомъ знаку войны входили въ назначенные имъ для отдохновенія шатры, и при легкихъ ударахъ грома изъ приближающейся тучи, Славяне поклонялись Богу, мещущему громовыя стрѣлы. Оскольдъ не можетъ пайти спокойствія, убѣгающаго отъ очей его. Возстаетъ, и одинъ во мракѣ бурной ночи идетъ безъ намѣренія. Неизвѣстное предчувствіе влечетъ стопы его ко древнему, сѣкирой неоскорбленному лѣсу. Священные страхи живутъ подъ тѣнію онаго безисходно, и Кривичи славятъ въ немъ присут-

ественное божество. Погруженъ въ глубокую задумчивость, Оскольдъ вступалъ въ первыя отвертїя лѣса. Вздохи, стонація, какъ бы челоуѣка умирающаго насильственной смертію, поражаютъ безстрашное его вниманіе. Витязь устремляется съ сострадательнымъ любопытствомъ на помощь несчастному. Уже признакъ изнемогающаго война мечтается ему въ пустотѣ сплетшихся вѣтвей древесныхъ. Съ великодушною нетерпѣливостію Оскольдъ простираетъ руку свою для его возстановленія. Коварный воинъ устремляется на Оскольда, величественъ и болѣе смертнаго, но чертами и взорами таковъ, какъ яростный Рингвольдъ, когда при струяхъ Роцелайны для пагубы своей вызывалъ на единоборство Оскольда, котораго предпочла ему прекрасная Етельвинда. Гнѣвъ заступилъ мѣсто удивленія въ Оскольдѣ; уже блестящій мечъ его разсѣкалъ война; но тѣло воздушнаго обитателя, легко раздѣляемое ударами меча, столь же легко составлялось паки, и признакъ язвы не оставался. Багровый пламень проникалъ эфирное существо его; и съ гордымъ посмѣяніемъ сей витязь такъ вѣщаетъ: «Слабый смертный, Оскольдъ, Оскольдъ ненавидный! не мечтай удостоиться моихъ ударовъ. Скоро, изнемогая подъ ударомъ смертнаго, простертый на поляхъ византійскихъ, извергнешь ты гордую душу, и отчаяніе, видѣть падшныя замыслы твои разрушенными, огорчитъ послѣднія твои дыханія. Тогда возьму тебя на судъ Одиновъ, въ вѣчную

обитель Валгаллы, и воздамъ тысячекратно удары, которыми пронзилъ ты меня при струяхъ Рацелайны.» Онъ рекъ, и видѣніе разлилось въ окружающіе мраки воздуха. Великодушный Оскольдъ отвѣтствуетъ хладнокровно: «Несчастный! или ласкался ты угрозами восколебать постоянство мужа? Смерть, къ которой посигшуютъ безвоснятно челоуѣки, можетъ ли извѣстностію своею удержатъ насъ отъ сіяющаго поиска славы? бѣдственна ли смерть умирающаго съ оружіемъ въ рукахъ, въ первыхъ рядахъ воинства? Нѣтъ, Рингвольдъ! тщетное зчаніе твое будущаго не нарушаетъ спокойствія души моеи. Оно придаетъ болѣе величества подвигу моему, и безсильная вражда твоя возлагаетъ на меня новое обязательство не терять ни единаго мгновенія для снисканія славы.» Онъ рекъ: особенное спокойствіе сіяетъ на челѣ его. Разступилися ужасы лѣса, умолкли громаы, и тихія молніи едва мелькали въ рѣдѣющихъ тучахъ. Пикѣмъ певидимъ, Оскольдъ входитъ въ шатеръ свой, и сладостный, легкій сонъ смыкаетъ удрученныя вѣжды его. Между тѣмъ сердце Одново улаждается твердостію героя, которому онъ благопріятствуетъ съ высоты небесъ. Еще не было Готоа, въ которомъ бы безсмертный Одинъ находилъ болѣе сходства съ пламенною душою, вознесшею его на степень боговъ, какъ въ великодушномъ Оскольдѣ. Одинъ хотѣлъ симъ ужаснымъ привидѣніемъ испытать героя. Одншъ посылаетъ вѣждамъ его сладостное успокоеніе;

собираетъ предъ одромъ его златыя мечтанія, которыя служатъ вмѣсто бытія воображенію. Тайныя предвкушенія небеснаго блаженства, обхожденіе героевъ, неописанныя радости Валгаллы глубоко нанечатлѣваются въ душѣ его. Изглажены въ ней надеждою страшныя предвѣстія ночи, и солнце, озлативъ горы, нашло Оскольда мужественнѣе прежняго, раздающаго повелѣнія вождямъ и совѣтующагося съ мудрымъ Сигурдомъ.

Уже бѣольшая часть кораблей были приуготовлены для воинства Оскольдова. Подобны лебедямъ величественнымъ, спустились они у стѣнъ Смоленска на струи Ворисѣена. Радегастъ, которому отъ юности жить на водахъ было роскошью, и который на легкой единодревкѣ, теряясь въ разверзающихся волнахъ варяжскихъ, преносился толь часто отъ утесистыхъ Чудскихъ береговъ къ пологимъ Скандинавскимъ; Радегастъ, управлявшій кормиломъ корабля, на коемъ Рюрикъ, отецъ народовъ, присталъ ко берегу Ладоги, Радегастъ проводилъ цѣлую зиму въ дубравахъ Кривичей, испытывая сѣкирою древніе дубы и повергая на землю безжалостно ихъ гордые верхи. Разорилось священное убѣжище лѣсовъ, пристанище сильныхъ звѣрей и птицъ воздушныхъ, и оскорбленный Ворисѣень съ негодованіемъ видѣлъ исходяще свое откровенно. Возмутились воды его, и страшную вѣсть брани проесли до Чернаго Моря, отца потоковъ и бурныхъ рѣкъ. Во влажныхъ чертогахъ сидитъ

древній богъ , окруженъ тмою сыновъ и дщерей своихъ. Сошлись къ нему и Ворисоенъ , и гордый Тирасъ , составляющій владычество Сарматовъ , и двурогій Истръ , штатель народовъ. Ихъ яростные совѣты , подобные вѣчному шуму пороговъ , призываютъ вѣтры и черныя бури на дерзкое предпріятіе Оскольда. Болѣе всѣхъ стремительный Воспоръ подгнетаетъ негодованіе влажныхъ боговъ : « Забыли вы , » говоритъ онъ , « тѣмъ угрожаютъ намъ чада неукротимаго Сѣвера. Вашимъ стыдомъ покупаютъ они себѣ сіяющую славу , и возносятся къ богамъ безсмертнымъ. Имъ суждено , думаютъ они , наложить нѣкогда узы на ваши священныя волны. Страны , наояемья вами , любовь природы , отечество боговъ , суть добычею тѣхъ , которые не находятъ ничего труднаго для своего мужества и могутъ мѣнять тлѣнную жизнь на неувядающую славу. Отъ нея хотятъ они производить гордое свое имя , и называя себя Славянами , напоминаютъ другъ другу гордое свое опредѣленіе. Вспомните трепеть , вспомните волненіе , которое вы чувствовали въ хладныхъ пещерахъ вашихъ , когда Одинъ , прародитель сихъ Варяговъ , сихъ Руссовъ , соединившихся нынѣ съ Славянами , выступая изъ предѣловъ смертнаго , пустился со мною въ неравнѣй , позорнѣй для меня бой. И рокъ до того унизи.тъ безсмертнаго ! Сколько разъ желалъ я сокрыть главу мою въ нѣдрахъ земли , или уйти въ которое либо море ! Противилсъ мнѣ несодolimыя преграды. Съ одной страны

ударяли въ меня кипящія волны Евксинскаго Понта, съ другой огромное море отъ столповъ Гадитанскихъ. Далеко ли было тогда паденіе еллинскаго имени? Готы, прешедшіе оплотъ сей, указали народамъ погибельный путь, коимъ найдутъ они роковой день священнаго града. Не престааетъ еще дѣйствовать Одинъ, врагъ греческихъ боговъ. Не видите ли, что онъ воспаляетъ своимъ неистовствомъ душу Оскольда? А между тѣмъ священный повелитель Грековъ, отсутственный отъ угрожаемой столицы, ведетъ безславныя брани съ мягкосердыми племенами Востока. Снѣшите, спѣшите; возбудите отъ не-радываго сна Великій градъ, надъ которымъ багровое облако готово извергнуть пламень.» Онъ рекъ, и влажный царь простираетъ повелительную руку. Глубокая тишина вокругъ царствуетъ. Тонкій туманъ восходитъ съ поверхности водъ и на крылахъ зефира прикасается слуху Ексарха. Уже скорый гонецъ отряженъ ко властителю Грековъ съ ужасною вѣстію Оскольдова похода. Грозный властитель сѣдыхъ валовъ воспрещаетъ взоромъ буйному негодованію рѣкъ. «Оставимъ,» гласитъ онъ, «браннымъ человѣкамъ быть игралищами страстей. Ихъ замыслы высоки и неостоянны; единое дуповеніе разсѣваетъ ихъ. Поверженнымъ среди вѣчныхъ силъ природы, довольно имъ бороться съ волнами счастья въ безнокойныхъ подвигахъ или въ презрительной иѣгѣ. Златая цѣпь судебъ соединяетъ небо и землю, и не можетъ быть оттор-

жено ни единое звено ея. Довольно препятствій добродѣтели. Неоспорима слава смертному, который гибнетъ въ бореніи съ гнѣвными стихіями и враждебнымъ счастіемъ. Опасности брацныя не суть единыя, ни самыя страшныя. Прежде нежели устрашимся рабства, коимъ сей витязь угрожаетъ, увидимъ еще, не подверженъ ли онъ самъ позорному рабству страстей.» Онъ рекъ, и подвластные боги ощутили болѣе покорности, нежели успокоенія. Между тѣмъ граждане Смоленска тщетно стараются удержать еще нѣсколько времени въ стѣнахъ своихъ нетерпѣливаго Оскольда, изъясняя гостепріимство великолѣпными торжествами. Таковъ потокъ, низвергающійся съ высокой горы послѣ зимнихъ снѣговъ. Устрашенный селянинъ бесполезно воснящаетъ бурное его стремленіе, повергая огромные дубы. Онъ преодолагаетъ преграды и далеко опустошаетъ богатая жатвы.

Но Сигурдъ желаетъ видѣть сына своего, нѣжнаго Радмира, преоясаннаго мечемъ отъ руки Оскольдовой, да вступитъ въ сословіе мужей. Радмиру едва исполнилось шестнадцать лѣтъ; но сердце его упредило возрастъ.

Оно билось съ нетерпѣніемъ, когда золотая арфа Скальда оживляла предъ воображеніемъ его тѣни древнихъ Варяговъ и битвы славныя въ теченіе вѣковъ. Оно билось такъ же сильно, но сладостиѣе, при тихомъ возрѣніи или отрадной улыбкѣ опасной подруги его младенчества, вы-

сокой Искерды. Колеблемый порывами славолюбія и другаго нѣжиѣйшаго чувствованія, юноша обнажалъ смертоносное желѣзо, или полагалъ его къ ногамъ прекрасной подруги. Веселость незлобія составляла игры ихъ, и сладостная задумчивость отягощала вѣжды Искерды, когда ей должно было наказывать дерзость юноши.

Какъ затрепетало въ ней сердце, когда нескромныя подруги упомянули въ присутствіи ея, можетъ быть, безъ намѣренія, о назначенномъ вооруженіи друга ея! Тогда узнаетъ она тайнство своей нѣжности и свойство подозрительной дружбы; узнаетъ, что не можетъ существовать безъ Радмира; въ мечтаніяхъ, или бѣжитъ къ ненавистному Оскольду и требуетъ отъ него юноши, или сама покрываетъ нѣжное чело его тяжелымъ шлемомъ и съ восторгомъ бросается между любовникомъ и грѣческою стрѣлою. Умереть за Радмира или жить съ Радмиромъ сливается для нея въ единое чувствованіе. Безполезныя намѣренія! Строгая честь, дѣвическій стыдъ удаляютъ, какъ легкій паръ утра, сіи златыя мечтанія. Должно, не смотря на поблѣднѣвшія лицен лица, на утомленные очи, должно заключить тоску въ сердце и быть свидѣтельницею ужасныхъ обрядовъ, которыми Радмиръ обречется свирѣпому богу браней. Сколь желала бы теперь юная дѣвица, чтобъ никогда варяжская сѣкира не оскорбляла древнихъ дубовъ дѣшировскихъ, и чтобы величественный

градъ Кесарей наслаждался ненарушимую тишиною! Уже отверзаются огромныя врата священнаго храма и толпа наполняетъ просторныя его притворы. Со страхомъ взираютъ Кривичи на древнее изображеніе бога, наполняющее съ величествомъ нѣдра святилища. Согбенные старцы, въ одѣянiяхъ бѣлѣйшихъ снѣга, одни дерзаютъ войти во внутреннюю ограду, и отметаая земныя различія, отверзаютъ всеѣмъ челоуѣкамъ равное прибѣжище къ жертвенникамъ. Приближается сіяющій сонмъ вельможъ, еще болѣе возвышенный важнымъ присутствіемъ Оскольда. Прекрасенъ, какъ юный богъ, послѣдуетъ ему Радмиръ съ потупленными очами, съ откровенною главою и распущенными власами юности. Гибкій станъ его объемлетъ простою и легкою одеждою, и ткаиною сестрами его изъ мягкой волны агнцевъ. Украдками взираетъ онъ по временамъ на ту сторону храма, гдѣ знаменитыя матери семействъ, гордящіяся красотою послѣдующихъ имъ дочерей, привлекаютъ къ себѣ почтительное вниманіе народа. Онъ ласкается увидѣть обожаемую Искерду, сокрывающуюся въ срединѣ прекраснаго сонма и опирающуюся на руку искренней Алвиды, дабы невольный трепетъ ея былъ менѣе примѣтенъ. Уже священные обряды, болѣе и болѣе ужасая несчастное сердце любовницы, производятъ въ душѣ народа восторгъ благоговѣнія. Возникаютъ сердца мужей любовью отечества, изступленіемъ храбрости при лѣснословіяхъ, возглашаемыхъ богу браней. Взоры Рад-

мировы оживляются не однимъ пламенемъ любви: одна любовь владычествуетъ въ сердцѣ Искерды. Съ трепетомъ видитъ она желѣзо въ рукахъ Оскольдовыхъ, коимъ надлежало обрѣзать юношескіе длинные власы Радмировы, и между тѣмъ какъ одинъ изъ жрецовъ возлагаетъ ихъ на жертвенникъ бога браней, и другой приноситъ сіяющій мечъ для препоясанія Радмира, юноша остается на колѣнахъ въ боязливомъ молчаніи, главу преклонивъ на сложенные длани: тогда Оскольдъ, исполненъ духа Одинова, пріемлетъ Радмира въ число мужей и прерываетъ молчаніе величественнымъ наставленіемъ геройства. «Благородный, любви достойный юноша! возстани мужемъ. Се изъемлю тебя изъ нѣдръ спокойнаго семейства и посвящаю отечеству. Сии власы, отдѣленные мною отъ главы твоей, возвѣщаютъ тебѣ отреченіе отъ домашней нѣги и любви спокойствія; оставь поначеніе о красотѣ цвѣтущимъ дѣвамъ и женамъ. Твое убранство да будетъ прахъ военный и воздержаніе и твердость. Мечемъ сіяющимъ препоясываю чресла твои. Ты вступишь въ возрастъ защитниковъ народа своего, доколѣ сѣдины и опытность приведутъ тебя нѣкогда къ соучастію въ совѣтахъ, ежели не разсудитъ иначе неизвѣстный рокъ сраженій. Тѣ живутъ для отца и матери, которые ожидаютъ безславнаго рока, подъ домашнимъ кровомъ; но для отечества живутъ тѣ, которые дерзаютъ умереть за него безтрепетно. Сладостна смерть за отечество.» — Онъ хотѣлъ продолжать: вошь

дѣвицы, рыданія, имя Радмира, громко ею произнесенное, движеніе цѣлаго народа, влекутъ Оскольда къ сонму женъ, призывающихъ къ жизни Искерду. Омракъ смерти отягощаетъ очи ея. «Искерда! Искерда!» вопіетъ Радмиръ, «твой другъ съ тобою; воззри, или мгновеніе смерти твоей будетъ послѣднимъ для Радмира!» О, чудо любви! по гласу ея смерть отпускаетъ добычу свою. Голубые глаза Искерды отверзаются медленно и спокойно; прежде ничего не видятъ, кромѣ тусклаго свѣта, но скоро обращаются на лицо Радмира. . . . О, зрѣніе! о, радость неизобразимая! жестокія сердца, никогда не любившія! осудите, ежели можете, преступленіе дѣвицы. Опасность смерти примирила стыдливость съ любовью, и взоры Искерды покоятся безъ гнѣва на пламенныхъ очахъ юноши; рука ея, согласная съ сердцемъ, упала на длани Радмировы. Свидѣтель сего мгновенія, Оскольдъ воздохнулъ отъ глубины сердца своего и вспомнилъ прекрасную Етельвинду, которую немилосердая Гела похитила рѣзвящуюся на краю бездны, оставя вѣчное сожалѣніе Оскольду. Какъ молнія, сверкнувшая во тмѣ ночной, изобразилось то счастливое мгновеніе, въ которое нарекла она его властелиномъ сердца своего. Ему показалось, что душа Етельвинды оживляетъ черты Искерды. Но овладѣвъ смущеніемъ своимъ и схвативъ десницу Сигурда, варяжскій витязь приближается къ востревоженной матери Искерды. «Почтенная Людмила (такъ называлась она) и

ты, благоразумный Сигурдъ (вѣщаетъ Оскольдъ) не оскорбите гостя вашего отказомъ и примите меня ходатаемъ за двухъ любовниковъ. Не раздѣляйте тѣхъ, которыхъ сочетаетъ любовь и красота и благосклонное Небо. Ахъ! гдѣ есть зрѣлище священнѣе и сладостнѣе, какъ союзъ красоты и мужества подъ покровительствомъ природы? Супругъ и отецъ, Радмиръ будетъ достойнѣе защитникомъ племени своего. Подлый и боязливый не заслуживаетъ сожалѣній красоты. Но любовь не терпитъ, чтобы гласъ ея былъ пренебрегаемъ. Родители любовниковъ! бойтесь отмщенія любви. Я не увлеку юноши, призываемаго къ алтарямъ ея. Довольно будущихъ походовъ, коими Радмиръ напомнитъ согражданамъ, что Оскольдъ препопсалъ его мечемъ витязя.» Сказалъ, и Людмила не уклоняется принять отъ руки Оскольдовой Сигурдова сына. Въ народѣ все благопріятствуетъ герою. Тѣснятся вокругъ Оскольда и покровительствуемыхъ имъ любовниковъ. Дивятся красотѣ невѣсты, дивятся величественной бодрости жениха; но всѣ еще болѣе восхищаются Оскольдомъ: съ любовію видятъ нѣжное умиленіе того, кто привыкъ разить ужасомъ толпы свирѣпыхъ союзниковъ. Такъ думаютъ чело-вѣки. Но Одинъ оскорбляется въ исполинскихъ чертогахъ своихъ, видя сердце любимца своего толь скоро волнуемое любовію и сожалѣніемъ. Уже раскаявается онъ, что ввѣрилъ Оскольду предпріятіе, драгоценное сердцу своему, уни-

женіе Греціи. Но попутные вѣтры зовутъ варяжскаго витязя на знаменитый подвигъ, и не менѣе герой отъ участія въ нѣжныхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, Оскольдъ вступаетъ въ ладію, послѣдуемый ополченіемъ Славянъ. . . .

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ.

РОМУЛЬ И КІЙ.

Всѣ народы вселенной изникаютъ изъ варварства въ послѣдствіи времени, и дошедъ нѣкоторой извѣстной точки, низвергаются пакн и уступаютъ мѣсто другимъ.

Ромуль. Ты хочешь равняться съ Ромуломъ! Кто бы ты ни былъ, конечно, величественное имя Рима достигло слуха твоего. Ты видишь во мнѣ основателя сего царствующаго града, — и держай послѣ сего помышлять о равенствѣ со мною!

Кій. Я не мышлю оспоривать личныхъ достоинствъ твоихъ. Сіяющъ войною, искусствомъ правленія, ты умѣлъ вліять въ раждающійся народъ свой глубокое чувствованіе славы и пріуготовить его къ завоеванію вселенной. Но познай въ Кіѣ основателя престольнаго Кіева, одного изъ предковъ Россійскаго народа, котораго слава можетъ нынѣ безъ дерзости шествовать наравнѣ съ мншувшею славою твоихъ Квиритовъ. Не гордо было основаніе Рима. Ремъ нереско-чнлъ ровъ его: и ты знаешь, чего сіе тебѣ стоило. Пастухи, странствующіе изгнанники соста-

вили населеніе града, который потомъ съ семью холмовъ своихъ повелѣвалъ вселенною. Шукисѣна на остріи копья были первыя твои знамена.

Ромулъ. Но побѣда за ними слѣдовала постоянно. Признали то Италія, Карѳагенъ, Греція. Цари желали называться отпущенниками народа Римскаго. Посоль, введенный въ присутствіе Сената, мнилъ видѣть собраніе боговъ, а не челоуѣковъ. Довольно назвать Брута, Сципіоновъ, Катоновъ, Цесаря.

Кій. Ты умалчиваешь объ его преемникахъ: Неронахъ, Коммодахъ — о верховной власти, продаваемой болѣе дающему. Но зри нынѣ сей самый Римъ, столь измѣнившійся въ собственныхъ стѣнахъ своихъ, безъ Сената, безъ триумфовъ, и въ немъ неизвѣстныхъ инюковъ, попирающихъ спокойно прахъ Эмилія и Катона; и зри Россію, разливающую просвѣщеніе отъ моря Балтійскаго до водъ, омывающихъ Новый Свѣтъ: воинства ея, флоты, искусства, учрежденія.

Ромулъ. Я вижу, что каждый народъ сіяетъ поочередно на позорищѣ вселенной, и что слава, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, обтекаетъ весь Земной Шаръ.

ГОСТОМЫСЛЬ И ЯРОСЛАВЪ I.

Вольность можетъ существовать только въ томъ народѣ, который имѣетъ и почитаетъ законы справедливыя и благоразумныя.

Гостомысль. Сказываютъ, что ты далъ вольность Новгородцамъ. Я знаю, каковъ Ярославъ: не было лучшаго государя на престолахъ Рюриковъ. Мудрость его равнялась съ трудолюбіемъ. Но въ семъ случаѣ разсудокъ твой не былъ ли увлеченъ личною благодарностію? Какъ удѣльный князь Новгорода, препроводивъ у нихъ младость свою, бывъ столько вспомооществуемъ ими въ несчастномъ междоусобіи, которое безчеловѣчный Святополкъ возжегъ между дѣтьми Владиміровыми, не счелъ ли ты ихъ достойными вольности, прежде нежели умъ ихъ могъ ею воспользоваться? Не далъ ли ты имъ своеволія вмѣсто вольности? Вольность безъ законовъ существовать не можетъ.

Ярославъ. Такъ, Гостомысль. Я далъ имъ первое и краткое начертаніе законовъ, Правду Русскую, не давъ, можетъ быть, времени и просвѣщенію пріуготовить ихъ къ пріятію сего дара. Я уступилъ желаніямъ народа. Мнѣ казалось, что сей великій городъ, колыбель величества Славянскаго народа, столь удобный для купечества, заслуживаетъ нѣкоторое уваженіе. Столица

государства, перенесенная на берега Диѣиры, лишала его присутствія государя. Можетъ быть, преимущества, мною данныя въ добромъ намѣреніи, будутъ употреблены во зло буйствомъ черни. Но естественнымъ теченіемъ вещей излишества своеволія произведутъ зависимость. Твое благоразуміе предупредило такимъ образомъ гибель Новагорода учрежденіемъ единовластія.

Гостомысль. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій безначалія. Каждый отдѣлялъ благополучіе свое отъ общаго блага. Каждый хотѣлъ быть счастливъ одинъ и со вредомъ другимъ. Обиды, неправды, убійства, междоусобія грозили истребить Новгородъ. Взаимныя обязательства гражданца не были установлены. Ужасное право сильнаго губило всѣхъ поочередно. Не было градоначальства, которое пеклось бы о безопасности и собственности жителей. Тогда, одушевленный истинною любовію отечества, возсталъ я на стогнѣ. Твердость моя и нѣкоторое краснорѣчіе, ревностію внушаемое, преклонили сердца народныя. Ёдутъ послы въ Варяги-Русь звать предка твоего, Рюрика, на княженіе. Окруженный многочисленною дружиною, съ братьями своими Синеусомъ и Труворомъ, приходитъ онъ дать спокойствіе и законы Новгороду. Видишь, что происшествіе сіе было оспораніемъ сильнаго государства, и лучше меня знаешь послѣдствіе дѣлъ, распространившихъ сіяніе Россіи.

Ярославъ. Подъ сильною рукою монарховъ Варяго-Русскихъ, племена почти цѣлаго Сѣвера

соединились въ одинъ великій народъ. Олегъ, Игорь, Святославъ, доходили войною до вратъ Царяграда. Родитель мой, Владиміръ, положилъ копецъ симъ нашествіямъ, Восточную Имперію. Просвѣтивъ народы свои воспріятіемъ вѣры кроткой и челоуѣколюбивой, онъ раздѣлилъ области свои между нами, сынами своими, которые, вмѣсто согласія и взаимной помощи, обагрили отечество кровію согражданъ. Примѣръ несчастный: боюсь, чтобъ онъ не былъ возобновленъ сынами моими!

Гостомысль. И ты раздѣлилъ также Россію? . . . Нельзя сомнѣваться, чтобъ мѣры сіи не ослабили государства. Безсильное, изнуренное междоусобіемъ, какимъ образомъ воспротивится оно нападенію варваровъ, которые по временамъ выходятъ изъ дикихъ степей своихъ?

РЮРИКЪ И ОЛЕГЪ.

Народъ простой и воинственный, имѣя сношенія мирныя и военныя съ народомъ, въ которомъ науки процвѣтали, наконецъ и самъ отъ него заимствуетъ просвѣщеніе.

Рюрикъ. И такъ, я имѣю удовольствіе видѣть съ собою мудраго Олега, насыщеннаго славою и лѣтами. Зависть не послѣдуетъ сюда за нами:

и я могу терпѣть сіяніе моего преемника, если бы оно помрачало и мое собственное.

Олегъ. Рюрикъ не можетъ опасаться соперника въ славѣ. Имя его останется въ вѣчномъ почтеніи у потомства многочисленныхъ племенъ, которыя сильная рука его собрала въ единое народное тѣло. Норманцы наши славились прежде завоеваніемъ и разореніемъ государствъ. Ты одинъ между ними заслужилъ безсмертную память учрежденіемъ законовъ, правленія, гражданской жизни въ народѣ, который призвалъ тебя на княженіе добровольно. Удостоенный тобою быть блюстителемъ престола и малолѣтнаго сына твоего, Игоря, я старался идти по слѣдамъ твоимъ. Новость владычества дѣлала пріеутствіе твое въ Новѣгородѣ необходимымъ; пришедъ послѣ тебя, я могъ отлучаться безопасно и собственными глазами обозрѣвать пространство княженія. Я преходилъ всѣ предѣлы его; вездѣ заводилъ селенія, начертывалъ будущіе грады, облегчалъ народамъ способы взаимнаго сообщенія, полагалъ первыя основанія просвѣщенія, торговли и законовъ. Исполненъ почтенія къ дѣяніямъ и духу древнихъ Славянъ, я разсудилъ за благо открыть имъ поприще новой славы. Искони градъ Кесарей, Константинополь, былъ мѣстою странствованій и подвиговъ сѣверныхъ людей. Я повелъ на ладьяхъ по Днѣпру и валамъ Черноморскимъ воинство Славянъ, Варягъ и Чуди въ средину Греціи. Я перенесъ столицу государства въ Кіевъ.

Рюрикъ. Ты оставилъ Великій Новградъ, коего слава наполняла весь Сѣверъ подъ именемъ Гардарика, о которомъ говаривали простонародно: «Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?»

Олегъ. Я хотѣлъ приблизиться къ Греціи, родительницѣ наукъ и художествъ. Хотя онѣ были уже въ упадкѣ, но остатки ихъ еще могли украсить обычай народа простаго и воинственнаго. Я видѣлъ Сѣверъ и Западъ, покрытые общею тмою варварства. Просвѣщеніе могло удобно проникнуть въ Россію изъ Греціи всеми способами сообщенія, путешествіями, торговлею, самою войною. Я побѣдилъ Грековъ; но цѣною побѣды моей былъ союзъ торговый. Я побуждаемъ былъ достохвальнѣйшимъ желаніемъ государя, надеждою возвести народъ мой на высшую степень величія. Мнѣ кажется, что Россія займетъ когда нибудь сіяніе древней Греціи.

Рюрикъ. Но имперія давно преклоняется къ своему паденію. Соперничество власти, вражда первосвященниковъ раздѣляютъ ее съ Западомъ. Я боюсь, чтобы, оставленная Европою, скоро не стала она добычею какихъ нибудь завоевателей, вышедшихъ изъ Азіи. Тогда, отторженная отъ Греціи, и наслѣдовавъ предубѣжденіе ея къ другимъ народамъ, Россія можетъ остановить успѣхи просвѣщенія своего и надолго заколебѣть въ невѣжествѣ.

ИГОРЬ И ОЛЬГА.

Истинное Богопочитаніе неразлучно съ человеколюбіемъ.

Игорь. И здѣсь еще терзаетъ меня сіе противное воспоминаніе, что Игорь, котораго двѣкраты трепетала Греція, безславно умерщвленъ Древлянами, и память моя поругана недостойно симъ Маломъ, подвластнымъ княземъ моимъ. Безплотный духъ мой нынѣ болѣе чувствителенъ къ стыду, нежели тѣло мое было къ удару, который поразилъ его. Я не могъ взирать безъ нѣкотораго удовольствія на сіи окровавленныя тѣни Древлянъ, во множествѣ снизшедшихъ, которыя извѣстили меня о мести, возданной имъ за смерть мою тобою, достойная супруга! Ты возвратила мнѣ честь мою, герою болѣе жизни драгоценную. Потомки съ почтеніемъ прійдутъ воззрѣть на холмъ, который насыпала ты надъ хладнымъ прахомъ моимъ, по древнимъ обрядамъ славянскимъ. Меня утѣшаетъ сія великолѣпная тризна, надо мною совершенная, плачь подданныхъ и непріятелей.

Ольга. Любезный супругъ! я исполняла добродѣтель язычества, ежели священное имя добродѣтели безъ оскверненія можетъ быть приложено ко мщенію. Я дѣйствовала по несправедливымъ понятіямъ воспитанія моего и народныхъ правовъ. Такъ ложное умствованіе можетъ быть причиною злыхъ дѣяній! Я была жестокою по добродѣтели; мечтала снискать собственное

одобреніе и удостоиться благоволенія Высшаго Существа, оскорбляя челоуѣчество; полагала Божество, Котораго я не вѣдала, въ безчувственныхъ кумирахъ. Сіе грубое заблужденіе тяготило разумъ мой. Ревностное желаніе просвѣщенія и счастливые случаи открыли миѣ истиннаго Творца и Владыку природы. Въ Константинополѣ священный служитель Божества снялъ съ очей моихъ мракъ язычества. Я увидѣла суету Церуна и толь многихъ боговъ, въ которыхъ люди обожаютъ свои собственныя страсти. Съ тѣхъ поръ сердце мое наполнилось любовію къ ближнему. Въ каждомъ челоуѣкѣ видѣла я брата; видѣла въ Богѣ общаго Отца всѣхъ племенъ и языковъ, населяющихъ вселенную. Онъ отвергаетъ жестокосердаго, дерзающаго проливать кровь челоуѣковъ для неистовыхъ своихъ удовольствій.

Игорь. Слова твои наполняютъ меня справедливымъ смущеніемъ. Сколь бы хотѣлъ я увидѣть опять свѣтъ дневный, чтобъ собственнымъ опытомъ моимъ отвратить Святослава, сына нашего, отъ сего ненасытимаго желанія браней, которое, вмѣсто истинной славы, влечетъ за собою позднее раскаяніе!

Ольга. Тщетное желаніе! Святославъ не слушалъ нѣжныхъ увѣщаній моихъ. Онъ оставилъ меня въ старости и малыхъ дѣтей своихъ, чтобъ жить на Дунаѣ, въ возлюбленномъ его Череевцѣ. Но я полагаю великую надежду на сына его, Владиміра.

ВЛАДИМИРЪ И КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.

Слава добрыхъ государей никогда не погибаетъ, и безпристрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ легкія несовершенства человѣчества, представляетъ добродѣтели ихъ для подражанія потомству.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ. Сколько вѣковъ уже прошло съ того времени, какъ мы оба, поставленные Провидѣніемъ надъ народами, полагали основаніе ихъ величества; но слава наша ничего не утратила отъ своего сіянія, и безпристрастныя поколѣнія, равно удаленныя отъ страха и надежды, превозносятъ наши добродѣтели. Какое поощреніе для тѣхъ, которые родятся быть владыками народовъ! Съ восхищеніемъ произносится въ позднѣйшемъ потомствѣ имя добраго государя. Чѣмъ просвѣщеніе становятся народы, тѣмъ болѣе отдають справедливости героямъ и государственнымъ людямъ, которые посвятили спокойствіе своей жизни благополучію вселенной. Не ослѣпляясь вышнимъ сіяніемъ, отличаютъ въ дѣлахъ нашихъ недостатки человѣчества отъ истинныхъ добродѣтелей, и отдають почтеніе не сану, но заслугамъ.

ВЛАДИМИРЪ. Какой государь имѣетъ болѣе правъ на славу, какъ возобновитель имперіи, побѣдопосецъ, законодатель, просвѣтитель? Что касается до меня, я имѣлъ слабости, неразлучныя съ человѣчествомъ. Можетъ быть, честолю-

біе мое въ достиженіи престола, не смотря на Ярополковы утѣшенія, не было совсѣмъ свободно отъ порицанія. Праздность моя помрачена была роскошью. Ослѣпленный тмою язычества, я доходилъ въ ревности моеѣ къ богамъ до ужаснѣйшаго бѣсновѣрія. Но разумъ мой сотворенъ былъ къ познанію истины. Я испытывалъ тщательно вѣры вселенной. Отъ Грековъ принялъ я законъ и сообщилъ Сѣверу. Наслѣдовацныя и побѣжденные мною народы безъ прекословія послѣдовали примѣру монарха. Подобно тебѣ, былъ я просвѣтителемъ государства моего, котораго предѣлы, также подобно тебѣ, распространилъ я побѣдами надъ Ляхами и прочими сосѣдственными народами. Вездѣ насаждалъ я училища, поставлялъ храмы истинному Богу, старался ввести греческія письмена. Такъ же, какъ ты, подалъ я поводъ къ первому неправленію отечественнаго языка и къ украшенію разума ученіемъ. Я хотѣлъ благополучія для всѣхъ несчастныхъ, отверзъ сокровища мои бѣднымъ, открылъ убѣжища больнымъ. Наконецъ, такая кротость овладѣла душою моею, что съ трудомъ уговаривали меня осуждать виновныхъ на достойную казнь.

Карлъ Великій. Многотрудные подвиги мои, заговоры, возмущенія не позволили мнѣ умѣрить строгости. Дикость времени и нравовъ изощряли оружіе мое. Но, впрочемъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы имѣли многія черты сходства. Увлекаемые владычествовавшимъ

образомъ мыслей, мы раздѣлили оба государства свои между сыновьями нашими. Сіе дѣяніе, противное здоровому градоправительству, было источникомъ бѣдствій. Слабая рука моихъ потомковъ не удержала имперіи. Россія, обогрѣнная своею собственною кровію, подпала игу варваровъ.

Владиміръ. Все перемѣнилось. Россія вступила на приличную ей степень; и множество великихъ именъ, которыя въ теченіе вѣковъ присоединились къ нашимъ, не уменьшаютъ ихъ сіянія.

СВЯТОСЛАВЪ И ЯРОПОЛКЪ.

Человѣкъ слабый и не имѣющій твердости въ разумѣ, повинуется побужденіямъ, которыя онъ получаетъ отъ другихъ, и, не будучи злодѣемъ отъ природы, можетъ сдѣлать величайшія преступленія, ежели окружающіе его суть порочные люди.

Святославъ. Сынъ мой, Ярополкъ! такъ скоро! . . . Но я вижу раны въ груди твоей. Конечно, палъ ты на мѣстѣ битвы, сражаясь за отечество. Какой непріятель испыталъ удары твои, Болгаръ, кичливый Грекъ, или дикій Печенѣгъ?

Ярополкъ. Увы, родитель мой! я стыжусь и не смѣю возвести глазъ моихъ на тебя. Но ты знаешь, знаешь несчастія, которыя постигли послѣ тебя неблагоуразумныхъ дѣтей твоихъ. Я ли-

шенъ жизни рукою измѣнника въ междоусобной войнѣ, предъ храминою брата моего, Владиміра. Я достоинъ былъ смерти, ибо первый въ отечествѣ моемъ возжегъ слабою и трепещущею рукою пламенныйкѣ междоусобія. Олегъ — я не могу произнести имени сего.

Святославъ. Олегъ, котораго природа даровала тебѣ въ нѣжнѣйшіе друзья, и противъ ко-его ты дерзнулъ дѣйствовать, какъ противъ не-пріятеля, конечно, не самъ собою, но побужде-ніемъ злобнаго Свенельда, — Олегъ не сохраняетъ въ разсужденіи тебя ни малѣйшаго памятозлюбія. Блаженство, вкушаемое имъ здѣсь, наградило его съ избыткомъ за трату несовершенныхъ и пре-ходящихъ увеселеній временной жизни. Все его безпокойство состояло въ неизвѣстности, уви-дѣть ли здѣсь тебя съ собою. Съ восхищеніемъ рассказывалъ онъ о твоёмъ раскаяніи, слезахъ, отчаяніи, когда въ первый разъ пораженъ ты былъ ужаснымъ зрѣніемъ тѣла его, извлеченна-го изъ-подъ труповъ убіенныхъ Древлянъ, тѣс-нившихся по мосту предъ Овручемъ. Ты бро-сился на хладные остатки его, и омывая слеза-ми, вопіялъ: «Любезный братъ! какъ могу я жить послѣ тебя, обремененный виною смерти твоей? Мнѣ, мнѣ должно было умереть, котораго жизнь будетъ вѣчнымъ угрызеніемъ.» Не могу терять свѣта, который я отнял у моего дражайшаго Олега!»

Ярополкъ. Я говорилъ сіе и послѣ испытанья. Желѣзо убійцы, прекратившаго жизнь мою, пре-

кратко мое мученіе. Я не былъ рожденъ ненавидѣть. Каждый день, препровожденный мною послѣ сего страшнаго происшествія, былъ днемъ казни и сокрушенія. Умереть стократъ лучше, нежели жить съ худою совѣстью, чувствовать себя злодѣемъ.

Святославъ. Ты былъ только слабъ. Ты не имѣлъ твердости, безъ которой нѣтъ добродѣтели. Чужая злоба привела тебя къ совершенію мрачнѣйшаго злодѣянія, которое похитило счастье цѣлой твоей жизни. Величайшее несчастіе для человѣка, несравненно большее для правителя государства, есть не имѣть своего собственнаго умоначертанія, благоразумнаго и добродѣтельнаго, и повиноваться побужденію другихъ безъ выбора и разсужденія.

КАРЛЬ XII И СВЯТОСЛАВЪ I.

Нѣтъ ничего столь блестящаго и превосходнаго, какъ жребій государя, составляющаго блаженство народа своего просвѣщеніемъ, законами, умягченіемъ нравовъ, возвышеніемъ сердець и разума.

Святославъ. Остаовись, свирѣпый герой! Святославъ съ удовольствіемъ срѣтаетъ тебя, входящаго въ жилища блаженныхъ. Мы имѣли равныя склонности въ живыхъ. Тотъ же духъ

неустрашимости, который повергалъ тебя въ опасности для снисканія славы, одушевлялъ и меня въ другое, болѣе грубое столѣтіе. Болгары и Греки трепетали меня. Та же смерть война постигла насъ обоихъ на полѣ сраженія. Печенѣгъ обошелъ меня въ превосходныхъ силахъ у пороговъ Днѣпровскихъ, и сдѣлалъ храбрость безполезною. Но мертвые не стыдятся, и Россы, безстрашные Россы, оставили жизнь, но не мѣсто сраженія. Ты знаешь ихъ мужество. Я горю нетерпѣніемъ услышать изъ устъ твоихъ о семъ великомъ царѣ, твоемъ соперникѣ, который повѣлѣваетъ ими нынѣ, и котораго слава достигла до сихъ спокойныхъ мѣстъ.

КАРЛЪ XII. Святославъ! мы были съ тобою дерзкіе воины. Безпокойное желаніе кровопролитія заблуждало насъ. Петръ уже не соперникъ мой, но побѣдитель, но другъ и великій челоувѣкъ. Онъ воюетъ не для того, чтобъ наполнить вселенную пустымъ шумомъ и разорить нѣсколько счастливыхъ областей: война служитъ Ему способомъ для доставленія народу Своему счастья, силы, проевѣщенія. Онъ вводитъ искусства, науки, вѣжливость въ пространный край Свѣта. Онъ благодѣтельствуетъ поколѣніямъ, еще нерожденнымъ, низвергая преграды, которыя невѣжество возвысило между народомъ Его и проевѣщеніемъ. Онъ ободряетъ земледѣліе, заводитъ промыслы и торговлю. Собирать безлюдныя вѣщны было моимъ честолюбіемъ. Личнымъ пристрастіямъ, гнѣву, мести, суетной славѣ пожертво-

валъ я первымъ обѣтомъ государей, благосостояніемъ народа. Петръ исхитилъ побѣду изъ рукъ моихъ твердостью. Я совершилъ несчастіе мое упрямствомъ. Я не могъ сносить мира. Безпокойство мое утомило собственныхъ моихъ подданныхъ такъ же, какъ и сосѣдей. Въ сей часъ былъ я подъ стѣнами Фридрихсгаля, крѣпости датской, мною осаждаемой. Роковой свинецъ поразилъ меня въ високъ. Завѣса низнала: я позналъ заблужденія свои. Теперь мнѣ кажется, что одинъ взоръ мой возмущаетъ тишину сихъ убѣжищъ и отъемлетъ блаженство непорочныхъ душъ, которыя въ жизни своей составляли благополучіе вселенной.

Святославъ. Успокойся. Кто умѣетъ такъ раскаяваться, какъ ты, не можетъ быть недостойнъ сего жилища. Я поведу тебя въ удѣль, посѣщаемый гѣми, которые прославились войною. Представлю тебя Ахиллесу и Александру Великому. Они узнаютъ въ тебѣ добродѣтели, составляющія героя. Неутомимъ, безстрашенъ, чувствителенъ къ одной только славѣ, презрительнѣги, великолѣпія, наблюдатель правосудія, ты былъ бы украшеніемъ человѣческаго рода, если бы болѣе чтилъ священныя права его, если бы зналъ другую славу, кромѣ военной. Сія упрекъ, исходя изъ устъ моихъ, должны тебѣ казаться сноснѣе, ибо я самъ заслуживаю оныя.

ЯРОСЛАВЪ И ЛѢТОПИСАТЕЛЬ НЕСТОРЪ.

Долговременное междоусобіе не только отъемлетъ безопасность и спокойствіе общества, но и препятствуетъ народу достигнуть просвѣщенія, подавляя писмена и науки въ самомъ ихъ рожденіи.

Ярославъ. При первой бесѣдѣ нашей, Несторъ, позволь мнѣ изъявить тебѣ удовольствіе, которое чувствую, видя перваго писателя Россіи. Ярославъ пріемлетъ въ тебѣ участіе какъ государь, надѣющійся жить въ Исторіи тобою, и какъ любитель ученія и писменъ. Ты знаешь, что я часто, отлагая оружіе, любилъ насаждать ихъ въ Россіи. Ты родился во время моего княженія; и мнѣ пріятно думать, что, можетъ быть, попеченія мои о писменахъ російскихъ открыли въ тебѣ способность историка. Никто не изъявилъ въ повѣствованіи своемъ болѣе простоты и чистосердечія. Безъ помощи басень и украшеній, дѣянія Славянскаго народа любопытны въ писаніяхъ твоихъ своею собственною важностію. Неувлекаемый предразсудками времени, ты справедливо хвалишь и порицаешь. Добродѣтель и въ несчастіи заслуживаетъ твое почтеніе. Ты срываешь личину съ счастливаго злодѣйства. Слогъ твой ознаменованъ иногда глубокою чувствительностію. Несчастіе Василька, тобою рассказанное, извлекаетъ слезы жалости. Наконецъ, ты далъ великій примѣръ: стоить только тебѣ послѣдовать, —

и поприще письменъ отверзто нашимъ соотечественникамъ.

Несторъ. Мудрый государь! ты удостоивашь меня похвалъ, которыхъ бѣольшая часть принадлежитъ тебѣ обратно. Письмена цвѣтутъ покровительствомъ правленія. Званіе дѣшисателя и санъ, который я носилъ на землѣ, предписывали мнѣ истину. Какое удовольствіе предавать потомству, перомъ Исторіи, дѣла государя добродѣтельнаго, безъ подлой лести, безъ суетнаго витійства! Изображая въ тебѣ героя и законодателя, я не утаилъ слабостей человѣка: твое противоборство власти родительской, вверженіе въ темницу оклеветаннаго брата своего, Судислава. Сии заблужденія славно искуплены сіяющими добродѣтелями, благочестіемъ, правосудіемъ, храбростію. Славу оружія твоего, пріобрѣтенную въ толь многихъ справедливыхъ войнахъ противу братоубійственнаго Святополка, Ляховъ, Чуди, самыхъ Грековъ, помрачаетъ ли то, что ты принужденъ былъ уступить побѣду однажды Болеславу Польскому и брату твоему, Мстиславу Тмутораканскому? Счастіе имѣеть свое вліяніе въ военные подвиги. Но то, что ты ни съ кѣмъ не раздѣляешь: мудрость, великодушіе, человеколюбіе, просвѣщеніе, дѣлають память твою священною. Ты наслаждался и въ жизни предчувствіемъ славы своей. Западные государи искали родства твоего. Какъ мирный правитель государства, ты желалъ украсить его искусствами; и между тѣмъ, какъ Европа была еще покрыта мракомъ невѣжества

и суевѣрїя, ты призывалъ уже художниковъ изъ Греціи, старался о предложеніи книгъ съ Греческаго Языка, о воспитаніи юношества. Пристойное великолѣпіе украшало дворъ твой. Сіе благосостояніе сокрылось съ тобою. Надежды твоего владычества погибли для Россіи. Властолюбіе заразило сердца князей. Народъ лилъ кровь свою, чтобы повиняться изъ нихъ тому или другому. Свирѣпое междоусобіе исторгло съмена просвѣщенія, тобою насажденныя. Слава шесменъ надолго удалилась отъ Россіи, ибо они единственно тогда становятся предметомъ народнаго вниманія, когда внутреннее спокойствіе государства утверждено на основаніи законовъ, и трудолюбіе распространило въ обществѣ пріятное изобиліе.

Ярославъ. Вотъ важнѣйшая вина моя: будучи нѣжнымъ отцемъ, я не могъ предвидѣть, къ чему честолюбіе можетъ привести дѣтей моихъ. Тщетно, на одрѣ смерти, въ сіи торжественныя мгновенія разлуки, молилъ я ихъ съ умиленіемъ, обращаясь то къ Изяславу, то къ Святославу и Всеволоду: «Дѣти мои! любите всегда другъ друга. Въ согласіи вы всѣхъ одолѣете; въ раздорѣ будете жертвою непріятелей.» Они не уважили просьбы умирающаго отца, и помрачили раждающуюся славу Россіи.

ИЗЯСЛАВЪ И ВСЕВОЛОДЪ.

Герой, который прощаетъ непріятелей своихъ, дѣлаетъ имя свое драгоцѣннымъ человѣческому роду.

Изяславъ. Теперь только наслаждался я бесѣдою Ярослава, родителя нашего, и присутвіемъ толь многихъ князей россійскихъ, которые, послѣ жизни полезной и благотворительной, вкушаютъ здѣсь истинное блаженство, воздаяніе добродѣтели. Одинъ Святославъ, любезный братъ нашъ, не участвуетъ въ общемъ удовольствіи. Сердце его не отвѣтствуетъ моимъ исканіямъ. Онъ не поспѣшаетъ мнѣ во срѣтеніе. Если бы можно было здѣсь хотя на одно мгновеніе быть несчастнымъ, холодность брата моего сдѣлала бы меня таковымъ.

Всеволодъ. Душа его не наслаждается симъ ненарушимымъ спокойствіемъ, которое одна непорочность доставляетъ. Чувствованіе вины его передъ тобою и въ сей возвышенной жизни загладиться не можетъ. Всеволодъ знаетъ то собственнымъ опытомъ, Всеволодъ, который былъ участникомъ въ винѣ его, который вспомоществовалъ ему похитить у тебя престоль кіевскій, и за котораго ты умеръ. Можно ли простерть далѣе человѣческую добродѣтель? Возвратясь славно на престоль великокняжескій изъ Германіи и Польши, гдѣ честолюбіе братьевъ

твоихъ заставило тебя искать убѣжища, въ отверзтыя объятія свои принялъ ты меня, не преступника, но брата. Ты не хотѣлъ слушать извиненій моихъ. Прежде нежели я выговорилъ слово раскаянія, я былъ уже прощенъ, и угрызения отняты отъ сердца моего твоею человеколюбивою рукою. Святославъ умеръ на похищенномъ престолѣ, не имѣвъ счастья тебя видѣть и быть утѣшенъ тѣмъ самымъ братомъ, котораго онъ обидѣлъ. Но жизнь твоя назначена была Провидѣніемъ для всѣхъ испытаній добродѣтели. Едва снова возсѣлъ на престолъ родителя, безпокойные племянники наши, Борисъ и Олегъ, подкрѣпленные свирѣпыми Половцами, нападаютъ на удѣлъ мой, Черниговъ. Великодушный Изяславъ спѣшитъ на спасеніе мое. Какая печаль можетъ сравниться съ моею, когда на полѣ сраженія увидѣлъ я побѣдителя, человеколюбиваго Изяслава, пронзеннаго и бездыханнаго! Я терзался, плакалъ горестно, и весь народъ, казалось, потерялъ со мною брата и защитника.

Изяславъ. Всеволодъ увлекается свойственнымъ ему благочестіемъ и чувствительностію, увеличивая дѣло столь естественное. Какимъ бы образомъ человекъ былъ неумолимъ и снисходителемъ къ заблужденіямъ другихъ, когда онъ самъ волнуется безпрестанно слабостями разума и сердца? Ничѣмъ не можно приблизиться болѣе къ благодати Высшаго Существа, какъ милосердіемъ и снисхожденіемъ. Прощать сладостно сердцу человека, отца, государя. Я самъ не былъ

ли увлеченъ излишнимъ гнѣвомъ на Всеслава, князя Полоцкаго, когда, имѣя въ рукахъ моихъ побѣжденнаго, довольно наказаннаго жребіемъ войны, заключилъ его въ темницу? Не былъ ли я нѣкоторымъ образомъ причиною собственнаго несчастія перѣшительностію, недостаткомъ твердости? Несчастія одного мгновенія прошли невозвратно; и я наслаждаюсь вѣчностію блаженства, потому что сердце мое было безъ злобы, и что права человѣчества были мнѣ священны.

СВЯТОСЛАВЪ И ВЛАДИМІРЪ МОПОМАХЪ.

Совѣты благоразумнаго и добродѣтельнаго друга столько же полезны государю, сколько вредны внушенія подлаго и злобнаго ласкателя.

Святополкъ. Всегда бесѣда твоя имѣетъ для меня столь много утѣшительнаго. Слова твои возвышаютъ мужество мое и здѣсь, такъ какъ прежде на землѣ, когда, довольный жребіемъ удѣльнаго князя, ты призвалъ меня на престолъ кievскій, порученный тебѣ умирающимъ родителями твоими, Всеволодомъ, и раздѣлялъ со мною труды правленія. Сколь часто мудрые совѣты твои останавливали меня на краю бездны, въ которую я повергался дерзновенно! Мечъ твой разсѣвалъ тмы Половцевъ. Я воображаю и те-

перь несчастную битву трепольскую, предприятую противъ воли твоей. Ты не жалѣлъ самого себя ты потерялъ возлюбленнаго брата твоего, Ростислава. Вездѣ спасали меня мудрость и дѣятельность твоя. Увѣщанія твои на съѣздахъ княжескихъ пресѣкали несогласія. Олегъ, безпокойный Олегъ, трепеталъ превосходства духа твоего. Какимъ образомъ могъ я удалиться отъ твоихъ спасительныхъ совѣтовъ и послѣдовать бѣдственнымъ внушеніямъ Давида Игоревича который однимъ дѣяніемъ помрачилъ память мою въ потомствѣ? Теперь въ сихъ рощахъ, посвященныхъ счастью, едва тѣнь Василька Ростиславича представится взорамъ моимъ, невольный трепетъ объемлетъ меня. Я вижу, кажется, глаза его окровавлены, и только тогда воспріемлю мужество, когда Мономахъ удостоиваетъ меня своего общества.

Владиміръ Мономахъ. Какъ человекѣ, мы имѣли на землѣ смѣшеніе пороковъ и добродѣтелей. Бренная жизнь есть непрестанная борьба. Но Высшее Существо судитъ способы и намѣренія. Оно полагаетъ и самое раскаяніе въ число добродѣтелей. Пагубное раздѣленіе Россіи препятствовало намъ слышать гласъ разума и природы. Сколько удѣльныхъ князей, столько различныхъ сторонъ. Не было общаго и твердаго уложенія, связующаго части владычества съ главою. Каждый князь относился въ требованіяхъ своихъ къ праву сильнаго. Такимъ образомъ война была безконечна. Ты первый созвалъ кня-

зей на сеймъ, гдѣ предъ лицомъ сродниковъ своихъ, духовныхъ пастырей и бояръ, предлагали мы распри свои. Но несправедливый Олегъ Святославичъ учинилъ намѣренія твои бесполезными.

ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ И МСТИСЛАВЪ I.

Большой человекъ властвуетъ надъ современниками своими превосходствомъ разума и живетъ еще въ потомствѣ воспоминаніемъ добра, которое онъ сдѣлалъ.

Владимиръ Мономахъ. Сіе мгновеніе, въ которое достойный сынъ, оставивъ на землѣ бренную одежду тѣла, заключается въ сіи отеческія объятія, присоединяется къ счастливымъ тѣнямъ толь многихъ прародителей, увеличиваетъ для меня и самыя небесныя радости. Чувствую нынѣ, что воздаяніе добродѣтели безконечно. Кто бы изъ смертныхъ захотѣлъ одно мгновеніе быть обладаемъ порокомъ, если бы просвѣщенныя очи его видѣли ненарушимое счастье добродѣтели? Прошли опасности и труды, которые изнуряли тѣло наше; но не пройдетъ никогда заслуженная нами слава. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться сіе внутреннее чувствованіе достоинства, которое увѣряетъ насъ, что мы служили человѣческому роду, что мы способствовали къ умноженію сча-

стія цѣлаго государства. Приди! тебѣ позволено нынѣ видѣть собственными очами твоими величественныя души, которыя украшали Престолъ Россійскій. Се воинственный Рюрикъ, отецъ монарховъ, въ варяжскихъ доспѣхахъ; прозорливый Олегъ; чрезмѣрный любитель брани Святославъ. Какое человѣколюбивое величество сіяетъ на лицѣ сего почтеннаго старца, тезоименитаго мнѣ Владиміра, перваго и великаго? Здѣсь просвѣщенный Ярославъ; тамъ Изяславъ великодушный, благочестивый Всеволодъ. Приди! они узнаютъ своего внука.

Мстиславъ. Сердце мое, возвышенное и просвѣщенное, становится способно къ ощущенію блаженства. Я вижу нынѣ явственно, что одно счастье есть добродѣтель, одно бѣдствіе — порокъ. Не могу взирать безъ внутренняго благоговѣнія на сихъ отцовъ народа, которые, будучи поставлены Провидѣніемъ на возвышеннѣйшемъ мѣстѣ, явили себя достойными онаго верховностию духа, неутомимостию, великимъ намѣреніемъ жертвовать собою общему благу. Но какія заслуги могу я принести съ моей стороны, чтобъ раздѣлять съ ними справедливо воздаяніе добродѣтели? Не многіе годы судило мнѣ Небо управлять Россіею. Какъ сынъ Владиміра Мономаха, я былъ увѣренъ въ любви подданныхъ. Память твоя побезна Россіи. Князья, привыкшіе почитать важность слова твоего, не отрицались повиноваться Мстиславу.

Владиміръ Мономахъ. Ты былъ достоинъ повелѣвать. Правота сердца твоего и твердость давали тебѣ владычество надъ народами и князьями. Полоцкіе князья дерзають ослушаться повелѣній твоихъ и не присоединяють полковъ своихъ къ общему вооруженію на *Доловцевъ*. Ты призываешь ихъ на судъ князей, налагаешь на нихъ опредѣленное наказаніе и, отправленные въ Константинополь, они заслуживаютъ вишу свою подвигами противъ *Сарациновъ*. Но болѣе всего характеръ твой отличается разительною чертою, которою показалъ ты искреннее уваженіе свое къ правосудію и челоуѣколюбію вмѣстѣ. Ты далъ слово *Ярославу Святославичу* защитить его отъ нападеній честолюбиваго *Всеволода Ольговича*, не внимавашаго увѣщаніямъ твоимъ. Оружіе твое готово покорить *Черниговъ*. Но *Всеволодъ* проситъ пощады, унижается, возвращаетъ похищенное. Ты распускаешь воинство, уважая совѣтъ боярѣ и духовныхъ, или, болѣе, жалѣя крови. Но въ самое то время благородное сердце твое страждетъ отъ мысли, что ты нарушилъ данное слово наказать оружіемъ *Всеволода*. Представляется разуму твоему, что государь, который наказываетъ неправду въ другихъ, самъ дѣлать ее не долженъ; что если бы истина отъ всей земли сокрылась, то и тогда бы должно было найти ее въ сердцѣ государей. Сіе одно дѣяніе замѣняетъ многочисленные подвиги.

ЯРОПОЛКЪ И ВСЕВОЛОДЪ II.

Государственный человекъ обязанъ жертвовать частными своими пристрастіями общему благу.

Ярополкъ. Наконецъ сія миролюбивая сѣнь покрываетъ вмѣстѣ Владиміровича и Ольговича. Какія смущенія, вражды, соперничества раздѣляли насъ въ жизни! Здѣсь стыдимся, что нѣкогда, обманываясь въ существѣ истинной славы, мы полагали ее въ единомъ первенствѣ, личной корысти, и благо общее подчиняли собственному желанію власти и сіянія. Безпокойный князь Черниговскій! нашелъ ли ты благополучіе на семъ завидуемомъ престолѣ кіевскомъ, отъ котораго сила твоя и дѣятельность удалились братьевъ моихъ, слабого Вячеслава и роскошнаго Георгія? Честолюбивыя намѣренія твои уничтожились. Противный Кіевлянамъ, несчастный братъ твой, Игорь, заплатилъ кровію своею за утѣшенія ласкателей. Любезное Россіи потомство Владиміра Мономаха возпріяло опять верховное владычество, о которомъ дѣти Олеговы бесполезно съ нимъ спорили.

Всеволодъ. Я чувствовалъ въ себѣ дарованія государя и старался доставить себѣ позорище, ихъ достойное. Дѣдъ мой, Святославъ Ярославичъ, лишился чреды своей въ потомствѣ. Онъ предалъ намъ честолюбіе свое. Олегъ Святославичъ, родитель мой, потерялъ столь много под-

виговъ и трудовъ противъ счастливѣйшаго Владиміра Мономаха, и оставилъ по себѣ печальную память. Черниговъ сталъ соперникомъ Кіева, и Ольговичи были снѣдаемы желаніемъ мести, которой не могли исполнить. Я имѣлъ мужество воспріять его на себя и унижить Владиміровичей.

Ярополкъ. Но, возбуждаемъ частнымъ пристрастіемъ, подумалъ ли ты о благѣ общемъ? Чѣмъ виновны были народы, ежели они почитали память Мономаха?

Всеволодъ. Не извиняю честолюбія своего. Великое намѣреніе, для коего еще не созрѣли обстоятельства государства, — соединеніе всѣхъ удѣльныхъ княженій, было мѣтою всѣхъ дѣяній моихъ. Счастливое исполненіе предпріятія сего оправдало бы меня передъ отечествомъ, и личное честолюбіе мое сдѣлалось бы орудіемъ блага общаго.

ИЗЯСЛАВЪ II МСТИСЛАВИЧЪ И ГЕОРГІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Наслѣдственное право послѣдованія государей есть спасительное средство, которымъ предупреждаются несчастія народовъ и замыслы честолюбивыхъ.

Изяславъ. Сколь непостоянны всѣ человѣческія вещи! Сей Кіевъ, величественный престолъ Россіи, о которомъ толь многіе князья, Влади-

міровичи, Ольговичи, мы двое, одинаго и' того же семейства Мономахова, толь яростно и не-утомимо препирались въ жизни, нынѣ, какъ ска-зываютъ тѣни, преселяющіяся въ сіи счастливыя мѣста, пренебреженъ, близокъ къ паденію, ви-дитъ древнюю честь свою въ забвеніи, и Влади-міръ, сооружаемый рукою сына твоего, Андрея, приуготовляется быть столицею Россіи. Скажи, заслуживало ли обладаніе симъ градомъ, чтобъ ты оставилъ изобильные брега Москвы и Оки, и утомлялъ вѣрныхъ своихъ Суздальцовъ и Ро-стовцовъ бесполезными походами подъ Кіевъ? Населитель пространнаго края, основатель толь многихъ городовъ, не могъ ли ты оставить меня, твоего племянника, сына Мстиславова, наслаж-даться въ покоѣ плодами храбрости своей и пра-вомъ наслѣдства?

Георгій. Сіе право было сомнительно и вла-гало мнѣ оружіе въ руки. Ты знаешь обыкно-веніе, столѣтіями утвержденное въ потомствѣ Рюриковомъ, что владѣніе преходило не отъ ро-дителя къ сыну, но отъ брата къ брату, или старѣйшему въ семействѣ. Вячеславъ былъ стар-шій братъ мой; но честолюбіе его не было со-провождено силою душевною. Повинуясь побуж-денію страстей моихъ и приученный къ страш-ному позорищу войны, я мѣшалъ сраженія съ забавами. Столь же счастливъ въ приобрѣтеніи, сколько несчастливъ въ сохраненіи завоеваній, я терялъ побѣды оплошностями мира. Кіевъ вы-ходилъ изъ-подъ владычества моего недоброже-

лательствомъ гражданъ и твоею дѣятельностію, подкрѣпленною Венграми и Поляками. Блестящая храбрость сына моего, Андрея, и сила галицкаго князя Владимірка исправляли ошибки мои. Наконецъ, по кончинѣ твоей ни что не могло похитить у меня престола великокняжескаго. Несчастія междоусобія необходимы въ такомъ составленіи государства, каково было наше, гдѣ право верховнаго владѣнія колебалось, не установленное между многими равными и независимыми князьями. Одно страшное право сильного, одна война могла рѣшить несогласія наши.

Изяславъ. Что можетъ сравняться съ несчастіемъ народа, который былъ жертвою властолюбія нашего? Сколь счастливо государство однородное, составляющее единое нераздѣльное тѣло, гдѣ пользы всѣхъ и каждаго соединены въ особѣ государя, справедливаго и благотворительнаго! Можетъ быть, придетъ и для Россіи время, что превосходный умъ соберетъ раздробленныя ея части. Безъ соперниковъ, безъ родственныхъ распрей, приведетъ онъ за собою спокойствіе, проевѣщеніе, славу, и покажетъ вселенной силу и величество народа русскаго.

**АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ И ВСЕ-
ВОЛОДЪ III ЮРЬЕВИЧЪ.**

Недовольно еще государю самыхъ блестящихъ дарованій, ежели не приобрѣлъ онъ любви народа мусыпнымъ попеченіемъ о благѣ онаго.

Андрей. Благодаренія мои недостаточны для воздаянія братней любви твоей и Михайловой, праведно казнившей недостойныхъ убійцъ моихъ, неблагодарныхъ Кучковичей. Въ собственной совѣсти своей нашли вы первое наслажденіе; и сіи чистыя радости, которыя здѣсь внушаетъ добродѣтель, не возмущаются для васъ ни какимъ смѣшеніемъ прискорбія. Что касается до меня, не могу забыть, что великія намѣренія мои преторгнуты злодѣйствомъ приближенныхъ моихъ, и я остановленъ среди поприща чести. Уже гордый Новгородъ низлагалъ предо мною своеволие свое, опасаясь жребія равнаго съ Кіевомъ, котораго престолъ я могъ и не хотѣлъ себѣ присвоить. Замышляя единство Россіи, предпочелъ я раждающееся великолѣніе Владиміра, памятникъ могущества моего. Провидѣніе долѣе сохранило тебя на престолѣ для счастья подданныхъ, и ты имѣлъ несравненное удовольствіе побѣдить и простить безнокійнаго врага своего, Глѣба, князя рязанскаго.

Всеволодъ. Симъ единымъ дѣломъ умѣренности я довольнѣе, нежели знаменитѣйшими успѣ-

хами браши. Какой російскій князь имѣлъ болѣе случаевъ показать сіяющее геройство, какъ Андрей Боголюбскій? При жизни родителя нашего, рука твоя удерживала побѣду въ станѣ его. Твое присутствіе обращало толпы непріятелей въ бѣгство. Народы покорены мечемъ твоимъ; богатые Болгары погребены подъ развалинами стѣнъ своихъ. Твоей славы довольно было, чтобъ вознести любимый тобою Владиміръ выше древняго Кіева. Чтò я говорю? Ты не усомнился повергнуть въ прахъ златые храмы его, чтобъ устрашить обезсиленныхъ его владѣтелей. Поколебавъ Новгородъ, ты хотѣлъ покорить себѣ всю Россію. Но между тѣмъ сердца народныя были отдалены отъ тебя, и одна частная месть вооружила руку убійцы.

Андрей. Согласный съ тобою, нынѣ обвиняю излишество моего честолюбія. Счастіе ослѣпило очи мои. Столько славныхъ подвиговъ дѣлали миѣ всякое сопротивленіе неспособнымъ; а сіи самые подвиги утомляли отечество, хотя раздробленное, но общее. Ласкатели,—язва государей, питая слабости мои, приуготовляли бѣдствіе народа. Напрасно именованіе Боголюбскаго и великолѣпіе священныхъ зданій свидѣтельствуютъ мое благочестіе. Государь, угодиѣйшій Высочайшему Существо, есть тотъ, который посвятилъ все труды и желанія свои благополучію народа.

КОНСТАНТИНЪ И ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧИ.

Раздѣленіе и междоусобіе столь бѣдственны государству, что, отлучая выгоды одной части отъ пользы общественной, они предають его безъ защиты въ жертву первому непріятелю, который захочетъ поработить его.

Константинъ. О, несчастіе! о, мой любезный братъ! раны твои еще каплють кровію! Твоя безсмертная душа не можетъ еще освободиться совершенно отъ ужаса и отчаянія, которыя омрачили послѣднее явленіе жизни твоей. Въ сихъ объятіяхъ воспріими спокойствіе. Нѣкогда непріятель твой, по несчастнымъ раздорамъ наслѣдства, по всегда чувствуя въ себѣ неизмѣняющуюся нѣжность брата, Константинъ вдвое чувствуетъ свое блаженство, срътая тебя въ семь небесномъ жилищѣ, гдѣ ненависть и злоба забываются безвозвратно и души воспоминають единую любовь свою.

Георгій. Я имѣю нужду во всей силѣ ея, чтобъ утѣшиться и здѣсь въ претерѣнныяхъ мною потеряхъ. Супруга, дѣти, сродники, Владимиръ — и, что я говорю? Россія, Россія мною потеряна. Народъ ужасный, неизвѣстный (Татары имя ихъ), изліясь изъ странъ столько же дикихъ, какъ они, разбили воинства російскія, порознь и безъ согласія враждующими князьями имъ противопоставленныя. Я ласкался — горестный обманъ! — избавить отъ свирѣнства ихъ частныя мои владѣнія, не содѣйствуя сильнымъ образомъ

Мстиславу Кіевскому и, другому, Мстиславу Галицкому, котораго пламенный духъ болѣе ускорилъ жребій Россіи, нежели остановилъ его, несчастнымъ сраженіемъ при Калкѣ. Я оставался между тѣмъ во Владимірѣ въ обманчивомъ спокойствіи. Думали, что сіе разлитіе варваровъ исчезло: они возвратились страшнѣе, предводительствуемые Батыемъ. Ослѣпленіе мое миновалось на краю бездны. Я поспѣшаю перейти Волгу и расположить станъ мой на берегахъ Сити. Они уже разорили столицу мою и ужасныя вѣсти приходятъ ко мнѣ вмѣстѣ со тмами силъ, которыми я и воинство мое низлагается.

Константинъ. Должно повиноваться съ благоговѣніемъ судьбамъ Всевышняго. Народы, такъ, какъ человѣки въ особенностяхи, подвержены многимъ искушеніямъ несчастія, и переходятъ медлительно различныя степени отъ слабости и невѣжества къ силѣ и просвѣщенію. Но я не могу льстить тебѣ. Кончину свою ты не можешь причитать себѣ въ несчастіе. Ты удерживалъ паденіе отечества хотя единое мгновеніе, — и того довольно. Кто согласится пережить вольность и славу земли своей? Жизнь есть бремя и позоръ для того, кто ею могъ и не хотѣлъ спасти отечества. Греція была также угрожаема неволю Персовъ. Но она имѣла Леонида. Леонидъ шелъ на извѣстную смерть и вкусилъ ея славу. Что произвела бы ему долгая жизнь превосходнѣе и величественнѣе безсмертія, которымъ онъ наслаждается?

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И МИХАИЛЬ ТВЕРСКОЙ

Жертвовать честолюбіемъ благу отечества есть истинная слава героя.

Александръ. Все, что я ни слышу, наполняетъ меня ужасомъ и сожалѣніемъ. Любезное отечество! недовольно того, что грады твои низпровержены Батыемъ, поля утучнены россійскою кровію и священное величество твое приняло съ негодованіемъ иго чуждаго народа: надобно еще, чтобъ и въ бѣдствіи своемъ поднимало ты само на себя виновныя руки! Несчастные и честолюбивые чада мои, Михаилъ, Георгій! вмѣсто того, чтобъ препираться другъ съ другомъ о печальномъ первенствѣ и слова разверзаты язвы отечества вашего, вводя въ него татарскія силы, зачѣмъ не старались вы, такъ, какъ я, исцѣлять изнеможеніе его спокойствіемъ, согласіемъ и покорностію вашему печальному жребію? Я самъ ходилъ въ Орду сію, для васъ только бѣдственную. Но я ходилъ не для того, чтобъ клеветать на братій моихъ и испрашивать себѣ престолы ихъ. Я ходилъ для умягченія свирѣпства Ордынскаго, для удержанія руки Батыевой, угрожавшей новыми ударами Россіи огорченной и къ рабству своему еще не привыкшей. Въ семъ видѣ всѣ униженія казались мнѣ спосны. Я забылъ личныя преимущества героя, сіи славныя

побѣды надъ Шведами, которыя пріобрѣли мнѣ наименованіе Невскаго, и въ общемъ несчастіи помнилъ только, что я сынъ отечества. Сей образъ мыслей, безкорыстный и возвышенный, принудилъ и варвара къ удивленію, и Батый долженствовалъ чтить меня въ самомъ моемъ униженіи.

Михаилъ. Честолюбіе наше, переживъ вольноеть отечества, сдѣлало насъ игралищемъ хановъ. Кровь наша, вмѣсто того, чтобъ литься на ратномъ полѣ, для низверженія позорнаго ихъ владычества, была проливаема въ Ордѣ слугами жестокости ихъ и самовластія, какъ кровь презрѣннаго преступника. Георгій Даниловичъ дѣйствовалъ противъ меня силою и хитростію. Подкрѣпленный супружествомъ Кончаки, сестры Узбековой, онъ осаждаетъ меня въ Твери. Я дерзаю устремиться на Татаръ, руссійское мужество оживаетъ, Кавгадый бѣжитъ. Царевна Кончака плѣнница въ рукахъ моихъ. . . . Благородное сердце твое, Александръ, не можетъ участвовать въ обидномъ подозрѣніи, чтобы я былъ виновникомъ ея смерти. Отягченный толь мрачнымъ злодѣйствомъ, имѣлъ ли бы я сію твердость, внушаемую невинностію, съ которою предсталъ я на судъ Узбековъ? Я не хочу оскорбить слуха твоего изображеніемъ всѣхъ мукъ, претерпѣнныхъ мною. Едва вѣроятно, чтобы человекъ могъ услаждаться терзаніями другихъ.

Александръ. Удалимъ отъ себя сіе неважное воображеніе; утѣшимся происшествіями

счастливейшими. Владычество толь дикаго народа не можетъ быть долговременно. Упадаетъ сія нестройная громада подъ собственною своею тяготою, между тѣмъ какъ просвѣщеніе, законы и нравы, сооружая зданіе свое медлительно, возведутъ Россію на степень величія, нами еще незнаемую. Россіяне, рожденные въ лучшія времена, будутъ искать и не найдутъ на берегахъ волжскихъ сего пышнаго становища ордынскаго, куда Александръ путешествовалъ, и гдѣ Михайль Тверской окончилъ несчастную жизнь свою.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Для спасенія отечества мало государю воинскихъ добродѣтелей: тотъ, котораго мудрость руководствуется справедливостію, великодушіемъ, кротостію, трудолюбіемъ, тотъ одинъ оставляетъ правленіе свое эпохою славы и благополучія народа.

Александръ. Вотъ первое мгновеніе, въ которое сердце мое сладостно успокоивается въ объятіяхъ государя-побѣдителя, доказавшаго отечеству, что оно можетъ низвергнуть недостойныя свои узы. Долго видѣлъ я ужасомъ князей потомковъ моихъ, иногда храбрыхъ, но унижающихся предъ Татарами, открывающихъ имъ постыдныя междоусобія свои, судимыхъ, изгоняе-

мыхъ, умерщвленныхъ. . . . Загладимъ, если можно, въ памяти нашей сѣи отвратительныя происшествія. Струи донскія омыли позоръ нашъ. Изумленный Темникъ-Мамай, трупами татарскими покрытое поле Куликово и загражденная ими Цепрядва утѣшаютъ героевъ нашихъ, отважившихся рѣшить судьбу отечества при Калкѣ. Какъ полководецъ благоразумнѣйшій и не менѣе храбрый воинъ, ты подвергалъ опасности драгоценную жизнь свою, и долго участники побѣды твоей оплакивали тебя неотыскавшаго между трупами убитыхъ.

Димитрій. Провидѣніе, даровавшее Россіи побѣду, благоволило сохранить жизнь мою. Я не исключалъ ея изъ жертвъ, посвященныхъ мною съ первой минуты правленія отечеству. Я не искалъ славы, отдѣленной отъ славы онаго, ни другаго счастья, кромѣ общаго блага. Какъ глава князей російскихъ, иногда я припужденъ былъ подкрѣплять право мое оружіемъ; но покорность полагала конецъ ополченію моему. Утѣснитель юности моей, Димитрій Константиновичъ Суздальскій, испыталъ благодѣянія мои и явилъ себя ревностнѣйшимъ другомъ моимъ, Князь Михаилъ Александровичъ Тверской, возбужденный наследовавшею враждою къ Московскому Престолу, сильнѣй союзомъ Литвы и дарованіями Ольгерда, видѣлъ себя въ рукахъ моихъ и Тверь, угрожаемую приступомъ; но онъ зналъ, что защита его въ сердцѣ моемъ, и что кровопролитіе, самое справедливое, было мнѣ неважно.

Рожденный для дружества, я имѣлъ въ сродникѣ моемъ, князь Владимірѣ Андреевичѣ, сіе неоцѣненное благо, — друга. Одинъ изъ приближенныхъ моихъ, Бренковъ (съ принужденіемъ я на то согласился), умеръ въ битвѣ за меня и въ моей одеждѣ. Въ мирѣ хотѣлъ я создать блаженство отечества. Москва становилась часъ отъ часу достойнѣе быть столицею государства. Уже возвышаясь, каменный Кремль заступалъ мѣсто деревяннаго. Несчастный! долженъ ли былъ я видѣть варваровъ въ Москвѣ, пламень, пожирающій зданія ея? Свирѣпый Тохтамышъ, низложивъ остатки Мамаева воцества, умышляетъ печальною набѣга удивить мужество російское. Тщетно предприемлю воспротивиться грозящему удару. Уже не нахожу въ князьяхъ того усердія, котораго показали они недавно блестящіе опыты подъ счастливымъ моимъ начальствомъ. Безсильный защитить столицу, уклоняюсь въ Кострому, чтобъ дать пройти стремленію, котораго я не могъ удержать. Только раздѣленіе государства и взаимная зависть владѣтелей препятствуетъ общему благу!

Александръ. Все предвѣщаетъ мнѣ, что источникъ раздоровъ сихъ скоро изсякнетъ. Орды испытываютъ то же несчастіе раздѣленія. Москва, которой суждено начальство въ Россіи, соберетъ въ область свою ослабѣвающіе удѣлы. Возстанетъ въ потомствѣ твоёмъ и моемъ великій мужъ, который возобновитъ тебя и устыдится за отцовъ своихъ, преклонявшихъ вѣно подъ игомъ

хановъ. Сколь ты меня счастливѣе! Я принялъ государство только впадшее въ неволю; отъ тебя зачало оно воздымать главу свою и низвергать оковы.

ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ЮАННЪ ВАСИЛЬЕ- ВИЧЪ,

(СКОПИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА).

Качества одного челоѣка премѣняютъ иногда судьбу народовъ, и государство, надъ которымъ великій челоѣкъ владычествуеъ, возвышается.

Владиміръ. Сипъ тѣни героевъ и князей россійскихъ, которые были честію поколѣній своихъ, удаляются, кажется, изъ почтенія къ намъ обоимъ, и оставляютъ насъ единыхъ. Какое наслажденіе для меня, занять бесѣдою мою первыя твои мгновенія въ жилищѣ блаженныхъ! Пять столѣтій, раздѣляющихъ бытіе наше на землѣ, не произвели ни какого различія между душами нашими. Тѣ же чувствованія славы, любви отечества, царскаго долга одушевляли насъ обоихъ. Я оставилъ Россію владычицею отъ моря Варяжскаго до горъ Венгерскихъ, приближающуюся скорымъ шествіемъ къ просвѣщенію. Ты изъ неволи вознесъ се къ владычеству, дающую законы Татарамъ, приводящую въ тренеть

Ливонію и Польшу. Ты хотѣлъ украсить искусствами Россію, толь долго томимую междоусобіемъ и певолею. Но я раздѣлилъ ее; ты соединилъ въ монархію сильную и исцѣлилъ язву, мною причиненную.

Іоаннъ. Должно чувствовать истинное величіе въ душѣ своей, чтобы не бояться униженія въ признаніи погрѣшностей. Сіе единое слово открываетъ мнѣ Владиміра, того, который, бывъ насыщенъ славою владычества и побѣдъ, чувствуетъ жажду истины. Верховный разумъ его оскорбляется признавать въ безсильномъ кумирѣ Создателя и Правителя вселенной. Побѣдитель толь многихъ народовъ, не стыдится просить наученія у другихъ. Въ Римъ, въ Царьградъ, въ Болгары отиравляются послы его. Сердце его убѣждается свѣтомъ истины, и пространный край Сѣвера замѣтствуетъ возвышеннѣйшія понятія кротости, человеколюбія, отъ примѣра монарха. Увлеченный нравами времени своего, ты хотѣлъ быть справедливымъ, раздѣляя между сынами своими владычество. Мудрый Ярославъ то же дѣлаетъ послѣ тебя. Рожденный въ такое время, когда бѣдственныя опыты цѣлыхъ столѣтій свидѣтельствовали противъ есго вреднаго правила раздѣленія; когда многіе прежде меня покушались безнолезно соединить раздробленныя части государетва; пользуясь ежедневно возрастающею силою московскаго престола, ослабленіемъ княжескихъ родовъ и междоусобіемъ Татаръ, я отрѣшилъ систему удѣловъ,

и счастливымъ, но необходимымъ насиліемъ, соединилъ въ единой особѣ власть цѣлаго государства.

Владимиръ. Слава твоя совершенна тѣмъ, что ты умѣлъ соединить пользу государственную съ человеколюбіемъ. Увѣренный въ побѣдѣ, ты желалъ лучше быть обязанъ успѣхомъ благоразумію своему, нежели оружію. Ты созидалъ съ терпѣніемъ и наслаждался будущимъ. Съ какою кротостію обуздалъ ты своеволие Новагорода! Съ какою осторожностію пріобрѣтеніемъ Твери совершилъ цѣлость государства! Но ты сіяешь славою мужества, когда, поправъ позорную Басму, наводишь ужасъ на Ахмета на берегахъ Оки и Угры, и въ самой Ордѣ полагаешь конецъ ея владычеству.

РОМАНЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЗАХАРЬИНЪ И ОКОЛЬНИЧІЙ АДАШЕВЪ.

Любовь народа есть превосходнѣйшее наслажденіе государей. Торжества, рукоплесканія, безмолвіе рабства повелѣваются страхомъ; любовь заслуживается одною добродѣтелью.

Романъ Юрьевичъ. Какое уныніе омрачаетъ лицо твое, добродѣтельный Адашевъ? Сохранивъ непоколебимое спокойствіе духа въ самой тѣн-

ности, здѣсь ли будешь удрученъ горестію? Неспособный къ худому дѣлу, ты видѣлъ приближеніе кончины своей, какъ вечеръ прекраснаго дня. Долѣе оставленный на землѣ, ты могъ бы служить еще отечеству, подавая мудрые совѣты государю своему, опечаленному потерей моей любезной Анастасіи. Я чувствую всю его утрату. Но тотъ жилъ довольно, кто жилъ только для добродѣтели.

Адашевъ. Ни жизни не жалѣю, ни сей довѣренности, которой лишили меня подлые ласкатели. Но я не могу вспомнить безъ негодованія, что они окружаютъ навѣтами своими Іоанна. Духъ его, бодрый и дѣятельный, но пылкій и насильственный, былъ умѣряемъ кроткими пріятностями дочери твоей. Теперь страсти его не имѣютъ сего счастливаго обузданія: страхъ окружилъ престолъ его. Рожденный для вознесенія Россіи надъ сосѣдственными странами, онъ не украшаетъ славы сей любви достойными добродѣтелями родителя и дѣда. Ты помнишь, съ какимъ снисхожденіемъ Василій наказывалъ виновныхъ вельможъ своихъ, Бѣльскаго, Глинскаго, уступая одному правосудію, не увлекаясь мщеніемъ. Славный завоеватель Казани, предаваясь порывамъ запальчивости, забываетъ умягчать владычество свое любовію подданныхъ. Свободная истина не смѣетъ приблизиться къ престолу его. Подлая души, которымъ униженіе ничего не стóятъ, воздвигли кругомъ его непроницаемую преграду. Друзья отечества удалены ужасомъ. Отецъ па-

рода не оскорбляется именованіемъ Грознаго. Окруженный бесполезною стражею опричниковъ, онъ самъ начинаетъ чувствовать тотъ ужасъ, который въ другихъ вселяетъ. Ты видишь меня падшаго жертвою клеветы, и весь родъ мой, подверженный той же опалѣ.

Романъ Юрьевичъ. Чувствительная Анастасія, какимъ ударомъ поразить тебя сіе измѣненіе супруга твоего! Казань, Астрахань, Сибирь преклоняютъ колѣна свои: онъ не можетъ воспретить бурямъ души своей! Потомство будетъ взирать съ удивленіемъ на великаго человека, который хотѣлъ и могъ дать новое существованіе народу своему. Первый изъ царей былъ бы первымъ изъ государей, ежели бы не восхотѣлъ править жестокостію, если бы ко властвованію надъ государствомъ присоединилъ другое владычество, не менѣе трудное, — надъ самимъ собою.

БОЯРИНЪ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ И ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ КОСЬМА МИНИЧЪ МИНИЦЪ.

Для гражданина нѣтъ степени знаменитѣйшей, какъ неоцѣненное счастье способствовать спасенію отечества жертвами личной корысти, имущества, спокойствія, здравія и жизни.

Мининъ. Мой другъ, мой герой вселяется въ жилищѣ добродѣтели и счастья. Бояринъ и князь

не гнушался еще и въ той жизни дружбою и сообществомъ незнатнаго купца нижегородскаго. Моя ревность къ отечеству въ глазахъ твоихъ служила мнѣ вмѣсто благородства. Что я говорю? Общее наше достоинство гражданина поставило меня выше прелестей частнаго прибытка, а тебѣ дало силу, по избавленіи отечества, уклониться отъ престола. Скажи, величественный другъ мой, что дѣлаетъ юный царь нашъ, сынъ храбрыхъ Романовыхъ, котораго бояре и народъ возвели на чреду потомковъ Рюрика и Владиміра? Отдыхаетъ ли Россія послѣ толь многихъ язвъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ благословеннымъ царствованіемъ, котораго я видѣлъ только начало?

Князь Пожарскій. Нѣтъ сомнѣнія, труды наши не пропали. Кроткій Михаилъ, руководствуемый опытностью родителя своего, Филарета Никитича, которому для уваженія не надобно было патріаршескаго сана, врачуетъ тишиною Россію утомленную. Неважныя уступки гордымъ врагамъ ея, которыя, можетъ быть, возвратятся съ лихвою, доставляютъ ей теперь драгоцѣннѣйшее благо — миръ. Земледѣліе и торговля цвѣтутъ въ тѣни его. Долгое безначаліе уступитъ порядку. Успѣхи военнаго искусства замѣтуются отъ иностранныхъ и еще болѣе одушевляютъ неустрашимость Россіянъ. Скоро сіе огромное государство возвысится величественнѣе послѣ бѣдствій своихъ, и удивитъ кичливую Европу. Заглядятся кровавые слѣды самозванцевъ, чудовищъ, которыя мстили злодѣйство Годунова. Не-

понятно будетъ счастливѣйшимъ потомкамъ, что Шведы были въ Новѣгородѣ и Поляки въ Москвѣ, и что оба народа сіи мечтали дать государя Россіи. Вспомнятъ, что между развалинъ государства Мининъ возсталъ на спасеніе его и великодушнымъ жертвованіемъ самого себя воспламенилъ Пожарскаго. Нѣтъ, мой другъ, пусть бы состояніе твое было еще ниже: какой Россіянинъ, какой гражданинъ произнесетъ имя твое безъ особливаго уваженія? Украсивъ тебя званіемъ думнаго дворянина, царь почтилъ самъ себя. Возвысить тебя было не можно.

Мининъ, Такимъ образомъ истинное героическое наслаждается похвалами, которыя расточаетъ! Какой полководецъ показалъ болѣе дарованій и въ лучшемъ дѣлѣ, какъ побѣдитель Ходкевича въ осадѣ Москвы? Кто снисходительнѣе раздѣлилъ славу свою съ соперникомъ, какъ ты съ Трубецкимъ? Съ какою прозорливостью обнялъ ты цѣлое государство, съ самаго того мгновенія, какъ гражданство нижегородское умолило тебя воспріять начальство надъ воинствомъ, которое въ пѣдрѣ его составилось! Съ одной стороны удерживалъ ты грабежи Заруцкаго, съ другою надзиралъ надъ хищеніемъ Понтуса де-ла-Гардія. Ты прощталъ безчисленный народъ московскій въ самое то время, когда осаждалъ его. Но сего довольно. Рюрикъ, Владиміры, Димитрій, Іоанны нетерпѣливо желаютъ видѣть спасителя Россіи.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ И АРХИЕПИСКОПЪ НОВОГОРОДСКІЙ ТЕОФАИЪ ПРОКОПОВИЧЪ, ПЕРВЕНСТВУЮЩІЙ ЧЛЕНЪ СУНОДА.

Служители Всевышняго Существа, исполняя съ благоговѣніемъ торжественный долгъ свой, должны наслаждаться въ спокойствіи покровительствомъ законовъ и, не касаясь гражданственной власти, возвышать души ученіемъ и исправлять сердца кротостію.

Никонъ. Чувствованія мои будутъ конечно вразумительны тому, кто былъ послѣ меня знаменитѣйшимъ украшеніемъ Церкви россійской, кто къ священному ученію присовокупилъ мірскія дарованія учености, шельменъ, обхожденія. Удивительный витія, дѣловой человекъ, царедворецъ, ты наслаждался такою же милостію у государя своего, Петра Алексѣевича, какою удостоивалъ меня родитель Его, Царь Алексѣй Михайловичъ. Но ты счастливѣе меня умѣлъ до конца сохранить довѣренность Его и сіять еще въ послѣдующія царствованія. Подобно какъ я, держалъ ты кормило Церкви, и тебѣ недоставало только имени патриарха.

Теофанъ. Принадлежа болѣе къ великолѣпію, нежели къ святости богослуженія, оно отрѣшено навсегда въ Россіи. Введенное бесполезнымъ соревнованіемъ съ Греками въ слабое царствованіе Θεодора Іоанновича, уваженное особою Филарета Никитича, патриаршеское достоинство ста-

повилось другою верховною властью въ государствѣ. Ты самъ испыталъ, что величайшія добродѣтели не защищаютъ насъ отъ честолюбія. Можетъ быть, зависть, которую возбудилъ ты сіяющими дарованіями, суевѣріе, оскорбленное просвѣщеніемъ твоимъ, приписали тебѣ замыслы, въ которыхъ ты не былъ виновенъ. Но ты не можешь отрицать, чтобы вліяніе въ государственныя дѣла не огорчило дней твоихъ. Побѣдитель Польши, присовокупитель Малороссіи и Смоленска, Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ снести терпѣливо отпора, который учинили Шведы подъ Ригою, и неудачи войны были возложены на того, кто присовѣтовалъ ее. Самовольное уединеніе твое было истолковано возмущеніемъ, и строгій соборъ низвелъ тебя съ патріаршескаго престола, который занималъ ты столь достойно.

Никонъ. Спокойствіе духа моего было порукою моею невинности. Удаляясь отъ величія и шума дѣлъ въ создаемомъ мною Воскресенскомъ монастырѣ, хотѣлъ я чапомнить прежніе дни мои, когда, будучи юнымъ отшельникомъ, исполнялъ я все строгости иноческой жизни. Ревнуя сохранить отъ забвенія дѣянія російскія, я употребилъ досугъ мой на снесеніе въ одинъ списокъ Нестора и послѣдовавшихъ ему лѣтописателей даже до моего времени. Злобные цевѣкды возбудили гоненіе противъ меня. Но Царь Теодоръ Алексѣевичъ, столько же знаменитый истребленіемъ мѣстничества и учрежденіемъ московской академіи, какъ и тѣмъ, что назначилъ преемни-

комъ своимъ младшаго брата своего, Петра, облегчилъ жребій мой и возстановилъ память. Одно сожалѣніе остается незагладимо въ сердцѣ моемъ то, что мои церковныя исправленія служили невиннымъ поводомъ къ расколу; и я сиѣшу узнать отъ тебя, приведены ли наконецъ сіи подлые суевѣры въ послушаніе Церкви?

Ееофанъ. Успѣхамъ просвѣщенія, кроткой силѣ слова оставлено снятъ съ очей ихъ мракъ заблужденія. Повелѣвать совѣсти есть дѣло мучителя. Долго темноты инквизиціи и гордое не терпѣніе духовныхъ были безчестіемъ кроткой Вѣры. Творческій духъ Петра Великаго открылъ въ Россіи свободное пребываніе всѣмъ народамъ и исповѣданіямъ. Счастливецъ Лудовика XIV, онъ не былъ увлеченъ пустыми состязаніями духовныхъ и не жертвовалъ фанатизму благосостояніемъ государства. Въ глазахъ нашихъ совершилась перемѣна, которой вы не воображали. Внезапу Россія вступила на чреду просвѣщеннѣйшихъ народовъ европейскихъ и поколебала равновѣсіе ихъ. Превзойдены честолюбивѣйшія надежды Алексѣя. Побѣдоносное войско соединило устройство съ храбростью. Моря отверзты Россіянамъ. Въ самомъ рожденіи своемъ Санктпетербургъ сіяетъ войною, торговлею, искусствами, именемъ основателя своего. Новые нравы присвояются многочисленнымъ народомъ. Именованія Отца Отечества, Великаго Императора, приносятся народомъ Его и подтверждаются другими. Ежели онъ не издалъ Уложенія, такъ, какъ Царь

Алексѣй Михайловичъ, то частныя учрежденія Его, любовь правосудія и введеніе новыхъ правъ не менѣе заслуживаютъ имя Законодателя.

ГОРАЦІЙ И КНЯЗЬ АНТЮХЪ ДИМИТРИЕВИЧЪ КАНТЕМИРЪ.

Народы достигаютъ истинной славы единственно тогда, какъ могущество ихъ украсится письменами и просвѣщеніемъ.

Гораций. Наслажденія, которыя скромный другъ мой, Виргилій, обѣщалъ въ величественныхъ пѣсняхъ своихъ героямъ, благодѣтелямъ челоуѣчества и душамъ чувствительнымъ къ прекрасному, мы вкушаемъ нынѣ совершенно въ сихъ рощахъ спокойныхъ и счастливыхъ. Стихотворцы перемѣшаны съ героями, которыхъ они воспламеняли мужество или воспѣвали славу. Приготовленные обхожденіемъ Музъ къ чувствованію истиннаго блаженства, и на землѣ еще будучи, мы не полагали счастья такъ, какъ невѣжды, въ пріобрѣтеніи тлѣнныхъ удовольствій роскоши и богатства. Мы искали, что истинно и прилично, и сообщали соотечественникамъ своимъ сей вкусъ прекраснаго и любовь мудрости, которыя составляютъ отличіе просвѣщеннаго народа. Услаждая слухъ Августовъ звуками лиры

моей, я вливалъ въ душу его кротость и любовь славы. Послѣдую стопамъ моимъ, ты забавлялъ Россіавъ, и сказывалъ истину смѣясь. Ты открылъ имъ поприще шесменъ, и останешься болѣе известенъ тѣмъ, что ты былъ первый стихотворецъ своего народа, нежели тѣмъ, что ты представлялъ величество его въ Англіи и Франціи.

Князь Кантемиръ. Лестнѣйшія мои желанія исполнены: бесѣдую съ Горациемъ. Я могу сказать тебѣ изустно, сколько плѣняли меня стихи твои, снисходительная мудрость, тонкое остроуміе придворнаго и величественный духъ стихотворца, соревнователя греческой лиры. Въ столѣтіи, столько же просвѣщенномъ, сколь развратномъ, ты умѣлъ возобновить легкія игры Анакреоновы, пламенное выраженіе Сафы и смѣлыя паренія Пиндара. Творецъ новаго рода стихотворства, ты далъ намъ полную систему правоученія самаго здраваго въ посланіяхъ остроумныхъ и естественныхъ. Какъ порицатель беззлобный, въ сатирахъ своихъ осмѣивалъ ты пороки и щадилъ порочныхъ. Законодатель вкуса, ты останешься вождемъ стихотворцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Чувствовать красоты твои было мое достоинство; перенести ихъ въ мой отечественный языкъ,—покушеніе раннее и ожидающее успѣха отъ позднѣйшихъ писателей. Примѣ стихосложеніе не имѣло правилъ своихъ; языку не доставало избранности и благородства. Въ нѣдрахъ прекраснаго языка лежали сокровища его не открыты. Уроженецъ крайняго Сѣ-

вера (кто бы подумалъ?), сынъ земледѣльца — видишь сію величественную тѣнь, бесѣдующую съ Цицерономъ и Галилеемъ — Ломоносовъ даровалъ согласіе и величество Слову російскому. Сія другая тѣнь, послѣдующая издали Расину, Сумароковъ, испыталъ языкъ трагедіи и сотворилъ множество пріятностей, заимствованныхъ изъ общества. Ихъ слава возбудила удачныхъ соперниковъ. На берегахъ Невы и Волги повторяются пѣсни, слышанныя прежде при источникахъ Аретузы. Россіянинъ умѣетъ побѣждать и воспѣвать свои побѣды. Письмена воспитываютъ чувствительное юношество и обѣщаютъ народу просвѣщеніе, добродѣтели и счастіе.

ОШЫТЫ ИСТОРИИ.

ОПЫТЫ ИСТОРИИ.

УЧЕНИЕ ИСТОРИИ.

Исторія не есть бесполезное знаніе маловажныхъ приключеній, которыя случились съ какимъ нибудь частнымъ человѣкомъ, или обществомъ, и которыхъ вліяніе не простиралось далѣе тѣсныхъ предѣловъ его дѣятельности. Исторія, заслуживающая сіе названіе, представляетъ народы, сіи великія семейства человѣческаго рода, проходящія постепенно различные возрасты и состоянія, которыя находятся между грубости дикаго, состоящаго въ непосредственномъ покровительствѣ природы, и между просвѣщеннаго гражданина, который силенъ соединеніемъ своимъ съ тысячами, наслаждается въ спокойномъ обществѣ возвышеннѣйшимъ состояніемъ благополучія, какое только суждено человечеству. Отдаленная отъ предразсужденій, отъ ненависти, отъ ласкательства, ревностная для единой добродѣтели, страшная для порока, Исторія обязана истиною человѣческому роду. Она представляетъ будущимъ поколѣніямъ примѣры прошедшаго. Подобно какъ зажигаютьъ огни на островахъ и

возвышеніяхъ среди моря, усыпаннаго каменьями, для избавленія мореплавателя отъ неминуемаго кораблекрушенія: такъ Исторія возноситъ свѣтильникъ свой надъ преткновеніями, которыя угрожаютъ государствамъ бѣдствіями и разрушеніемъ. Она служитъ вмѣсто опытности государственному человѣку. Ни какая опытность не можетъ замѣнить помощи, доставляемой Исторіею. Правители были бы сожалѣнія достойны и болѣе еще несчастливы народы, ежели бы каждое новое поколѣніе, лишенное свѣдѣній о предшествовавшихъ дѣлахъ, должно было запасать само для себя трудную и опасную опытность. Исторія дѣлаетъ насъ современниками отдаленнѣйшей древности. Можно сказать, что мы лучше знаемъ составленіе, пособія и несовершенства сихъ древнихъ правленій, нежели тѣ самые, которые были дѣйствителями: не для того, чтобъ имъ не доставало проицанія, но затѣмъ, что ни какіе предразсудки времени и народнаго пристрастія не измѣняютъ въ глазахъ нашихъ настоящаго свойства дѣйствій, и потому, что мы имѣемъ выгоду видѣть все происшествія, приведенныя къ заключенію ихъ и составляющія одно цѣлое. Все причины имѣли полное дѣйствіе и ничего не оставлено дополнить догадкамъ.

Такимъ образомъ можемъ судить справедливо о Римѣ и Кароагенѣ; и хотя знаемъ происшествія сіи по однимъ римскимъ историкамъ, до насъ дошедшимъ, мы умѣемъ исправлять пристрастныя повѣствованія побѣдоноснаго народа

уваженіємъ множества побочныхъ обстоятельствъ, памятью дѣлъ и предпріятій сей враждебной республики, которой бытіе и гибель имѣли столь великое вліяніе на безопасность и твердость Рима, и предположеніемъ сей общей слабости всѣмъ враждующимъ между собою народамъ, которою они побуждаются скрывать погрѣшности свои и увеличивать подвиги. Такимъ образомъ мы чувствуемъ теперь, какимъ ударомъ поразили республику вельможи римскіе, когда, противясь всѣми силами предпріятіямъ Гракховъ, они показали явственно народу, что они движимы страстію владычества и раздѣляютъ пользы свои съ пользами народа. Съ тѣхъ поръ чернь римская, безъ пропитанія, безъ пристанца и именемъ однимъ владычца вселенной, видѣла себя рабствующею вельможамъ, которые были сильнѣе царей. Безпрестанные заговоры честолюбивыхъ, увѣренныхъ, что дерзость ихъ будетъ подкрѣплена скудною чернью; собранія народа, превращенныя въ явленія междоусобія и убійства; новыя чиновначальства подъ предлогомъ возстановленія республики; легіоны въ полномъ шествіи противъ Рима; консулы противъ консуловъ и орлы враждебные орламъ, — таковы были ужасныя ступени, по коимъ республика римская, потерявшая права свои, низвержена была съ верху сіянія и величія своего. Великіе люди, участвовавшіе въ приготовленіи или совершеніи сихъ дѣйствій, увлекаемые стремленіемъ вещей и собственными страстями, не могли исчислить вреда, который

нанесли они отечеству. Полезные зрители сего великаго и минувшаго позорища, мы не имѣемъ нужды въ дарованіяхъ Катона и Цицерона, чтобъ опредѣлить настоящія причины несчастій, коихъ они не могли предупредить, и чтобы порицать съ основаніемъ умяство одного и ослѣпленіе другого. Погрѣшности великихъ людей становятся разительнымъ наставленіемъ для насъ. Ихъ добродѣтели, безкорыстная преданность отечеству, отверженіе частныхъ выгодъ, строгая справедливость, возжигая въ сердцахъ нашихъ искру соревнованія, возвышаютъ насъ къ сообществу сихъ величественныхъ образцовъ. Ихъ чувствованія становятся нашими посредствомъ удивленія, которое они внушаютъ, и добродѣтель въ дѣйствіи принимаетъ для насъ живой образъ и знакомыя черты.

Благородно то сердце, которое удостоиваетъ сладостными слезами несчастную добродѣтель и прахъ героевъ каждаго вѣка и каждой страны! Оно достойно само пріобрѣсти безсмертіе дѣлами великими и полезными, и снискать въ потомствѣ то же состраданіе и почтеніе, которыя оно воздавало предшественникамъ своимъ. Какія выгоды настоящей жизни могутъ войти въ сравненіе съ неподобною честію служить великимъ примѣромъ и жить въ Исторіи! Чины и внѣшнія отличія могутъ быть снискиваемы происками и привлекаютъ одно вниманіе современниковъ. Слава, истинная слава, вписываетъ имена любимцевъ своихъ въ яѣтописи вселенной. Какой на-

родъ, какое столѣтіе будутъ столь несчастливы, чтобъ до нихъ не дошли имена Аристиды и Эпаминонда, Циціона и Марка Аврелія, Генриха IV и Сюлли, Тюреня и Густавовъ, и того, которымъ Россія приняла новое бытіе, Петра Великаго? Неравные обыкновеннымъ людямъ, они зачинаютъ по смерти другое долгое существованіе въ памяти людей, и смерть лишаетъ ихъ только слабостей человѣка. Всѣ роды знаменитости исчезаютъ предъ славою; и мало быть владѣтелемъ вселенной, ежели владычество сіе не снискано достоинствомъ и заслугами. Тѣ, которые не были полезны на престолѣ, Сарданаполи, Калигулы, живутъ только для того въ Исторіи, чтобъ устрашать примѣромъ своихъ послѣдователей. Вотъ для чего ученіе Исторіи принадлежитъ преимущественно къ главнѣйшимъ ученіямъ государственнаго человѣка! Онъ долженъ неотмѣнно занять въ ней мѣсто свое; и ежели не заслужитъ быть примѣромъ подражанія, то осужденъ быть примѣромъ отвращенія. Онъ можетъ выбрать въ ней по изволенію достойный образецъ, съ которымъ душа его имѣетъ болѣе сродства и съ которымъ болѣе другихъ желалъ бы онъ сходствовать. Такъ какъ обхожденіе людей, съ коими каждый день обращаемся, непримѣтно сообщаетъ намъ нравы ихъ и обыкновенія, такъ равно Исторія, доставляя намъ обхожденіе великихъ людей, которые дѣлали честь вѣкамъ своимъ, возвышаетъ души наши къ подражанію ихъ дѣламъ. Такимъ образомъ

Александръ Великій имѣлъ при себѣ неотлучно Иліаду, которой чтеніе воспаменяло его новымъ мужествомъ. Просвѣщенные и знаменитые Римляне дѣлили время свое между службою республики и ученіемъ. Юлій Цесарь писалъ походы свои съ неподражаемою красотою слога (великій Конде по нихъ учился). Лукулль, современникъ Цесаревъ, побѣдитель Митридата, одного изъ царей, страшныхъ Риму, одолженъ по большей части успѣхамъ своими великимъ свѣдѣніямъ своимъ и ученію Исторіи.

Но ежели великіе люди всѣхъ народовъ служатъ намъ примѣрами, коль несравненно болѣе должны насъ возбуждать къ и хвальнымъ дѣніямъ предки наши, которые имѣли одно съ нами отечество? Какому герою древности уступаетъ сей Пожарскій, который, презрѣвъ раши свои и силу непріятелей, повинуется призыванію отечества и возстановляетъ его изъ развалинъ, вездѣ присутственъ, все предвидя и все преодолевая своимъ благоразуміемъ? Какой гражданинъ знаменитѣе Косьмы Минина, который изъ неизвѣстнаго мѣщанина становится спасителемъ отечества? Какой государственный человекъ былъ великодушнѣе въ общемъ несчастіи, благоразумнѣе въ правленіи, какъ Филаретъ Никитичъ, котораго добродѣтели заслужили роду его царство Россійское? Государство, спасенное твердостію и мужествомъ, возникло и увеличилось при бодромъ правленіи Алексѣя Михайловича. Но силѣ нашей не доставало сіянія искусствъ

и вѣжливости нравовъ, которыя сдѣлались отличіемъ Европы. Можно ли одному человѣку переродить цѣлый безчисленный народъ? Вотъ что сдѣлалъ Петръ Великій! Цѣлыми столѣтіями подвинулъ Онъ Россію впередъ, и что стоило долговременныхъ опытовъ другимъ народамъ, то даровалъ Онъ, такъ сказать, въ одно мгновеніе своему. Россіянамъ запрещало обыкновеніе переходить предѣлы своего отечества: Онъ былъ первый государь, который оставилъ престолъ, чтобъ путешествовать и принести своею особою искусства и нравы. Россія не входила въ равновѣсіе Европы: царствованіе Его заняло всѣ ея дѣянія. Нелюбопытные предки наши полагали невѣжество въ числѣ преимуществъ знатности: Петръ Великій засѣдаетъ въ Парижѣ между академиками и вводитъ науки въ Новую Землю. Онъ сотворилъ у насъ военное искусство, политику, кунечество, руководѣлія, мореходцевъ, предводителей, государственныхъ людей. Изображеніе такого царства, противоположеніе древнихъ нравовъ съ новыми, исчисленіе того, что сдѣлалъ Петръ Великій и что послѣ себя дѣлать оставилъ, заслуживаетъ ли вниманіе? Послѣдовать стопамъ Его по пространству Россіи представляетъ ли разуму пріятную и полезную пищу?

Сіи разсужденія подають намъ поводъ заключить не безъ основанія, что ежели ученіе Исторіи вообще посвящаетъ насъ въ тайнства сердца человѣческаго, представляя намъ страсти без-

престанно воюющія противъ началъ строгихъ и постоянныхъ истины и благоразумія, то особенная Исторія отечества привязываетъ насъ къ нему неразрывными узами собственной нашей пользы, общественной славы, домашнихъ примѣровъ, которые толь часто превращаются въ правила поведенія и составляютъ духъ народный.

О ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХЪ.

(О Т Р Ы В О К Ъ).

Въ наши дни чувствительнѣе, нежели когда нибудь прежде, Философія излагаетъ наблюденія свои въ нѣдро письменъ. Исторія перестаетъ быть простымъ исчисленіемъ дѣлъ сухихъ и бесплодныхъ. За картиною, по которой скользятъ быстрыя происшествія человѣческаго рода, скрывается наблюденіе точное и пронзательное, открывающее въ порядкѣ дѣйствій порядокъ началъ и правилъ умственныхъ, сливающее дѣла однородныя въ одну послѣдовательную нить и означающее каждому изъ оныхъ свою причину. Какъ прежде Картезій и Галилей и столько мужей, послѣдовавшихъ стезямъ ихъ, обратили Философію на ученіе происшествій природы: такъ славные историки, современники наши, предше-

етвуемы Махіавелемъ, освѣщаемы Болингброкомъ, Гюмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, Фергюсонъ, Гиллисъ, обезоруживающій критику волшебствомъ слога, превозносимый ими Монтеスキю, Мабли и сходящійся съ нимъ одинаковостію вкусовъ, другъ его и Жанъ-Жаковъ, Кондильякъ, люди верховнаго достоинства, обратили Философію на изученіе человѣка въ обществѣ. Ихъ сочиненія, какъ простыя и величественныя драмы, имѣютъ единство намѣренія, одно какое нибудь великое преобращеніе человѣческаго рода, которое представляютъ они въ полномъ свѣтѣ, изъятые, такъ сказать, изъ середины тумана омрачающихъ его приключеній, недостойныхъ уваженія философа. Гиббонъ предложилъ себѣ описать постепенный упадокъ и разрушеніе Римской Имперіи на Западѣ и Востокѣ и довести человѣческій родъ до послѣдней черты униженія. Робертсонъ, открывая себѣ отраднѣйшее поле, зачинаетъ ежели не тамъ, гдѣ тотъ перестаетъ, по крайней мѣрѣ съ ощутительной точки сіянія и новаго величества, къ которому начинаютъ устремляться народы европейскіе съ знаменитой эпохи царствованія Карла V. Такимъ образомъ Исторія, совершая торжественный расколъ съ лѣтописью, не удостоиваетъ послѣдовать боязливо наслѣдственному порядку государей, не оставившихъ ей ничего, кромѣ имени, и смѣшавъ ихъ съ толпою толь многихъ тѣней государскаго достоинства, переходитъ съ поспѣшностію къ происшествіямъ, сдѣлавшимъ эпоху во нравахъ и благо-

состояніи челоуѣчества. Изысканія хронологіи, предметъ всегда драгоцѣнный для учености безъ униженія, оставляютъ мѣсто Исторіи, которая между Нравоученія и Политики передаетъ безсмертію честь и позоръ челоуѣчества. Ея проищаніе долженствуетъ изобразить безпрестанное колебаніе добродѣтелей и пороковъ, съ которыми восходитъ или унижается благополучіе народное; первое исхожденіе слабыхъ и разсѣянныхъ нисыменъ въ гражданскія общества; положеніе законовъ, столь близко отъ рожденія обществъ начало свое имѣющихъ, полезное и вредное ихъ вліяніе; замѣняющіе ихъ обряды и обычаи; нравы которыхъ потеря есть знакъ гибели народной. Исторія есть наука по превосходству государя и гражданина. Какой философъ не удостоитъ унизиться къ воспріятію на себя послѣдняго имени! Довольно быть челоуѣкомъ, чтобъ узнать себя во всѣхъ дѣянїяхъ челоуѣческаго рода и трепетать попеременно объ опасностяхъ Рима и Карфагена. Въ противность нравовъ непросвѣщенныхъ, Исторія самихъ непріятелей нашихъ намъ полезна, и предпріятія ихъ противъ насъ самихъ подають вамъ тысящи разныхъ наставленій. Отыми различія народныя; незагладимыя черты челоуѣка останутся. Насъ отдичають, такъ же какъ и одѣянїя, помѣстныя обычаи, предразсужденія, различныя степени просвѣщенія; по основаніе сего, разумъ и воля остаются тѣ же самыя. И сквозь покрывало свойствъ придаточныхъ, характера пріобрѣтен-

паго, удобно назначить рисунокъ наготы, состояніе челоуѣка вообще. Времена отдаленнѣйшія въ челоуѣческой памяти подають самоудобнѣйшій поводъ для упражненія мечтательности философа въ изображеніи естественнаго состоянія. Чѣмъ менѣе осталось свидѣтельствъ подробныхъ и письменныхъ, тѣмъ болѣе заемлется она предположеніями и вѣроподобіями. И позднее потомство любитъ находить патріархальныя права въ стихахъ Мильтоновыхъ и вымыслахъ Геснеровыхъ. Съ торжественнымъ удивленіемъ воспоминаемъ мы начатки искусствъ: стѣны Вавилонскія и колыбель вселенныя, родину перваго челоуѣка, мѣста, орошаемая Евфратомъ. Древнія времена и происшествія производять отъ самаго отдаленія своего неудобовыразимое уваженіе. Тамъ срѣтается величество съ простотою и самый вымыселъ занимаетъ нѣчто отъ истины. Счастливыя басни Грековъ передаются изъ вѣка въ вѣкъ и забавляютъ старость міра. Происшествія, покрытыя завѣсою древности, не могутъ быть приневолены къ составленію одной непрерывной цѣпи съ дѣяніями послѣдовавшими, перешедшими изъ преданій въ письменные памятники Исторіи. Она болѣе принадлежитъ къ области вдохновеннаго и величественнаго стихотворства, какое было первымъ языкомъ мудрецовъ, законодателей, основавшихъ общества между челоуѣковъ, Орфея, Амфіона, Лина. Сіи времена, составляющія среднюю между басни и Исторіи, отличающіяся именемъ героическихъ,

имѣютъ единую достойную себя Исторію — творенія Гомеровы. Въ нихъ видны впечатлѣнія свѣжія природы великой и прекрасной и выраженіе страстей, еще непритупленныя искусствомъ обхожденія. Цари, украшающіеся жезломъ и именемъ пастырей народовъ, бесѣдуютъ со старцами, какъ равные имъ, и не почитаютъ оскорбительнымъ ихъ сану заниматься въ семействѣ своемъ упражненіями самыми обыкновенными. Таково должно было быть царство въ началѣ своемъ, когда образовалось съ примѣра отца семейства. Политическіе законы происходили изъ первыхъ внушеній естественныхъ. Состояніе царское и пастырское сливались воедино. Народъ, упражненный пасеніемъ стадъ, обязанный необходимо перемѣнять мѣстопробыванія и держаться направленія рѣкъ, не могъ быть многолюденъ. Простота нравовъ и правленія всегда въ соразмѣрности съ многочисленностію. Понятія о силѣ царствъ и народовъ, нынѣшнимъ временамъ свойственныя, неправо прилагаются къ происхожденію первыхъ обществъ. Побѣда надъ звѣрями сдѣлала перваго героя. Она приуготовила прекрасное поле искусствъ и основанія городовъ.

ИСТОРИКИ ДРЕВНОСТИ.

Первые писатели въ Греціи были стихотворцы. Согласіе стиховъ удобнѣе впечатлѣвало въ памяти преданія славныхъ дѣлъ, украшенныя прелестями воображенія. Гомеръ неподражательнымъ превосходствомъ твореній своихъ помрачилъ всѣхъ предшественниковъ. Послѣ него явился первый писатель большаго сочиненія въ прозѣ. Геродотъ есть древнѣйшій творецъ, котораго исторія дошла до потомства. Въ прозѣ пользовался онъ многими преимуществами стихотворца, не различая довольно строго пріятныхъ вымысловъ отъ истины. Съ первыми дѣянiями соотечественниковъ своихъ соединилъ онъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Египтянахъ и Персахъ. Образъ писанія его есть средина между эпического стихотворства и исторiи, естественъ, пріятенъ, иногда высокъ. Славное отраженіе Персовъ Греками заключаетъ достойнымъ образомъ сочиненіе его, раздѣленное на 9 книгъ, названныхъ именами Музъ, изъ уваженія къ онымъ. Свидѣтелемъ восторга, произведеннаго чтеніемъ Геродотовыхъ твореній на Олимпійскихъ Играхъ, былъ юный Аѳинянинъ Фукидидъ, и слезы соревнования ознаменовали въ немъ преемника и соперника Геродотова. Въ лѣтахъ зрѣлой мудрости, полнѣе опытности, и послѣ трудовъ гражданской

жизни, Фукидидъ приступилъ къ писанію Исторіи. Несчастливый въ выборѣ предмета — ибо онъ описывалъ Пелопоннезскую войну, которая, воспламенена будучи честолюбіемъ Спарты и Афинъ, погубила Грецію, — Фукидидъ воспретилъ себѣ все то, что могло служить къ украшенію, и описывалъ бѣдствія строгою кистью Исторіи. Въ заточеніи, подобно ему, любви достойный ученикъ Сократовъ, Ксенофонтъ, продолжалъ исторію Фукидида до Мантинейской Битвы. Последующіе вѣки Греціи, утѣсненной и рабствующей, не произвели историковъ, которые могли бы съ ними войти въ сравненіе. Полибій, другъ Сципіоновъ и спутникъ его при разореніи Карфагена, избралъ въ предметъ сочиненій своихъ градоправительство и подвиги Рима. Въ немъ не столько удивляются краснорѣчію, какъ поучаются знанію дѣлъ и гражданской мудрости. Діонисій Галкарнасскій посвятилъ также Риму труды свои. Сей славный народъ соревновалъ наконецъ въ другомъ превосходствѣ, кромѣ воинскаго, въ успѣхахъ письменъ. Первый Салюстій избралъ примѣромъ себѣ Фукидида, и съ тою же точностію и важностію описалъ смутныя времена республики. Но изъ исторіи его имѣемъ мы только два повѣствованія: о войнѣ Югуртовой и заговорѣ Катилининомъ. Титъ Ливій приложилъ все величество краснорѣчія къ дѣламъ царствующаго народа. Тацитъ, рожденный во времена Тирановъ, которые другъ за другомъ посрамляли престоль Августовъ, предалъ зло-

дѣйства ихъ безсмертію рачительнымъ и важнымъ слогомъ. Краткость выраженія его полна смысла. Все возвыщаетъ въ немъ глубокое знаніе человѣческаго сердца. Безъ страха, безъ ненависти, въ счастливыя времена Нервы и Траяна, изображалъ онъ хитрую жестокость Тиберія, слабоуміе Клавдія и свирѣпства Неронова. Тою же кистью, которою писалъ развращеніе просвѣщеннаго народа, украсилъ онъ простые нравы и происшествія Германцевъ, которые въ дѣсахъ своихъ сохранили неповрежденные нравы естественнаго человѣка. Далекъ отъ Тацита, въ разсужденіи ненависти къ лести, былъ Веллей Патеркуль, который обезобразилъ прекрасное сокращеніе Исторіи похвалами Сяна и Тиберія. Юстинъ, сокративъ пространное сочиненіе Помпея Трога, писателя вѣка Августа, былъ причиною, что подлинникъ не дошелъ до нашего времени. Флоръ изобразилъ въ краткой картинѣ происшествія республики, писатель болѣе красивый, нежели важный. Почитатель Александра Великаго, болѣе нежели историкъ, Квинтъ-Курцій собиралъ отовсюду цвѣты для соплетенія вѣнца своему герою. Описатели житія славныхъ людей занимаютъ въ поприщѣ писемъ менѣе сіяющее мѣсто, нежели дѣписатели; но могутъ быть весьма полезны, если умѣютъ привлекать вниманіе къ особеннымъ качествамъ великихъ мужей. Таково было достоинство Плутарха, который, будучи одушевленъ безпрестанно скромною мудростью и любовью добродѣтели, исправляетъ серд-

це наставительными своими повѣствованіями. Римляне имѣютъ въ семь родѣ превосходнаго писателя, знакома Цицеронова и Аттикова, Корнелія Непота, который сдѣлалъ краткость выраженія своего драгоценною слоюмъ чистымъ и классическимъ. Записки Юлія Кесаря, сія учебная книга полководцевъ, не могутъ назваться Исторіею; но, по замѣчанію Цицеронову, онѣ приведутъ въ отчаяніе того, кто вздумаетъ писать изъ нихъ Исторію.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ ДИКОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Періодъ, въ который племена процвѣтаютъ, означаетъ высокую степень просвѣщенія, которой какой либо народъ достигнулъ. Отъ обитателя Огненной Земли до Европейца разстояніе безмѣрно; однако отъ сей точки устремился и послѣдній. Первые шаги сокрыты непроходимую темнотою: ближайшіе къ намъ переходы изъ дикости въ гражданскую жизнь сохранены преданіемъ и Исторіею. Мы видимъ Грековъ, еще разсѣянныхъ въ лѣсахъ и питающихся жолудями. Мы знаемъ имена тѣхъ, которые изобрѣли земледѣліе и простѣйшія заведенія. Какая разность между сими Греками и Греками Периклова вре-

мени! Когда Фидій оживлялъ мраморъ, Парразій заставлялъ дышать полно волшебствомъ кисти, Платонъ возвышалъ души красотою добродѣтели, безсмертныя драмы Софокла и Еврипида представляли слияніе философіи, музыки и стихотворства. Что было тогда остатокъ Европы? — скудные и слабыя племена дикихъ, занятыя единственно существованіемъ настоящаго мгновенія, скитались по непроходимымъ лѣсамъ ея и болотамъ. Ни какого общества, ни какихъ преданій. Для нихъ Исторія пѣтъ, или она состоитъ вся въ томъ, что повѣствуютъ современные наши путешественники о дикихъ Американцахъ. Возмужавъ въ сильномъ варварствѣ, Галлы ужасали звѣрообразнымъ видомъ тѣлъ своихъ побѣдоносный Римъ. Двѣ тысячи лѣтъ спустя, потомки ихъ, въ сіяющей вѣкѣ Людовика XIV, стали образцами вѣжливости, краснорѣчія и искусства. Честолюбіе государя сего, сильное покровительство, которое онъ иньменамъ оказывалъ, личная его слава и благородство, болѣе нежели въ какой другой землѣ, послужили къ установленію и очищенію вкуса. Явились великія дарованія въ стихотворствѣ и замѣтвовали всѣ пріятности и тонкости учтивѣйшаго двора. Невѣжество перестало быть преимуществомъ. Языкъ сдѣлался предметомъ общественнаго соревнованія. Стыдно было благородному человѣку не умѣть говорить и писать съ особливою чистотою. Неслыханныя успѣхи драматическаго искусства распространили въ обществѣ любовь просвѣщенія и вкуса.

Примѣтно правы публики становились чище и строже. Корнель выгналъ изъ комедіи подлыя шутки и подавалъ уроки величества души въ своихъ римскихъ трагедіяхъ. Мольѣръ, тѣмъ болѣе философъ, чѣмъ болѣе скрывалъ правоученіе подъ покровомъ смѣшнаго, произвелъ неподражаемыя образцы въ знаніи людей. Строгій Буало наказывалъ бичемъ сатиры посредственныхъ писателей, которые имѣли, вмѣсто дарованія, одну только охоту писать. Но никто не соединилъ столько чистоты вкуса съ волшебствомъ слога, столько знанія сердца съ некуствомъ расположенія, какъ нѣжнѣйшій другъ его, Расинъ. Пораженъ съ младенчества красотами древнихъ, онъ сообщилъ языку своему все ихъ величіе и пріятность. При началѣ своемъ не осмѣлился онъ ввѣриться своему дарованію и послѣдовалъ столамъ Корнелевымъ въ двухъ первыхъ своихъ трагедіяхъ, Ои-ваидъ и Александръ. Свергнувъ сіе принужденіе, явился онъ во всей полнотѣ духа своего въ Андромакъ. Соперникъ Еврипидовъ, показалъ онъ въ первый разъ страсти, достойныя трагедіи, характеры, особливо женщины; приличныя и живыя чувствованія на мѣсто умствованій и надутости. Въ ней можно было предвидѣть неподражаемаго творца Ифигеніи и Федры.

ГЕРОИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

Медлительно человѣческій родъ преходилъ степени, которыми дикій возвышается къ просвѣщенію гражданскаго общества. Повѣсти всѣхъ народовъ начинаются временемъ слабости и невѣжества. Первыя дѣла героевъ были побѣды, одержанныя надъ звѣрьми. Геркулесъ носилъ кожу льва, котораго онъ растерзалъ въ лѣсу немейскомъ. Греки сохранили имена тѣхъ, которые были ихъ учителями въ первыхъ и необходимыхъ искусствахъ общежитія, — доказательство, что было такое время, въ которое не имѣли они ни малѣйшаго понятія объ оныхъ.

Преданія сего народа, навсегда достопамятнаго, извѣщаютъ насъ, что предки ихъ, разсѣянные въ лѣсахъ, не знали употребленія хлѣба и питались плодами древесными. Въ какомъ величественномъ образѣ долженъ былъ предстать имъ благодѣтельный человѣкъ, который доставилъ имъ способности вѣрнаго и здраваго пропитанія! Отсюда начались божественныя чести, опредѣленныя всеобщою благодарностью, наставнику земледѣлія Триптолему, сообщнику Цереры.

И дѣйствительно, земледѣліе во всѣхъ народахъ есть важный шагъ къ просвѣщенію. Оно дѣлаетъ человѣка постояннымъ жителемъ извѣстнаго пространства земли; оно даетъ болѣе точности понятію владѣнія и собственности: поле, орошенное потомъ земледѣльца, становится

наслѣдствомъ дѣтей его. Нечувствительно стѣсняются пріятные союзы общества. Должности родителей, супруговъ, согражданъ начинаютъ владычествовать. Приходитъ время, когда законы являются въ обществѣ для сохраненія спокойства и безопасности его. Послѣ множества перемѣнъ, нравы, мнѣнія, правила освящаются временемъ и прелесть искусствъ встрѣчается со славою и благодепствіемъ государствъ.

Исторія Грековъ, болѣе нежели какая либо другая, сохранила свѣдѣнія о томъ, какими степенями установилось раждающееся общество между ними. Счастливые разумы, которымъ дала рожденіе Греція, украсили чертами чудеснаго первыя предпріятія племени своихъ и героевъ. Соплетенное имъ баснословіе столь нѣжно, что оно не возбраняетъ видѣть истину сквозь тонкій покровъ вымысловъ. Удивленіе, съ которымъ дикіе обитатели Греціи взирали на первыихъ пришельцевъ изъ Египта и Финикіи, было столь велико, что они почли вождей ихъ, Инаха, Кекропса, Кадама, существами выше человека и подъ именемъ героевъ включили ихъ въ число безсмертныхъ. Сии знаменитыеноплеменники принесли начальныя понятія искусствъ и общежитія на берега, которые имъ дали убѣжище.

Простота нравовъ не защищала ихъ однако отъ прельщеній честолюбія и отъ волненія страстей, которымъ тѣмъ болѣе предавались, чѣмъ менѣе были въ состояніи размышлять о пагубныхъ ихъ слѣдствіяхъ. Часто личныя ссоры и

отмщенія распростирались на цѣлыя общества. Лапины и Кентавры превращаютъ торжественные обряды брака, къ которому они приглашены были, въ позорище брани. Люди, которыхъ чувствованіе силы дѣлало свирѣпыми, уединялись въ лѣса и пещеры, чтобъ производить оттуда внезапныя нападенія на неосторожныхъ путешественниковъ. Знаменитые юноши, которыхъ храбрость управляема была великодушіемъ, взяли на себя искорененіе сихъ изверговъ и защищеніе безсильныхъ. Геркулесъ сражался повсюду съ возраждающимся чудовищами, или когда мгновеніе слабости перерывало полезныя труды его, Тезей очищалъ дороги Аттики и разилъ исполновъ свирѣпыхъ. Безпокойство, которое одушевляло сіяющее юношество греческое, выскивало для нихъ безпрестанно новые подвиги и предприятия. Собраніе витязей соединяется въ Тессаліи и умышляетъ, подъ предводительствомъ Язона, проникнуть во внутренность Евксинскаго Понта, для похищенія златаго руна, стерегомаго царемъ колхидскимъ. Они сооружаютъ сей славный корабль, отъ котораго они получили названіе Аргонавтовъ и который теперь еще даетъ имя свое одному изъ созвѣздій. Тифисъ, образецъ кормчихъ, управлялъ мореплаваніемъ ихъ, между тѣмъ какъ полкъ героевъ: Целей, Тидей, Теламонъ, бессмертные сыновья Леды, божественный Орфей и толь многіе другіе — сражался съ окружающими племенами, или исполнялъ повелѣнія его на морѣ; несчастная волшебствами Медея облег-

чила побѣду Язону и была заплачена неблагодарностью.

Воображеніе, отверзтое всѣмъ вліяніямъ чудеснаго, не паходило ничего невѣроятнаго во мнимой силѣ волшебства и въ предсказаніяхъ будущаго. Не начинали дѣла нѣкоторой важности, не вопросивъ прорицалища. Установилось непосредственное сообщеніе между неба и человѣковъ. Но бѣдствія, которыя отвратить желали, часто привлекаемы были сею нетерпѣливостью любопытства. Тивы были тому несчастнымъ примѣромъ. Эдипъ, сынъ царя Лаіа и супруги его, Іокасты, отвергается съ самаго младенчества отъ дома родительскаго, затѣмъ что боги предсказываютъ ему ужаснѣйшія злодѣйства. Самыя старанія, которыя употребляютъ для отвращенія оныхъ, преобразуются въ средства для совершенія предсказанныхъ злополучій. Преступникъ безъ вины, Эдипъ изгоняется вторично изъ отечества и находитъ убѣжище и конецъ несчастій своихъ въ покровительствѣ Тезсеевомъ. Между тѣмъ два сына его, Этеокль и Полиникъ, остаются на шаткомъ престолѣ. Ненасытное честолюбіе возжигаетъ между ими пламенникъ ненависти и междоусобія. Этеокль не хочетъ подвергнуться закону, который предписывалъ каждому изъ братьевъ царствовать погодно, Полиникъ, подкрѣпленный оружіемъ Адраета, царя аргосекаго, котораго дочь взял онъ въ супружество, приноситъ войну къ стѣнамъ тивскимъ.

ГРЕЧЕСКІЯ УСТАНОВЛЕНІЯ.

Какимъ чуднымъ образомъ соединялись въ Греціи суевѣріе, мудрость, искусства, тѣлесныя упражненія, игры и государственныя учрежденія! Чувствительное и нѣжное воображеніе Грековъ украшало все, къ чему ни прикасалось. Законодатели заимствовали прелесть стихотворства, чтобъ впечатлѣть въ сердцахъ согражданъ строгія свои наставленія. Музыка употребляема была средствомъ воспитанія и приведенія страстей въ пріятное согласіе. Прибавка или убавка струнъ на лиръ Тимоѳеовой обрашали на себя вниманіе думы лакедемонскихъ старцевъ. Они боялись, чтобъ новое введеніе въ музыкѣ не привлекло за собою вредной перемѣны нравовъ. Греки, обитатели Малой Азіи и роскошной Іоніи, сносили терпѣливо рабство иноплеменниковъ и утѣшались необузданною любовью искусствъ. Вольные Греки боялись, чтобъ сія волшебная сладость роскоши, перешедъ къ нимъ отъ ихъ сосѣдей, не ослабила, подобно какъ въ нихъ, мужества, и не погубила бы нравовъ, славы и политическаго существованія. Раздѣленныя учрежденіями своими на малыя независимыя области, республики греческія соединялись въ одинъ неразрывный союзъ противъ окружающихъ варваровъ, сродствомъ нравовъ, любовью отечества и просвѣщеніемъ. Онѣ чувствовали нужду напоминать другъ другу

общее происхожденіе и обязанности оборонять себя отъ нападенія варваровъ. Для сего-то установлены были у нихъ сіи торжественныя собранія, освященныя именемъ цѣлаго народа, или союза народовъ, черезъ нѣсколько времени отправляемыя со всѣми обрядами благочестиваго праздника, при храмѣ покровительствующаго божества. Изящныя дарованія могли являться тамъ во всемъ своемъ сіяніи и наслаждаться плесками великаго стеченія народа. Такимъ образомъ Пиндаръ, увѣнчавъ побѣдителей на Играхъ Олимпійскихъ, упивался самъ похвалами собранной Греціи. Геродотъ, отецъ Исторіи, читалъ творенія, которыхъ сладость заслужила поситъ на себѣ имена Музъ, и будущій его послѣдователь и соперникъ, молодой Фукидидъ, въ безчисленной толпѣ слушателей проливалъ слезы соревнованія. Апеллесъ и Зевксисъ странствовали по градамъ греческимъ, представляя повсюду образцы красоты и принимая должную имъ дань удивленія; между тѣмъ какъ люди краснорѣчивые останавливали толпы народа, открывая имъ сокровище размышленій своихъ о важныхъ тайнствахъ естества, о свойствѣ правленій и нравовъ. Философія была для Грековъ одно изъ увеселеній. Великолѣпныя амфитатры вмѣщали народъ чувствительный и просвѣщенный, который судилъ, часто безъ пристрастія, Софокла и Еврипида, и опредѣлялъ дарованію пальму побѣды. Сіи забавы входили въ число священныхъ обрядовъ, и похвальныя пѣсни боговъ-защитниковъ возгла-

шаемы были хорами, которые никогда не остав-
 ляли театра. Начальствовать въ общихъ празд-
 нествахъ почиталось отличіемъ знаменитаго граж-
 даина, и благородныя дѣвы аонскія блистали
 лучшими украшеніями своими, нося на головахъ
 корзины съ приношеніями Церерѣ. Сія благо-
 творная богиня даровала смертнымъ сокровища
 земли и законы. Она утаповила сіи величествен-
 ныя тайны елевзинскія, которыя представляли
 посвященнымъ отрадное изображеніе безсмертія
 и будущей жизни. Многіе храмы въ Греціи от-
 крыты были для убѣжища несчастнымъ и сла-
 бымъ, гдѣ они могли покаяніемъ очищать со-
 вѣсть свою отъ невольныхъ преступленій и лас-
 кать себя прощеніемъ Божества. Нѣсколько дней,
 проведенныхъ въ уединеніи, постѣ и моленіи, при-
 готовляли кающагося къ совершенію очиститель-
 ныхъ жертвъ. Такимъ образомъ человеколюби-
 вое суевѣріе примиряло несчастныхъ самихъ съ
 собою, и дѣлало ихъ менѣе порочными въ гла-
 захъ множества.

ПРЕДПРИЯТІЕ АННИБАЛА ПРОТИВЪ РИМА.

Едва вѣроятно, чтобъ одинъ человекъ могъ
 столько приключить опасности народу сильному и
 торжествующему, сколько умѣлъ нанести Риму
 поражений и бѣдствій славный полководецъ кар-

оагенскій, Аннибалъ. Введя отечество своею личною дерзостью въ войну трудную и опасную, онъ извлекалъ изъ собственныхъ дарованій, хитрости, дѣятельности и постоянства, безпрестанно возраждающіеся способы. Долгое время счастливый ужасомъ имени своего, онъ былъ остановленъ въ успѣхахъ медленіями Фабія, счастливыми дерзостями Марцелла, и наконецъ долженъ былъ уступить превосходнѣйшему уму Сципіона Африканскаго, который его же хитростями побѣдилъ его, приблизивъ войну къ стѣнамъ карфагенскимъ, такъ какъ Аннибалъ ласкался побѣдить Римлянъ въ Италіи.

Превосходство, которое пріобрѣлъ народъ римскій надъ Карфагеномъ въ первой Пунической Войнѣ, и которое простеръ онъ, можетъ быть, далѣе предѣловъ справедливости, заставивъ уступить себѣ Сардинію и прибавивъ новыя денежные требованія послѣ мирныхъ постановленій, оскорбляло знаменитыхъ людей и любителей отечества, которые оставались еще въ Карфагенѣ. Изъ таковыхъ былъ Амилькаръ, отецъ Аннибаловъ, вождь искусный и предприимчивый, который, начальствуя надъ войсками въ Испаніи, старался возвратить тамъ потери отечества и, приговоря издали войну Риму, воспиталъ дѣтей своихъ въ той же ненависти, которою самъ былъ наполненъ къ сему враждебному граду. Аннибала, еще отрока, заставилъ онъ клясться при жертвенникѣ боговъ, быть во всю жизнь свою непримиримымъ сопостатомъ Римлянъ. Блестящія

дарованія Аннибаловы едѣлали клятву сію важною. Мало было полководцевъ, которые соединяли бы въ такой высокой степени огонь предпримчивости съ хладнокровіемъ въ дѣйствіи, нестощимымъ изобиліемъ способовъ и хитростей, и болѣе всего съ непреодолимою твердостью въ неудачахъ и превратностяхъ счастія. Онъ умѣлъ равно пользоваться мѣстами и свойствами людей, противъ которыхъ сражался. Шестнадцать лѣтъ колебалъ онъ силы и совѣты Рима, господствуя при вратахъ его, устремляя на него собственныхъ его союзниковъ и доставляя самъ себѣ войска и способы существованія. Съ сожалѣніемъ принужденъ онъ былъ повиноваться повелѣніямъ карфагенскаго сената, позвавшаго его изъ Италіи, чтобъ защитить отечество дома противъ оружія Сципіонова, и Римляне боялись Аннибала, уже изгнанника, странствующаго изъ одной земли въ другую, пока сыскался малодушный Прузій, который согласился нарушить святость гостепріимства и выдать великаго челоуѣка въ несчастіи. Самовольная смерть была тогда убѣжищемъ Аннибаловымъ.

Избранный войскомъ и республикою въ предводителя, въ цвѣтущемъ возрастѣ, двадцати четырехъ лѣтъ, послѣ сродника своего, Асдрубала, два года испытывалъ онъ силы свои въ покореніи окружныхъ народовъ испанскихъ; въ третье лѣто перешелъ рѣку Иберъ, — крайнюю черту подвиговъ карфагенскихъ, и осадилъ Сагунтъ, союзный городъ римской республики. Плачевный

жребій Сагунта былъ знакомъ войны между двухъ сильныхъ народовъ. Старшій изъ пословъ римскихъ, введенныхъ въ сенатъ карфагенскій, Фабій, сложивъ полу одежды своей, сказалъ: «Приношу вамъ миръ и войну; возьмите, что вамъ угодно.» — «Дай, что ты хочешь,» воскликнули старшійшины карфагенскіе. — «И такъ, даю вамъ войну,» сказалъ Фабій, потрясая на нихъ опущенный край своей тоги.

Тогда два консульскія воинства назначены противъ Карфагена. Сципіонъ долженъ былъ остановить успѣхи Аннибаловы въ Испаніи. Семпроній посланъ въ Сицилію, дабы оттуда перенести войну въ Африку. Но едва Сципіонъ успѣлъ высадить войско изъ кораблей у Марселіи, уже слухъ о Аннибалѣ, перешедшемъ Пирнейскія Горы, срѣтаетъ консула. Оба полководца удивлены взаимною дѣятельностью, и отряды конницы, посланные для открытія непріятеля, по кровопролитномъ сраженіи, приносятъ каждый въ станъ свой извѣстіе о приближеніи противнаго войска. Но между тѣмъ какъ Сципіонъ поспѣшаетъ на встрѣчу къ Аннибалу, чтобъ рѣшить дѣло битвою, Аннибалъ столько же поспѣшно удаляется отъ стана своего вверхъ по Ронѣ и переходитъ рѣку сію противъ многочисленнаго войска Галловъ, которые хотѣли заградить ему переходъ и которые, обойдены будучи съ тыла отрядомъ Аннибаловымъ, разсѣялись стремительно. Сколько трудностей долженствовалъ онъ преодолѣть въ походѣ своемъ между дикихъ и враждебныхъ

народовъ, имѣя войско, составленное изъ людей разноплеменныхъ! Трудности увеличились несравненно, когда теченіе рѣкъ привело его къ верхамъ Альпійскихъ Горъ, вѣчно покрытыхъ снѣгами, гдѣ люди, тягости и еіи огромныя животныя, которыхъ онъ влекъ съ собою — слоны, безпрестанно подвержены были опасности низринуться въ глубокія бездны; гдѣ многочисленныя обитатели, занимая высоты и проходы, угрожали подавить войско низвергаемыми каменьями. Изъ ста тысячъ, съ которыми онъ вышелъ изъ Новаго Кароагена, двадцать пять только пришли съ нимъ на берега Пада. Но искусство и прозорливость предводителя умѣли приготовить имъ благосклонное пріятіе между Галловъ, обитающихъ у подошвы Альпійскихъ Горъ. Они ожидали ихъ такъ, какъ избавителей отъ ига римскаго. Сіе расположеніе Галловъ много способствовало къ доставленію Аннибалу первыхъ успѣховъ, которыми онъ открылъ толь счастливо войну въ Италиі, и которыхъ бѣдственнаго впечатлѣнія Римъ не могъ загладить столь долго.

Сципіонъ заслуживалъ быть противникомъ Аннибалу рѣшительностью, съ которою возвратился онъ немедленно въ Италию и представился Аннибалу, нисходящему съ Альпъ. Но онъ долженъ былъ оставить часть войска своего съ братомъ въ Испаніи и дополнить недостатокъ новонабранными людьми.

На берегахъ Тицина была первая битва, въ которой римскій духъ уступилъ превосходству

Аннибала и не могъ одолѣть его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ Аннибалъ шествовалъ безпрепятственно чрезъ блаты Этруріи, утесы Апеннина, между бурь и громовъ, уважая только судьбу Рима и не дерзнувъ осадить его. Тогда получили печальную для Римлянъ знаменитость урочища, прославленныя пораженіями ихъ и превосходнымъ искусствомъ Аннибала, Требія, Тразимень и болѣе всего Канны, гдѣ погибли легіоны, — надежда Рима, и съ ними обрешійся року консуль Эмилий, который не могъ обуздать буйности товарища своего, Варрона, и желалъ умереть, велѣвъ сказать Фабію, что онъ былъ вѣренъ наставленіямъ его и старался бесполезно удержатъ надъ стремнною плачевный рокъ отечества: Фабій, великій человекъ, великій предводитель, который одинъ возстановилъ было отечество медленностью, но котораго осторожный способъ войны не угоденъ былъ тщеславію народному.

Къ Аннибалу обратились селенія и грады великой Греціи, и дерзкій царь македонскій Филиппъ хотѣлъ, соединясь съ нимъ, раздѣлить его побѣды. Тогда Магонъ, вѣстникъ побѣды при Каннахъ, разсыпалъ въ храмѣ карфагенскаго сената кольца убіенныхъ всадниковъ римскихъ, требуя свѣжихъ войскъ Аннибалу. Но ежели въ самомъ дѣлѣ столь велика побѣда его — говорили противники Аннибаловы — пускай воспользуется онъ ею къ заключенію славнаго мира.

Карфагенскіе старѣйшины не знали общественнаго духа Римлянъ. Слѣдуя неизмѣняемому правилу отцевъ, сіи гордые республиканцы славились непреклонностью въ несчастіяхъ, такъ же, какъ въ счастіи умѣренностью. При несказанномъ бѣдствіи, постигшемъ республику при Каннахъ, при ужасѣ, при изумленіи первой вѣсти, когда не кому было стать на стѣны Рима, дабы защитить ихъ отъ Аннибала, ежеминутно ожидаемаго, счастіе и слава Аннибалова достигли высочайшей степени. Фабій велитъ занереть врата градскія, велитъ быть общему молчанію и тишинѣ, женамъ и дѣтямъ остаться въ домахъ своихъ и ожидать спокойно извѣстія о частныхъ уронахъ въ общемъ бѣдствіи, между тѣмъ какъ сенатъ, не расходясь, слушалъ вводимыхъ вѣстниковъ, приходящихъ съ мѣста пораженія. Когда наконецъ извѣстно стало, что консуль Варронъ, виновникъ толкаго бѣдствія, собралъ около десяти тысячъ воиновъ, — печальный остатокъ битвы, тогда сенатъ, повелѣвъ ему приблизиться къ граду, встрѣтилъ его торжественно, благодаря, что онъ не отчаялся о республикѣ.

Столь великодушный, сколь политическій поступокъ могъ служить Аннибалу отвѣтомъ на упрекъ одного изъ вождей его, Магарбала, который, видя отвергаемый совѣтъ свой идти къ Риму отъ Каннъ, сказалъ ему: «Боги даровали тебѣ, Аннибалъ, искусство побѣждать; но они не открыли тебѣ тайнства пользоваться побѣдою.» Какъ бы то ни было, роскошь Канн, отворивъ,

шей врата свои Аннибалу, и плѣнительный воздухъ Кампаніи умягчили свирѣное мужество кароагенскаго воища. Самыя побѣды сдѣлали его, можетъ быть, болѣе надменнымъ и менѣе терпѣливымъ къ наблюденію подчиненности и къ трудамъ военнымъ, между тѣмъ какъ Римляне, подстрекаемые стыдомъ уступить въ силѣ народу, прежде уничиженному, видя сильнаго непріятеля среди своихъ собственныхъ владѣній, напрягали послѣднія силы къ защитѣ отечества. Къ строгой важности и благоразумію Фабія присоединилось тогда пылкое мужество Маркелла, который первый возбудилъ надежду Римлянъ послѣ бѣдствія при Каннахъ, отразивъ Аннибала отъ стѣнъ колеблющейся Нолы и разсѣявъ ужасъ между виновныхъ союзниковъ Рима. Провождаемый восторгомъ согражданъ своихъ, явился онъ въ Сициліи, возставшей по смерти Героповой и готовой предаться Кароагену. Блистая неутомимою дѣятельностью, по долговременной осадѣ моремъ и землею, Маркеллъ входитъ въ Сиракузы, богатая и безпокойная, не смотря на чудесное искусство Архимеда.

Нимало не устрашаемый близостию предприимчиваго Аннибала, Римъ обращаетъ повсюду силы свои и возвышается съ опасностями. Между тѣмъ какъ консулы, великіе мужи, не пристрастіемъ народа или вельможъ избираемые, противопоставляются Аннибалу въ Италиі: проконсулы, преторы предводительствуютъ войсками въ Испаніи, въ Сициліи, въ Сардиніи, въ Греціи, и флоты

разоряютъ берега Африки. Фульвій беретъ Капуу; Валерій Левинъ поражаетъ Филиппа; Сципіоны, долго счастливые въ Испаніи, воспящаютъ Асдрубалу походъ въ Италію для соединенія съ Аннибаломъ; но раздѣливъ войска свои, гибнутъ одинъ послѣ другого, и смертію своею производятъ въ Римѣ величайшее безпокойство.

Никто изъ полководцевъ не представляется для замѣненія Сципіоновъ. Тогда молодой человекъ, двадцати четырехъ лѣтъ, коего истинныя добродѣтели возвышены были нѣкоторымъ сіяніемъ чудеснаго, Сципіонъ, — роковой вождь сей войны славной, сынъ Публія, убіеннаго въ Испаніи, тотъ самый, который спасъ жизнь родителя своего въ битвѣ тицинской, который соединилъ остатокъ разбитыхъ войскъ при Каннахъ, — предлагаетъ себя въ начальники для Испаніи, не бывъ еще въ чинахъ, приносящихъ съ собою предводительство: и всѣ отдѣленія народа, по мгновенному движенію, паряютъ его проконсуломъ. Провождаемый другомъ своимъ Леліемъ, открываетъ онъ подвиги взятіемъ Новаго Картагена, главнаго пуническаго города въ Испаніи, искусствомъ и природою укрѣпленнаго, и дѣянiami геройства, смелости, умѣренности, привлекаетъ къ себѣ сердца князей и народовъ испанскихъ.

Но посреди сіяющихъ успѣховъ Рима, въ отдаленности отъ предѣловъ его, онъ самъ не былъ чуждъ опасности. Не успѣвъ выручить Капуи, Аннибалъ повелъ войско прямо на Римъ, и по-

ставивъ станъ свой за три поприща отъ города, самъ съ двумя тысящами всадниковъ доѣзжалъ до градекихъ вратъ и храма Геркулесова, и доставивъ себѣ удовольствіе обозрѣть сей великій градъ, которымъ овладѣть, по его собственному выраженію, боги не дали ему или счастія, или разума: между тѣмъ какъ весь Римъ возсталъ для отраженія ударовъ его, и бодрые старцы, украшенные побѣдами и триумфами, вызванные опасностію служить республикѣ, раздѣляли между собою труды и стражу. Два раза Аннибалъ и консулы выводили войска для сраженія, котораго Римъ былъ цѣною; два раза буря и громы разлучали ихъ.

Потеря Капуи нанесла важный ударъ надеждамъ Аннибаловымъ. Она доказала союзникамъ безсиліе его покровительства. Скоро Тарентъ послѣдовалъ жребію Капуи, взятый хитростію осторожнаго Фабія. Аннибалъ заключилъ себя нѣкоторымъ образомъ въ Бруттійской землѣ, откуда дѣлалъ покушенія на вождей римскихъ, между тѣмъ какъ, ненасытимый трудами и опасностями военными, Маркель шелъ упрямо по стезямъ его, и будучи побѣдителемъ или побѣжденнымъ, представлялъ ему битву съ равнымъ мужествомъ. Отваживъ себя единожды неосторожно, съ малымъ числомъ воиновъ, впадаетъ онъ въ засаду Аннибалову и принимаетъ честь погребенія отъ руки непріятели, котораго заставлялъ бояться неустрашимой своей дѣятельности.

Жребій Маркелла былъ бы гибеленъ для Рима, наипаче въ такое время, когда онъ пораженъ былъ извѣстіемъ, что Асдрубаль, братъ Аннибаловъ, перешелъ неожиданно Альпы съ многочисленною силою и приближается къ соединенію съ Аннибаломъ, ежели бы Клавдій Неронъ не далъ отрады отечеству отважнымъ и счастливымъ движеніемъ: удерживая передъ оставленнымъ станомъ своимъ Аннибала, въ шесть дней онъ перешелъ Италію, для соединенія съ товарищемъ своимъ, суровымъ Ливіемъ, и разбилъ совершенно Асдрубала. Когда плѣнные Нумидійцы были посланы отъ Клавдія въ станъ Аннибаловъ, и когда онъ увидѣлъ кровавую голову Асдрубала, тогда воскликнулъ, что познаетъ судьбу Картагена, и съ тѣхъ поръ уже отчаялся видѣть исполненіе гордыхъ своихъ намѣреній.

Сколь ни велики были дарованія и дѣятельность одного человѣка, рано или поздно, они должны были уступить постоянству римскому. Аннибалъ же, вмѣсто ревностнаго содѣйствія, находилъ въ отечествѣ своемъ коварство и вражду. Сіяющія добродѣтели Спиціоновы, напротивъ того, явились въ такое время, когда великіе люди, состарѣвшіеся въ подвигахъ военныхъ, спорили другъ съ другомъ въ любви къ отечеству. Ему суждено было рѣшить долгую прію Рима и Картагена. Наполнивъ Испанію славою побѣдъ своихъ, истребивъ войска и предводителей непріятельскихъ, представляется онъ удивленію согражданъ въ Римѣ, гдѣ общимъ возгла-

шеніемъ народа, возводится на степень консула; заставляеть дать себѣ въ область Сицилію и повелѣніе перейти въ Африку, не смотря на страхъ и сопротивленіе Фабія и знаменитѣйшихъ сенаторовъ, которыхъ честолюбіе предпріимчиваго полководца или оскорбляло, или приводило въ ужасъ. Провождая годъ консульства своего въ Сициліи, въ приготовленіяхъ къ великому дѣлу, имѣеть онъ время разбить Аннибала при Локрахъ на матерой землѣ и выслать Лелія на берега Африки, утрашенные слухомъ прибытія его.

Картагенъ видитъ наконецъ страшное ополченіе Сципіоново и чувствуетъ свое безсиліе. Частная корысть и несогласіе колебали ненадежное основаніе сей республики. Войска, въ скорости собранныя, подъ предводительствомъ Асдрубала, сына Гисгонова и Сифакса, царя нумидійскаго, не могутъ устоять противъ силы легіоновъ и римскаго предводителя. Онъ входитъ ночью въ стабы ихъ, прежде рукою его зажженные; какъ покровитель Масинисы, другаго царя нумидійскаго, разбитаго, изгнаннаго, употребляетъ его орудіемъ для низверженія Сифакса, и сей царь, плѣнникъ Сципіоновъ, главная надежда Картагенцевъ, отсылается съ Леліемъ въ Римъ. Сципіонъ, вторично побѣдитель Асдрубаловъ, входитъ въ Утику. Картагенъ проситъ у него мира; и Сципіонъ, имѣя побѣду въ рукахъ своихъ, позволяетъ ему отправить въ Римъ пословъ съ прошеніемъ мира.

Но между тѣмъ, какъ коварное посольство кароагенское представлялось сенату римскому, Аннибалъ имѣлъ уже повелѣніе оставить Италію, и отцы римскіе не были обмануты пуническою вѣрностію. Жалуясь на судьбу свою и козни Ганнона, Аннибалъ обращалъ съ горестію послѣдніе взоры на Италію, которую принужденъ былъ оставить, чтобъ защитить Кароагенъ. Приставъ у Адрумета, пошелъ онъ по берегамъ Баграды на встрѣчу къ Сципіону. Близъ Замы сошлись оба полководца. Но прежде нежели испробовать силу оружія, Аннибалъ хотѣлъ имѣть свиданіе съ Сципіономъ, и счастливой юности его представляетъ бѣдственную свою опытность. Сципіонъ отвергаетъ предложенія мира. Тогда послѣдовала сія славная битва при Замѣ, гдѣ оба полководца истощили все способности некусства, гдѣ шло дѣло о верховности двухъ сильныхъ народовъ, и гдѣ Аннибалъ, видя разрушеніе послѣднія надежды, заставилъ Кароагенъ подвергнуться изволенію Рима безусловно.

Тогда совершилось настоящее паденіе Кароагена, ибо третья Пуническая Война разрушила только стѣны его. Сципіонъ наложилъ на него необъятную дань, сжегъ выданные корабли, запретилъ вести войну и заключать договоры съ другими народами. Аннибалъ былъ зрителемъ бѣдствія отечества своего и чувствовалъ все его пространство. Когда одинъ изъ вельможъ кароагенскихъ попрекалъ ему, что онъ еще можетъ смѣяться посреди общаго плача: «Сей смѣхъ есть горесть», отвѣтствовалъ Аннибалъ, и болѣе до-

стоинъ нашего несчастія, нежели лицемѣрныя слезы, которыя вы проливаете не объ отечествѣ, но о сокровищахъ, съ которыми вамъ должно разстаться.»

АВГУСТОВЪ ВѢКЪ.

Счастливое похищеніе верховной власти въ Римѣ, освященное въ особѣ Августа голосами сената и народа, даровало большей части знаемаго свѣта необыкновенное спокойство и праздность. Рѣшилась тогда столь долго продолжавшаяся распря между гордаго властолюбія сената и строгой свободы народной, которая, будучи водима и заблуждаема честолюбивыми трибунами, готова была поступить на всевозможныя излишества, чтобъ исторгнуть изъ рукъ сената страшное и утѣсняющее могущество. Великія возмущенія и междоусобныя брани, которыми Марій, Сулла и Катилина восколебали предѣлы и установленія Республики, приуготовили римскій народъ къ воспріятію единоначалія. Наконецъ Юлій Кесарь, соединявшій въ себѣ знаменитѣйшія дарованія полководца и государственнаго человека, принадлежавшій, по остроумію и вѣжливости, къ образованнѣйшимъ изъ Римлянъ, и потомокъ боговъ — основателей и защитниковъ Рима, болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ способностей и искусства соединить частное честолюбіе, которое терзало

сердце его, съ владычествующимъ духомъ своего времени и съ быстрою склонностію нравовъ къ роскоши и къ рабству. Безсильны были все оплоты, которые полагали его стремительному теченію, мудрость сената, древняя слава Помпея и неодолимый духъ Катона. Побѣдитель общихъ силъ республики въ Греціи, Египтѣ, Африки, онъ торжествовалъ въ Римѣ милосердіемъ подъ извѣстнымъ именемъ диктатора и имѣлъ удовольствіе быть умоляемъ на судилищѣ краснорѣчіемъ Цицерона, нѣкогда спасшаго Римъ. Держа все въ рукѣ своей и повелѣвая тѣми, которые недавно были ему равны, онъ имѣлъ слабость чувствовать, что ему не достаетъ еще тщетнаго имени царя. Антоній, второй въ чиноначальствѣ по Цесарѣ, презрительный льстецъ его изъ честолюбія, погубленный пороками безславной юности, краснорѣчивый, предприимчивый и не совсѣмъ лишенный сіяющихъ чувствованій, хотя съ душой, ослабленной роскошью, Антоній приѣмлетъ на себя испытать терпѣливость народа римскаго, воспользовавшись своеволіемъ пародныхъ игрщъ, чтобъ возложить вѣнецъ царскій на диктатора. Сіе покушеніе лести, отверженное съ негодованіемъ отъ народа и Цесаря, разглашало папередъ содержаніе совѣтованій, которыя должны были происходить въ славномъ засѣданіи сената, созванномъ въ день Идъ Марта. Безпокойное честолюбіе Цесаря составляло новые замыслы завоеваній. Онъ хотѣлъ открыть намѣреніе свое идти войною на Парѳявъ, для отмщенія бѣдствія,

претерпѣннаго отъ нихъ Крассомъ и легионами римскими. Унизивъ гордость ихъ, долженствовалъ отъ берегами Каспійскаго Моря проникнуть въ Виноцію и Сармацію, и возвратясь Галліею въ Римъ, ничего не оставить недостаточнаго для сраженія своего съ Александромъ Великимъ. Столь гордые замыслы неспровержены въ самомъ началѣ заговоромъ знатныхъ и молодыхъ Римлянъ, которые сносили нетерпѣливо униженіе отечества и уменьшеніе собственнаго ихъ вліянія на правленіе. Ненавистное дѣяніе убійства умягчено было въ воображеніи ихъ древнимъ образомъ мыслей и извѣтною добродѣтелью Брута, который вмѣстѣ съ Кассіемъ былъ главою заговора. Восторженный послѣдователь родственника своего, Катона, отъ обмануть былъ непросвѣщенною любовію къ отечеству, когда льстился возвратить ему древнее, со всѣхъ сторонъ разрушающееся установленіе. Предпріятія его, сначала удачныя, неспровержены были совершенно бѣдственнымъ пораженіемъ при Филиппахъ, которое оставляло республику въ рукахъ ненавистнаго тріумвирата. Столь же смѣль и хладнокровенъ въ совѣтѣ, сколько робокъ въ день сраженія, Октавій отъ училща, изъ котораго вышелъ онъ при смерти усыновившаго его диктатора, проложилъ себѣ путь къ верховной власти проворствомъ, лестію, происками, хладною жестокостью и подвигами друзей, которые согласились, кажется, быть орудіями его величія. Такимъ образомъ Антоній торжествовалъ за него при Фл-

липахъ надъ Кассіемъ и Брутомъ, и Агриппа побѣдилъ Антоція на славной битвѣ, чтобъ подвергнуть вселенную владычеству Октавія.

РАЗДРОБЛЕНІЕ И СОЕДИНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЪ.

Почти все государства европейскія чувствовали вредное дѣйствіе раздѣленія. Пространныя области, соединенныя нѣкоторое время превышающею силою завоевателя, разрушаютъ со временемъ союзъ свой, когда къ сохраненію ихъ прилагается менѣе попеченій, нежели употреблено было силы къ завоеванію. Такимъ образомъ раздѣлилось древнее владычество Александра Великаго и сдѣлалось наслѣдствомъ честолюбивыхъ полководцевъ его. Такимъ образомъ, по возобновленіи Римской Имперіи на Западѣ, огромное государство Карла Великаго, которое соединяло Францію, Италію и Германію, раздроблено было на части неблагодарными дѣтьми Лудовика Кроткаго. Послѣдую древнимъ обычаямъ германскимъ, государи старались привлечь къ особѣ своей вельможъ и благородныхъ, жалую имъ помѣстья, и основали защищеніе земли противъ нашествія непріятелей на правѣ владѣнія, которое сообщили они знатнѣйшимъ своимъ подданнымъ. По сему праву, извѣстному подѣ

именемъ феодальнаго, большіе владѣльцы должны были предстать передъ государемъ самолично, чтобъ принять отъ рукъ его облеченіе помѣстья. Но чувствованіе силы скоро вложило оружіе въ руки сихъ подданныхъ, тщетный обрядъ признаія подданства не могъ защитить государей отъ предпріятій вельможъ, слишкомъ сильныхъ, чтобъ быть послушными. Большіе васалы, пользуясь всѣми правами государей, вели войну между собою и часто объявляли ее государю, отъ котораго по наружности зависѣли. Цѣлыя области выходили по наслѣдству изъ соединенія съ государствомъ во владѣніе другихъ государей. Такимъ образомъ наслѣдница герцоговъ Бургонскихъ перенесла въ приданое съ собою владѣніе Фландріи изъ Франціи въ домъ австрійскій. Лудовикъ XI, государь хитрый и жестокий, презиралъ выгоды, которыя сами собою представлялись, и хотѣлъ лучше быть всѣмъ обязанъ прощретвамъ мрачной своей политики. Способы его были насильственны и подлы; но предметъ, до котораго достигъ онъ, были сила и сіяніе Франціи. Непрiятель знатныхъ, онъ первый нанесъ невозвратимые удары ихъ могуществу. Обманами, оружіемъ, переговорами присоединилъ онъ ко Франціи великія области, которыя имѣли собственныхъ князей своихъ, Руссельонъ, Провансъ, Бургонію и Артуа по смерти Карла Смѣлаго, который замышлялъ учредить новое королевство и былъ страшный соперникъ короля своего. Лудовикъ XI окружилъ престоль первымъ воинствомъ, взятымъ на

жалованье, и налагалъ подати безъ согласія генеральныхъ штатовъ. Столько силы далъ онъ государству соединеніемъ, что преемникъ его, Карлъ VІІІ, вышелъ съ оружіемъ изъ предѣловъ Франціи, поколебалъ Италію слабую и несогласную. Другіе государи европейскіе послѣдовали примѣру Лудовика ХІ и на униженіе вельможъ и князей воздвигли силу монархій.

Около того же времени счастливый герцогъ ричмондскій, низвергшій съ престола англійскаго тирана Рихарда ІІІ, положилъ конецъ бѣдственнымъ войнамъ между домовъ іоркскаго и ланкастерскаго, и подъ именемъ Генриха VІІ соединилъ въ себѣ права обоихъ. Онъ началъ ту же великую перемѣну въ Англіи, которую произвелъ Лудовикъ ХІ во Франціи. Оба унизили власть вельможъ; но во Франціи воспользовалась ею сила королевская, въ Англіи народъ пріобрѣлъ еще новыя права. Политическое установленіе приблизилось къ тому образу, въ которомъ нынѣ его видимъ.

СЛАБОСТЬ УДѢЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Пропехожденіе народовъ покрыто по большей части непрозрачною завѣсою, а съ нимъ и внутреннее составленіе ихъ, распредѣленіе власти и подчиненности. Лишенные письменъ и просвѣщенія, варвары занимаются единственно насильственными нуждами настоящаго дня, и не имѣютъ ни досуга, ни способовъ наблюдать порядокъ пропешествій, ни желанія сообщить вѣрное ихъ изображеніе потомству. Въ позднѣйшія времена внимательный философъ извлекаетъ изъ нѣкоторыхъ наблюдений главныя начала, которыми управляются раждающіяся общества. Онъ умѣетъ пользоваться преданіями, пѣснями и баснями дикихъ: ибо воображеніе пробуждается прежде прочихъ способностей разума, какъ въ юности человека, такъ и во младенчествѣ народовъ. Оно возвышаетъ самыя обыкновенныя дѣйствія сіяніемъ чудеснаго. Такимъ образомъ мы видимъ Грековъ, пріемлющихъ непосредственно отъ руки боговъ первыя установленія и искусства общественной жизни, или лучше сказать, отъ сихъ благодѣтелей челоѣчества, которые изобрѣли искусства. Въ соплетеніи языческаго баснословія скрываются историческія лица первыхъ государей и законодателей греческихъ: сего Зевса, побѣдителя Титановъ, котораго гробница показывали въ Критѣ, Иракла и Тезея, которые оба родились въ Фивахъ. Сии

времена чудесъ и геройства принадлежатъ болѣе стихотворцамъ и любителямъ древности, нежели историкамъ; и важный Фукидидъ, оставивъ картины, угождающія воображенію, видитъ въ начальныхъ явленіяхъ греческой исторіи одни волненія и междоусобія безпокойнаго народа, который безпрестанно перемѣнялъ жилища свои и странствовалъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Какое неизмѣримое разстояніе, еще болѣе въ просвѣщеніи нежели во времени, отдѣляетъ періодъ Ифаха и Пелопса отъ сіяющихъ дней Перикла и Алкивіада! Оно, конечно, не менѣе того, которое отдѣляетъ нынѣшнихъ обитателей Нѣмецкой Земли отъ Германцевъ Тацитова времени, или Россіянъ XVIII вѣка отъ предковъ ихъ, погибавшихъ жертвою безначалія въ XII-мъ. Народы, находящіеся на одной ступени грубости, или просвѣщенія, должны имѣть многія черты сходства между собою: тѣ же склонности и понятія, тѣ же недостатки и способы и тѣ же или подобныя приключенія. Мѣстныя обстоятельства или случайныя учрежденія благопріятствуютъ или возвращаютъ къ достиженію совершенства.

Такимъ образомъ во всѣхъ странахъ свѣта видимъ цѣлыя племена, преселяющіяся, изгоняющія древнихъ жителей, или съ ними единый народъ составляющія. Какъ египетскіе выходцы, нападающіе моремъ на берега Эллады, полагаютъ въ Греціи основанія монархій, такъ Славяне

призываютъ добровольно правителя изъ Варяговъ, которые обезпокоиваютъ ихъ торговлю. Походы славянскіе подъ Царьградъ воспоминаютъ ополченіе Грековъ на Трою. Но сіе происшествіе въ Греціи послѣдовано было переменною правленія: Россія заимствовала отъ просвѣщеннѣйшихъ непріятелей Вѣру и нравы. Греція истощила силы свои испроверженіемъ древняго азійскаго царства: Россія удовольствовалась испытать ея способности и могущество. Греція была всегда раздѣлена на особыя общества и правленія, такъ, какъ Россія послѣ Вадиміра. Но раздѣленіе Греціи было для нея менѣе пагубно. Города греческіе могли имѣть особенныя частныя пользы; но почитая общія узы родства, они соединяли пользы свои въ общемъ благѣ, когда вся Греція угрожаема была опасностію. Торжественныя учрежденія, общія игры и празднества воспоминали имъ единство происхожденія. Обряды богослуженія, просвѣщеніе и словесность, которыми они гордились, имѣя право гордиться, и гражданскія ихъ права отдѣляли ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ, унижаемыхъ ими презрительнымъ именованіемъ варваровъ. Многіе города, кромѣ внутренняго своего управленія, составляли между собою политическій союзъ и повиновались уставамъ онаго. Амфиктіонъ сдѣлалъ имя свое безсмертнымъ, учредивъ общій судъ между независимыми гражданами. Возставали по городамъ мудрые законодатели, которые, пользуясь успѣхами греческихъ писемъ, освятили обществен-

ною властью предписанія чистѣйшаго правоученія. Предпріятія Персовъ воспламенило въ Греціи любовь отечества и побудило Аѳинянъ къ великодушной дерзости — быть оплотомъ всей Греціи. Счастливы, если бы не возгордились надмѣру благопріятными слѣдствіями сего героизма, и омраченные прелестью роскоши, не захотѣли владычествовать надъ всею Греціею! Пелопоннесская Война нарушила равновѣсіе греческой общей республики, сего союзнаго правленія, которое производило благосостояніе частное и общественное, и облегчила Филиппу способы завоеванія.

Мы видимъ въ наши дни существующія союзныя правленія въ Голландіи и Швейцаріи, и особливо въ Германской Имперіи. Сіе великое политическое тѣло состоитъ изъ народовъ одинаго происхожденія, независимыхъ другъ отъ друга и иногда враждебныхъ между собою, содержащихъ однако неразрывный общій союзъ, подъ властью одного начальника, удостоеннаго извѣстными избирателями, который можетъ приводить все государство въ движеніе, но съ согласія чиновъ его. Особливый съѣздъ князей и непосредственныхъ чиновъ имперскихъ рѣшитъ дѣла отмѣнной важности и тяжбы членовъ имперіи. Сія удивительная система, не взирая на свои существенныя погрѣшности составнаго государства, есть древняя система феодальнаго правленія, исправленная обстоятельствами, случаями и возрастающимъ просвѣщеніемъ.

Раздѣленіе Россіи не сопровождалось такими же полезными и осторожными мѣрами. Народы разныхъ удѣловъ слѣпо послѣдовали честолюбію князей, которые, вмѣсто того, чтобъ удовольствоваться благосостояніемъ управляемыхъ земель, старались только о пріобрѣтеніи новыхъ. Было время, что хотѣли прибѣгнуть къ спасительному установленію съѣздовъ, или сеймовъ, по предложенію Владиміра Мономаха; но Олегъ Святославичъ, чувствуя себя виновнымъ, отринувъ средство сіе, — и право войны было съ тѣхъ поръ единственное. Какъ греческія республики призывали иногда Персовъ и другихъ варваровъ въ участіе междоусобныхъ браней своихъ, такимъ же образомъ русскіе князья прибѣгали иногда къ бѣдственному оружію Варяговъ, Печенѣговъ и Половцевъ. Но вмѣсто того, что Греція была покровительницею Персіи въ лицѣ Александра Великаго, Россія, ослабленная раздѣленіемъ, стала добычею Батыя. Испроверженіе татарскаго владычества есть столь же счастливое, сколь и славное происшествіе для Россіи. Сіяющее имя великаго князя Іоанна Васильевича украшаетъ сословіе государей, спасителей отечества. Но освобожденіе отъ ига иноплемянниковъ не было бы еще спасеніемъ Россіи, ежели бы политическій разумъ государя сего не отрѣшилъ навсегда удѣльнаго правленія и не соединилъ княжествъ и областей русскіихъ въ единое государство. Съ тѣхъ поръ исчезли сіи бесполезныя вражды и соперничества князей, кото-

рые дѣлали вѣчную междоусобную войну, и занимая всю силу Россіи внутри собственныхъ ея предѣловъ, не позволяли ей дѣйствовать на завистливыхъ ея соеѣдей. Возстановивъ единство Россіи, опъ основалъ будущее ея величіе.

Все монархіи европейскія болѣе или менѣе терпѣли отъ неудобностей феодальнаго правленія, которое введено сѣверными народами и, кажется, вымышленно для утвержденія новаго завоеванія. Согласно съ учрежденіями онаго, большіе владѣльцы, пользуясь сами государскими правами, завистѣли однако отъ верховнаго государя, отъ коего получали область, и должны были вооружаться, по востребованію, противъ его непріятелей. Но сдѣлавшись столько же сильны, какъ глава ихъ, честолюбивые вассалы обращали сіе самое оружіе на того, котораго защищать присягали, не смотря на то, что судебные приговоры государственной думы объявляли ихъ лишенными владѣнія за вѣроломство. Повсюду ослабленные своими междоусобіями, они были стѣсняемы политикою верховныхъ государей, и вошедъ въ ничтожество, послужили основаніемъ сильныхъ монархій.

Такимъ образомъ пала гордость испанскихъ вельможъ, когда счастливыя происшествія соединили Кастилію и Аррагонъ супружествомъ Изабеллы и Фердинанда, и когда превосходный разумъ Карла V многоразличною замысловъ и успѣховъ изумилъ своихъ противоборствующихъ кортесовъ. Путиами болѣе сокрытыми прибли-

жался прежде къ той же цѣли Лудовикъ XI: дѣло, котораго совершеніе ожидало сильной руки кардинала Ришельё. Въ Англіи нормандскія учрежденія отрѣшены такъ называемою великою хартіею, и государство усилилось присоединеніемъ нѣкогда враждебныхъ королевствъ, Шотландіи и Ирландіи. Вездѣ малыя и раздѣленные пользы удѣльныхъ владѣтелей уступили одной общей государственной пользѣ. Правила основательнѣйшія, сходственные съ просвѣщеніемъ время, замѣнили се безначаліе, междоусобіе и утѣсненіе, которыя неминуемо проистекаютъ изъ свойства удѣльнаго правленія.

ОТКРЫТІЕ ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ.

Каждый народъ имѣетъ свои сіяющія мгновенія, въ которыя онъ привлекаетъ на себя вниманіе свѣта отъмѣнными подвигами и предпріятіями. Сколь ни мало пространство, занимаемое Португаліею на западномъ краю Европы, и сколь ни маловажно вліяніе ея въ общія проишествія государствъ, однако тѣмъ не менѣе она можетъ похвалиться навсегда достопамятною заслугою которою она обязала человѣческій родъ открытіемъ Индіи. Изъ нѣдра ея вышли герои, открытели новыхъ странъ, которые отважились

пустятся въ неизмѣримость Океана, прошли два раза равнодепственную линію, въ близости которой дуютъ постоянныя вѣтры нѣсколько мѣсяцевъ въ одну сторону и нѣсколько въ другую, и первые имѣли счастіе и искусство обойти страшный Мысъ Бурь, наименованный ими Мысомъ Доброй Надежды. Славный Гама, котораго флагъ вѣялъ надъ кормами слабаго флота, имѣлъ сей обширный и просвѣщенный разумъ, кетати твердый и снисходительный, который вездѣ находитея какъ бы въ отечествѣ своемъ. Онъ умѣлъ владычествовать надъ варварами и дикими превосходствомъ просвѣщенія, и приготовилъ соотечественникамъ своимъ входъ удобный и благопріятный. Счастливы были бы Португальцы, если бы, не ослѣвленные честолюбіемъ и жестокосердою корыстію, никогда не унизили народа своего въ глазахъ Индѣйцовъ отвратительными явленіями ненависти, клеветы и междоусобія! Сила Португальцевъ исчезла: другіе народы вошли въ завоеванія ихъ. Но никогда незагладимы подвиги первыхъ мореплавателей: Алвареса Кабрала, который заставилъ почитать флагъ народа своего отъ Персіи до Китая, и дальновиднаго Альфонса Албукерки, который основалъ въ Гоѣ столицу торговли и завоеваній португальскихъ, и въ Персидскомъ Заливѣ остановилъ все предпріятія египетскихъ султановъ. Сіе важное происшествіе, которое открыло Европейцамъ дорогу въ Индію, перемѣнило все, произвело новый порядокъ вещей, спасло Европу отъ ига Турокъ,

которые, воспаленные еврѣною ревностію къ вѣрѣ, неся мечъ въ одной рукѣ и алкоранъ въ другой, ласкались подвергнуть еувѣрїю своему всѣ народы вселенной. Оно служило къ возбужденію завистниковъ Португальцамъ и ко внушенію духа откровеній во всѣ кунечествующіе народы Европы. Слѣдствіемъ его можно почесть открытіе Америки, которое доставилъ Испанцамъ отважный Генуэзецъ Христофоръ Колумбъ; ибо въ предпріятїи семъ онъ предполагалъ себѣ единственно открыть новую дорогу въ ту же самую Индію, и вмѣсто того награжденъ былъ отъ судьбы открытіемъ Новаго Свѣта. Тогдашнее незнаніе о положенїи земли было столь велико, что Американцевъ почелъ онъ Индѣйцами, и теперь еще имя Западной Индіи осталось островамъ, открытымъ Колумбомъ. Папа, который располагалъ землею по своему соизволенію, взятый въ посредники отъ обоихъ народовъ, провелъ черту разграничиванія между владѣніями оныхъ и раздѣлилъ между Испанцевъ и Португальцевъ. Но сіи мнимые предѣлы печезли съ обстоятельствоми, и Португалія, потерявшая храбраго и безразсуднаго государя въ поляхъ африканскихъ, стала сама добычею корыстолюбїа хитраго и жестокосердаго Филиппа II, короля испанскаго. Храбрость Португальцевъ уступила нѣгѣ и вредному вліянію климата Индіи, и другіе народы, болѣе терпѣливые, Голландцы и Англичане, отняли у нихъ завоеванія ихъ предковъ.

КОНЕЦЪ XV И НАЧАЛО XVI ВѢКА.

Конецъ XV-го и начало XVI-го вѣка составляютъ періодъ важнѣйшихъ происшествій, сохраняющихся въ лѣтописяхъ человѣческаго рода. Каждое изъ нихъ могло бы прославить столѣтіе свое: тогда случились они вмѣстѣ. Великіе умы во всѣхъ родахъ явились почти въ одно время въ различныхъ странахъ и настали внезапныя, хотя давно приготовляемыя, перемѣны въ разумѣ, въ законодательствѣ, въ политикѣ, въ торговлѣ и правахъ. Сіяющій періодъ сей ознаменованъ великими предпріятіями, открытіями, изобрѣтеніями, чувствительнымъ пробужденіемъ человѣческаго разума послѣ тысячи лѣтъ варварства. Европа приняла на себя новый образъ. Предѣлы знаемаго міра распроетранились. Новыя правила, мнѣнія, образы богослуженія, знакомство съ отдаленными народами и племенами, которыхъ самое существованіе было не извѣстно, и которые вдругъ представили поражающее зрѣлище новыхъ обществъ просвѣщенныхъ людей, варваровъ и дикихъ. Тогда видимъ впервые учрежденія постоянныхъ воинствъ, европейскія государства, соединенныя взаимными союзами и сходствомъ обыкновений, поселенія въ отдаленныхъ краяхъ, новые способы знаній, новыя выгоды и опасности жизни.

Въ то время, когда Бертольдъ Шварцъ изобрѣтеніемъ пороха давалъ новый видъ военному искусству, Колумбъ открывалъ Новый Свѣтъ, и Гама достигалъ въ Индію по морямъ, до него никому неизвѣстнымъ: Фавстъ изобрѣталъ книгопечатаніе, и Лютеръ потрясалъ въ основаніи страшную власть первосвященниковъ римскихъ. Новыя произведенія природы стали необходимы для вкуса Европейцевъ и составили новыя отрасли торговли и роскоши, между тѣмъ какъ необычайное количество серебра и золота возбудило жажду корыстолюбія. Компасъ, недавно передъ тѣмъ изобрѣтенный, сдѣлалъ мореплавателя смѣлѣе и безопаснѣе и облегчилъ сообщеніе народовъ, но въ то же время и умножилъ опасности незлобныхъ племенъ, которымъ неизмѣримость морей служила прежде защитою противъ панаденія сильнѣйшихъ завоевателей, поселенныхъ природою въ другой гемисферѣ. Португальцы въ Азін даютъ первый примѣръ Европейцамъ производить торгъ вооруженною рукою и основывать селенія, между тѣмъ какъ Испанцы въ Америкѣ помрачаютъ сіяніе подвиговъ своихъ жестокостію и разрушаютъ древнія царства Мексики и Перу. Англичане раздираютъ отечество свое междоусобными войнами; Нѣмцы еражаются за богословскія мнѣнія; Турки продолжаютъ завоеванія свои подъ знаменами Салимана; Италіянцы приводятъ въ совершенство искусства, перенесенныя изъ Греціи.

Повсюду достопамятныя происшествія: Восточная Имперія Грековъ, въ совершенномъ изнемо-

женіи и старости, упадаетъ подъ сильными ударами Оттомановъ, и варвары владычествуютъ въ Аѳшахъ. На стѣнахъ Константиновыхъ возвышаютъ они знамя Магомета въ то самое время, когда единовѣрцы ихъ изгоняются изъ Запада Европы. Мавры, учителя европейскихъ народовъ въ наукахъ, художествахъ и нравахъ, обладавъ восемьсотъ лѣтъ Испанією, принуждены оставить цвѣтушія свои земли. Они убѣгають въ Африку; но съ того мгновенія исчезаетъ духъ рыцарства, свойственный сему остроумному народу, который любилъ науки, соединялъ благородныя чувствованія съ храбростію и давалъ намъ первыя наставленія вѣжливости. Во Франціи видимъ молодого короля, прельщеннаго славою завоеваній, которому стѣитъ только явиться въ Италиі, чтобъ привесть ее въ трепетъ и покорить Неаполь. Гордая Венеція, владычица морей и торговли, которая 1000 лѣтъ стояла неколебима, поставляется на край гибели союзомъ камбрейскимъ. Скоро послѣ того другой воинственный король испытываетъ непостоянство военнаго счастья и становится плѣнникомъ гордаго соперника. На престолѣ Нѣмецкой Имперіи владычествуетъ сильнѣйшій государь, который когда нибудь восходилъ на оный. Счастье служить, кажется, гордымъ замысламъ его: столица первосвященника римскаго претерпѣваетъ отъ него осаду и великими шагами устремляется онъ къ похищенію всеобщей монархіи. Но утомленъ своею собственною властію, Карлъ низлагаетъ

высшій санъ и во тмѣ монастыря ищетъ убѣгающаго спокойствія. Въ Англіи своенравный тиранъ изъ защитника папской власти становится сильнѣйшимъ ея противникомъ и безъ успѣха старается приобщить имя свое къ славнымъ именамъ современниковъ своихъ, Франциска I и Карла V. Сѣверъ выходитъ изъ неизвѣстности. Утѣшенія Христіерна, короля датскаго, равно ненавистнаго въ Даніи и Швеціи, привлекаютъ ему безчестное изгнаніе и освобожденіе Швеціи изъ-подъ ига датскаго. Густавъ Ваза, убѣжавъ изъ темницы тирана и странствуя по лѣсамъ Далекарліи, приготовляетъ славу своего отечества. Въ то же время мужество и мудрость Іоанновъ свергаютъ съ Россіи оковы Татаръ,—первый шагъ къ будущему ея величію. Гоненія за Вѣру лишаютъ Испанію богатыхъ и трудолюбивыхъ областей фламандскихъ, которыя кровію своею полагаютъ основаніе независимой республики. Родосскіе кавалеры изгоняются Турками изъ своего острова. Сіи варвары угрожаютъ захватить Европу и подавить успѣхи раждающагося прѣсвѣщенія. Уже они готовы проникнуть въ Италію; Венгрія ими завоевана и Вѣна осаждена Солиманомъ. Съ сего времени Исторія становится отмѣнно привлекательною для человѣчества. Мало по малу уменьшаются причины раздѣленія между народами европейскими и всѣ приближаются единствомъ нравовъ другъ къ другу, всѣ составляютъ одну политическую цѣпь. Какъ нѣкогда разные греческіе народы составляли одну соединенную рес-

публику, такъ и Европа представляетъ союзъ отдѣленныхъ народовъ, движимыхъ одною и общею пользою, и принадлежащихъ къ одному большому обществу. Великія намѣренія, достойныя спѣльныхъ монархій, составившихся на разрушеніи феодальнаго правленія, одушевляють совѣты государей. Перестаютъ внѣренніе раздоры въ государствахъ и обращается вниманіе на пользы народовъ. Верховная власть утверждаетъ силу свою на вліяніи разума и просвѣщенія. Наконецъ раждается первое понятіе равновѣсія между большихъ державъ, которымъ онѣ доставляютъ себѣ взаимную безопасность и обуздываютъ честолюбіе. Политика, вышедъ изъ предѣловъ Италіи, которая была ея колыбелью, основываетъ жилище свое при дворахъ государей и призываетъ войну къ себѣ на помощь; переговорами, союзами, проясками перемѣняетъ она по произволению видъ Европы. Искусство правленія дѣлается несравненно сложнѣе присоединеніемъ къ его владычеству иностранныхъ сношеній, торговли и роскоши, необходимостью большихъ воиствъ и налоговъ. Между тѣмъ повсюду являються великіе разумы, которые вопрошаютъ природу и осмѣливаются быть соревнователями древнихъ въ искусствахъ и свободныхъ наукахъ.

XVIII ВѢКЪ.

Важныя политическія происшествія, великіе шаги къ просвѣщенію, сіяющія заблужденія, огромныя преобразованія составляютъ отличіе XVIII-го вѣка. Слава Россіи во всѣхъ родахъ разливается на него блескъ свой. Два великіе соперника: Петръ Великій и Карлъ XII-й, отзывая вниманіе отъ старѣющаго Лудовика XIV, открываютъ знаменитымъ образомъ явленіе. Невтонъ и Лейбницъ владычествуютъ въ необозримомъ царствѣ наукъ. Лавъ преображаетъ имущества и нравы цѣлаго народа. Вольтеръ превышающимъ остроуміемъ, едва вѣроятнымъ собраніемъ всѣхъ дарованій словесника и философа, наполяетъ сомнѣніемъ разумы цѣлаго поколѣнія. Сражаясь съ цѣлою Европою, Фридрихъ II укрѣпляетъ основанія большой монархіи. На берега Двины и Волги Ломоносовъ приноситъ краснорѣчіе Цицерона и наблюдательный духъ Плинія. На берегахъ Невы Сумароковъ открываетъ праздники Мельпомены. Евгеній и Мальборугъ имѣютъ наследника въ Румянцовѣ. Екатерина II управляетъ государствомъ, соразмѣрнымъ Ея дарованіямъ. Іосифъ II Ей удивляется, Густавъ III безсильно завидуетъ. Внукъ Лудовика XV приносятъ бесполезно добрыя намѣренія, безъ силы къ ихъ исполненію. Лордъ Нортъ разрываетъ узы селеній съ странною-матерью и Америка получаетъ

отдѣльное политическое установленіе, подъ руководствомъ Франклина и Вашингтона. Неизвѣстное дотолѣ Отаити въ лонѣ Южнаго Океана пріемлетъ посѣщенія Бугенвиля и Кука. Три раза сей послѣдній мореходецъ обозрѣваетъ Шаръ Земной и оставляетъ прахъ свой въ свирѣномъ Овги-ги. Линней открывалъ природу; Бюффонъ живописуетъ ее безсмертными красками; Палласъ путешествуетъ по слѣдамъ Монголовъ. Польша исчезаетъ изъ среды независимыхъ государствъ. Репнинъ миротворствуетъ между Юсифомъ и Фридрихомъ. Моря пріемлютъ отъ Московскаго Орла безопасность торговли и покровительствующее право нейтралитета. Россіяне побѣждаютъ на тѣхъ же моряхъ, гдѣ прежде Аѳинейцы. Суворовъ наступаетъ на развалины Праги. Нѣтъ болѣе степи крымской, и враждебный полуостровъ, подъ классическимъ именемъ Тавриды, напоминаетъ близость Греціи и просвѣщеніе Владиміра Великаго. Государства европейскія, связанные между собою превосходствомъ учрежденій, искусствъ, просвѣщенія, взаимнымъ страхомъ, пользами купечества, мореплаванія, равновѣсіемъ политики, одинакими нравами, пріучаются считать себя большими отдѣленіями одного политическаго сообщества. Но упованіе общаго мира, общаго благополучія, — сіи добродушныя сновидѣнія аббата Сентъ-Піера, вѣроятно, никогда не сбудутся. Уже сгустились тучи. . . . Но Провидѣніе, устрояющее все во благо, не позволяетъ гаданіямъ нашимъ предупреждать неисловѣди-

мыхъ опредѣленій своихъ. Пристрастіе къ тому вѣку, въ которомъ существуемъ, представляетъ намъ лестное искушеніе подумать, что онъ привлечетъ на себя любопытство послѣдующихъ. Воспользовавшись успѣхами въ просвѣщеніи вѣковъ семнадцатаго, шестнадцатаго, пятнадцатаго, конечно, намъ осьмнадцатый долженъ былъ представить любопытнѣйшую картину, которую, можетъ быть, превзойдетъ послѣдующій: дай Богъ, чтобъ сіи успѣхи соединены были съ истинными пользами человѣчества и добродѣтелей!

★

ЭПОХИ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

ЭПОХИ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

—

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕДИНОНАЧАЛІЯ.

Человѣческій родъ есть одно и то же великое семейство, на тысячи отраслей раздѣленное. Отъ кратчайшихъ климатовъ Востока распространилось оно по лицу земли, но мѣръ размноженія своего, способовъ пропитанія и уснѣховъ общественной жизни.

Обитаніе поздно достигло Сѣвера. Древніе имѣли весьма недостаточныя понятія о народахъ онаго. Густыя лѣса, жестокость климата, неукротимые нравы обитателей полагали преграды любопытству.

Греки знали великія рѣки росейскія, Борисенъ или Диѣпръ, Тапачъ или Донъ, великій каменный хребетъ, ими называемый Рифейскими Горами. Балтійское Море или заливъ Кодатской сдѣлался имъ извѣстенъ драгоцѣннымъ янтаремъ своимъ.

Они упоминали о скандинавскихъ островахъ и Неригонѣ: такъ въ древности именовались Данія, Швеція и Норвегія.

Пространство Россіи наполняли они Скиѣми и Савроматами. Сіе послѣднее имя, означающее сѣверныхъ Мидянъ, являетъ, кажется, что населеніе Россіи произошло отъ Востока—сея сокровищницы народовъ.

Даже отъ греческихъ столѣтій прославлялись Скиѣи непорочностію жизни и гордостью независимости. Незнаніе нѣги, ихъ острые стрѣлы и неизмѣримыя степи, по которымъ странствовали они со стадами своими, укрывали ихъ отъ ига завоевателя, доколѣ, чувствуя силу свою и прельщенныю роскошью Запада, не вышли на поискъ новыхъ земель и неизнаемыхъ сокровищъ. Тогда нѣкое общее движеніе, отъ предѣловъ Хины, побуждало народы, одинъ другимъ, на упадающій Римъ.

Варвары разныхъ именованій, или природные Россіи, или чрезъ нее преходившіе, стекаясь долговременно на предѣлахъ просвѣщеннаго свѣта, преодолѣли внезапно оплотъ, и разлившись на Западъ, произвели достопамятное преобращеніе во нравахъ и разумѣ челоуѣческаго рода.

Такимъ образомъ Готы, прежде нежели изпровергнули Имперію Римскую, имѣли пребываніе свое въ Россіи. Тучныя пажити волжскія служили отдохновеніемъ звѣрообразнымъ Гуннамъ, которыхъ царь Атила улаждался именованіемъ бича Божія.

Многіе народы, пастырскіе и безпокойныя, изливались изъ Азіи въ предѣлы россійскіе и съ тѣмъ же стремленіемъ простирались далѣе: свирѣпыя Авары, Алане, Козары, Печенѣги.

Къ славѣ и дѣламъ, ея заслуживающимъ, относятъ имя Славянъ, воспріятое народомъ, одержавшимъ господство въ Россіи.

Всѣ страны приморскія, начиная отъ Пруссіи, между морей Балтійскаго и Бѣлаго, и далеко внутрь Сибири, имѣли постоянными обитателями народы Чудскіе или Финскіе, принужденные по большой части покориться верховности Славянъ.

Не менѣе простираясь на Западъ и на Югъ до моря Адриатическаго, многочисленныя племена сего народа основали политическія общества въ среднѣ Германіи, въ Польшѣ, Богеміи, Даніи, Панноніи, Иллиріи.

Главнѣйшее поселеніе Славянъ на сѣверѣ было при озерѣ Мойскѣ, или Ильменѣ, извѣстное подъ народнымъ именемъ Славенска. Безполезно разрушили его Гунны и вытѣснили обитателей за Дунай. Любовь отечества возвратила ихъ опять въ сей суровой климатъ, и созданіе Новагорода засвидѣтельствовало прежнее существованіе Славенска.

Но между тѣмъ, какъ Новгородъ приготовлялся быть важнымъ торжищемъ, смежныя съ нимъ Нордманы, или Варяги, становятся знамениты опасными и дальними предпріятіями по восточному морю. Обезпокоивая набѣгами Англію и Францію, рѣками россійскими проникаютъ въ Кон-

стантиннополь. Часто приводятъ они въ тренеть Норгородъ, которой и безъ того, не повинаясь важности законовъ, раздирался противными крамолами вельможъ и черни.

Мудрый градоправитель, Гостомысль, преклоняетъ соединенное общество народовъ Славенскихъ и Чудскихъ послать въ страну Варяговъ-Руссовъ, для признанія отъ нихъ властелина, котораго верховной санъ произвелъ бы между ими порядокъ и благоустройство.

Въ 862 году отъ Р. Х. три брата нордманскихъ изъ племени Варяго-Руссовъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, учреждаютъ единоначаліе въ Новѣ-городѣ и сообщаютъ землѣ Славенской имя племени своего, Руссовъ.

Столица южныхъ Славянъ, Кіевъ, сохраняющая имя основателя своего князя Кія, освободясь изъ-подъ власти Козарской, послѣдовала жребію Новагорода.

РАЗДѢЛЕНІЕ РОССІИ.

(862—1224).

Мудрость и дѣятельность Рюрика отъ Новаграда распространились на области, которымъ онъ далъ образованіе монархіи, управляемой вельможами. Предпріимчивый духъ витязя одушевляетъ

единого изъ оныхъ, Оскольда. Предводительствуя морскимъ ополченіемъ, пролагаетъ онъ блестящій и бѣдственнѣйшій путь ко стѣнамъ Цареградскимъ. Сіе стремленіе, Варягамъ свойственное, долго обращаетъ подвиги народа россійскаго на Константинополь. Олегъ, мужъ превосходный добродѣтелями мирными и воинскими, сооружая на твердомъ основаніи зданіе государства, заключаетъ торговый договоръ въ Константинополь (въ лѣто 906). Кіевъ, столица великихъ князей, приближаетъ Россію къ древнему отечеству просвѣщенія. Новгородъ оставляется и нечувствительно воспріимлетъ прежній образъ гражданскаго правленія, между тѣмъ какъ воинственныя дарованія Игоря, Святослава, распростираютъ въ Греціи славу русскаго имени. Мечтательный завоеватель повыхъ странъ, Святославъ, приготовляетъ несчастіе своей, раздѣляя оную между тремя сынами своими, — бѣдственнѣйшій примѣръ, около пяти столѣтій повторяемый. Безполезно являются между раздѣленіями ечастливые промежутки единоначалія княженія Владиміра Великаго и мудраго Ярослава; чадолюбивые родители, увлекаемые обычаями времени своего, почитаютъ себя обязанными раздроблять отечество. Властолюбивые сыны не гнушаются обагрять рукъ своихъ въ крови единоутробныхъ. Не могутъ остановить свирѣпства ихъ наставленія кроткой и божественной Вѣры, которую просвѣтитель Росіи, Владиміръ принесъ изъ Греціи, въ возмездіе побѣдъ своихъ (лѣто 988). Тщетны старанія

Ярослава о введеніи искусствъ, просвѣщенія, законовъ. Средній сынъ его, Святославъ, изгоняетъ старшаго, Изяслава, и оставляетъ по себѣ враждебное потомство князей Ольговичей, которые изъ столицы своей, Чернигова, препирались безпрестанно съ ечастливейшими сынами Владиміра Мономаха. Безчисленные походы, побѣды, никакой пользы не приносящія, утомляютъ Россію. Часто Ольговичи, болѣе другихъ виновные, заемлютъ помощь дикихъ Половцевъ. Благоразумный Мономахъ старался ввести единое спасительное средство — установленіе княжескаго сейма; но гордый Олегъ Святославичъ не хотѣлъ, чувствуя вину свою, согласиться на сіи мудрыя мѣры. Такимъ образомъ счастіе народовъ ввѣрено было незапности междоусобныхъ брашей. Добродѣтели Мономаховы оживаютъ въ сынахъ его, Мстиславѣ, Ярополкѣ; но хитрый Всеволодъ Ольговичъ, счастливѣе родителя своего, наконецъ возвращаетъ роду своему великое княжество и старается утѣснить удѣльные. Безполезно: ибо потомство Мономаха превозмогаетъ; но несогласное во мнѣніи о правахъ наслѣдства, оно изъ собственного нѣдра своего производитъ противоборниковъ: Изяслава Мстиславича, Вячеслава, Георгія Долгорукаго, честолюбиваго и роскошнаго князя Суздальскаго, основателя Москвы и многихъ Низовыхъ городовъ. Сего послѣдняго сынъ, сіяющій храбростію, Андрей Боголюбскій, оставивъ упадающій Кіевъ честолюбію слабѣйшихъ князей, преноситъ во Владимірѣ величество го-

сударства (1158). Онъ побѣждаетъ Болгаровъ; насильственная смерть воспрепятствовала ему покорить Кіевъ и Новгородъ. Братъ его, Всеволодъ Юрьевичъ, ограничиваетъ честолюбіе свое предѣлами справедливости и собственной защиты, между тѣмъ какъ Галичъ и Вольнія становятся позорищемъ подвиговъ Венгровъ и Россіянъ. Изъ сыновъ его, Константинъ умираетъ во цвѣтъ лѣтъ своихъ; Георгій Всеволодовичъ осужденъ видѣть несчастіе отечества, порабощеніе игу татарскому. Въ 1224 году было несчастливое сраженіе на рѣкѣ Калкѣ, потерянное запальчивостью Мстислава Галицкаго и несогласіемъ вождей.

Въ странахъ, незнаемыхъ Россіи, возсталъ страшный завоеватель Темуджинъ, отъ пространства владычества своего именованіе Чингисъ-Хана воспріявшій. Владѣтель Малой Орды на берегахъ Онона, оставленный по кончинѣ отца сиротою, превозмогаетъ онъ утѣсняющихъ сиротство его сосѣдей, и скоро, какъ побѣдитель всѣхъ племенъ монгольскихъ, отторгаетъ цѣлыя области отъ древней и спокойной Хины. Сей основатель новаго владычества, законодатель, счастливый, по свирѣпый воинъ, посылаетъ сыновъ своихъ со тмами силъ на опроверженіе престоловъ. Тупи-Ханъ отъ подошвы Кавказа проникъ въ долины кипчакскія и къ предѣламъ Россіи. Онъ преслѣдовалъ Аланъ и Половцевъ, которые требовали покровительства князей русскихъ. Отсюда поводъ брани. Великій князь Владимірскій, Георгій Всеволодовичъ, мыслилъ снасти частныя владѣнія

свои, не хотѣвъ участвовать въ общемъ подви-
гѣ и способствовалъ тѣмъ къ гибели государ-
ства. Онъ не избѣжалъ бѣдствія умедленіемъ.
Столица его, семейство, народъ погребены подъ
развалинами. Онъ самъ убіенъ въ битвѣ, имъ по-
теряннѣй. Столь спасительно не уклоняться отъ
опасности и противопоставлять бѣдствію превоз-
вышающее его мужество!

Татары воевали, какъ прилично варварамъ, рас-
простирая ужасъ и разореніе. Кровавые слѣды
ознаменовали походъ ихъ. Несчетныя сокровища
принесли они въ основанное ими на берегахъ Вол-
ги ставовище, отъ богатства Золотою Ордою
проименованное.

Такимъ образомъ безумная воля единого вар-
вара можетъ низринуть цѣлый народъ на столѣ-
тія въ невѣжество и уничиженіе, и замедлить
шествіе человѣческаго рода къ просвѣщенію и
благополучію.

ПОКОРЕНІЕ РОССИИ.

(1224—1462).

Непредвидѣнные и неотраженные удары, по-
токи крови, которыми ознаменовали Татары пер-
вое свое нашествіе, и наконецъ явленіе Батые
въ 1236 году, и бесполезная, горестная смерть

Георгія Всеволодовича, совершили страшное для Россіи преобращеніе — низпаденіе въ политическое рабство. Народъ, отличавшійся своею твердою храбростью, побѣдитель другихъ, находившійся уже на нѣкоторой степени просвѣщенія, но ослабленный раздѣленіемъ своимъ и заразою междоусобія, принялъ иго дикихъ варваровъ, которые воевали только для того, чтобъ разорить вселенную. Пылали расхищаемые грады, народъ низходилъ въ разверзтую бездну. Нѣкоторые подвиги геройства князей и частныхъ людей не могли уменьшить всеобщаго отчаянія. Одинъ Новгородъ, защищенный непроходимыми болотами своими, не видалъ въ стѣнахъ своихъ свирѣпыхъ разорителей. Управлявшій имъ братъ Георгіевъ, Ярославъ, поспѣшаетъ на дымящіяся развалины Владиміра. Сей несчастный государь первый уклоняетъ выю свою предъ властелиномъ Золотой Орды; между тѣмъ какъ сіяющій мужествомъ сынъ его, Александръ, притупляя наглость сѣверныхъ враговъ Россіи, Шведовъ и ливонскихъ рыцарей (1240), пріобрѣтаетъ Невѣ побѣдою своею первую ея знаменитость. Не единою только войною превосходный, онъ умѣлъ согласовать мужество свое съ трудными временами, въ которыя поставленъ былъ Провидѣніемъ. Посредникъ между честолюбивыхъ сродниковъ своихъ, искателей великокняжескаго престола, предупреждаетъ междоусобія. Предстатель народовъ своихъ, пріобрѣтаетъ почтеніе хановъ въ самомъ униженіи передъ ними. Семейство его удаляется отъ толь похваль-

наго примѣра. Братъ его, Ярославъ, угнетаетъ вольность Новагорода: тѣмъ виновнѣе, что, для исполненія сего съ вѣщимъ усердіемъ, призываетъ Татаръ, которые отвергають еіе предложеніе. Разумѣя лучше пользы свои, они питають междоусобія князей. Послѣдователя и брата Ярославова, Василя, низвергають. для возведенія Дмитрія, сына Александрова, которому въ то же время противоплагаютъ брата его, Андрея. Такимъ образомъ разрываются священные союзы родства и другіе, не менѣе священные, которые связуютъ насъ съ отечествомъ. Но что можетъ сравняться съ жалостью, съ негодованіемъ, которое возбуждается въ насъ, и въ отдаленное время, отвратительнымъ соперничествомъ Михаила Ярославича Тверскаго съ Георгіемъ Даніловичемъ Московскимъ? Сей послѣдній, не почитая ни какого способа низкимъ для достиженія верховнаго сана, зять ордынскаго хана Узбека, (перваго, который принялъ ученіе Магомета), не довольствуясь удручать сродника своего и отечество оружіемъ татарскимъ, влачитъ несчастнаго Михаила на судъ Узбековъ, въ подложной винѣ умерщвленія дочери его, Кончаки. Судебное убіеніе Михаила упадаетъ на главу Георгія, котораго въ самой Ордѣ поражаетъ дерзкій метитель родителя, Дмитрій. Не уходитъ отъ меча татарскаго любви достойный Александръ Михайловичъ, изгоняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ страхомъ Узбека и виновнымъ угожденіемъ Іоанна Даніловича Калиты. По крайней мѣрѣ при

семь великомъ князѣ, Москва, становясь столицею государства, открываетъ болѣе благопріятныя виды будущаго. Тверскіе князья помышляютъ подкрѣпить изнеможеніе свое союзомъ съ Литвою, народомъ повымъ, которому князья ея Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ даютъ подвигами своими блестящее существованіе. Они владычествуютъ въ Чермной Россіи, отторгаютъ Кіевъ и имѣютъ вліяніе въ дѣла новгородскія. Угнетенные зависимостью татарскою, Симеонъ Іоанновичъ Гордый и послѣдователь его, Іоаннъ Іоанновичъ, не могутъ въ краткое правленіе свое возставить силу Россіи. Дмитрію Донскому суждено было первому извлечь ее изъ уничиженія. Побѣдитель, оружіемъ и великодушіемъ, состязателя своего въ правахъ на великокняжескій престолъ, Дмитрія Константиновича Суздальскаго, достойнѣйшій обладатель Россіею, опъ разсѣваетъ безчисленныя силы, которыми Темникъ Мамай подавить его мыслить (1380). Но другой варваръ, Тохтамышъ, подъ видомъ мира, находитъ на Москву нечаянно и предаетъ ее мечу и огню. Завоеватель болѣе страшный, Тимуръ-Ленгъ, или Тамерланъ, котораго оружіе покоряетъ Азію, уничижаетъ кичливость Тохтамышеву и явленіемъ своимъ ужасаетъ Россію, во владѣніе великаго князя Василія Дмитріевича. Но опъ панесъ Ордѣ гибельный ударъ, и владычество татарское, раздѣленное на многія племена враждебныя, стремилось къ своему паденію. Василій Васильевичъ Темный, проведя всю жизнь свою въ бесполез-

ныхъ и горестныхъ междоусобіяхъ, лишенный зрѣнія виновнымъ еродникомъ своимъ, княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, не имѣлъ времени воспользоваться слабостью Орды. При немъ, на предѣлахъ россійскихъ созидалось царство Казанское. Почитаемый удѣльными князьями, но болѣе любимый подданными, оставляетъ онъ престолъ счастливѣйшему себя государю, сыну своему, Іоанну Васильевичу, котораго княженіе есть эпоха вольности россійской.

ПИСЬМА

КЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ

**О ПРЕДМЕТАХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ИСТО-
РИИ И ОПИСАНІЯ РОССІИ.**

ПИСЬМА

КЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

—

I.

Нѣтъ ничего похвальнѣе въ молодомъ человѣкѣ, какъ сія благородная склонность, которая побуждаетъ его пріобрѣтать новыя знанія и, совершенствуя размышленіе, упреждать тотъ возрастъ, который сдѣлаетъ его участникомъ въ важныхъ упражненіяхъ гражданской жизни. Вы даете хорошій примѣръ сверстникамъ своимъ и лестный знакъ вниманія вашего ко мнѣ особенно, приглашая меня къ пріятной перепискѣ о предметахъ, касающихся Исторіи и описанія отечества нашего, составлявшихъ содержаніе разговоровъ нашихъ въ столицѣ. Какъ древніе Римляне, вы хотите, чтобъ ученіе послѣдовало за вами и въ подгородныя ваши путешествія, дабы, возвращаясь съ гулянья, послѣ пріятнаго пѣше-шествія по лугамъ и долинамъ, или сходя съ лошади, имѣть еще забавы для разума и пищу для размышленія.

Вы, конечно, взяли съ собою въ деревню рукописанія наши, въ которыхъ заключается краткое начертаніе Россійской Исторіи, мною для васъ сдѣланное. Мы дошли съ вами до того любопытнаго періода, когда Россія стала входить въ ближайшее сообщеніе съ европейскими державами и гдѣ славный исторіографъ нашъ Миллеръ полагаетъ переходъ ея отъ древней Исторіи къ новой.

Ежели вы захотите пробѣжать ихъ снова, вы увидите, что мы изобразили быстрыми чертами первые успѣхи, которыми ознаменовалъ себя на позорищѣ вселенной народъ Славянскій, одержавшій исключительную верховность надъ всеми племенами, населявшими Сѣверъ. Будучи, по свидѣтельству Исторіи, просвѣщеннѣе окружающихъ его пастырскихъ народовъ, онъ имѣлъ уже гражданскія установленія и угрожалъ войною, или соревновалъ въ сіяніи упадающей державѣ Константина. Въ періодѣ безотрадномъ и темномъ, въ которомъ томилась Европа, Новгородъ привлекалъ сокровища Сѣвера и Востока, поражалъ славою своею отдаленные народы и полагалъ основанія буйственной вольности своей, между тѣмъ какъ Кіевъ, возвеличенный Олегомъ, Святославомъ, Владиміромъ, служилъ къ просвѣщенію Россіи присвоеніемъ святой и кроткой Вѣры. Бодрая юность Россійскаго Народа, побѣждая внѣ предѣловъ своихъ, испытала внутри себя несчастія раздѣленія и междоусобія. Иго варваровъ не могло уничтожить выи его и онъ возникъ ве-

личественнѣе подѣ мудрымъ правленіемъ Іоанновъ. Съ тѣхъ поръ составляя одно и не раздѣленное политическое тѣло, и уже владыка народовъ, которые поработить его мечтали, народъ російскій долженъ былъ только явиться въ Европѣ, чтобъ ѣхать наравнѣ съ другими просвѣщенными ея націями, какъ вдругъ пресѣченіе царствующаго рода едва не подвергло его паки опасности разрушенія и алчности завистующихъ сосѣдей. Любовь отечества, которая возбудила всѣ состоянія государства къ благородному соревнованію, вооружила войско героевъ по слѣдамъ Пожарскаго и Минина и утвердила общее спокойствіе возведеніемъ на престолъ Романовыхъ. Подѣ счастливымъ управленіемъ ихъ Россія воспріяла не только прежнія силы свои, но и предваривъ обыкновенное теченіе вещей удивительною дѣятельностью, положила новую тяжесть въ равновѣсіи Европы и съ удобностью присвоивъ новые нравы и искусства, по слову Петра Великаго, разлила просвѣщеніе по неизмѣримому пространству земель, соединенныхъ подѣ сильными ея законами.

Въ шестви Исторіи не должно останавливаться надѣ происшествіями безплодными и уединенными, которыхъ дѣйствіе было мгновенно, или тѣсными предѣлами ограничено, надѣ сею утомляющею картиною брани и сраженій, давно позабытыхъ съ маловажными причинами, ихъ внушившими. Тѣ токмо происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или

препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Начертаніе ихъ, освобожденное отъ побочныхъ обстоятельствъ, впечатлѣваетъ въ разумъ неизгладимое воспоминаніе.

Особливо достойны вниманія наблюдателя нравы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Такимъ образомъ Исторія какого либо народа есть лучшее истолкованіе умоначертанія его.

Примѣняясь къ симъ правиламъ, я буду сообщать вамъ разсѣянные опыты о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся Россіи, ея политическаго положенія, ея географіи, исторіи и прочаго, безъ плана, безъ условія, такъ, какъ внутренніе минуты или обстоятельства почты мнѣ позволяютъ. Я есмь. . . .

II.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ.

Не было никогда столь обширнаго пространства земли, подверженнаго непрерывно владычеству одинаго народа, какъ настоящіе предѣлы Россійской Имперіи. Занимая знатную часть Европы, простирается она по всему сѣверу Азии, и Беринговымъ Пролливомъ раздѣляется отъ Аме-

рики. Сто восемьдесятъ степеней долготы отъ острова Эзеля до Чукотскаго Носа и тридцать пять широты отъ Колы на Сѣверномъ Океанѣ до Севастополя на Черномъ Морѣ опредѣляютъ пространство ея. Сѣверный и Восточный океаны омываютъ ея предѣлы, великія моря: Балтійское, Бѣлое, Каспійское, Черное, пріемлютъ въ нѣдро свое великія ея рѣки и отверзаютъ торговлю съ отдаленнѣйшими странами вселенной. Европейская часть ея есть неизмѣримая равнина, нечувствительно возвышенная между Москвы, Тулы, Смоленска, которой Валдайскія Горы суть нѣкоторыя ступени. Сія плоская возвышенность склоняется во всѣ стороны и съ нея бѣгутъ великія рѣки: Двина Западная, Днѣпръ, Волга, въ Балтійское, Черное, Каспійское моря носящіяся. Отъ юго-востока примыкаютъ къ ней Кавказскія Горы, у подошвы которыхъ Донъ уклоняется отъ Волги и втекаетъ въ Азовское Море. Отъ Печоры возвышается великій хребетъ горъ и проходя до верховья Урала, заслуживаетъ имя земного пояса. Югъ Сибири возвышается великою грядою горъ, подъ именемъ Алтайскихъ известною, которою не допускаются благотворныя вѣтры юга, и рѣки Иртышъ, Обь, Енисей, Лена и прочія теченіемъ своимъ показываютъ наклонность къ сѣверу. Хребты Яблоновой и Становой обращаются на сѣверъ и отдѣляя отрасли въ Камчатку, составляютъ острова Курильскіе и Алеутскіе. Поблизости къ полюсу, большая часть Россіи подвержена ужасному холоду.

По умѣренная полоса ея награждена плодородіемъ, лѣсами, скотоводствомъ, всѣми выгодами жизни. Лѣса потеряли непроходимую свою мрачность и степи, прежде кочующими народами посѣщаемыя, обогащаютъ земледѣльцевъ. Сладкіе плоды юга приходятъ въ зрѣлость свою въ Астрахани, Кіевѣ и Тавридѣ. Славяно-Россы, владычествующій народъ, живутъ между племенами чудскими, татарскими и монгольскими. Населеніе до 26 милліоновъ простирается. Послѣ Москвы и Санктпетербурга, многолюднѣйшихъ городовъ, знатнѣйшіе суть: Казань, Астрахань, Архангельскъ, Рига, Кіевъ, Тобольскъ, Иркутскъ. Щедро земли не менѣе богато минералами, какъ и поверхность ея прозябеніями. Особливо знаменито желѣзо російское. Въ Сибири Кольванскіе заводы въ Алтайскихъ Горахъ и Нерчинскіе даютъ серебро и золото. Олонецкія Горы снабжаютъ своими мраморами. Водяныя сообщенія связываютъ отдаленнѣйшія области государства и подають величайшее пособіе внутренней торговлѣ. Одною Волгою соединяется Каспійское Море съ Балтійскимъ, и Санктпетербургъ наслаждается изобиліемъ Низовыхъ странъ. Ежели Донъ соединится съ нею каналомъ, то и Черное Море вступитъ въ сообщество съ двумя первыми. Мореплаваніе Алеутскихъ Острововъ есть средство сообщенія съ Америкою, такъ, какъ Камчатка и Курильскіе Острова могутъ когда нибудь служить связью торговли съ Японіею и Китаемъ.

III.

О ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ
РОССІИ.

Многоразличность климатовъ, которые содержитъ въ себѣ Россія, производитъ и великое различіе въ естественныхъ произведеніяхъ. Между тѣмъ какъ намѣстничества Выборгское, Олонецкое и Архангельское заимствуютъ иногда обыкновенные овощи огородные, Таврида и Астрахань производятъ виноградъ и шелковичное дерево. Сливы, груши, яблоки и самые нѣжные плоды возвращаются благораствореніемъ намѣстничествъ Екатеринославскаго, Кіевскаго и Харьковскаго по берегамъ Днѣпра и Дона. Но то, что служитъ основаніемъ народнаго существованія, питательныя растенія и разныя жита, какъ-вы рожь, овесъ, ячмень, пшеница, просо, горохъ и проч., принадлежатъ безъ исключенія каждому климату государства, съ бѣльшимъ или мѣньшимъ удобреніемъ и урожаемъ. Краткость лѣта въ сѣверныхъ краяхъ замѣняется силою солнечнаго жара, которая сокращаетъ обыкновенное время растенія, и хлѣбъ поспѣваетъ скорѣе къ жатвѣ. Но не всѣ роды онаго могутъ быть съ успѣхомъ переселены къ сѣверу и нѣжнѣйшіе остаются въ умѣреннѣйшихъ странахъ. Въ Украинѣ нивы не требуютъ унавоживанія, обильны будучи черноземомъ, между тѣмъ какъ безсочныя земли

Новагорода, Твери, Вологды и проч. ничего не производятъ безъ удобренія. Въ Украинѣ урожай возвращаетъ земледѣльцу въ восемь разъ, или болѣе, сѣмяна его; въ Новѣгородѣ родится самъ-другъ или самъ-третей.

Населеніе необходимо послѣдуетъ удобства пропитанія. Но въ цѣломъ государствѣ избыточство одной области награждаетъ недостатокъ другой обращеніемъ внутренней торговли и способами существованія. Знатная пристань, важное торжище соединяетъ иногда огромное населеніе въ странѣ, менѣе изобильной земледѣліемъ. Прилежность кушца и работника снабжаетъ ихъ пропитаніемъ и сама награждается прибавкою цѣны. Такимъ образомъ мѣра хлѣба въ Петербургѣ въпятеро дороже того, что она стòитъ на мѣстѣ. Плодороднѣйшія области наши суть умѣреннѣйшія, ниже 55°, намѣстничества Орловское, Курское, Тульское, Калужское, Тамбовское, Пензенское, Симбирское, Казанское и проч. Недостатокъ населенія въ нѣкоторыхъ происходитъ отъ новости онаго, по причинѣ татарскаго страха. Но есть земля безводная, безлѣсная, болотистая или песчаная, которыя, кажется, сама природа къ пустотѣ осудила. Таковы берега Сѣвернаго Океана, едва доставляющіе нужное пропитаніе скуднымъ рыболовамъ, и степи, солончаками покрытыя, которыя занимаютъ все пространство между Дона и Волги.

Не менѣе важны растенія, которыми изобилуетъ Россія, на употребленія въ рукодѣліяхъ.

Великіе лѣса дубовые въ югѣ, листвяничные въ сѣверѣ служатъ не только своему, но и чужихъ народовъ кораблестроенію. Липовые, употребляемые на дѣланіе рогожъ, на домостроительныя издѣлія и на обувь народа; сосновые, еловые, изъ коры которыхъ сидятъ смола и деготь. Особнаго примѣчанія достойны ленъ и пенька, — произведенія сѣверныхъ областей, составляющія одну изъ важнѣйшихъ статей иностраннаго вывоза. Въ Малороссіи табакъ разводится съ успѣхомъ. Изъ винограда приготавливаютъ вино въ Астрахани и Тавридѣ, такъ, какъ есть и заведенія шелковыхъ червей.

Скотоводствомъ отмѣнно изобилуетъ Малороссія. Кочующіе народы пригоняютъ ежегодно для мѣны къ Оренбургу безчисленное множество овецъ. Рыбная ловля на Волгѣ и Уралѣ заслуживаетъ особливое вниманіе; и вообще озера и рѣки російскія изобилуютъ рыбою.

Опустѣніе Сибири, конечно, произошло отъ движенія народовъ и переселеній, затѣмъ что умѣренныя страны ея представляютъ всевозможныя выгоды для обитанія и слѣды древнихъ рудокоповъ, въ разработаніи рудниковъ находимыя, свидѣтельствуютъ жителство народа сильнаго и искуснаго.

Съ началомъ нынѣшняго столѣтія началось заводское дѣло въ Уральскихъ Горахъ, изобильныхъ мѣдью и желѣзомъ. Въ Кольвановоскресенскихъ и Нерчинскихъ заводахъ достается серебро, такъ

же, какъ и въ Екатеринбургскихъ Березовскихъ золото.

Желѣзо российское не только-что довозьствуется государство, но и въ великомъ числѣ выходитъ въ иностранныя земли.

Другое ископаемое, не менѣе нужное, потому что служить въ пищу — соль, добывается близъ Оренбурга, каменная въ Илецкой Горѣ, изъ озеръ бузунъ въ Астраханской области и въ Уфимскомъ намѣстничествѣ; кромѣ того, производится въ соловарняхъ пермскихъ въ Соликамскѣ и старорусскихъ соляныхъ заводахъ. Соль находится также и въ Тавридѣ.

IV.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ ЮЖНОЙ РОССИИ.

Первые вѣки Российскаго Народа имѣли мѣстомъ дѣйствія своего тѣ страны, которыя простираются прямою чертою отъ Чернаго Моря къ Финскому Заливу и прилежатъ къ берегамъ Днѣпра, Западной Двины и Волхова. Сіе пространство получило первѣйшее населеніе и въ немъ находятся древнѣйшіе города Россіи: Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Тмутаракань, котораго положеніе недовольно извѣстно. Къ Волгѣ отлучались только города: Суздаль, Муромъ,

Ростовъ. Впрочемъ, востокъ Россіи покрывался, должно думать, глубокими лѣсами. Кіевъ, сдѣлавшись средоточіемъ правленія, привлекъ въ зависимость свою знатную часть Польши, до венгерскихъ границъ, извѣстную подъ именами Волини и Чермной Россіи. Россійскими князьями сооружаемы и обладаемы были нынѣшніе польскіе города: Владиміръ-Волынскій, Луцкъ, Минскъ, Перемышль, Теремовль, Галичъ, котораго государи великими князьями вмѣстѣ съ кіевскими и владимірскими именовались. Честолюбивый князь суздальскій, Георгій Долгорукій, подстрекаемъ желаніемъ овладѣть кіевскимъ престоломъ, строилъ города подобныхъ наименованій въ своемъ менѣе уважаемомъ удѣлѣ и способствовалъ къ населенію сей пустой и большей части Россіи, куда наконецъ сынъ его, Андрей Боголюбскій, перенесъ и престоль великокняжескій. Кіевъ, оставленный менѣе сильнымъ князьямъ, пришелъ въ небреженіе, разоренъ Татарами, отторгнутъ Польшею отъ Россіи и сдѣлался изъ столицы государства областью непріятелей. Съ того времени похищенный съ нимъ удѣлъ получилъ несвойственное имя Малой Россіи. Правленіе, нравы и языкъ польскій оставили въ ней и донынѣ еще неизглаженные слѣды свои. Земля важнаго пространства и чрезвычайнаго плодородія, пересѣченная судоходными рѣками, которыя съ обѣихъ сторонъ изливаются въ Днѣпръ и усѣяна пространными и высокими дубовыми рощами. Изобилія птицъ и рыбъ, безчисленные рои пчелъ,

въ пещерахъ и дуплахъ гнѣздящіеся, огромность рогатаго скота, благораствореніе воздуха, доброта земли для всякаго жита и роскошь произрастенія, все изъясняетъ щедрость природы и возбуждаетъ трудолюбіе челоуѣка. Жители отличаются праводушіемъ, гостепріимствомъ и склонностью къ ученію. Они составляли нѣкоторый видъ воинства, подъ именемъ казаковъ, и управлялись полководцемъ или гетманомъ. Утѣсняемые правленіемъ польскимъ въ исповѣданіи Вѣры, свергнули оное совѣтомъ гетмана своего Хмѣльницкаго и въ лѣто 1654, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, самопроизвольно присоединились къ Россіи. Одинъ изъ гетмановъ ихъ, Мазепа, извѣстенъ измѣною своею Петру I-му. Последнимъ былъ графъ Разумовскій, по отреченіи котораго напередъ учреждена была Малороссійская Коллегія, а потомъ введено общее гражданское правленіе Россіи и учреждены намѣстничества: Кіевское, Черниговское, Харьковское и Новгородско - Сѣверское. Отмѣннаго примѣчанія достойны: Кіевъ, своею древнею славою, пещерами и академіею; Черниговъ на Деснѣ, два столѣтія бывший удѣломъ особливаго княжескаго рода; Нѣжинъ, при рѣкѣ Острѣ, городъ славный купечествомъ и селеніями Грековъ и Армянъ; Харьковъ, основанный выходцами изъ польскаго владѣнія; Глуховъ, красивый городъ, бывший мѣстомъ пребыванія Малороссійской Коллегіи; Полтава, славная побѣдою Петра I.

V.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Отъ предѣловъ древняго княжества Полоцкаго распространяются къ сѣверу и по берегамъ Варяжскаго или Балтійскаго Моря области Чудскаго народа, котораго соединеніе со Славянскимъ въ самомъ началѣ россійскихъ лѣтописей предвѣщается. Разнородность однако не могла загладиться; и языкъ, несходственный со всѣми окрестными, по особливою полосою даже за Уральскія Горы проникшій, назначаетъ особое племя человѣческаго рода, нигдѣ до знаменитости и просвѣщенія недостигшее. По разности нарѣчій, обитатели дали разныя наименованія областямъ, особливо по занятіи Нѣмцовъ. Отсюда названія Лифляндіи и Эстляндіи и отъ нихъ отдѣленной Курляндіи. Двѣ первыя извѣстны въ составленіи Россіи подъ именами Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ страны сей есть Юрьевъ, или Дерптъ, по имени основателя своего Ярослава или Юрья именующійся, созданный имъ для управленія Чуди и собиранія податей. Въ XII вѣкѣ нѣсколько купцовъ бременскихъ занесены были бурею съ моря въ устья Западной Двины. Они обратили несчастіе свое въ выгодный случай торговли. Нѣкоторые чудскіе жители при-

няли христіанскую вѣру. Тогда, согласно съ нравами временемъ тѣхъ, особое военное общество, принявшее именованіе рыцарей меченосцевъ, отправилась въ Чудь для приведенія народовъ въ Вѣру завоеваніемъ. Россія, опечаленная въ то же время ужаснымъ нашествіемъ Батыевымъ, не могла воспротивиться сему похищенію областей, на которыя она имѣла толь древнія права. Рыцари покорили народъ, который обращать предпріяли, и естественные жители земли стали рабами пришельцовъ. Дерзость рыцарей была столь велика, что, соединясь съ Данією и усилившись помощію Шведовъ, они прислали требовать сдачи Новагорода. Но Александръ Невскій отразилъ достойнымъ образомъ нападеніе сіе. Между тѣмъ Рига, важная положеніемъ своимъ, достигла великой знаменитости въ торговлѣ. Ревель, или Кольванъ, построенный Датчанами, сталъ главою Эстляндіи. Многіе города, Едемпо, Ракоборъ и прочіе, потеряли знаменитость свою и превратились въ деревни. Послѣ множества безплодныхъ походовъ великій князь Иванъ Васильевичъ, властелинъ Новагорода, начерталъ, кажется, Россіи путь къ пріобрѣтенію Лифляндіи построеніемъ противъ Нарвы огромной крѣпости Иванъ-Города, иногда называвшагося Русскою Нарвою. Долго желаніе государей російскихъ ограничивалось владѣніемъ Нарвы, такъ какъ средствомъ соединенія съ Европою. Царь Іоаннъ Васильевичъ употребилъ всѣ свои усилія на исполненіе предпріятія сего.

Но грубость времени и собственная склонность къ насильственнымъ дѣяніямъ воспрепятствовали оному. Подъ Нарвою испыталъ ПЕТРЪ I, въ 1700 году, что множество уступаетъ военному благоустройству, и въ слѣдующій годъ, послѣ взятія Шлиссельбурга, пріобрѣлъ ее Россіи. Впрочемъ, въ Рижскомъ намѣстничествѣ заслуживаетъ примѣчаніе Перновъ и Аренбургъ на островѣ Эзелѣ.

VI.

ВОЙНЫ, КОТОРЫЯ ИМѢЛА РОССІЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ШВЕЦІЕЮ.

Неизмѣримое пространство земли, которое присвоилъ себѣ народъ россійскій, храбрость и внутренняя сила его, мужество государей, управляемое мудростью — столько преимуществъ поставили его выше боязни непріятелей. Во времена невѣжества и раздѣленія подпалъ онъ неволи варваровъ. Но владычество ихъ воздвигнуто было силою дикою и непросвѣщенною, и пало подъ своею собственною тягостью. Россія испытала счастливое вліяніе гражданскихъ установленій и государственной мудрости. Въ XV вѣкѣ возсіяла она новымъ свѣтомъ, заимствованнымъ отъ верховнаго духа великаго князя

Юанна Васильевича. Сила татарская уже издыхала. Владычица въ своихъ собственныхъ предѣлахъ своихъ, Россія изнесла оружія свои изъ оныхъ. Ей должно было возвратить отъ Польши богатая область, которая похитила у ней сія послѣдняя держава, воспользовавшись порабощеніемъ ея. Войны, около двухъ столѣтій съ различными успѣхами продолжавшіяся, рѣшились наконецъ въ пользу Россіи. Кіевъ, Смоленскъ позабыли позоръ чуждыя власти, и Польша, изнемогая подъ утѣшеніемъ несогласной аристократіи, уступила навсегда превосходству російскаго народа. Государи онаго, со временъ Петра I, не воевали Польшу, но покровительствовали ей. Другой народъ сосѣдственный, Шведы, показали болѣе силы въ борьбѣ съ Россією и служили по неволѣ къ возвеличенію оной. Вѣроятно, что и въ тѣ времена, до коихъ не достигають письменные памятники, предки обоихъ народовъ имѣли много сообщенія и браней между собою, особливо Новгородъ, сопредѣльный Швеціи. Изъ ней взялъ себѣ супругу Ярославъ и выдалъ дочь свою за Гаральда Храбраго. Чудскія области, лежащія между обоихъ государствъ, пріуготовляли причину вражды. Александръ Невскій пріобрѣлъ себѣ славное имя въ XIII столѣтій побѣдою надъ Ерикомъ Косноязычнымъ. Сынъ его, Андрей, взялъ Иеншанцъ, на устьѣ Невы. Князь Георгій Даниловичъ осаждалъ Выборгъ и построилъ Орѣховецъ, который отразилъ потомъ нападенія славнаго Густава Вазы;

Іоаннъ Васильевичъ, простирая взоры свои къ Ливоніи, поставилъ Иванъ-Городъ соперникомъ Нарвѣ. Усилія царя Іоанна Васильевича Грознаго были еще несравненно болѣе, и храбрый воевода его князь Палецкой многократно торжествовалъ надъ Густавомъ Вазою. Счастливецъ былъ вождя сего Понтусъ де ла Гардіе, который въ несчастное междуцарствіе послѣ Димитрія самозванца завладѣлъ Новымъ-Городомъ. Предпріятія царя Алексѣя Михайловича превзойдены бессмертными подвигами Петра Великаго, низведшаго Швецію двадцатилѣтнею войною со стени величія, которую она занимала въ Европѣ, и учинившаго Россію морскою державою присоединеніемъ Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи. Обезсиленная Швеція помышляетъ возвратить уронъ свой, зачавъ войну въ 1740 году. Но счастливый Лесси однимъ появленіемъ своимъ обращаетъ въ бѣгство воинства шведскія. Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ умножаютъ Россійскую Финляндію. И наконецъ въ наши дни видѣли мы безуспѣшное покушеніе Швеціи возвратить незагладимый ударъ, нанесенный ею подъ Полтавою.

VII.

ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ.

Мы видѣли, что Россія, вышедъ счастливымъ образомъ почти въ одно время изъ междоусобной борьбы съ собою и изъ покоренія татарскаго, дала сама почувствовать силу свою окружающимъ ее народамъ. Мы начертали легкое изображеніе браней ея съ Польшею и Швеціею. Не менѣе важно дѣйствіе ея къ югу на страшное владычество, которое поглотило Восточную Имперію и, внушаемо суевѣріемъ кровожаждущаго закона, грозило завоевать Европу. Сношенія наши съ Константинополемъ были прерваны ослабленіемъ Кіева и нашествіемъ татарскимъ. Но уже нѣсколько столѣтій сила Константинополя подрываема была племенемъ ужаснымъ, сошедшимъ съ Алтайскихъ Горъ и отъ береговъ Иртыша и приведшимъ въ трепетъ Европу подъ именемъ Турокъ. Наслѣдовавъ завоеваніямъ Аравитянъ и принявъ вѣру пророка ихъ, раздробляли они по частямъ Грецію, покуда наконецъ взятіемъ Константинополя, 1453 года мая 29-го дня, подъ предводительствомъ Магомета II, положили конецъ Греческой Имперіи. Оттуда распространили они завоеванія свои на окрестныя европейскія земли. Съ ужасомъ смотрѣли на успѣхи ихъ: и поочередно Венеція,

Польша, Венгрія, Германія испытали счастье ихъ оружія. Подверженіе Крима покровительству оттоманскому приблизило Россію къ Турціи и пріуготовило причины брани. Безпокойные жители онаго разливались по изволенію на села и города російскіе и были отражаемы мужествомъ подобнаго имъ воинства казаковъ, составлявшихъ какъ будто бы первую ограду Россіи. Первое предпріятіе, которое произвели Турки сами на Россію, было въ царство Іоанна Васильевича Грознаго, 1569 года. Селимъ II, султанъ турецкій, послалъ янычаръ и спаговъ отъ Азова Дономъ для возвращенія завоеваннаго тогда Россіею Царства Астраханскаго. Усилія Турокъ соединить Донъ съ Волгою были тщетны, и Астрахань спасена воеводою княземъ Серебрянымъ. Около половины прошедшаго вѣка общество казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, во владѣніе царя Михаила Ѳеодоровича, прославило себя взятіемъ Азова и показало Россіи стезю къ выгодному распрѣстраненію своего могущества на Черномъ Морѣ. Ихъ храбрость отразила на другой годъ многочисленное воинство морское и сухопутное, предводительствуемое капитаномъ - пашею, и одна невозможность защищать городъ принудила ихъ оставить его подорванной. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1677 году, былъ походъ подъ Чигиринъ, казакій городъ, который Турки принуждены были уступить Россіи. Въ малолѣтство царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, въ то время, когда

Евгеній прославлялъ имя свое знаменитыми побѣдами надъ Турками, Россія, приглашенная императоромъ иѣмьскимъ, пришла участіе въ войнѣ. Въ 1687 году воинство ся, подъ предводительствомъ намѣстника новгородскаго и оберегателя государственной печати, князя Голицына, который имѣлъ тогда величайшую силу въ правленіи, одержало нѣкоторую поверхность надъ передовыми отрядами Татаръ. Но пожары степей воспрепятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ. Таковы были первые опыты Россіи противъ Турокъ! Они превзойдены въ послѣдствіи творческимъ духомъ Петра Великаго. Первое оружіе свое испыталъ Онъ надъ Турками взятіемъ Азова, 1696 года. Подъ нимъ начальствовали Шереметевъ и Шейнъ. Флотъ, построенный на Воронежѣ, вспомоществовалъ движеніямъ сухопутнаго воинства. Побѣдитель Карла XII подъ Полтавою, Государь не имѣлъ того же счастья противъ Порты, которая дала убѣжище сопернику его въ Бендерахъ. Обмануть господаремъ Воложекимъ, который обѣщаль Ему доставленіе съѣстныхъ припасовъ, окруженъ на рѣкѣ Прутѣ многочисленными силами Турокъ, Государь принужденъ былъ заключить несчастливый походъ свой, въ 1711 году, прошеніемъ мира. Сіе униженіе было заглажено съ лихвою сіяющею войною, 1736 года, при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Минихъ взялъ Хотинъ, Очаковъ, занялъ Молдавію; Лесси проникъ въ середину Крыма неожиданнымъ путемъ. Императоръ Карлъ

VI былъ далекъ отъ такового счастья и позорнымъ миромъ принудилъ и Россію, въ 1740 году, оставить завоеванія свои. Безпокойства Польши ввели Порту, въ 1767 году, въ несчастную войну съ Россіею. Ею восшелъ Румянцевъ на чреду великихъ людей. За Дунаемъ принудилъ онъ визиря, окруженнаго отовсюду, заключить славный для Россіи миръ, при Кучукъ-Кайнарджи, въ 1774 году. Присоединеніе Крыма къ Россіи было наконецъ причиною, въ 1787 году, нынѣ продолжающейся войны Турецкой.

VIII.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ НѢМЕЦКОЮ ЗЕМЛЕЮ.

Мы видѣли положеніе Россіи въ разсужденіи окрестныхъ народовъ Польши, Швеціи и Турціи. Сосѣдство Нѣмецкой Земли менѣе близко. Но знаменитость ея, храбрость и благоустройство воинствъ, союзное правленіе многихъ государей подъ единою главою наследника кесарей, многолюдство, промышленность, всѣ сіи обстоятельства, и многія другія, должны были приближать Россію къ Германіи. Въ самой древности славянскія племена проникли во внутрь ея и нашли въ ней твердое поселеніе. Древнія царства Сербіи, Богеміи присоединены къ гер-

манскому владычеству. Изяславъ I искалъ убѣжища при дворѣ императора Генриха IV, не менѣе несчастнаго государя. Нашествіе татарское прервало всѣ образы сообщенія Россіи съ другими государствами. Возвращеніе свободы и единства при Іоаннѣ Васильевичѣ препровождено было возобновленіемъ всѣхъ прежнихъ сношеній. Императоры германскіе, признавъ выгоду, которая произойти долженствовала изъ союза съ Россіею, старались соединиться съ нею противъ враговъ христіанства. Максимилианъ I, заключая союзъ противъ Польши, въ 1514 году, съ Василіемъ Іоанновичемъ, приписываетъ ему титуло Императора Россійскаго. Первыя военныя дѣйствія Государя Петра Великаго противъ Турокъ согласованы были съ Леопольдомъ I, императоромъ римскимъ, и заключены карловицкимъ миромъ. Увлеченъ успѣхами войны противъ Карла XII, въ предѣлы Нѣмецкой Земли, Государь имѣлъ случай въ ней самой показать силу новаго оружія своего. Голштинія, Померанія становятся позорищемъ войны и Король Прусскій, союзникъ Петра I, получаетъ отъ него Штетинъ въ воздаяніе оказанной помощи. Полагаютъ, что Государь имѣлъ желаніе быть членомъ имперіи. Съ тѣхъ поръ не было никакого политическаго происшествія въ Европѣ, въ которомъ бы нечувствительно было вліяніе Россіи. Такимъ образомъ въ войну за наследство Карла VI, въ 1748 году, 30,000 Россіянъ, пришедшіе на берега Рейна, подъ предводительствомъ князя

Репниша, принудили Францію заключить миръ съ имперіею и морскими державами. Счастливое честолюбіе Фридриха II возводило между тѣмъ Пруссію на степень сильныхъ государствъ, и Шлезія, отторгнутая отъ дома австрійскаго, продолжала быть причиною браней. Саксонія благопріятствовала втайнѣ сторожъ вѣнскаго двора и первая потерпѣла отмщеніе Фридриха. Россія вступилась за своихъ союзниковъ. Многочисленное войско, въ 1757 году, подъ предводительствомъ фельдмаршала Апраксина, вошло въ Пруссію. Побѣдитель въ толь многихъ битвахъ не могъ защищаться противъ мужества Россіянъ. Ферморъ занялъ Кенигсбергъ. Послѣдовавшій ему, графъ Салтыковъ, присоединяя къ счастію любовь воиновъ, заглаждаетъ несчастіе кистринской баталіи, кровопролитной съ обѣихъ сторонъ, двумя битвами, Палцигскою и Франктфуртскою, на которыхъ онъ похищаетъ побѣду у короля. Самая столица, Берлинъ, видитъ въ себѣ войска Россійскія. Графъ Румянцевъ беретъ важную приморскую крѣпость Кольбергъ. Кончина Государыни Елисаветы Петровны была послѣдована перемѣною въ политикѣ. Король обязанъ избавленіемъ своимъ тѣмъ же войскамъ, которыя привели его на край гибели. Графъ Чернышевъ начальствовалъ Россійскими войсками, которыя должны были вспомоществовать королю противъ Австрійцовъ. Миръ, заключенный въ Губертсбургъ, 1762 года, возстановилъ все въ прежнее состояніе, и Король Прусскій былъ

по смерть свою ревностнымъ союзникомъ Россіи. Въ 1779 году, послѣ краткой войны съ императоромъ Іосифомъ II за баварское наслѣдство, принялъ онъ посредничество Россіи. и князь Репнинъ, который долженъ былъ начальствовать корпусомъ, заключилъ миръ между обоими государями въ Тешенѣ. Въ 1787 году, когда Турки нарушили миръ съ Россіею, императоръ Іосифъ II, въ то же время объявилъ войну Портѣ, и завоеваніе Хотина, Бѣлграда и другихъ мѣстъ ознаменовало оную.

Послѣ войны, которую Россія окончила съ Турками столь счастливо, въ 1774 году, согласіе Пруссіи, Австріи и Россіи произвело раздѣлъ Польши между оными.

ІХ.

ДѢЛА СЪ ПЕРСИЕЮ.

Потомки Персовъ, которые нѣкогда владѣли Азіею и грозили поработить Европу, далеки нынѣ отъ толикой славы. Самовластіе удѣльныхъ султановъ, рабство и невѣжество оскверняютъ престолъ Кирова. Естественное богатство земли и сосѣдство Индіи не служатъ къ благополучію народа, затѣмъ что онъ не имѣетъ правленія мудраго и справедливаго. Со дней Крассовыхъ,

Персія дерзала соревновать Риму, который имѣлъ отмстить ей понесенныя пораженія. Сильный Хозрой, или Нуширванъ, привелъ въ опасность Восточную Имперію во дни императора Фоки. По его бѣдственной смерти, Персія поднала игу калифовъ и перемѣнила вѣру Маговъ на ученіе Магомета, Аліевой секты. За Аравитянами слѣдовали Турки въ завосваніи Персіи и наконецъ Монголы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія погружена она въ несчастія междоусобной войны слабостью и пороками шаха Гуссейна. Авгапцы, воинственный народъ на границахъ Персіи, предводительствуемый предприимчивымъ вождемъ своимъ Миривейсомъ, отложился отъ власти шаха; съ другой стороны хищные Лезгинцы разорили Шамахію, городъ, процвѣтавшій торговлею. Имѣніе нѣкоторыхъ російскихъ купцовъ было въ немъ пограблено и Государь Петръ I-й просилъ удовольствія. Слабый шахъ Гуссейпъ, будучи не въ силахъ дать онаго, просилъ у Государя помощи для возстановленія падающаго своего престола. Въ 1722 году, въ Іюнь мѣсяцѣ, Государь, прибывъ въ Астрахань съ Супругою Своею, посадилъ 30,000 пѣхоты на флотъ, предводительствуемый адмираломъ Апраксинымъ. Вышедъ на берегъ у залива Аграхамскаго, Государь пріемлетъ въ зависимость Свою падающихъ султановъ: отверзаютъ врата свои города Тарху и Дербентъ, или Желѣзныя Врата, крѣпость, приписывающая возобновленіе свое Александру Великому. Погоды и разсѣянiе транспортных су-

довъ воспренятствовали Государю продолжать успѣхи оружія своего далѣе. Возвратясь въ Москву, Онъ удостоилъ походъ Свой тріумфа, и соблюдая, по обычаю своему, подчиненность, донесъ Ромодановскому объ успѣхѣхъ предпріятія. Въ слѣдующій годъ посоль персидскій, прибывшій въ Санктпетербургъ, Измаиль Бекъ, уступилъ Россіи, именемъ государя своего, города Баку и Дербентъ, съ уѣздами, и области Гилянскую, Мазандеранъ и Астрабатъ. Въ Персіи возшелъ на престолъ изъ самаго ничтожества возвысившійся Тахмасъ Кулиханъ и Россія уступила ей обратно свои пріобрѣтенія.

Х.

ПРІОБРѢТЕНІЕ СИБИРИ.

Сѣверъ Азіи выпускалъ изъ предѣловъ своихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій безчисленныя сонмища варваровъ дикихъ и неодолимыхъ. Близъ хребтовъ Алтайскихъ укрѣплялась медлительно огромная сила татарская, которая, изліясь изъ предѣловъ своихъ во всѣ стороны, подобно стремленію разоряющей рѣки, низпровергла царства и опустошала земли. Между тѣмъ какъ глава татарскаго имени продолжалъ властвовать изъ стѣнъ Каракорома въ стѣняхъ, прилежащихъ

къ Китаю и на берегахъ Амура, зависящіе отъ него ханы, въ удѣлахъ своихъ не менѣе самовластные, учредили столицы свои въ странахъ, пріобрѣтенныхъ оружіемъ. Батью досталось ханство Даште - Кипчакское. И Орда его, отличенная именемъ Золотой, сохраняя дикость древнихъ нравовъ, имѣла становище свое по теченію и при устьяхъ Волги. Разоренные города мирнаго царства Болгарскаго попирались стадами ордынскими. Ока ограничивала поселенія російскія. Но когда междоусобіе вооружило Татаръ другъ на друга и честолюбивые вельможи играли слабостью хановъ, Россія воспріяла мужество разбитіемъ Мамаю, тогда ханы пріучились искать убѣжища въ Россіи. Такимъ образомъ Улу-Махметъ возобновилъ стѣны Казани, которыя стояли толь многихъ походовъ. Прозорливость Іоанна Васильевича, терпѣніе Василія и превьшающая сила Царя Іоанна Васильевича Грознаго унизили навсѣгда имя, нѣкогда страшное, татарскаго народа. Царства Казанское и Астраханское присоединились къ предѣламъ Россіи. Слабый остатокъ силы татарской, ханство Туралинское, сокрывался за сими величественными горами, которыя, отдѣляя Азію отъ Европы, назывались окрестными обитателями поясомъ земли. Толгъ Донскихъ Казаковъ и бодрому атаману ихъ Ермаку Тимоѣеву предоставлена была честь подвергнуть оное скипетру Россійскому подъ конецъ владѣнія Царя Іоанна Васильевича (1580) и открыть будущимъ изысканіямъ необъятное про-

странство земель, богатое сокровищами нѣдръ своихъ, драгоцѣнною рухлядью и узкимъ проливомъ отъ Америки отдѣленное. Семейство Строгановыхъ, изстари на границахъ Сибири поселившееся, снабдило припасами и оружіями сего предприимчиваго завосвателя, Пизаррамъ и Кортесамъ равнаго и преодолѣвшаго тмы препятствій, противопоставленныхъ и природою и многочисленными племенами, которыя побѣдить ему надлежало. Сибирью, или Искеромъ, называлась столица Кучума, сильнѣйшаго государя въ окрестности на берегу Иртыша, отъ которой и вся земля получила имя свое.

ХІ.

СООБЩЕНІЯ СЪ КИТАЕМЪ.

Открытіе Сибири, счастливое дѣло нѣкоторыхъ предприимчивыхъ казаковъ, послѣдователей Ермака; Бузы, Бекетова, Пояркова, Хабарова, Атласова, ограничило Россію водами Ледовитаго и Тихаго морей и приблизило ее къ богатому и просвѣщенному Китаю. Восмидесяти лѣтъ довольно было симъ отважнымъ искателямъ новыхъ странъ, водимымъ корыстолюбіемъ, чтобы пройти глубокіе снѣга лѣсовъ сибирскихъ, проплыть на легкихъ кочахъ въ устья великихъ

рѣкъ, вливающихся въ Океанъ, Оби, Енисея, Лены, Анадыра, и учинить данниками странствующіе народы Остяковъ, Тунгусовъ, Якутовъ, Коряковъ и Камчадаловъ. Часто корыстолюбіе заставляло завоевателей оскорблять челоѡчество и часто вооружало ихъ противъ самихъ себя. Содѣйствіе воеводъ и правленія защищало сіи мѣста, — убѣжища, которыя, подъ именемъ остроговъ и зимовей, сооружаемы были казаками и возрасли послѣ въ богатые и многолюдные города, каковы: Тобольскъ, Енисейскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ, Нерчинскъ и множество другихъ, менѣе знатныхъ. Ясаки, платимые сибирскими народами мѣхами соболей, куницъ, песцовъ, извѣстными подъ именемъ мягкой рухляди, составили важный доходъ казны и весьма прибыточную отрасль торговли, особливо съ азіятскими народами. На берегахъ Амура сошлись Россіяне съ Китайцами въ половинѣ прошедшаго вѣка. Первый Поярковъ проникъ въ предѣлы китайскіе. Хабаровъ съ малымъ числомъ людей, но подкрѣпляемый дѣйствіемъ пушекъ, овладѣлъ городомъ Албазиномъ въ Дауріи. Китайскій чиновникъ посѣтилъ его, не былъ въ состояніи зачать переговоровъ за неимѣніемъ переводчика. Проникая далѣе по Амуру, Хабаровъ выдержалъ и отразилъ осаду Китайцовъ. Преемникъ Степановъ опровергаетъ мужествомъ своимъ 10,000 Китайцовъ, пришедшихъ съ 15 пушками осаждать его въ Камарскомъ Острогѣ. Воевода енисейскій Пашковъ построилъ Нерчинскій Острогъ

на рѣкѣ Нерчѣ, впадающей въ Шилку. Возобновленіе Албазина, въ 1665 году, подало поводъ къ вооруженію китайскому. Превосходное число ихъ и сто пушекъ артиллеріи принуждаютъ оставить городъ. Война продолжается до заключенія мира, воспослѣдовавшаго въ Нерчинскѣ 1689 года. Россійскіе послы были: Ближній Окольникій и Намѣстникъ Брянской Ѳедоръ Ал. Головинъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатемскій Иванъ Остаф. Власовъ; Китайскіе Сонгуту Гос. Сов. и Гон-ке-канъ, сродникъ императора. Имъ послѣдовали іезуиты Переира и Жербильонъ. Переговоры на латинскомъ языкѣ производились. Потомъ многія посольства и караваны въ Пекинъ отправляемы были въ 1757 году. Переходъ одной калмыцкой орды изъ Китая въ Россійское подданство охладилъ обѣ имперіи. Въ 1770 году они ушли обратно. Купечество съ Китаемъ представляетъ государству великія выгоды. . . .

.

XII.

ТОРГОВЛЯ СЪ АЗІЯТСКИМИ НАРОДАМИ.

Мы примѣтили, читая Россійскую Исторію, что самое несчастіе, которое постигло Россію въ XIII вѣкѣ, подвергнувъ ее завоеванію татарскому, было исправлено мужествомъ народа, и послужило ей поводомъ къ открытію неизвѣстныхъ и необъятныхъ странъ, къ оказанію превосходства своего надъ сильными кочующими племенами и къ достиженію Китая, Персіи и береговъ Америки. Многіе народы независимые искали покровительства Россіи: Черкесы, Грузины, странствующие Киргизцы и Калмыки, торгующіе Бухарцы. Посредствомъ сихъ послѣднихъ имѣемъ мы нѣкоторое купечественное сообщеніе съ Индією, сею богатою страню, которую хотѣлъ открыть побѣдами своими Александръ Великій, которой сокровища долго текли въ Римъ и Константинополь и которой достигли наконецъ предприимчивые Португальцы въ концѣ XV вѣка, подъ предводительствомъ отважнаго Васко-де-Гама, перваго обошедшаго Мысъ Доброй Надежды. Корыстолюбіе привлекло въ сіи счастливыя мѣста всѣ другіе купеческіе народы Европы и незлобивые Индійцы, покоряемые сими иностранцами, видѣли часто войны и междоусобіе, отмщающія ихъ утѣсненія. Прежде успѣ-

ховъ мореплаванія, чрезъ россійскія рѣки производилось сообщеніе Индіи съ Европою. Подымаясь вверхъ по рѣкѣ Инду, входили Оксомъ въ Каспійское Море и оттуда Волгою и Дономъ въ Черное. Если бы можно было болѣе полагаться на миролюбіе и вѣру кочующихъ народовъ, Трухменцовъ, Узбековъ, Хивинцовъ, то и нынѣ могла бы имѣть Россія выгодный и непосредственный торгъ съ Индіею. Въ Астрахань дѣйствительно пріѣзжаютъ Индійцы и остаются въ ней жить для произведенія дѣлъ своихъ. Еще при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Англичане, открывъ пристань города Архангельска, старались возобновить путь сей въ Индію чрезъ Каспійское Море. Тотъ же видъ былъ одного голштинскаго посольства въ началѣ прошедшаго вѣка. Государь Петръ Великій, желая воспользоваться сими удобствами, послалъ капитана гвардіи Александра Бекевича Черкаскаго (1715) основать нѣкоторыя заведенія на берегахъ Аму-Дарьи, или древняго Окса. Устья рѣки сей неизвѣстнымъ происшествіемъ природы или искусства не впадаютъ болѣе въ Каспійское Море, но въ Араль. Вѣроломный ханъ хивинскій овладѣлъ хитростью войскомъ и особливо несчастнаго князя Бекевича, который и лишенъ жизни. Съ другой стороны, подполковникъ Бухольцъ имѣлъ порученіе овладѣть и укрѣпиться на вершинахъ Иртыша. Обороняясь долго въ Ямышевской крѣпости отъ нападеній Зюнгорскихъ Калмыковъ, которыхъ Контайша велъ тогда кровопролитную войну съ

Китайцами, Бухольцъ принужденъ былъ оставить предпріятіе. За нимъ послѣдовавшій гвардіи Семеновскаго Полка майоръ Дихаревъ, который имѣлъ испытать золото, влекомое петочниками съ высоты Алтайскихъ Горъ, прошелъ озеро Зайсанъ, и отражая нѣсколько дней нападенія Калмыковъ на Верхнемъ Иртышѣ, возвращаясь, основалъ Усть - Каменогорскую и многія другія крѣпости. Потомокъ сего Контанша, Амурзана, разбитый Китаичами, искалъ убѣжища въ Россіи. Часть орды его перешла въ предѣлы российскихскіе и соединилась съ однородцами своими, покорившимися Царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1771 году оставили они опять Россію, преслѣдуемые Киргизцами. Для обузданія сихъ послѣднихъ и для учрежденія торжища съ Бухаріею, въ 1734 году построенъ на Уралѣ Оренбургъ. Въ здѣшнемъ мѣшовомъ дворѣ пріѣзжающіе изъ Россіи кушцы мѣняютъ европейскіе товары на индійскія ткани, слитки золота и плоды, привозимые Бухарцами. Киргизцы пригоняютъ туда несмѣтныя стада овецъ и снабжаются сукнами и желѣзными вещами.

XIII.

МОРСКІЯ ОТКРЫТІЯ РОССІЯНЪ.

Желаніе найти въ Индію путь, кратчайшій того, который проложили Португальцы, распространилъ въ соперничающихъ народахъ мнѣніе, что, держась на сѣверо-востокъ, можно, обошедъ крайній мысъ Азіи, достигнуть Индіи. Многія предпринимаемы были неудачныя покушенія. Россіи принадлежало рѣшить вопросъ: соединяется ли Азія съ Америкою, или отдѣлена отъ оной? Чукчи, народъ воинственный и свирѣпый, занимая послѣдній край Азіи, единственный изъ народовъ сибирскихъ, еще не покоренный оружіемъ Россійскимъ, полагали препятствіе изысканіямъ. Съ другой стороны, море, представляющее долины и горы вѣчныхъ льдовъ, не позволяло обойти Чукотскій Полуостровъ. Однажды только въ половинѣ прошедшаго вѣка такъ открыто было море, что казачій голова Дешневъ съ нѣсколькими кочами обошелъ Чукотскій Носъ и первый прошелъ проливъ между Азіи и Америки. Государь Петръ I, обращая взоръ свой на всѣ части правленія, не оставилъ стараться о морскихъ открытіяхъ. По его наставленію, адмиралтейство, распредѣливъ мореплавателей отъ Архангельска вдоль береговъ Сѣвернаго Океана, направляло путь ихъ къ Чукотскому

Носу. Съ 1734 года обошли они устья Оби, Енисея, Лены, Яны, Индигирки. Послѣдній изъ нихъ, Лаптевъ, захваченъ былъ льдами и едва могъ возвратиться на маленькомъ суднѣ. Съ другой стороны, начальникъ главной экспедиціи, капитанъ Берингъ, вышедъ, въ 1728 году, изъ авачинской пристани и направляя путь свой къ сѣверу, поравнялся съ оконечностію Азіи, откуда она обращается къ западу, и такимъ образомъ рѣшилъ вопросъ: соединяется ли Азія съ Америкою? Японское судно, разбитое на берегахъ Камчатки въ 1731 году, было поводомъ къ изслѣдыванію положенія ея въ разсужденіи Камчатки и гряды острововъ, лежащихъ между оными, называемыхъ Курильскими. Охотою предложилъ себя къ предпріятію похода сего тотъ же Берингъ и товарищи его, Шпанибергъ и Чириковъ. Сугубый предметъ ихъ состоялъ въ обзорѣніи Японіи и береговъ Америки; академики Стеллеръ и де Лиль сопутствовали имъ; Шпанибергъ и Ваксель, товарищъ его, разлучась между собою, оба видѣли многолюдные берега Японіи, и послѣдній имѣлъ обхожденіе съ жителями. Чириковъ также разстался въ бурю съ Берингомъ и прежде его увидѣлъ берегъ Америки. Посланныя отъ него двѣ шлюпки, удержанныя дикими, не возвратились на корабль. Берингъ также коснулся Америки и натуралистъ Стеллеръ видѣлъ Американскія растенія. Возвращеніе Беринга было затруднительно и бѣдственно. Осень и жестокія бури приводили въ вящую слабость людей,

изнеможенныхъ скорбутомъ. Послѣдній ударъ бросилъ ихъ на камни пустого острова, который отъ Беринга получилъ имя свое. Сей славный мореплаватель на немъ окончилъ жизнь свою. Сей островъ зачинаеть отъ Америки гряду Алеутскихъ Острововъ, идущихъ къ Америкѣ. Съ 1745 года стали они извѣстнѣе многими поѣздками промышленниковъ, которые обогащаются тамъ ловомъ бобровъ камчатскихъ и сивучей. Кукъ былъ брошенъ погодою на одинъ изъ острововъ сихъ, Уналашку. Вблизи оттуда, на матерой землѣ находится заливъ Ноотка, который былъ недавно причиною ссоры между Англіею и Испаніею.

XIV.

ЗАВЕДЕНІЕ АРХАНГЕЛЬСКА.

Много разъ имѣли мы случай примѣтить, что Россія чувствительнымъ образомъ возстала изъ развалинъ своихъ и взяла поверхность надъ соседственными державами, какъ скоро Іоаннъ Васильевичъ, сей счастливый и дѣятельный государь, соединилъ, согласно съ желаніемъ народа, раздробленныя части онаго и низвергъ позорное иго Татаръ. Мы обозрѣли быстро многочисленныя дѣянія, которыя совершилъ народъ россій-

скій въ краткое время трехъ столѣтій, прошедшихъ послѣ сего достопамятнаго происшествія: Польша принуждена была возвратить захваченныя ею области російскія. Казань и Астрахань, прежде страхъ Россіи, послужили къ увеличенію силы ея. Чудскіе народы, данники Владиміровы, но покоренные Тевтоническими Рыцарями, Ливонія, Эстонія, Ингрія отобранны отъ Швеціи, которая возобновляемыми войнами старалась отметить Россіи за потерянную свою силу. Оттоманы, страшные Европѣ, вызывали оружія російскія только для того, чтобъ чувствовать пораженія ихъ и раздѣлить съ собою владычество Чернаго Моря. Во времена семнадцатой вѣки видѣлъ особливо вліяніе Россіи на равновѣсіе Европы и войска ея въ Помераніи, Голлантии, на Рейнѣ, въ завоеванной днѣ Пруссіи. Въ Азіи, Персія уступала ей области и Хина заключала съ нею мирные договоры. Сибирь, необъятное пространство, открытое и пройденное смѣльчаками, привело насъ къ предѣламъ Новаго Свѣта. Мы видѣли Беринга, проходящаго проливъ между Азіею и Америкою. Сіе самое предпріятіе пройти съверо-восточною стороною Азіи въ Индію утѣшало въ XVI вѣкѣ мореплавателей голландскихъ и англійскихъ и послужило поводомъ симъ послѣднимъ къ открытію двинскихъ устій: слѣдствіемъ котораго было учрежденіе архангельскаго порта и купечественное сношеніе Россіи съ Англіею. При Эдуардѣ VI, по предисаніямъ славнаго мореплавателя Себастіана Кабота,

отправлены были, 1553 года, три корабля, подъ начальствомъ Гуга Валлугби, для обойденія сѣверо-восточнаго края Азіи. Два претѣрпѣли кораблекрушеніе: одинъ корабль «Эдуардъ Бон-Авантюръ», на коемъ начальствовалъ капитанъ Рихардъ Чанселоръ, желая узнать страну, въ заливѣ которой онъ бросилъ якорь, увѣдомился отъ удивленныхъ рыбаковъ, что онъ находится въ Россіи и въ устьѣ Двины. Вблизи былъ монастырь Никольскій, основанный Марѳою Посадницею, отсюда и портъ назывался у иностранныхъ портомъ Св. Николая. Чанселоръ отправился въ Москву, и представленъ будучи Царю Іоанну Васильевичу, заключилъ съ нимъ, именемъ государя своего, торговый трактатъ. Англія обратила на сію новую отрасль торговли своей особливое вниманіе. Составилось общество купцовъ, исходатайствовавшее себѣ исключительное право торговать въ Россіи, и которое продолжается и донынѣ подъ именемъ Россійской Компаніи. Царь видѣлъ предпріятіе сіе съ удовольствіемъ, потому наче, что сія купечественная связь освобождала Россію отъ притѣсненія Азиатическихъ торговыхъ городовъ. Швеція жаловалась Елисаветѣ, королевѣ англійской, на торговлю, производимую въ Россіи ея подданными, опасаясь, чтобы торговля не привела съ собою искусствъ и просвѣщенія и не сдѣлала Россію страшною Европѣ. Такова была первая связь Англіи съ Россіею!

XV.

ОСНОВАНІЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

Хотя Россія и имѣла уже морскую пристань въ городѣ Архангельскѣ, изъ которой могла она отпустить товары свои и получать европейскіе, но продолжительность зимы и дальность пути по Ледовитому Океану полагали препятствія торговлѣ и увеличивали разстояніе государства сего отъ остатка Европы. Петръ Великій и, можетъ быть, ирежде сего Царь Іоаннъ Васильевичъ, видѣль, сколь важно было для Россіи имѣть портъ на Балтійскомъ Морѣ. Древнія притязанія на Ливонію, которая отъ Польши перешла подъ шведское владѣніе, долговременная вражда Швеціи съ Россіею, будущія выгоды торговли и просвѣщенія, — все сіе преклоняло Государя къ нанесенію войны Швеціи. Но для произведенія ея съ успѣхомъ должно было сравняться со Шведами въ военномъ искусствѣ. Разстояніе между обоими войсками было безмѣрно. Государь зачиналъ только вводить новую тактику. Шведы, приученные къ побѣдамъ подъ предводительствомъ Густава Адольфа и преемниковъ его, потрясали Сѣверъ силою оружія своихъ. Безпримѣрныя дарованія Государя, любовь отечества, неутомимое трудолюбіе, твердость, доставили въ краткое время неоспоримую верховность Россійскому На-

роду. Чувствуя недостатокъ искусствъ, разослалъ онъ молодыхъ дворянъ въ Италію, Германію, Голландію, обучаться знаніямъ, потребнымъ для военнаго искусства и мореплаванія. Дабы побудить ихъ собственнымъ примѣромъ, на время оставилъ престолъ и, въ лицѣ простаго дворянина посольства за послами своими Лефортомъ, Головинымъ и Возницынымъ, разсматривалъ дворы и нравы европейскіе. Способенъ къ постиженію высочайшихъ наукъ, не пренебрегалъ онъ простѣйшихъ руководѣній. Ни кѣмъ не знаемъ, подѣ именемъ Петра Михайлова, строилъ Онъ первый корабль Свой въ Сардамѣ и въ то же время учился физикѣ и астрономіи. Сіе самое путешествіе послужило причиною, или предлогомъ войны, которую Государь объявилъ Швеціи въ первый годъ сего столѣтія. Предосторожности губернатора Риги д' Алберга въ проѣздъ посольства были сочтены оскорбленіями государя. Младой Карлъ XII видѣлъ себя угрожаемаго Россіею, Польшею и Даніею. Первая побѣда его подъ Нарвою наполнила его нагубною надменностью. И между тѣмъ, какъ онъ забавлялся низведеніемъ съ престола Августа, короля польскаго, Петръ I приучалъ войска Свои торжествовать надъ Шведами. Древній Орѣшекъ взятъ приступомъ и изъ Нотебурга проименованъ Шлиссельбургомъ, или ключемъ намѣреваемыхъ завоеваній. Шеншанецъ защищалъ устья Невы. Онъ палъ, и поздно пришедшая на выручку его эскадра шведская разбита лодками, которыми Государь предводитель-

ствовавъ. Такимъ образомъ исполнилось желаніе его видѣть себя на водахъ балтійскихъ. Среди войны и на мѣстѣ сраженія полагаются основанія города, который будетъ убѣжищемъ торговли и наукъ. Ближе къ Финскому Заливу нежели Ніепшанць, выбранъ островъ, на которомъ 1703 года мая 16 дня, въ Троицынъ День, заложена крѣпость Санктпетербургъ. Дремучій лѣсъ и топкія болота уступаютъ мѣсто раждающемуся городу. Напрасно шведскій генералъ Кроніортъ мечтаетъ разорить основанія его, приближаясь съ 4000 человекъ. Государь, взявъ два полка гвардіи, разбиваетъ его у Сестры-рѣки. Котлинъ Островъ въ Финскомъ Заливѣ устроивается подъ именемъ Кронштадта военною пристанью и оградю Петербурга съ моря. Въ 1705 году Шведы умышляютъ напасть на него морскою и сухопутною силою. Вице-адмиралъ Анкерштерна съ 22 кораблями отражается отъ Кронштадта расторопно-стью полковника Толбузина, между тѣмъ какъ генералъ Мейдель претерпѣваетъ такую же неудачу передъ Петербургомъ. Основатель долженъ былъ не менѣе бороться и съ самою природою. Болѣзни похищали работниковъ. Съ роптаніемъ новые жители мѣняли родину свою на заводящійся городъ. Доставленіе съѣстныхъ припасовъ облегчено было соединеніемъ рѣкъ Мсты и Тверцы, посредствомъ котораго изъ Каспійскаго Моря можно плыть въ Балтійское, и возвышеніе земли истребило причины болѣзней.

XVI.

ПЕРЕМѢНЫ ВОЕННАГО ИСКУССТВА ВЪ РОССІИ.

Древній образъ войны долѣе, нежели въ другихъ странахъ, сохраненъ былъ въ Россіи. Отчужденіе отъ иностранныхъ обычаевъ, нужда противустоятъ азійтскимъ народамъ, отдаляли отъ предковъ нашихъ исправленія, которыя получало военное искусство въ Европѣ. Во время самаго объявленія похода собирались разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, съ большимъ или меньшимъ числомъ служителей, собственнымъ иждивеніемъ вооруженныхъ. Служба временемъ похода ограничивалась. Весь дворъ послѣдовалъ на войну за Государемъ. Придворные заступали мѣсто чиновниковъ въ войскѣ. Часто, послѣдуя упрямо предразсужденію мѣстничества, бояре хотѣли лучше подвергнуться гнѣву Государя и пропустить случай быть полезными отечеству, нежели признать верховность искуснаго предводителя, который происходилъ отъ менѣе знатнаго рода. Сіе вредное злоупотребленіе принудило Царя Θεодора Алексѣевича къ непріятному поступку приказать всѣмъ родамъ представить ихъ грамоты и сожженіемъ ихъ уничтожить мѣстничество. Конница составляла бѣольшую часть воинства, и храбрость болѣе, нежели искусство движеній, рѣшала побѣду. Однако знаменитая битва Димитрія

Донского выиграна засадою, которая во время ударила въ тылъ Мамаю. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ и государству и воинству далъ уставленіе, болѣе важное. При немъ литы первыя пушки и употреблены, 1482 года, противъ города Феллина въ Лифляндіи. Многіе предводители при немъ и въ послѣдующія царства отличились успѣхами надъ Татарами, Шведами и Поляками: Князья Холмскіе, Глинскіе, Бѣльскіе, Курбскіе, Палецкіе и Ник. Ром. Юрьевъ, братъ царицы Настасьи Романовны и прародитель Романовыхъ. При осадѣ Казани (1552 октября 2-го) стѣны были взорваны подкопомъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный первый завелъ постоянное войско вмѣсто временного, подъ именемъ Стрѣльцовъ, потому что они вооружены были пищалями, а не луками. Большіе слѣды подражанія Европейской тактикѣ показываются при пресѣченіи несчастій, въ которыя погружена была Россія Лжедимитріями. Михаилъ Ѳеодоровичъ призвалъ иностранныхъ офицеровъ и имѣлъ въ службѣ своей цѣлыя полки нѣмецкой конницы. При немъ упоминается въ первый разъ о драгунахъ. Вводятся иностранные чины генераловъ и полковниковъ. Царь Алексѣй Михайловичъ давалъ перемѣнѣ сей еще большее пространство. Но совершенное введеніе европейской тактики, такъ, какъ и нравовъ, предоставлено было Петру Великому. Его потѣшныя войны, которыхъ обучалъ Онъ въ подмосковныхъ селахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, составили два первые регулярные полка въ Рос-

сін. Учрежденіе ихъ полагается въ 1687 году. Они заступили мѣсто уничтоженныхъ стрѣльцовъ, которыхъ непослушаніе и вкоренившіяся предразсужденія противились настоящему духу воинства. Азовъ былъ осажденъ и взятъ Государемъ по всеѣмъ правиламъ искусства.

XVII.

ЗАВЕДЕНІЕ РОССІЙСКАГО ФЛОТА.

Послѣ морскихъ ополченій первыхъ варяго-росскихъ князей, Россія, будучи государство средиземное, не прилагала попеченій учиниться сильною на морѣ. Однодеревки Олеговы, подобныя кораблямъ, на коихъ Греки ходили подъ Трою, помѣщали отъ сорока до 70 воиновъ съ ихъ оружіями и припасами, и шли на греблѣ и на парусахъ. Обогащаемые свободою торговли, Новгородцы не соревновали въ мореплаваніи сосѣдственнымъ Норманамъ и не познавали пользы, которая предлагали имъ устья Невы. Оспориваемые Шведами, наконецъ вышли они изъ власти Россіи и отдали ея отъ моря. Архангельскъ, къ которому путь открыли Англичане, представлялъ безмѣрное море и мало способностей къ заведенію въ разсужденіи строгости климата и недо-

статка населенія, между тѣмъ какъ и народныя нравы не благопріятствовали мореплаванію. Царь Алексѣй Михайловичъ, котораго бодрый духъ замышлялъ просвѣщеніе Россіи, первый испыталъ заведеніе флота. Въ Дедиловѣ, близъ Астрахани, построилъ онъ выписанными изъ Голландіи художниками военный корабль Орелъ. Но предпріятіе сіе уничтожено несчастіемъ времени. Одинъ изъ величайшихъ злодѣевъ, Донской казакъ Степка Разинъ опустошалъ тогда новолжскія области Россіи и проникъ даже въ Персію. Разебывая возмущеніе въ народѣ, сжегъ онъ построенный корабль. Но остатокъ заведенія сего — ботикъ, сохраненный въ селѣ Измайловѣ, поразилъ отгнѣпнымъ стреленіемъ своимъ малолѣтнаго Государя Петра Алексѣевича и наполнилъ Его неутомимымъ желаніемъ учиться мореплаванію. Вспомнили и отыскали тогда строителя ботика, корабельнаго мастера Бранта, который находилъ пропитаніе свое въ Москвѣ званіемъ столяра. Онъ исправилъ маленькое судно и научилъ Государя управлять движеніями его на скудныхъ водахъ Яузы. Любовь къ плаванію побудила Его искать пространнѣйшихъ водъ, и нѣжная родительница послѣдовала за Нимъ въ Переславль-Залѣскій, гдѣ озеро Клешино, или Плещеево, было мѣстомъ ученичества Его въ мореплаваніи на фрегатахъ и яхтахъ, тѣмъ же Брантомъ построенныхъ. Такимъ образомъ посѣщалъ Онъ озера Ростовское и Кубенское и наконецъ Бѣлое Море, гдѣ за кораблемъ Его всѣ купеческіе послѣ-

довали. Первое явленіе военныхъ кораблей російскихъ было подъ Азовомъ, въ 1696 году. Они построены были въ Воронежѣ, и Дономъ вошли въ Азовское Море. Лефортъ имѣлъ званіе генераль-адмирала. Послѣдовавшее путешествіе Государя въ чужіе края дало Ему болѣе способовъ вникнуть въ искусство европейскихъ мореходцевъ и тѣмъ болѣе заставило желать пристани на Балтійскомъ Морѣ. Основаніе Петербурга приближило Россію къ европейскимъ правамъ и сдѣлало ее морскою державой. Сперва испытывалъ Государь морскія силы свои противъ Шведовъ на прамахъ и гребныхъ судахъ по озерамъ Чудскому и Ладожскому; потомъ, имѣя Кроиштадтъ и Ревель съ флотомъ 16-линейныхъ кораблей и 180 галеръ, владычествуя на Финскомъ Заливѣ, вознамѣрился Онъ пріобрѣсть славу Своему рождающемуся флоту, и Самъ искалъ флота непріятельскаго. Въ жаркомъ сраженіи, продолжавшемся 10 часовъ при Гаугутѣ, 1714 года іюля 27, взялъ Онъ контръ-адмирала Ереншильда фрегатъ, четыре галеры, занялъ островъ Аландъ. Въ 1716 году имѣетъ Онъ удовольствіе командовать соединенными флотами англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и російскимъ. Посланный въ Балтійское Море, адмиралъ Норрисъ ничего предпріять не осмѣливается.

XVIII.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ.

Для произведенія въ дѣйство общественныхъ предпріятій надобно неотмѣнно соединеніе общихъ силъ. Но какъ многолюдный и трудолюбивый народъ не можетъ съ удобностью и безъ вреда оставлять жилища свои и упражненія, то, по введеніи рукодѣлій и торговли и по изобрѣтеніи денегъ; представляющихъ богатства и работу, должно было всеѣмъ гражданамъ принять участіе въ составленіи общей государственной казны. Сіе удѣленіе отъ частной собственности къ государственному сокровищу называется податю, и должно согласоваться, съ одной стороны, съ нуждами государственными виѣшними и внутренними, а съ другой, съ народными богатствами, съ произведеніемъ земледѣлія, промышленности, торговли. Несоразмѣрныя подати, обогащая мгновенно казну, производятъ общую бѣдность народа. Такимъ образомъ войны, политическія связи съ другими государствами, общественныя заведенія, содержаніе воинствъ и флотовъ зависятъ отъ большаго или меньшаго успѣха земледѣлія, рукодѣлій, художествъ, торговли. Чѣмъ болѣе умноженіе народа, чѣмъ лучше и издежнѣе состояніе его, чѣмъ болѣе поощрено трудолюбіе, чѣмъ дѣйствительнѣе защи-

щено отъ утѣшеній полезное отдѣленіе гражданъ: тѣмъ болѣе сами собою увеличатся государственные доходы. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ, желая умножить ихъ вдругъ выше мѣры, поручить собраніе ихъ обществу откупщиковъ, которое возвращаетъ съ лихвою съ земледѣльца излишнія суммы денегъ, внесенныя имъ въ казну. Франція испытала вредъ сего способа собранія податей. Государство обогатилось только видимымъ образомъ имуществомъ и кровію народа. Справедливо ненавидимо тамъ было право отрывать земледѣльцовъ отъ пашни для безденежнаго исправленія дорогъ. Дѣйствительные владѣтели земли должны нести бремя податей, сообразно съ доходомъ, который получаютъ они могутъ. Вышнее купечество платитъ государству нечувствительнымъ образомъ, взнося пошлины за товары при входѣ въ границы. На вещи, служащія къ роскоши, могутъ быть налагаемы подати, затѣмъ что такимъ образомъ излишнее имѣніе богатаго измѣняетъ изживеніе бѣднаго. Въ государствахъ, въ которыхъ созываются представляющіе народъ, третіе состояніе защищаетъ право свое назначать доходы. Въ совершенныхъ монархіяхъ долгъ государя облегчать подати. Онъ не имѣетъ собственности и употребляетъ доходы государства на общее благо. Въ дикихъ вопиющихъ пародахъ раздѣляютъ добычу, взятую у непріятели. Римъ долго не имѣлъ другой подати. Учрежденіе постоянного войска требуетъ наложенія податей. Европейскія государства, имѣя

почти одинакія учрежденія и связи между собою, въ чрезвычайныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ займамъ другъ у друга, или и у собственныхъ своихъ подданныхъ. Ассигнаціи, представляющія деньги, суть также способы обогащенія. До Государя Петра I платили подати съ дворовъ. Онъ установилъ подушный окладъ въ 1720 году, учинивъ ревизію государства, которая чрезъ 20 лѣтъ повторяется. Къ подушному окладу присоединяются сборы питейные, соляные, пошлины, плата съ капиталовъ купеческихъ, подати мѣщанъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ, рудокопные заводы, якакъ Сибирскихъ народовъ. Въ каждомъ намѣстничествѣ особое государственное мѣсто, подъ названіемъ Казенной Палаты, собираетъ и сохраняетъ доходы, или отсылаетъ ихъ въ Статныя и Остаточныя Казначейства обѣихъ столицъ, по росписанію Экспедицій о Доходахъ и Расходахъ, состоящихъ подъ начальствомъ государственнаго казначея.

XIX.

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЕ.

Въ рожденіи каждаго общества открываются уже слѣды нѣкоторыхъ законовъ. Достопамятный договоръ Олега съ Греками представляетъ уже понятія русскаго права, сравпиваемыя съ греческими законами. Владиміръ пріятіемъ греческой вѣры перенесъ къ намъ нѣкоторымъ образомъ и гражданскія узаконенія Восточной Имперіи; ибо часто правила правоученія смѣшиваются съ обрядами богопочтенія, духовные бывають спрашиваемы въ дѣлахъ, касающихся общественной власти. Но сіи законы народовъ, изникающихъ изъ варварства, бывають прежде болѣе извѣстныя преданія, нежели полный и порядочный кругъ письменныхъ постановленій. Первое изданіе руссїйскихъ законовъ имѣеть творцомъ своимъ Ярослава Владиміровича, сего мудраго государя; будучи дано отъ него Новгороду, служило оно долго сей республикѣ основаніемъ расправы ея. Сіе уложеніе, «Правда Русская» называемое, умножаемое новыми узаконеніями по случающимся потребностямъ общимъ и помѣстнымъ отъ великихъ и удѣльныхъ князей, наконецъ приведено въ новую систему Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и выдано подъ названіемъ «Судебника». Въ немъ видно заимствованіе западныхъ

обыкновеній, предписаніе поединка, извѣтнаго Европѣ подъ именемъ Суда Божія, въ случаѣ сомнительныхъ тяжбъ. По прошествіи столѣтія сдѣлалось оно недостаточно, и въ половинѣ прошедшаго Царь Алексѣй Михайловичъ, чувствуя, что благоденствіе народовъ основано на превосходствѣ законовъ, собралъ особое сословіе бояръ, духовенства и выборныхъ людей изъ городовъ, которое, подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго, разсмотрѣло прежніе законы, отрѣшило учинившіеся отяготительными, исправило старыя и новыя постановило. Сіе Уложеніе и донынѣ еще имѣетъ силу закона въ тѣхъ статьяхъ, которыя не отрѣшены новѣйшими указами. Правосудіе производилось въ городахъ на мѣстниками и ихъ товарищами. Знаніемъ законовъ особливо отличались дьяки, которые подписывали указы и приговоры за бояръ и государя. Въ Москвѣ были разные приказы. Верховнымъ судилищемъ была Дума Государева, составленная изъ ближнихъ бояръ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Указы начинались сими словами: «Бояре приговорили и Государь приказалъ». Сіи древніе образы расправы уступили новымъ учрежденіямъ Петра Великаго, которыя приблизили Россію къ другимъ европейскимъ народамъ. Въ 1710 году учредалъ Онъ Сенатъ, верховное судилище, въ которомъ Государь предсѣдательствуетъ, разные роды дѣлъ подчинилъ особливымъ коллегіямъ, которыя имѣютъ право представлять Сенату, ежели законъ

находятъ противнымъ общественному благу. Государство раздѣлилъ Онъ на губерніи и каждая губернская канцелярія управляла извѣстнымъ числомъ провинціальныхъ, въ которыхъ предсѣдательствовали воеводы. Армія, флотъ, иностранныя дѣла получили свои коллегіи, отличаемыя отъ другихъ именемъ трехъ первыхъ. Генералъ-прокуроръ, такъ какъ око Государя, долженъ былъ во всѣхъ правленіяхъ блюсти власть законовъ и отмщевать злоупотребленія. Хотя Петръ I и не издалъ полной системы законоположенія, но частными указами Своими по всѣмъ отраслямъ правленія и предписаніемъ судебной формы, далъ новый образъ Россійскому Законоученію. Правленіе Государыни Елисаветы Петровны выгодно ознаменовано отмѣненіемъ смертной казни, царствованіе Петра III — вольностью дворянства и уничтоженіемъ тайной канцеляріи. Но никогда не было предпринято столь многихъ трудовъ къ осиованію мудраго законоположенія, какъ въ настоящее время. Сенатъ увеличенъ, раздѣленъ на департаменты и сдѣланъ хранилищемъ законовъ. Въ 1766 году созвана Коммисія сочиненія новаго уложенія, по начертанію Наказа. Слѣдствія онаго были многочисленны. Учреждены намѣстничества, въ которыхъ всѣ состоянія судятся выбранными отъ нихъ самихъ и изъ собственнаго своего нѣдра судьями. Преймущества дворянству и третьему состоянію предписаны. Умягчено уголовное судопроизводство. Уничтожена ненавистная пытка.

Уполномоченъ Совѣстный Судъ. Приказу Общественнаго Призрѣнія даны способы дѣятельно покровительствовать несчастнымъ. Всевозможная вольность гражданина соглашена съ повиновеніемъ правлещю.

XX.

МАНУФАКТУРЫ.

Заводы и рукодѣлія составляютъ большой предметъ государственнаго хозяйства. Въ народѣ множество есть такихъ людей, которыхъ все имѣніе состоитъ въ рукахъ и работѣ. Съ другой стороны, обыкновенныя нужды зажиточныхъ людей и великолѣпіе богатыхъ требуютъ великой многообразности вещей, служащихъ къ удобности и пріятности жизни. Оба отдѣленія людей помогаютъ себѣ взаимно и деньги дѣлаются общими между художниковъ и работниковъ. Произведенія земли не выпускаются болѣе невыработанными и пріобрѣтаютъ болѣе цѣны отъ иностранцовъ, будучи выдѣланы искусствомъ. Такимъ образомъ драгоцѣнные металлы собираются туда, гдѣ процвѣтаютъ рукодѣлья. Прежде преобразованія Россіи, недостатокъ сообщенія съ другими народами, торговли, роскоши, обращенія денегъ, воспящаль и распространс-

нію промышленности. Кремль домашнихъ рукодѣлій, которыя въ такомъ положеніи народовъ каждый мѣщанинъ у себя производитъ въ дѣйство, упоминаются суконныя фабрики. Парчи и шелковыя ткани получали изъ Персін. Государь Петръ I ни въ чемъ не соревновалъ столько съ Европейцами, какъ въ заведеніи мануфактуръ. Зная многія опытомъ, Онъ посылалъ выбранныхъ дворянъ, конечно, желая возвысить искусства и ремесла, для обученія онымъ. Многія фабрики при жизни Его достигли нарочитаго совершенства. Таковъ славный тульскій оружейный заводъ, въ 1717 году заложенный, Систербекскій, Олонецкій, литейные дома и всѣ заводы, поставляющіе припасы потребныя для мореплаванія и воинства. Не ушло отъ вниманія Его ни одной малѣйшей потребности хозяйственной. Есть много законовъ Его, касающихся до лучшаго устройства заводовъ. Особливое государственное мѣсто, подъ названіемъ мануфактуръ-коллегій, должноствовало наблюдать за предиріятіями заводчиковъ и снабжать ихъ поставленіями и покровительствомъ. Во многихъ мануфактурахъ усилѣхи отвѣтствовали желаніямъ. Ярославскія полотна и скатерти Затрапезнаго равняются съ иностранными; парусина заводовъ нашихъ снабжаетъ иностранныя флоты; юфти казанскія и сибирскія, древнее рукодѣліе Россіи, удовлетворяютъ требованіямъ чужихъ земель. Нитки и полотна архангелогородскія славятся своею тонкостью. Множество существуетъ другихъ полот-

пьяныхъ, набойчатыхъ фабрикъ въ Москвѣ и украшекихъ городахъ; много суконныхъ, хотя онѣ и не дошли до равенства съ европейскими. И для вещей, касающихся роскоши, есть также заводы, какъ то: сахарные, фарфоровые, зеркальные. Вездѣ признается народный разумъ весьма удобнымъ къ подражанію. Часто дѣло россійскаго художника не могло разниться съ лучшимъ вышеснымъ. Но недостатокъ воспитанія, пороки черни обезображиваютъ иногда художника. Предпочтеніе иностраннаго отнимаетъ соревнованіе. Заводчики болѣе предводятся нетерпѣливостью обогатиться, нежели общественнымъ духомъ. По Городовому Положенію спяты всѣ принужденія съ заводчиковъ и позволено каждому гражданину исключительно заводить фабрики. Чѣмъ болѣе народная промышленность ободрена и приведена будетъ въ лучшее состояніе, тѣмъ менѣе государство будетъ зависѣть отъ другихъ, тѣмъ болѣе увеличится богатство его и благополучіе каждаго.

XXI.

ХУДОЖЕСТВА РОССІЙСКІЯ.

Художества, называемыя свободными или изящными, являются обыкновенно въ тѣхъ народахъ, которые достигли уже великой степени просвѣщенія и къ чувствованію внѣшней безопасности присоединили наслажденіе богатствъ. Принадлежа, съ одной стороны, къ возвышеннѣйшимъ и пѣжнѣйшимъ способностямъ человеческого разума, онѣ, съ другой, питаются роскошью и клонятся къ введенію оной въ государства. Будучи пиже общественныхъ добродѣтелей, искусства должны служить къ украшенію жизни и очищенію народнаго вкуса. Остатки греческихъ храмовъ и истукановъ пережили всѣ республики Греціи, и при возрожденіи наукъ въ Европѣ, служили и еще служатъ образцами прекраснаго. Ни который народъ не могъ бы воспользоваться ими ранѣе и удобнѣе россійскаго, который имѣлъ толь многія и непосредственныя связи съ Восточною Имперією, если бы раздѣленіе князей и потомъ порабощеніе татарское дали ему хотя малое отдохновеніе. Довольствуясь возбуждать набожество молящихся, живописцы наши не ревновали послѣдовать природѣ и не искали прекраснаго въ украшеніи храмовъ. Изобиліе лѣсовъ снабжало жителей принасами къ строенію

и города русскіе созидались не для столѣтій. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ возобновилъ пространнѣе и великолѣпнѣе соборы московскіе. Годунову не доставало только спокойствія, чтобъ украсить столицу достойнѣйшими зданіями. Но знаменитая эпоха преобразованія Россіи Петромъ I стала также эпохою и искусствъ российскіхъ. Соединенная ближе съ гражданскою пользою, архитектура еще при жизни Государя сего имѣла удачныхъ питомцевъ между Россіянь. Еще нынѣ сады, Имъ расположенные и украшенные статуями италіянскаго искусства, свидѣтельствуютъ любовь Его къ художествамъ. За недостаткомъ художниковъ собственныхъ, Онъ поручалъ иностранцамъ возводить наши зданія или управлять кистью нашихъ живописцевъ, и они образовали общественный вкусъ. Академія Художествъ, составляя прежде отдѣленіе Академіи Наукъ, получила, въ 1764 году, собственное существованіе съ вѣщими преимуществами. Она украшена счастливыми произведеніями членовъ своихъ: Лосепкова, который достоинъ быть главою русскіхъ живописцевъ; Кокуршова, Баженова, архитекторовъ, изъ которыхъ послѣдній особливо заслужилъ вниманіе иностранныхъ. Въ меньшемъ искусствѣ Скородумовъ равняется съ учителями своими, Англичанами; Шубинъ, Козловскій, Гардѣевъ утверждаютъ мѣсто свое между ваятелями, а Волковъ, Архиповъ и Пискарьской между историческими живописцами; Левицкій и Рокотовъ отличаются въ списываніи портретовъ. Большая часть Россій-

скихъ музыка-сочинителей образовались въ Ита-
ліи, изъ которыхъ особливое примѣчаніе заслу-
живаетъ Березовскій, сочинитель Демофонта,
Бортнянскій и Скоковъ. Наконецъ отмѣнный ху-
дожникъ Волковъ основалъ общества російскихъ
дѣйствователей, между которыми Дмитревскій
заслуживаетъ первое мѣсто.

XXII.

ВИДЪ РОССІЙСКОЙ ТОРГОВЛИ.

Выгоды художествъ и купечества европейскаго
привлекали вниманіе Государей Россійскихъ, какъ
скоро низвергли они позорное иго татарское.
Войны съ тевтоническими рыцарями и Швеціею
были столько же о владѣніи Лифляндіи, сколько
и о достиженіи искусствъ и просвѣщенія: пред-
пріятіе, которое принялъ отъ обоихъ Іоанновъ
и совершилъ столь счастливо Петръ Великій.
Россіи не доставало собственной пристани для
вывоза произведеній своихъ въ чужіе края. Море-
плаваніе и купечество соединяютъ народы и
служатъ къ умягченію нравовъ и разліянію про-
свѣщенія. Сии способы народнаго благополучія
не могли укрыться отъ обширнаго разума Іоанна
Васильевича I-го, и присоединеніе Новагорода
привело его въ состояніе помышлять объ осно-

ваніи собственной торговли, не завися отъ Ганзеатическихъ городовъ. Долго владѣніе Нарвою составляло желаніе Россіи. Свидѣтельствуется Иванъ-Городъ, или Русская Нарва, пасупротивъ старой, Великимъ Княземъ воздвигнутая. Предпріятіе Царя Іоанна Васильевича было производимо съ несравненно большею силою и постоянствомъ, и не удалось, можетъ быть, отъ лишняго напряженія усилій и жестокости способовъ. Ужасенные разореніями, Ливонцы повергались въ руки перваго воспріемлющаго защищеніе ихъ. Другими правилами Петръ Великій отпаялъ у Шведовъ сію долговременную цѣль народныхъ преній: дисциплиною, покровительствомъ народовъ, собственной неутомимостью и почтеніемъ къ справедливости. Онъ пользовался успѣхами, которые сдѣлала Европа въ просвѣщеніи, и загладилъ порицаніе варварства, которое недружественные народы прилагали Россіи. Избраченіемъ важнаго мѣста для построенія Санктпетербурга Онъ открылъ новое теченіе европейской торговлѣ. Съ пріобрѣтеніемъ Тавриды, Россіи открыто Черное Море, которымъ она можетъ получать въ первыя руки все произведенія Востока. Каспійское море доставляетъ ей сообщеніе съ Персією и прилежащею къ оной Индією. Включая въ то число торговлю, производимую сухимъ путемъ съ Польшею, Персією, Китаемъ, можно полагать количество пятидесяти милліоновъ рублей, обращающихся ежегодно въ купечествѣ *).

*) Это писано въ 1789 году. *Изд.*

народовъ болѣе всѣхъ Англичане имѣютъ дѣла съ Россією. Не задолго предъ симъ имѣли они исключительныя преимущества противъ прочихъ народовъ, торговыми договорами постановленныя. Нынѣ Россія имѣетъ таковыя же съ болышею частію европейскіхъ народовъ. Кромѣ того, знатный внутренній торгъ производится болышими рѣками и на особливыхъ ярмаркахъ, на которыя съѣзжается купечество. Сибирь доставляетъ ежегодно великое количество металловъ и драгоцѣнныхъ мѣховъ. Промышленники проникаютъ во льды Сѣверной Америки.

ХІІІ.

ИСТОРИЯ ИЗЯЩНЫХЪ ПИСЬМЕНЪ РОССІЙСКИХЪ.

Славянскій Языкъ, которымъ говорятъ толь многія племена, раздѣляетъ въ Европѣ преимущество быть кореннымъ языкомъ, родителемъ другихъ, съ Греческимъ, Латинскимъ и Келтскимъ. Но счастливѣе послѣдняго, измѣнившагося въ новыхъ языкахъ, не можетъ онъ соревновать съ двумя первыми сокровищемъ изящныхъ письменъ, весьма не далеко еще отстоя отъ своего младенчества. Народъ вошественный, раздраемый междоусобіемъ, опечаленный временнымъ пора-

бощеніемъ, не могъ заниматься удовольствіями разума и исправленіемъ вкуса. Письмена замѣняемы были ученіемъ закона. Священныя книги, заимствованныя у Грековъ, подавали нѣкоторое понятіе о краснорѣчїи духовномъ. Оттуда приобрѣлъ и сохранилъ Славянскій Языкъ нѣкоторую торжественную важность и видъ древности. Начала Исторіи Россійской одолжены соблюденіемъ своимъ ревности и благоразумію Нестора, которому послѣдовалъ лѣтописатель Сильвестръ. Повѣствованіе ихъ, уклоняясь отъ важности Славянскаго Языка, имѣетъ много сходства съ тѣмъ, который употребляется простонародно. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перемѣны языка были столь чувствительны, что они подали поводъ ученому патріарху Никону къ исправленію слога въ переводѣ Священнаго Писанія. При сынѣ его, Θεодорѣ Алексѣевичѣ, учреждена первая академія, которой, между прочими ученіями, поручено было и стараніе объ отечественномъ языкѣ. Въ то время извѣстенъ былъ стихотвореніями своими Симеонъ Полоцкій. Царевна Софія Алексѣевна находила удовольствіе и сама упражнялась въ письменахъ. Ей приписываютъ многія драматическія сочиненія. Около того же времени Святитель Ростовскій, уиражня молодыхъ людей въ представленіи священныхъ позорищъ, предварилъ нѣкоторымъ образомъ рожденіе Россійскаго Театра. Преобразование, совершенное въ Россіи Петромъ I, отверзло всѣ пути наукамъ. Языкъ почувствовалъ вліяніе новыхъ нравовъ. Священ-

ный витія Теофанъ встрѣтилъ полтавскаго побѣдителя гласомъ величественнаго краснорѣчія. Сынъ господаря молдавскаго, Кантемиръ, соединяя всѣ преимущества свѣтскаго человѣка съ просвѣщеніемъ философа, открылъ Россіи пространное поле стихотворства подражаніями Гоцію и Буало. Стихосложеніе его, неизмѣренное и перенесенное изъ Польскаго Языка, уступило изысканіямъ трудолюбиваго и неудачнаго Тредіаковскаго, который, испытавъ всѣ роды, показалъ недостатокъ вкуса и дарованій своихъ. Сіяющее воображеніе и волшебное согласіе Ломоносова, который самъ себѣ сдѣлалъ дорогу сквозь всѣ препятствія породы и невѣжества, поставило его на первую степень письменъ російскихъ. Онъ произвелъ общее къ себѣ пристрастіе и множество подражателей, не будучи превзойденъ донынѣ. Между тѣмъ въ благородномъ состояніи образовался первый трагикъ Сумароковъ. Херасковъ посвятилъ музу свою добродѣтели, Майковъ легкимъ пріятностямъ и веселію. Петровъ старался употребить болѣе мыслей, нежели словъ. Княжнинъ оправдалъ свое призваніе въ трагедіи. Фонъ-Визинъ рожденъ былъ для того, чтобы даровать намъ Мольера. Державинъ отличается пріятнымъ своенравіемъ въ своихъ картинахъ. Богдановичъ—нѣжною простотою и естественною непринужденностью, достойною Лафонтена.

XXIV.

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Рабство домашнихъ было въ Россіи, такъ, какъ и въ другихъ народахъ, слѣдствіемъ войны и плѣна. Нечувствительнымъ похищеніемъ помѣщиковъ, земледѣльцы, прежде вольные люди и только къ землѣ приписанные государственнымъ закономъ, по завоеваніи Казани и Астрахани, сравнены съ домашними рабами. Учрежденіе Холопьяго Приказа, упоминаемаго въ Уложеніи, свидѣтельствуется, что рабы могли призывать за-щещеніе законовъ. Владѣніе земли, которымъ Государь жаловалъ воина за службу, составляло право благородства. Помѣстье съ жизнью владѣльца оканчивалось: отчина переходила къ его потомкамъ. Тѣ, которые чинами своими приближены были къ особѣ Государя и составляли дворъ его, были вообще дворяне и по столицѣ государства отличаются отъ другихъ именемъ московскихъ. Степень Боярина составляла въ дворянствѣ особое верховное сословіе, и хотя не была наследственна, однако подавала потомкамъ бояръ особое право просьбы о неподчиненіи начальнику младшаго рода. Боярство было столь знаменито, что потомки владѣтельныхъ князей не мыслили унижить себя воспріятіемъ онаго, средство, которымъ Князь Рос-

сїйскіе смѣшивались безвозвратно съ дворянскимъ состояніемъ. Военный чинъ Воеводы и гражданскій Намѣстника присоединялись обыкновенно къ достоинству Боярина, или къ прочимъ придворнымъ чинамъ Окольниковъ, Стольника и проч. Былъ особый Разрядной Приказъ, который наряжалъ на службы и разбиралъ случающіеся раздоры въ разсужденіи старшинства. Предразсужденіе поставляло безчестіемъ согласиться на подчиненіе себя младшему родомъ. Все сіе уничтожено отрѣшеніемъ мѣстничества и болѣе еще примѣромъ Петра Великаго. Въ нынѣшнемъ учрежденіи государства существуетъ одно только дворянство, котораго всѣ члены равны въ разсужденіи преимуществъ породы. Жалюемая достоинства графа и барона, украинская дворянина, не придаютъ ему новаго права, потому что тѣ преимущества, которыми онъ пользуется, составляютъ уже верхъ свободы и знаменитости частнаго состоянія. Приобрѣтенное заслугами и любовью отечества, благородное званіе должно быть сохраняемо честію. Всѣ противныя оной поступки унижаютъ характеръ сей существенно. Но, неограниченно однимъ защищеніемъ отечества, оно не менѣе прославляться можетъ и управленіемъ гражданскимъ. Ибо честь столько же совмѣстна съ правосудіемъ, какъ и съ храбростію. Многія воспитательныя учрежденія установлены въ пользу дворянскаго общества, и другія полезныя состоянія не позавидуютъ отличіямъ дворянскаго, если оно достойнымъ образомъ исполнитъ долж-

пости свои и произведетъ достойныхъ чиновначальниковъ.

XXV.

ПОСЛѢДОВАНИЕ ГОСУДАРЕЙ.

Учрежденіе градоначальниковъ столько же старо, какъ и происхожденіе обществъ. Никогда бы большее число людей не могло соединиться для обитанія одного извѣстнаго мѣста, если бы каждый не согласился покорить частной своей воли верховности общества и если бы не было людей, облеченныхъ властію, для сохраненія безопасности внутренней и внѣшней. Безначаліе есть смерть политическаго тѣла. Таково было бѣдствіе, которое угрожало Новугороду, когда онъ прибѣгнулъ къ варяжскимъ князьямъ. Достоинъ высокаго своего призванія, Рюрикъ оставилъ по себѣ славное имя основателя монархіи и былъ отцомъ династїи, которая владычествовала болѣе семи сотъ лѣтъ во всемъ пространствѣ Россїи. Государи бодрые и прозорливые доставили престолу Рюрикову уваженіе и любовь народовъ. Пространство земли или желаніе учредить юныхъ государей достойнымъ образомъ ввело въ Россїю многоначаліе или раздробленіе оной на удѣлы. Образъ правленія, сходственный нѣкоторымъ

образомъ съ феодальною системою, которая, согласно съ обыкновеніями сѣверныхъ народовъ, введена была во всѣ европейскія государства. Въ нихъ вельможи, препровождавшіе завоевателя, облечены были отъ него правами владѣнія подъ верховностью государя. Въ Россіи, однѣ особы княжескаго рода, потомки Рюриковы, получали удѣльныя княжества. Преемникъ перваго престола, отличенный именованіемъ Великаго Князя, былъ главою сего союза князей и верховнымъ Государемъ Россіи. Старшіи лѣтами изъ потомства Рюрика получалъ достояніе сіе и назначалъ удѣлы частнымъ князьямъ. Долго спустя, преимущество сіе было присвоено одному семейству и великіе князья могли послѣдовать во младенчествѣ на родительскій престолъ. Умноженіе княжествъ произвело междоусобіе, войны, въ которыхъ страдала одна Россія, безъ всякаго вида общественной пользы. Нашествіе Татаръ, которое достойно бы было вызвать крайнія усилія цѣлаго народа, удивило храбрость свирѣпостью и незапностью завоеванія. Сыны Владиміра принуждены были унижаться передъ рабами Батыевыми. Но храбрость и дарованія не оставили князей Россійскихъ и между многихъ сіяетъ своею твердостью и мужествомъ Димитрій Донской, на котораго пріучается взирать Россія, какъ на единаго Государя. Мудрость Великаго Князя Іоанна Васильевича возвращаетъ Россію въ прежнее состояніе независимости и народнаго единства. Покореніе Новагорода ознаменовало права и си-

лу Монарха. Уничженіе татарскаго имени при-
готовляло сіяніе Россіи. Царства Казанское и
Астраханское и открытіе Сибири, возвышая пред-
пріимчивость Царя Іоанна Васильевича Грознаго,
распространили власть его по мѣрѣ владычествъ.
Но сынъ его, Θεодоръ Іоанновичъ, управляемый
превосходною хитростью Боярина Годунова, былъ
последній Государь рода Рюрикова. Убіеніе ма-
лолѣтнаго брата его, Дмитрія Углицкаго, пере-
несло правленіе сперва въ руки Годунова, по-
томъ, по несчастныхъ смятеніяхъ, самозванцами
возбужденныхъ, въ женское колѣно Романовыхъ.
Свободное избраніе государственныхъ чиновъ
посвятило возведеніе Михаила Θεодоровича, ко-
торого последній мужескій потомокъ былъ Импе-
раторъ Петръ II, и котораго женское поколѣніе
дщерію Петра I, Анною Петровною продолжаясь
въ домъ Голштейнъ-Шлезвигскомъ, последовало
на престолъ Россійскій.

XXVI.

О ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ.

Народнымъ правомъ называется тотъ общій
законъ, который обязываетъ всѣ политическія
общества ко взаимному уваженію безопасности и
собственности другъ друга. Оскорбленія онаго

отмщаетъ каждый народъ оружіемъ. Но прежде нежели прибѣгнуть къ сему крайнему средству, испытываются пути кротости. И для того во всѣхъ состояніяхъ общества видимъ особъ, облеченныхъ саномъ неоскорбительнымъ, защищающихъ въ противной области пользы своего народа, извѣстныхъ подъ именемъ Посланниковъ. Прежде они употребляемы были только при особливыхъ случаяхъ переговоровъ и мирныхъ постановленій, а нынѣ имѣютъ постоянное пребываніе въ дворахъ европейскихъ. Въ самомъ младенчествѣ російскаго народа упоминаются посольства, такъ, какъ то, которое заключило въ Константинополѣ войну, нанесенную Олегомъ. Сохраняются еще въ государственныхъ архивахъ договоры, толь много разъ заключаемые Царями нашими съ сосѣдственными державами, напримѣръ, съ Польшею, Швеціею, Крымомъ, съ Англіею Царя Іоанна Васильевича. При Алексѣѣ Михайловичѣ посольства російскія посѣщали всѣ европейскія государства. Но отмѣнаго вниманія достойны тѣ политическія сношенія, которыя Россія имѣла со вступленія своего въ ближайшій союзъ съ европейскими державами. Таковъ есть трактатъ, заключенный Государемъ Петромъ I съ Даніею и Польшею, слѣдствіемъ котораго была шведская война, окончившаяся столь выгодно для Россіи, въ 1721 году нейштатскимъ мирнымъ постановленіемъ, въ которомъ Остерманъ и Шафировъ показали свои дарованія и усердіе. Не столь выгодно было заключеніе мира съ Турка-

ми въ 1711 году подъ Прутомъ, хотя оно спасло дѣла Россійскія отъ отчаяннаго положенія. Государь Петръ I присвоилъ Россіи всю систему европейскаго правленія и участвовалъ во всѣхъ политическихъ планахъ, которые при жизни Его занимали Европу. Сіяющая война турецкая при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ (1736) предшествована была союзомъ съ Императоромъ. Но какъ несчастія Австрійцевъ принудили ихъ заключить отдѣльный миръ съ Турками, то и съ Россійской стороны пожертвованы были всѣ успѣхи оружія, 1740. Безполезное покушеніе Шведовъ обратилось къ славѣ Россіи присоединеніемъ къ владычеству ея части Финляндіи мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ 1742 года въ Абовѣ. Предпріятія Короля Прусскаго въ Шлезіи привлекали вниманіе Россіи въ пользу союзницы ея, Австріи. Наконецъ нынѣшняя война, извѣстная со стороны Россіи завоеваніемъ Пруссіи, заключена мирнымъ трактатомъ губертсбургскимъ въ 1762 году. Участіе Россіи въ польскихъ дѣлахъ было послѣдовано въ 1768 году войною съ Портою, надъ которою постоянныя побѣды произвели въ 1774 году миръ кучукъ-кайнарджскій. Занятіе Крыма вооружило Порту въ 1787 году и въ слѣдующемъ году Швеція приступила къ сторонѣ Турокъ. Въ 1790 году верелскій миръ прекратилъ шведскую войну, такъ, какъ Яскій мирній трактатъ въ настоящемъ году—Турецкую.